

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

ЮРИСТ ПРАВОВЕД

№ 2 (101)
2022

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
К.А. Плясов,
доктор юрид. наук, доц.

**Заместитель главного
редактора:**
С.В. Пахомов,
канд. юрид. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
Ю.А. Ляхов, д-р юрид. наук, проф.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель:
федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2022

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ТЕОРИЯ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Варданян А.В.** Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение 7
- Иванов П.И.** К вопросу о перспективах развития оперативно-розыскной науки в условиях цифровой трансформации 14
- Комаров И.М.** Метод научного познания и методы практической деятельности по расследованию преступлений (часть I) 20
- Назаров С.Н.** Функциональная основа правоохранительной деятельности 24
- Пахомов С.В.** Некоторые особенности оценки следователем результатов оперативно-розыскной деятельности, направленной на выявление преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса 32
- Вормсбехер И.А.** Понятие негласных оперативно-розыскных мероприятий 39
- Еремин С.Г., Решняк О.А.** Цифровая грамотность как способ повышения качества расследования преступлений 46
- Давыдова С.А., Мясников А.П.** Оперативно-розыскная деятельность и трансформация ее результатов в уголовное судопроизводство 51
- Карпика А.Г.** Метод анализа социальной сети как инструмент противодействия незаконному обороту психотропных веществ 56
- Попов В.В., Серго С.В.** К вопросу о возможностях идентификации по почерку 61
- Середа Ю.С., Шукуров Р.Н., Бугакова А.Н.** Комплексное криминалистическое исследование кассовых чеков 68
- Солонникова Н.В., Малявина А.Б.** Особенности методики расследования розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции 72

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Кирпа М.С.** Реформа местных административных и полицейских органов в начале XIX века 76
- Макарова Н.А.** О соотношении правовых и корпоративных норм 80

Выпускающий редактор:
И.А. Мосенцева

Над выпуском работали:
Е.Е. Пелехатая,
В.С. Степанова,
Л.М. Кожоридзе

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-rg.ru
Индекс – 80032

Подписано в печать
20.06.2022
Выход в свет
30.06.2022

Формат 60x84/8
Объем 27,5 п. л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.

Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. – 24,64.
Тираж 300 экз.
Заказ № 71.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена подписки на издание
за минимальный подписной
период – 500 руб.

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-34

Электронная почта:
ruiperiodika@mvd.ru

Официальная информация
о журнале:
<https://рюи.мвд.рф>

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

- Безручко Е.В., Небрятенко Г.Г.** Обеспечение экологической безопасности как составляющей национальной безопасности Российской Федерации в рамках уголовно-правовой охраны здоровья человека от преступных посягательств 84
- Вакуленко Н.А., Ачкасова М.Г.** Актуальные статистико-криминологические параметры семейно-бытовой преступности современности 90
- Ермакова О.В., Сорокун Н.С.** Проблемные аспекты толкования предмета в составах взяточничества 96
- Илиджев А.А.** Определение сущности множественности преступлений по Уголовному кодексу Российской Федерации 100

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

- Лапатников М.В., Царева Ю.В.** Теоретико-доктринальные и практические аспекты возвращения судом уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 107
- Фетищева Л.М., Шараева Я.А.** Особенности производства первоначальных следственных действий в местах лишения свободы 114

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Вербицкая М.А., Ткаченко Н.Н.** Некоторые вопросы административной ответственности за ненадлежащее содержание улично-дорожной сети 119
- Пестов Р.А., Новичкова Е.Е.** Перспективы создания института пробации в Российской Федерации 125

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ, ТЕРРОРИЗМ, НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Кобец П.Н., Билык В.И.** Особенности функционирования и дальнейшие перспективы деятельности по борьбе с коррупционными проявлениями глобального форума «Большая двадцатка» 130
- Кулешов Р.В., Яцкина И.А.** Совершенствование нормативно-правового обеспечения борьбы с преступлениями экстремистской направленности 137
- Урсова Л.Х., Ковтун Н.А.** Отмывание денег как мировая проблема при финансировании терроризма 142
- Мелихов А.И.** Энтропийная преступность как угроза национальной безопасности 150

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЦИВИЛИСТИКИ

- Рыбалка Е.А.** Участие государственных (муниципальных) юридических лиц в договорных обязательствах: основные тенденции и перспективы правового регулирования 157

Наточий С.Ю., Пономарева Е.В. Институт банкротства физических лиц: проблемы правового регулирования	161
Михайлов С.В., Шпак А.В. Конфликт решений при признании права на самовольную застройку	165
Фазлиева Л.К. Правовое регулирование договора условного депонирования (эскроу)	169

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Давыдов М.В., Лубский Р.А. Общая характеристика социально-политических, терминологических, исторических, теоретико-правовых и медицинских аспектов государственной деятельности в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации	174
Тамазова А.Д. Активное избирательное право: основания ограничения (на примере лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда)	180

Трибуна Молодого Ученого

Ковальчук В.А. Становление системы контроля и регулирования движения транспортных средств в XVIII – начале XXI века в контексте роста дорожно-транспортных происшествий	187
Морозов А.П. Стратегия определения таксономической принадлежности объекта при молекулярно-генетических исследованиях объектов растительного происхождения	193
Николаев В.А. Конституции, уставы субъектов Российской Федерации как правовые акты особой природы, обеспечивающие реализацию защиты прав человека на региональном уровне	198
Рожкова Л.О. Дополнительные виды наказаний в современном уголовном праве	206
Точилкина А.А. Особенности тактики осмотра места происшествия при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности	210

CONTENTS

CRIMINALISTICS, FORENSIC ACTIVITY, THEORY OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY

Vardanyan A.V. The problem of systematization of digital methods of operational investigative activities used in the fight against remote embezzlement and their forensic significance	7
Ivanov P.I. To the question of the prospects for the development of operational investigative science in the conditions of digital transformation	14
Komarov I.M. The method of scientific knowledge and methods of practical activity in the investigation of crimes (part I)	20
Nazarov S.N. Functional basis of law enforcement activities	24
Pakhomov S.V. Some features of the investigator's assessment of the results of operative-search activities aimed at identifying crimes committed in the area of agro-industrial complex	32
Wormsbecher I.A. The concept of covert operational investigative measures	39
Eremin S.G., Reshnyak O.A. Digital literacy as a way to improve the quality of crime investigation	46
Davydova S.A., Myasnikov A.P. Operational search activity and transformation of its results into criminal proceedings	51
Karpika A.G. Social network analysis method as a tool for counteraction to illegal trafficking in psychotropic substances	56
Popov V.V., Sergo S.V. To the question of the possibilities of identification by handwriting	61
Sereda Yu.S., Shukurov R.N., Bugakova A.N. Complex forensic research of cash checks	68
Solonnikova N.V., Malyavina A.B. Features of the methodology of investigating the retail sale of alcoholic beverages to minors	72

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Kirpa M.S. Reform of local administrative and police bodies at the beginning of the XIX century	76
Makarova N.A. On the correlation of legal and corporate norms	80

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Bezruchko E.V., Nebratenko G.G. Ensuring environmental safety as a component of the national security of the Russian Federation within the framework of criminal legal protection of human health from criminal attacks	84
Vakulenko N.A., Achkasova M.G. Current statistical and criminological parameters of domestic crime in modern society	90
Ermakova O.V., Sorokun N.S. Problem aspects of interpretation of the subject in the composition of bribery	96
Ildizhev A.A. Determination of the essence of the plurality of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation	100

CRIMINAL PROCEDURE LAW: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Lapatnikov M.V., Tsareva Yu.V. Theoretical, doctrinal and practical aspects of the court returning the criminal case to the prosecutor on the basis of paragraph 6 part 1 Art. 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation	107
Fetishcheva L.M., Sharaeva Ya.A. Features of the production of initial investigative actions in places of deprivation of liberty	114

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE ACTIVITY

Verbitskaya M.A., Tkachenko N.N. Some issues of administrative responsibility for improper maintenance of the road network	119
Pestov R.A., Novichkova E.E. Prospects for the establishment of probation institute in the Russian Federation	125

POLITICAL EXTREMISM, TERRORISM, NATIONAL SECURITY

Kobets P.N., Bilyk V.I. Features of functioning and further prospects of activities to combat corruption manifestations of the global format of the «Great Twenty»	130
Kuleshov R.V., Yatskina I.A. Improvement of regulatory and legal support for combating extremist crimes	137
Urusova L.H., Kovtun N.A. Money laundering as a global problem in the financing of terrorism	142
Melikhov A.I. Entropic crime as a threat to national security	150

THEORY AND PRACTICE OF DOMESTIC AND FOREIGN CIVIL LAW

Rybalka E.A. Participation of state (municipal) legal entities in contractual obligations: main trends and prospects of legal regulation	157
Natochiy S.Yu., Ponomareva E.V. Institute of bankruptcy of individuals: problems of legal regulation	161
Mikhailov S.V., Shpak A.V. Conflict of decisions when recognizing the right to unauthorized construction	165
Fazlieva L.K. Legal regulation of the escrow agreement	169

CERTAIN ISSUES OF LAW ENFORCEMENT

Davydov M.V., Lubsky R.A. General characteristics of socio-political, terminological, historical, theoretical, legal and medical aspects of state activity in the field of public health protection in the Russian Federation	174
Tamazova A.D. Suffrage: grounds for restriction (on the example of persons imprisoned under a court sentence)	180

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

Kovalchuk V.A. Formation of the system of control and regulation of vehicle traffic in the XVIII – early XXI century in the context of the growth of road accidents	187
Morozov A.P. Strategy for determining the taxonomic affiliation of an object in molecular genetic studies of objects of plant origin	193
Nikolaev V.A. Constitutions, charters of the constituent entities of the Russian Federation as legal acts of the special nature ensuring the implementation of human rights protection at the regional level	198
Rozhkova L.O. Additional types of punishments in modern criminal law	206
Tochilkina A.A. Features of the tactics of inspecting the crime scene in the investigation of crimes against life and health committed in conditions of emotional tension	210

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
 - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
 - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).
9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
11. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.
12. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
13. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
14. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
15. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
16. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ТЕОРИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.985.7

ББК 67.52

© 2022 г. Варданян Акоп Вараздатович,

начальник кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации.
E-mail: rui@mvd.ru

ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ МЕТОДОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В БОРЬБЕ С ДИСТАНЦИОННЫМИ ХИЩЕНИЯМИ, И ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье на основе проведенных исследований рассмотрены состояние борьбы с дистанционными хищениями, проблема объектно-предметной организации криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности, влияние цифровизации преступности на необходимость модернизации криминалистических и оперативно-розыскных теорий и учений, вопросы познания в теории и практике оперативно-розыскной деятельности, проблема соотношения оперативно-розыскных методов и оперативно-розыскных мероприятий, а также ряд науковедческих проблем и противоречий указанного соотношения, необходимость применения классификационного подхода и метода типизации. Предложено включение оперативно-розыскного обеспечения в укрупненные криминалистические методики предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, в том числе и дистанционных хищений.

Ключевые слова: *дигитализация, кража, теория оперативно-розыскной деятельности, криминалистика, объект, предмет, метод, мероприятия, классификация, типизация, методика.*

Vardanyan Akop Varazdatovich – Head of the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

THE PROBLEM OF SYSTEMATIZATION OF DIGITAL METHODS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES USED IN THE FIGHT AGAINST REMOTE EMBEZZLEMENT AND THEIR FORENSIC SIGNIFICANCE

In the article, based on the conducted research, the author examines the state of the fight against remote embezzlement, the problem of the object-subject organization of criminalistics and the theory of operational search activities, the impact of digitalization of crime on the need to modernize criminalistic and operational search theories and exercises, questions of cognition in the theory and practice of operational search activities, the problem of the correlation of operational investigative methods and operational search measures, as well as a number of scientific problems and contradictions of this ratio, the need to apply a classification approach and a typification method, the inclusion of operational search support in the enlarged forensic methods of prevention, disclosure and investigation of crimes, including remote embezzlement, is proposed.

Keywords: *digitalization, theft, theory of operational search activity, criminalistics, object, subject, method, measures, classification, typing, methodology.*

Состояние преступности в Российской Федерации, как показывают данные официальной статистики, характеризуется противоречивостью и неоднозначностью результатов деятельности правоохранительной

системы в борьбе с преступностью. В целом, несмотря на снижение роста регистрируемых преступлений в период январь – декабрь 2021 г. (–1,9 %), их количество остается достаточно высоким (более 2 млн). В каждом

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

третьем субъекте РФ имеется рост количества регистрируемых преступлений, снижение же отразилось только в 58 субъектах РФ.

Существенно вырос ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) на 62,7 % и составил 834,5 млрд руб. Следует иметь в виду, что, несмотря на то, что только пятая часть преступлений зарегистрировано в сельской местности (18,5 %), доля ущерба составила менее 7,2 %.

Основу регистрируемых преступлений в России составляют хищения чужого имущества (55,3 %). Как правило, такие хищения совершаются путем кражи, мошенничества, грабежа и разбоя. Наибольшие изменения в структуре преступности в России связаны с нарушением так называемых «дистанционных хищений», которые обуславливают определенные сложности в правоприменении.

В январе – декабре 2021 г. зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25 % в январе – декабре 2020 г. до 25,8 %. Практически все такие преступления (98,8 %) выявляются органами внутренних дел.

Анализ сведений о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, показал, что имеется рост зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений (7 %, при этом их количество составляет более половины 288,3 из 517,7 тыс.). Наибольшее распространение получили дистанционные хищения – кража и мошенничества (ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ), менее распространены изготовление порнографических материалов (ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ), преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ), незаконные организация и проведение азартных игр, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма, незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, а также незаконный сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества,

публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности [1].

Анализ оперативно-розыскной, следственной и судебной практики показал наличие серьезных проблем в научной обеспеченности цифровых методов предупреждения, раскрытия, расследования дистанционных хищений. В первую очередь, это связано с нехваткой разработок в теории оперативно-розыскной деятельности и, соответственно, науке криминалистики.

Слово «дистанционный» образовано от лат. *distantia* – стоять отдельно, находиться на расстоянии, совершать на расстоянии и т. д. [2].

За последние 3–5 лет термин «дистанционные хищения» начал входить в законодательный оборот на уровне подзаконных нормативно-правовых актов и предписаний (ведомственные приказы, распоряжения, указания, письма, рекомендации), в научный язык теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), криминалистики, уголовно-исполнительного права и многих других наук.

Как справедливо отмечают теоретики уголовного права, «на сегодняшний день под термином «дистанционное хищение» подпадают три состава преступлений: п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, ст. 159.6 УК РФ [3]».

Справедливости ради отметим, что проблема наличия или отсутствия на месте преступления виновного изначально выступало проблемой раскрытия в криминалистическом и оперативно-розыском аспекте (например, розыск обвиняемого, проверка алиби, организация раскрытия и расследования преступления).

Совершение преступлений общеуголовной направленности (как и ряда экономических) «связывалось с физической возможностью совершения таких преступлений конкретным лицом», «необходимостью и возможностью физического нахождения субъекта в месте его совершения либо нахождением обвиняемого вне места преступления» [4; 5].

Появление новых механизмов дистанционной преступной деятельности, направленной на хищение чужого имущества, генерирует возникновение как новых способов преступлений, так и приемов и способов противодействия, которые существовали не одно тысячелетие. Иными словами, появление и изменение дистанционных хищений трансформирует как преступную деятельность, так и

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

последующие посткриминальные действия и поступки [6].

Термин «дистанционное хищение», как правило, рассматривается под уголовно-правовым углом. Криминалистические и оперативно-розыскные аспекты (поскольку они всегда шире уголовно-правовых) находятся на начальной стадии научных разработок, что, в принципе традиционно для познания данных наук.

Для теории ОРД и науки криминалистики происходящая оцифровка объективной действительности требует не только сегментирования объекта научного познания, но и изучения новых закономерностей и их цифровых составляющих.

С точки зрения конструирования объекта науки криминалистики (который является общим и для теории ОРД) наиболее интересна и значима в теоретико-прикладном аспекте концепция Н.П. Яблокова [7], модернизированная А.С. Андреевым к современным реалиям правоприменения в области борьбы с преступностью, в том числе и к дистанционным хищениям. Весьма важным является вывод А.С. Андреева о «необходимости уточнения структуры объекта криминалистической науки и рассмотрения его в качестве: 1) преступной деятельности; 2) посткриминальной деятельности; 3) криминалистической деятельности (раскрытия, расследования, предупреждения преступлений и судебного разбирательства), а также иные виды правоприменительной деятельности» [8].

Традиция изучения закономерностей объективной действительности (в том числе и связанных с предупреждением, раскрытием, расследованием дистанционных хищений) заложена Р.С. Белкиным и носит парадигмальный характер, т. е. в качестве основополагающего способа познания, на котором разрабатываются методы, средства, приемы как теории ОРД, так и криминалистики [9].

Как отмечают И.А. Климов и Г.К. Синилов, «используя прекрасный опыт Р.С. Белкина, молодое поколение теоретиков ОРД может и должно в рамках нового курса ОРД подготовить самостоятельный том о частных учениях теории ОРД» [10].

Дистанционные хищения, несмотря на достаточно существенный их рост, – явление, изменяемое как количественно, так и качественно.

В научном аспекте такие изменения наиболее негативно отразились и требуют не-

медленных разработок применительно к следующим теориям и учениям в:

- 1) науке криминалистике:
 - учение о криминалистической идентификации и диагностике [11];
 - учение о механизме преступления и противодействии его расследованию [12];
 - учение о криминалистической характеристике преступлений [13];
 - теория организации раскрытия и расследования преступлений и др.
- 2) теории ОРД:
 - теория противодействия криминальной среды исполнению правоохранительной функции государства [14];
 - учение об оперативно-розыском обеспечении (ОРО) задач уголовного судопроизводства [15];
 - учение об оперативно-розыскной характеристике преступлений и др.

Таким образом, проблема борьбы с дистанционными хищениями является общей для всех наук уголовно-правового цикла, а для теории ОРД и криминалистики особо актуализируется в методах, приемах и средствах борьбы с ними. В связи с этим необходимо рассмотреть ряд проблем и предложений по их разрешению применительно к методам борьбы с преступностью в теории ОРД и криминалистике и, в частности, цифровых методов борьбы с дистанционными хищениями.

Язык теории ОРД представляет собой достаточно устойчивую систему терминов, понятий и категорий, которая, несмотря на дискуссионность (что и должно быть в самостоятельной науке), оценивается положительно учеными, занимающимся данной проблематикой. Следует согласиться, что «под воздействием социальной практики, совершенствования общественных отношений и поступательного развития смежных отраслей знаний, накопления собственного эмпирического материала возникает потребность в разработке специализированных языковых понятий, символов, знаков для отражения закономерных связей между структурными разделами науки, которые заменяют или корректируют первоначальные термины, выражения, особенно жаргонного языка» [10; 16].

Ядром понятийно-категориальной системы оперативно-розыскной деятельности является категория «метод ОРД». Представляется, что методы ОРД раскрывают деятельность как науки, так и одной из

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

составляющих функций правоохранения и борьбы с преступностью в России.

Многообразие явлений, процессов, событий, ситуаций, связанных с проявлением криминальной активности и ее противодействием правоприменению, диктует необходимость разработки и постоянной систематизации методов ОРД.

В специальной и юридической литературе неоднократно отмечалось, что категория «методы ОРД» имеет две смысловых нагрузки: как метод научного познания и создания оперативно-розыскных рекомендаций и как фактический метод, используемый в практической деятельности.

Поддерживая точку зрения Г.К. Синилова, В.С. Овчинского, И.А. Климова, К.К. Горяинова, В.Н. Омелина, считаем возможным дополнить такие соотношения и классификации следующими соображениями [17].

При всей схожести методов научного познания в теории ОРД и методов практической деятельности, в том числе и борьбы с дистанционными хищениями, они не тождественны и не могут смешиваться по следующим основаниям:

- субъектам, целям, задачам;
- режиму правового регулирования;
- результатам научной деятельности и оперативно-розыскной деятельности.

Основываясь на этимологическом постулате, что метод есть способ или образ действия, исследуем содержание цифровых методов, используемых в борьбе с дистанционными хищениями на практике, а также рассмотрим некоторые проблемы.

Следует иметь в виду, что данные методы познания прямо или опосредованно находятся в непрерывной взаимосвязи, которая дает возможность устойчиво развиваться теории ОРД, а с другой стороны, на основе разработки таких методов существенно улучшается качество правоприменения, в том числе и в области борьбы с дистанционными хищениями как составляющей глобальной социально-политической проблемы человечества.

Несмотря на указания ФЗ об ОРД (ст. 3, ст. 12), данный термин законодательно не закреплен по ряду объективных и субъективных причин.

Анализ представлений теоретиков и практиков о методах ОРД показал неоднозначное, порой противоречивое состояние исследованности данного вопроса, т. к.:

– не ясен компонентный состав методов ОРД, элементы, взаимосвязи, а также уже ставшая традиционной неразрешимая проблема соотношения методов ОРД с оперативно-розыскными мероприятиями;

– размыта структура методов ОРД;

– не изучены вопросы соподчиненности (иерархичности) элементов системы методов ОРД.

Разрешение данных системных проблем, как и многих других, связанных с ними, возможно благодаря применению классификационного подхода, который позволит установить уровни, соотношение, признаки и свойства данной системы.

Весьма интересен вывод И.Я. Павлинова: «еще одна общая закономерность развития всякой научной дисциплины как неравновесной системы – непредсказуемость. Принимая ее во внимание, в будущей систематике можно безошибочно предвидеть лишь одно – неминуемое появление новых классификационных подходов. Но каким конкретным содержанием они будут наполнены, вряд ли кто сегодня возьмется утверждать» [18].

При этом достаточно верной для развития теории оперативно-розыскной деятельности и криминалистики является следующая мысль: «структура самой реальности создает возможность классификационной процедуры, отображения этой реальности в классификации. Важность и необходимость методов типологии и классификации для науки были очевидны еще на самых ранних этапах ее становления. Методы типологии и классификации разрабатывались совместными усилиями философов и ученых, что доказывает широкую применимость данных методов познания» [19].

В оперативно-розыскной классификации одним из обязательных оснований деления должны быть группы: цифровые и нецифровые методы ОРД.

Проблему соотношения методов ОРД и оперативно-розыскного мероприятия следует рассматривать в двух аспектах: широком и узком. В широком – это любой прием, способ, мероприятие, комбинация есть метод ОРД. В данном случае понимание должно согласовываться с принципом законности, целями и задачами ОРД и рядом других императивов.

Тогда как для узкого подхода вот что характерно, наиболее точно подметил В.Н. Омелин

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

и ряд других ученых: «методы ОРД, используемые для достижения целей, решения оперативно-розыскных задач ОРД, представляют собой сложное явление. Для того чтобы определить сущность и выяснить особенности методов ОРД, следует, прежде всего, различать методы, применяемые в процессе разработки оперативно-розыскных приемов и рекомендаций (методы научного познания, используемые в теории ОРД), и методы, разрабатываемые и рекомендуемые для использования в практике ОРД. Первые являются методами научных исследований проблем ОРД, а вторые – методами практической деятельности субъектов ОРД. К сожалению, в теории ОРД не сложилась еще полная ясность о соотношении методов ОРД и оперативно-розыскных мероприятий» [20].

Наличие такого противоречия не лишено как теоретического, так и практического смысла, поскольку позволяет при широком подходе интегрировать любые знания для использования в борьбе с дистанционными хищениями в стремительно оцифровывающемся мире, а в узком – систематизировать оперативно-розыскные знания в рамках конкретных исследований (к примеру, ведомственных или диссертационных исследований) и, соответственно, разработать новые, а также провести модернизацию имеющихся оперативно-розыскных и криминалистических рекомендаций. Для классификации цифровых методов ОРД как составляющей всей системы экстраполируются вышеназванные проблемы, которые имеют признаки не только серьезной научной проблемы, но и опосредованно влияют на снижение качества и результаты работы субъектов ОРД при борьбе с дистанционными хищениями с учетом современных реалий, угроз и рисков.

Пандемия Covid-19 повлияла на рост андеграундной экономики в России и за рубежом [21]. Падение доходов населения, стремительно растущая цифровизация общества [22], социальное дистанцирование, ограничение передвижения граждан, медицинские и гигиенические ограждения, государственная поддержка и ограничения увеличили рост количества преступлений, совершенных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Проблема соотношения методов ОРД и оперативно-розыскного мероприятия имеет

определенную специфику и в данном случае требует использования соотношения указанных категорий. Среди цифровых методов ОРД, характеризующих ОРМ как компонентную особенность, следует выделить такие, как:

- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
 - прослушивание телефонных переговоров;
 - получение компьютерной информации.
- К условно цифровым методам, т. е. имеющим двойственное назначение познания преступной деятельности и связанной с ней посткриминальной деятельности, цифровой и социально-правовой действительности, относятся:
- наведение справок;
 - сбор образцов для сравнительного исследования;
 - проверочная закупка;
 - наблюдение;
 - оперативный эксперимент.

Отметим, что в каждом конкретном случае научного познания следует учитывать предложенное нами соотношение и верифицировать его. Проблема понимания (точнее, отсутствие такового) соотношения методов ОРД и ОРМ проявилась в ходе опроса оперативных работников.

Так, из 137 опрошенных оперативных сотрудников (проходивших повышение квалификации или обучение в РЮИ МВД России) 109 указали, что ОРМ являются методами ОРД, остальные же добавили такие методы, как электронный розыск, агентурный метод, запросы и т. д.

Наибольшее значение для деятельности субъектов ОРД должно быть отведено при борьбе с дистанционными хищениями поиску мобильных телефонов и компьютерной техники, поскольку они имеют особое идентификационное и диагностическое значение. Итак, состояние правоприменения в области борьбы с дистанционными хищениями свидетельствует о смене научных эпох в теории ОРД и криминалистике и переходе от инструментов раскрытия Шерлока Холмса к технологиям искусственного интеллекта.

Анализ обвинительных приговоров по дистанционным хищениям свидетельствует о том, что результаты ОРД являются основой большинства из них (71 %, нами исследовались организованные и групповые проявления). Указанная правоприменительная ситуация

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

диктует необходимость включения вопросов оперативно-розыскного обеспечения в его структуру как обязательного элемента.

Считаем, что значение цифровых методов ОРД имеет значение для науки криминалистики, поскольку изменяются подходы к раскрытию, расследованию и предупреждению дистанционных хищений и иных преступлений, связанных с цифровой действительностью. Достаточно полно данный вывод подтвердили успешно защищенные, на уровне докторских диссертаций, исследования Р.В. Кулешова, К.А. Плясова и ряда других ученых, а также разработки А.К. Щербаченко.

В ряде случаев тема и содержание диссертационного исследования не может не предполагать использование грифа «секретно» и разрабатываться в рамках объектно-предметной организации науки криминалистики.

Вместе с тем в процессе изучения нередки случаи, когда исследователи сталкиваются с проблемой, заключающейся в том, что невозможно построить эффективную укрупненную криминалистическую методику без разработки вопросов оперативно-розыскного обеспечения борьбы с преступностью. Указанное обстоятельство позволяет разрешить ряд важнейших вопросов правоприменения в области борьбы с теми или иными группами преступлений и разработать рекомендации, наиболее адаптированные к практическим потребностям.

Таким образом, намечены лишь некоторые вопросы цифровых методов при борьбе с дистанционными хищениями, что диктует необходимость разрешения поставленных проблем в теории ОРД и науке криминалистике.

Литература

1. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2021 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2022.
2. Латинско-русский словарь: Около 50 000 слов / под ред. И.Х. Дворецкого. 2-е. М., 1976.
3. Евтушенко И.И., Венедиктов А.А. Дистанционные хищения: понятие и признаки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12–2.
4. Андреев А.С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001.
5. Andreev A.S. A False Alibi as a Component of Criminal Activity and Post-Criminal Behavior of the Participants of the Investigation and Assize // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2014. Т. 5. № 2.
6. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Иркутск.
7. Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
8. Андреев А.С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2020.

Bibliography

1. The state of crime in Russia in January – November 2021. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. FКУ «Main Information and Analytical Center». Moscow, 2022.
2. Latin-Russian dictionary: About 50,000 words / edited by I.H. Dvoretsky. 2nd. Moscow, 1976.
3. Yevtushenko I.I., Venediktov A.A. Remote theft: concept and signs // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 12–2.
4. Andreev A.S. False alibi and criminalistic methods of its exposure: dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2001.
5. Andreev A.S. False alibi as a component of criminal activity and post-criminal behavior of participants in the investigation and trial // Journal of Perspective studies in the field of law and economics. 2014. № 5. № 2.
6. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality // All-Russian Criminological Journal. Irkutsk, 2018.
7. Criminalistics: textbook / ed. by N.P. Yablokov. 4th ed., reprint. and additional. Moscow, 2010.
8. Andreev A.S. Post-criminal activity as an object of cognition in criminalistics and the practice of crime investigation: auth. abstr. ... Dr. of Law. Rostov-on-Don, 2020.
9. Belkin R.S. Criminalistics: problems trends, prospects. General and private theories. Moscow, 1987.
10. Problems of theory and practice of operational investigative activity: Collection of scientific

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

9. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987.
10. Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Сборник научных трудов / под ред. К.К. Горяинова, И.А. Климова М., 2002.
11. Майлис Н.П. Диагностическое сопровождение процесса идентификации в судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2.
12. Айвазова О.В. Учение о механизме преступления: научный потенциал и вопросы его реализации при криминалистическом исследовании преступной деятельности, осуществляемой в отношении прав и законных интересов юридических лиц // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 2(28).
13. Грибунов О.П., Назырова Н.А. Эволюция взглядов на понятие и структуру криминалистической характеристики преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. № 2.
14. Климов И.А., Тузов Л.Л., Сазонова Н.И. Методология теории и практики оперативно-розыскной деятельности // Научный портал МВД России. 2009. № 1.
15. Дубоносов Е.С. К вопросу о развитии учения об оперативно-розыском обеспечении расследования преступлений // Вестник ННГУ. 2015. № 2.
16. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986.
17. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М., 2006.
18. Павлинов И.Я. Разнообразие классификационных подходов – это нормально // Русский орнитологический журнал. 2019. № 1870.
19. Хачатрян А.А., Хачатрян Э.А. О генезисе методов классификации и типологии в истории науки // Ученые записки КГАВМ им. Н.Э. Баумана. 2012. № 4.
20. Астишина Т.В., Омелин В.Н. К вопросу о методах оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2(31).
21. Andreev A.S., Andreeva O.V., Bondareva G.V. Understanding the underground economy // European Research Studies Journal. 2018. Volume XXI. № 4.
22. URL: <https://www.euromonitor.com/economies-in-2021/report> (дата обращения 25.03.2022).
- papers / ed. by K.K. Goryainova, I.A. Klimova Moscow, 2002.
11. Mailis N.P. Diagnostic support of the identification process in forensic expert activity // Bulletin of Economic Security. 2019. № 2.
12. Aivazova O.V. The doctrine of the mechanism of crime: scientific potential and issues of its implementation in the criminalistic study of criminal activity carried out in relation to the rights and legitimate interests of legal entities // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2020. № 2(28).
13. Grybunov O.P., Nazyrova N.A. Evolution of views on the concept and structure of criminalistic characteristics of crimes // News of TuLSU. Economic and legal sciences. 2020. № 2.
14. Klimov I.A., Tuzov L.L., Sazonova N.I. Methodology of theory and practice of operational investigative activity // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 1.
15. Dubonosov E.S. On the question of the development of the doctrine of operational-investigative support for the investigation of crimes // Bulletin of the UNN. 2015. № 2.
16. Belkin R.C. General theory of Soviet criminology. Saratov, 1986.
17. Theory of operational investigative activity: textbook / ed. by K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky, G.K. Siniлова. Moscow, 2006.
18. Pavlinov I.Ya. Diversity of classification approaches is normal // Russian Ornithological Journal. 2019. № 1870.
19. Khachatryan A.A., Khachatryan E.A. On the genesis of classification and typology methods in the history of science // Scientific Notes of the Bauman KGAVM. 2012. № 4.
20. Astishina T.V., Omelin V.N. On the question of methods of operational investigative activity // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2(31).
21. Andreev A.S., Andreeva O.V., Bondareva G.V. Understanding the shadow economy // European Research Studies Journal. 2018. Volume XXI. № 4.
22. URL: <https://www.euromonitor.com/economies-in-2021/report> (date of access: 25.03.2022).

© 2022 г. **Иванов Петр Иванович**,

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье на основе результатов, полученных в ходе изучения и анализа складывающейся криминогенной ситуации, источников новых вызовов и угроз, монографической литературы, а также правоприменительной практики по линии противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности, предпринята попытка поделиться с научной общественностью авторским видением перспектив развития оперативно-розыскной науки в условиях цифровой трансформации. Автором уточнено само понятие «оперативно-розыскная наука», определены «реперные точки» ее теоретического осмысления и факторы, его обуславливающие.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровая трансформация, оперативно-розыскная наука.

Ivanov Petr Ivanovich – Chief Researcher, the Department for Research of Branch Management Problems of the Research Expert Center, the Administration Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

TO THE QUESTION OF THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE SCIENCE IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

In this scientific article, based on the results obtained during the study and analysis of the emerging criminogenic situation, sources of new challenges and threats, monographic literature, as well as law enforcement practice in countering crimes of economic and corruption orientation, an attempt is made to share with the scientific community the author's vision of the prospects for the development of operational investigative science in the conditions of digital transformation. The paper clarifies the very concept of «operational investigative science», defines the «reference points» of its theoretical understanding and the factors that determine it.

Keywords: digital environment, digital transformation, operational investigative science.

Ни у кого на сегодняшний день не вызывает сомнений то, что оперативно-розыскная наука вступила в новый этап своего развития, обусловленный, прежде всего, цифровой трансформацией, понимаемой как «процесс, отражающий переход традиционной оперативно-розыскной работы из одного «технологического уклада» в другой посредством широкомасштабного использования цифровых и информационно-коммуникационных технологий с целью повышения уровня ее эффективности и результативности». Иными словами, цифровая трансформация предполагает: комплексное преобразование структурно-содержательной модели осуществления оперативно-розыскной работы на основе реализации концепции по внедрению цифровых технологий; активное использование в интересах успешного решения возникающих оперативно-тактических задач оперативно-

значимых сведений в сочетании с иными данными; подготовку и переподготовку кадров, обладающих соответствующей компетенцией для работы в условиях цифровой трансформации, а также для принятия и реализации в оперативных подразделениях полиции цифровых решений (алгоритмов действий).

В условиях коренных преобразований в центре внимания предмета оперативно-розыскной науки оказались киберпреступность и ее проявления, в том числе регистрируемые по линии экономической безопасности и противодействия коррупции.

Глава государства, выступая на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России, состоявшемся 17 февраля 2022 г. [8], потребовал от руководителей правоохранительных органов, чтобы они, ведя борьбу с новыми источниками угроз, связанными с проникновением криминала в сферу информационных

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

технологий и телекоммуникаций, паразитирующего на технологическом прогрессе, действовали на опережение. Чтобы его обеспечить минимальными затратами, оперативно-розыскная наука в условиях стремительно развивающихся кибертехнологий должна проработать и предложить практике доктринальную модель оперативно-розыскного обеспечения противодействия киберугрозам*, состоящую из: результатов углубленного анализа современных вызовов и угроз; наиболее приемлемого порядка взаимодействия оперативных подразделений полиции с финансовыми (кредитными) организациями, операторами сотовой связи и другими структурами, работающими в цифровом пространстве и в области телекоммуникаций; комплекса мер по укреплению кибербезопасности, включая обеспечение координации деятельности правоохранительных органов, соответствующих государственных ведомств и регуляторов, экспертного сообщества и бизнеса.

Прежде чем перейти к определению приоритетов развития науки, необходимо ответить на вопрос: что же понимается под оперативно-розыскной наукой? Как представляется, существует на сегодня некоторая путаница, присутствующая даже в учебниках по теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Кроме того, среди специалистов имеется разное мнение по существу понятия «оперативно-розыскная наука».

Так, авторы одного из учебников ОРД рассматривают как науку [5, с. 16]. С этим нельзя согласиться, поскольку сама деятельность никак не может стать наукой. Последняя есть система знаний о закономерностях** развития такого социально-правового явления, как преступность и противодействие ей. В этой системе оперативно-розыскная наука может достойно занять место лишь как отдельная отрасль (область) знаний и не более. Отсюда следует, что указанный вид деятельности – это не наука, а, как утверждает профессор А.Ю. Шумилов, ОРД есть ее объект [11, с. 2]. Думается, что и такое понимание не совсем правильное,

ибо названная деятельность скорее всего может выступать предметом анализируемой науки. Последняя в усеченном виде может быть представлена как наука о борьбе с преступностью. Тогда как наукой о преступности является криминология [4, с. 6].

Говоря об оперативно-розыскной науке, мы разделяем мнение тех специалистов [9, с. 97], которые теорию ОРД рассматривают как науку, вкладывая в ее содержание три группы закономерностей: 1) связанные с механизмом самого противоправного деяния, охватывающим обстоятельства его совершения; 2) раскрывающие сущность и содержание предупреждения и раскрытия преступлений в различных оперативно-тактических ситуациях; 3) вытекающие из причинно-следственных связей механизма обнаружения, фиксации, закрепления, оценки и использования сведений, полученных в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления и лицах, к ним причастных.

Соглашаясь с существующей точкой зрения – теория ОРД как наука, мы исходим при этом из диалектических позиций (от простого к сложному). Оперативно-розыскная наука, будучи относительно самостоятельной отраслью знаний, «поглощает» теорию ОРД, выводя ее на новую ступень эволюционного развития. Между тем следует иметь в виду, что сохраняются ее структурно-содержательные элементы, а именно: предмет, методология и место в системе других наук. Такой подход не ограничивается лишь совокупностью закономерностей, составляющих предмет науки. Как видится, он гораздо шире, нежели высказанная авторами приведенного нами учебника точка зрения.

Из вышеуказанных положений предлагается авторское определение понятия «оперативно-розыскная наука». Под ним понимается «относительно самостоятельная отрасль знаний о закономерностях развития как самой преступности, включая организованной, так

* Одновременно целесообразно было бы предложить научной общественности «Концепцию модернизации оперативно-розыскного законодательства в условиях бурного распространения инновационных технологий», на основе которой следует разработать указанную модель, но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

** Под «закономерностью» нами понимается объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между противоправными деяниями и оперативно-розыскным противодействием им.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

и противодействия ей посредством принятия в соответствии с федеральными законами «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности» системы преимущественно негласных оперативно-розыскных мер, в том числе мероприятий». При формулировании понятия необходимо подчеркнуть в нем социально-правовой и прикладной характер указанной науки. Однако ее не следует рассматривать как непреложную истину, неизменную при всех обстоятельствах.

Оперативно-розыскная наука развивается по своим закономерностям [1], заблаговременное знание которых способствует своевременному определению перспектив ее развития. При этом следует иметь в виду, что ныне действующие документы стратегического планирования, естественно, накладывают свой отпечаток. Трансформация основных их положений ярко проявилась в выступлениях Главы государства и Министра внутренних дел Российской Федерации на расширенном заседании коллегии МВД России [7].

Обобщение результатов изучения и анализа различных источников позволило выделить в будущем развитии оперативно-розыскной науки следующие приоритеты: дальнейшее теоретическое осмысление продолжающейся пандемии, введение и снятие отдельных ограничений на предмет поиска новых методов и средств документирования криминальных схем в сфере борьбы с коронавирусом [3].

В настоящее время защита бюджетных денежных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов (программ), в том числе в указанной сфере, от преступных посягательств, продолжает оставаться в числе ключевых направлений деятельности правоохранительных органов, продиктованных самой складывающейся ситуацией.

На этом фоне многократно увеличивается важность активного осуществления оперативно-розыскной работы в условиях продолжающейся пандемии и введения (снятия) отдельных ограничений на системной основе, преследующей: предотвращение хищений и нецелевого расходования выделенных из консолидированного бюджета средств; недопущение применения криминальных схем при обеспечении медицинских учреждений медикаментами и необходимым медицинским оборудованием; своевременное выявление случаев причастности высокопоставленных

должностных лиц федерального и регионального уровней к совершению преступлений коррупционной направленности; поиск новых форм и методов, способствующих снижению административного давления на бизнес со стороны правоохранительных органов при обеспечении ими защиты прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью [2].

Административное давление на бизнес есть, прежде всего, «уголовно-правовое воздействие на бизнес (хозяйствующих субъектов), влекущее подмену гражданско-правовых споров уголовным преследованием, игнорирование преюдициальности судебных решений, обвинительный уклон при оценке обстоятельств уголовного дела, произвольное избрание мер пресечения, включая заключение под стражу, игнорирование разумного срока уголовного производства по делу». Указанные проблемы носят двоякий характер: нормативно-правовой и прикладной.

В условиях санкционного давления Евросоюза и США на Россию, а также либерализации законодательства, включая уголовное, названные формы давления на бизнес (незаконное и необоснованное уголовное преследование) усугубляют без того сложную ситуацию. Они негативно сказываются на стабилизации макроэкономики страны, развитии особенно малого и среднего бизнеса, а также индивидуального предпринимательства.

Авторы монографии «Уголовно-правовое воздействие на бизнес» отмечают, что «нарушения положений законодательства Российской Федерации по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности до сих пор носят системный и распространенный характер...» [10, с. 3]. Данное обстоятельство, безусловно, настораживает и подразумевает необходимость принятия действенных мер, в том числе постоянного мониторинга складывающейся ситуации, немедленного реагирования на допущенные злоупотребления со стороны недобросовестных должностных лиц правоохранительных органов, усиления прокурорского надзора и ведомственного контроля. Эти и другие меры должны в конечном итоге исключить то, чтобы механизм уголовного преследования не стал инструментом давления на бизнес (хозяйствующие субъекты). Эту же цель преследует созданная в 2019 г. Автономная некоммерческая организация «Платформа

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

для работы с обращениями предпринимателей» («За Бизнес»). Появление ее в свет, безусловно, положительно сказалось на снижении давления на хозяйствующие субъекты.

Оперативно-розыскная наука должна выработать систему мер, носящих преимущественно негласный характер, которая максимально исключит административное давление на бизнес, среди них: осуществление предварительной и последующей следственной проверки первичных данных, содержащих сведения о нарушениях в сфере предпринимательской деятельности с привлечением сил, средств, методов ОРД и проведением оперативно-розыскных мероприятий, а также углубленное изучение личности проверяемого (подозреваемого) и хозяйствующего субъекта, прежде чем подвергнуть его такого рода проверке:

1) поиск теоретически выверенных способов противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий через призму их документирования с целью сбора и фиксации фактических данных, которые в последующем могли бы служить в установленном порядке в качестве доказательств по уголовному делу. Такая форма работы, как показывает многолетняя практика, намного повышает эффективность его расследования;

2) углубленное изучение и анализ рисков и угроз, связанных с использованием криптовалюты* в противоправной деятельности. Оперативно-розыскная наука в рамках своего предмета должна определить тенденции (основные тренды) распространения криптовалюты, ее риски и угрозы. На их основе можно было бы сформулировать конкретные выводы и практико-ориентированные предложения (рекомендации) для сотрудников правоохранительных органов по минимизации их последствий.

Противоправная деятельность должна быть подвергнута оперативно-розыскной характеристике – описанию ее сущностных признаков, поскольку сотрудники оперативных подразделений полиции при решении возникающих оперативно-тактических задач сталкиваются с множеством негативных факторов, а именно: территориальной удаленностью субъектов противоправной деятельности от

объектов противоправного воздействия, невозможностью получения какой-либо информации в отношении серверов, расположенных за пределами Российской Федерации; высокой степенью конспирации и обезличенностью участников преступной деятельности в интернет-среде, что затрудняет установление лиц, совершивших преступления; фактической невозможностью отслеживания платежей, осуществленных с помощью криптовалюты или зарубежных платежных систем.

Профессор А.Л. Репецкая на примере реальной возможности оплаты коррупционных услуг показывает, насколько трудоемкая задача возникает перед правоохранительными органами, когда они предпринимают меры по избличению участников коррупционной сделки, связанной с использованием криптовалюты [6, с. 66–67]. Тем самым отдельные должностные лица, задействованные в этой схеме, могут оставаться безнаказанными.

Вот почему среди приоритетов оперативно-розыскной науки объективной необходимостью теоретического осмысления использования криптовалюты в противоправной деятельности отводится на сегодняшний день особое место. Сейчас оперативные подразделения полиции остро нуждаются в практико-ориентированных методических рекомендациях по документированию преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых с использованием криптовалюты.

В заключение рассмотренного вопроса представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Во-первых, на сегодня оперативно-розыскная наука среди исследователей определяется по-разному, нет единого ее понимания. «Отрасль знаний о закономерностях развития как самой преступности, включая организованной, так и противодействия ей с помощью принятия системы оперативно-розыскных мер». В этом плане подчеркивается ее социально-правовой и прикладной характер.

Во-вторых, под перспективами развития оперативно-розыскной науки понимается «теоретически выверенное отдаленное ее будущее, не противоречащее оперативно-розыскному законодательству и оперативно-следственной практике». Поступательное

* В настоящее время в экономической и юридической литературе существует достаточно много определений понятия «криптовалюта».

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

развитие подчиняется строго определенным закономерностям, подлежащим установлению в процессе исследования самого механизма эволюционного развития этой науки.

В-третьих, основные тенденции развития (тренд) обнаруживаются посредством углубленного изучения причинно-следственных связей рассматриваемой отрасли знания с

внешней средой, выступающей своего рода зоной влияния.

В-четвертых, знание перспектив развития оперативно-розыскной науки позволяет глубже познать процесс постепенного непрерывного количественного ее изменения, подготавливающего качественные перемены в условиях цифровой трансформации.

Литература

1. Иванов П.И. Некоторые вопросы оперативно-розыскной науки: методология и перспективы ее развития // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2021. № 1(57).

2. Иванов П.И. Об обеспечении защиты прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, от преступных посягательств // Безопасность бизнеса. 2021. № 2.

3. Иванов П.И. Риски и угрозы, учитываемые подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России на региональном уровне при чрезвычайных ситуациях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4(95).

4. Криминология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

5. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. И.А. Климова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

6. Репецкая А.Л. Криптопреступления как следствие цифровизации преступности // Долговские чтения: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. (27 января 2021, Москва) / под ред. О.С. Капинус. М., 2021.

7. Текст официального выступления Министра внутренних дел Российской Федерации В.В. Колокольцева на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 17 февраля 2022 г. [Электронные действия]. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 13.03.2022).

8. Текст официального выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на ежегодном расширенном заседании коллегии

Bibliography

1. Ivanov P.I. Some issues of operational investigative science: methodology and prospects for its development // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1(57).

2. Ivanov P.I. On ensuring the protection of the rights and legitimate interests of persons engaged in entrepreneurial activity from criminal encroachments // Business security. 2021. № 2.

3. Ivanov P.I. Risks and threats taken into account by the economic security and anti-corruption units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional level in emergency situations // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4(95).

4. Criminology: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty «Jurisprudence» / ed. by V.D. Malkov. 4th ed., reprint. and additional. Moscow, 2011.

5. Operational investigative activity: a textbook for students of higher educational institutions studying in the field of training «Jurisprudence» / ed. by I.A. Klimov. 3rd ed., reprint. and additional. Moscow, 2017.

6. Repetskaya A.L. Cryptoprime as a consequence of digitalization of crime // Dolgov readings: collection of materials of the I All-Russian Scientific-practical Conference (January 27, 2021, Moscow) / ed. by O.S. Kapinus. Moscow, 2021.

7. The text of the official speech of the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation V.V. Kolokol'tsev at the annual expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on February 17, 2022 [Electronic resource]. URL: <https://мвд.рф> (date of access: 13.03.2022).

8. The text of the official speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin at the annual expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on February 17, 2022 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (date of access: 13.03.2022).

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

Министерства внутренних дел Российской Федерации 17 февраля 2022 г. [Электронные действия]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 13.03.2022).

9. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

10. Уголовно-правовое воздействие на бизнес / под ред. Э.Л. Сидоренко, А.Г. Воеводза, К.К. Клевцова. М., 2021.

11. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации в 3 томах. Том 1: Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней (теория и практика профессионального сыска). М., 2013.

9. Theory of operational investigative activity: textbook / ed. by K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky, G.K. Senilova. 3rd ed., reprint. and additional. Moscow, 2014.

10. Criminal legal impact on business / ed. by E.L. Sidorenko, A.G. Volevodza, K.K. Klevtsova, O.I. Semykina. Moscow, 2021.

11. Shumilov A.Yu. Operational investigative science in the Russian Federation in 3 volumes. Volume 1: Operational investigative activity and the formation of the science of it (theory and practice of professional investigation). Moscow, 2013.

© 2022 г. Комаров Игорь Михайлович,

заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И МЕТОДЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ЧАСТЬ I)

В статье автор рассматривает метод научного познания в связи с методами практической деятельности по расследованию преступлений, а также выделяет методы непосредственного и опосредованного познания в процессе расследования преступлений как наиболее актуальные для целей установления обстоятельств расследуемого криминального события.

Ключевые слова: криминалистическая методология, метод, опосредованный метод, непосредственный метод, наблюдение.

Komarov Igor Mikhailovich – Head of the Department of Criminalistics, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor.

THE METHOD OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND METHODS OF PRACTICAL ACTIVITY IN THE INVESTIGATION OF CRIMES (PART I)

In the article, the author considers the method of scientific cognition in connection with the methods of practical activity in the investigation of crimes, and also identifies the methods of direct and indirect cognition in the process of investigating crimes as the most relevant for the purpose of establishing the circumstances of the criminal event under investigation.

Keywords: forensic methodology, method, indirect method, direct method, observation.

Для продолжения обсуждения темы криминалистической методологии, начатой в статье, опубликованной в предыдущем номере журнала, следуя логике исследования, необходимо обнаружить сходства и различия между методом научного исследования и методом практической деятельности по расследованию преступления. Данную задачу целесообразно решать с помощью анализа отдельных классификаций этих методов, которые разработаны в криминалистике.

Опрос сотрудников правоохранительных органов показал, что подавляющее большинство из них не вполне понимают назначение криминалистической классификации методов, связанных с расследованием преступлений (78,9 %), а также деления этих методов относительно целевого предназначения (81,2 %). Следует обратиться только к тем классификациям, которые представляют интерес по отношению к предмету нашего исследования.

Так, в зависимости от содержания и области распространения данные методы следует разделить на всеобщий метод познания и методы познания, используемые в различных областях человеческой деятельности. К последним относится большая группа общих методов, которые приспосабливаются субъектом

познания к особенностям предмета познания и задачам, что проявляется и в специальных методах познания. В данную группу входят наблюдение, сравнение, измерение, описание, эксперимент, моделирование, реконструкция, формально-логические приемы (анализ, синтез, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия), абстрагирование, классификация, систематизация, формализация и пр.

Методологическое значение для расследования преступлений имеет классификация методов познания в зависимости от отраслей знания (методы философских, математических, биологических, медицинских, социальных, правовых, исторических и других наук). Взаимодействие наук начинается со взаимодействия их методов познания. На этой основе расширяются возможности изучения преступления посредством его расследования, т. к. следователь все чаще обращается за помощью к специалистам из различных областей знаний.

Полезной для практики является классификация методов познания в зависимости от форм уголовно-процессуальной деятельности. Обычно криминалисты выделяют здесь три основные группы методов, используемых в процессе производства следственных действий,

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

оперативно-розыскных мероприятий и экспертных исследований.

Важной для определения понятия метода расследования преступления в связи с предметом исследования является классификация методов по уровню познания, которые можно разделить на эмпирические (чувственный опыт и отражение предмета со стороны явления) и теоретические (проникновение в сущность явления), которые отличаются друг от друга тем, что отражают различную степень проникновения в сущность изучаемых предметов и явлений.

Подмечено, что на теоретическом уровне не просто описываются практически (эмпирически) установленные факты, а выводятся закономерности развития явлений [1; 2].

Расследование преступлений не имеет цели достижения теоретических обобщений. На этом основании такие категории, как «эмпирическое» и «теоретическое», используются исключительно для описания процедур научного познания.

Расследование всегда опирается только на фактические данные, которые отражают обстоятельства, образующие преступление. Их установление происходит посредством производства следственных действий, а результаты научных исследований составляют часть расследования, чье содержание представляют судебные экспертизы. Выводы следователя всегда основываются на объяснении содержания и сущности эмпирически установленных фактов. На этом основании, характеризуя знание, установленное в процессе расследования преступления, правильно будет употреблять категории «непосредственное» и «опосредованное» познание. Они более точно отображают особенности методов познания в расследовании и используются в процессуальной и криминалистической литературе как понятия, привычные для правоприменителей.

Вместе с тем, опрошенные сотрудники правоохранительных органов (86,2 %) не смогли дать определение понятий «непосредственное познание» и «опосредованное познание», а также объяснить их назначение в процессе расследования преступлений.

Непосредственное знание является исходным в любом расследовании, которое служит базой для опосредованного выводного знания (специальные приемы собирания, исследования, оценки и использования доказа-

тельств). Это результат производства следственных, процессуальных и смешанных действий (приемы анализа, синтеза, индукции, дедукции и пр.), что отражает отношение следователя к источнику криминалистически значимой информации.

Криминалистические методы познания можно разделить на методы непосредственного и опосредованного познания, которые выступают как «чистые» научные методы для практической деятельности по расследованию преступлений.

Данная классификация, как и многие другие, носит весьма условный характер, т. к. в познавательном процессе расследования преступлений всегда существует органичное единство методов познания, что обуславливается единством чувственного и рационального, непосредственного и опосредованного в познании.

Вместе с тем следует разобраться, как непосредственное и опосредованное познание в процессе расследования преступлений отражают понятие метода расследования преступления и как это связывается с изучением личности потерпевшего в процессе расследования, например, убийства.

Вопрос непосредственного познания в расследовании преступлений в отечественной криминалистике был дискуссионным достаточно продолжительное время. Его изучением занимались такие известные российские ученые, как М.М. Гродзенский [3, с. 33], П.А. Лупинская [4, с. 98–113], В.Я. Лифшиц [5, с. 18–19] и др. Между тем данные исследования не объясняли течение этого процесса в расследовании преступления в соответствии со стадиями уголовного процесса.

Одним из первых на данный факт обратил внимание И.М. Лузгин [6, с. 67], заметивший, что по отношению к событию преступления они все находятся в неравнозначном положении, т. е. что может быть непосредственно усмотрено и познано следователем на месте совершения убийства относительно потерпевшего, уже не может быть точно так же воспринято судом.

Однако и следователь не может непосредственно познать весь процесс совершения преступления, т. к. действия по его совершению и расследованию не совпадают во времени [7]. Поэтому следователь реконструирует связи между фактами преступного события (причинно-следственные и пр.) и на этом

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

основании изучает их действительное происхождение.

Следователь непосредственно наблюдает предметы и явления, которые определенным образом связаны с действиями преступника, т. к. они сохранили на себе следы этих действий – следы-последствия преступления.

Значение непосредственного познания на стадии предварительного расследования преступления, отмечает И.М. Лузгин, состоит в том, что оно обеспечивает собирание, исследование, оценку и использование доказательств, т. е. решение важнейших задач расследования. Ученый пришел к правильному выводу, о том что благодаря непосредственному познанию происходит констатация фактов, их объяснение и использование в целях доказывания, а его значение состоит в обеспечении фиксации фактов, благодаря чему создается возможность опосредованного познания события преступления судом.

Методы, приемы и средства непосредственного познания в расследовании преступлений достаточно унифицированы. Это обуславливает дополнительные возможности проверки и оценки следователем и другими участниками процесса результатов данного вида познания.

В расследовании преступлений метод наблюдения представляет собой один из ведущих методов непосредственного познания происшедшего деяния. Специфика его применения определяется субъектом наблюдения (в настоящей и последующей публикации будет связываться этот метод только со следователем), характером наблюдаемых объектов и условиями наблюдения, особенностью целей, приемов и средств наблюдения, способами фиксации его результатов.

В криминалистике широко известны классификации объектов наблюдения, разработанные Р.С. Белкиным [8, с. 126–127], И.М. Лузгиным [6, с. 67], С.И. Анненковым и Т.С. Анненковой [9], М.В. Стояновским [10] и др.

Перечень объектов наблюдения относительно процесса в зависимости от обстоятельств возникновения и отношения к действиям преступника может быть представлен следующим образом*:

1. Свойства предметов и явлений, возникших до проведения расследования и важных для идентификации личности потерпевшего:

1) действия преступника, характеризующие его личностные особенности и особенности поведения на месте совершения преступления; средство, использованное для совершения убийства; особенности анатомического, физиологического строения тела потерпевшего; его особые приметы и бросающиеся в глаза признаки; сопутствующие признаки; последствия совершения преступления в виде различных следов и изменений обстановки совершения убийства;

2) существовавшие вне зависимости от совершенного убийства, однако имеющие значение для его расследования и характеризующие внешнюю и внутреннюю обстановку совершения преступления; данные, тем или иным образом относящиеся к потерпевшему от убийства.

2. Обстоятельства, которые возникли в связи с проведением расследования – данные результатов следственных и процессуальных действий (показания участников расследования и прочие данные расследования).

Условия, в которых реализуется метод наблюдения, оптимально классифицировать относительно форм реализации действий следователя и факторов, определяющих соответствующие понятия и представления о наблюдаемом объекте. При наблюдении чувственное восприятие следователем действительности соединяется с его логическими и интуитивными решениями в разрешении тактических задач расследования, в том числе связанным с изучением личности потерпевшего от убийства. В расследовании преступлений наблюдение в непосредственном познании активно используется в сочетании с другими методами познания при производстве следственных действий. При этом приемы наблюдения связаны с характером следственного действия и процессуальной регламентацией его проведения.

Цель любого наблюдения заключается в общем представлении следователя о характере расследуемого события, а также виде и содержании следственного действия. Цели наблюдения можно разделить на общие (типичные для любого следственного действия)

* Анализ судебно-следственной практики последних лет свидетельствует, что около 89,3 % убийств совершается в условиях неочевидности, в 69,1 % убийств требуется установление личности потерпевшего, 58,4 % убийств связаны со сложными процедурами идентификационного характера.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

и частные, которые связаны со спецификой отдельно взятого следственного действия.

Использование наблюдения при изучении личности потерпевшего при расследовании убийств всегда должно носить аналитико-синтетический характер. Особенно это связано с процессом, когда возникает необходимость идентификации личности потерпевшего. В этом процессе следователь должен не просто наблюдать предметы и явления, а анализировать факты, сосредотачивая внимание на тех, которые важны для расследования в целом и, в первую очередь, для установления личности потерпевшего от убийства.

Внутренняя организованность наблюдения в приведенных обстоятельствах расследования достигается следователем на основе планомерности его действий системностью наблюдения (от частного к общему), его этапностью, умением абстрагироваться от внешних неблагоприятных факторов, эмоциональной сдержанностью.

Целенаправленное наблюдение должно завершаться фиксацией его результатов, отражающей выборочный характер криминали-

стически значимой информации актуальной для расследования и соответствующей процессуальной форме следственного действия.

Непосредственное наблюдение в процессе расследования тесно связано со сравнением, т. е. методом сопоставления признаков, присущих одному или нескольким объектам.

В расследовании убийств сравнение используется с целью идентификации трупа потерпевшего, установления других важных обстоятельств события, при этом достоверный вывод о личности потерпевшего и событии может быть сделан исключительно тогда, когда установлена качественная определенность сравниваемых признаков и несомненность их происхождения. Если происхождение сравниваемых между собой признаков спорно, то вывод по результатам сравнения должен оцениваться как вероятный.

В следующей публикации серии статей о методе научного познания и методах практической деятельности по расследованию преступлений необходимо рассмотреть другие прикладные методы и дать на этой основе некоторые их научно-практические определения.

*(Продолжение статьи
в следующем номере журнала)*

Литература

1. Копнин П.В. Диалектика как логика. Киев, 1961.
2. Таванец П.В., Швырев В.С. Логика научного познания. Проблемы логики научного познания. М., 1964.
3. Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе. Выпуск VII. М., 1944.
4. Лупинская П.А. О понятии судебных доказательств. Выпуск VII. М., 1958.
5. Лифшиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М., 1947.
6. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969.
7. Мешков В.М. Время в уголовном процессе и криминалистике. М., 2012.
8. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М., 1966.
9. Анненков С.И., Анненкова Т.С. Обстановка совершения преступления: процессуальные и криминалистические исследования. М., 2013.
10. Стояновский М.Б. Классификационный подход в криминалистической науке и практике. М., 2010.

Bibliography

1. Kopnin P.V. Dialectics as logic. Kiev, 1961.
2. Tavanets P.V., Shvyrev V.S. Logic of scientific cognition. Problems of the logic of scientific cognition. Moscow, 1964.
3. Grodzinsky M.M. Evidence in the Soviet criminal process. Issue VII. Moscow, 1944.
4. Lupinskaya P.A. On the concept of judicial evidence. Issue VII. Moscow, 1958.
5. Lifshits V.Ya. The principle of immediacy in the Soviet criminal process. Moscow, 1947.
6. Luzgin I.M. Investigation as a process of cognition. Moscow, 1969.
7. Meshkov V.M. Time in criminal procedure and criminalistics. Moscow, 2012.
8. Belkin R.S. Collecting, research and evaluation of evidence. Moscow, 1966.
9. Annenkov S.I., Annenkova T.S. Crime scene: procedural and criminalistic research. Moscow, 2013.
10. Stoyanovsky M.B. Classification approach in criminalistic science and practice. Moscow, 2010.

© 2022 г. Назаров Сергей Николаевич,

профессор кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, заведующий кафедрой процессуального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: nazarovdon@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье обосновывается двухкомпонентный функциональный состав факторов-детерминантов правоохранительной деятельности, включающий фактор необходимости правоохранительной деятельности, обусловливаемый безопасностью личности, общества и государства, и фактор содержания правоохранительной деятельности, обусловливаемый сущностью государства.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, деятельностный подход, функциональная основа, безопасность личности, общества и государства, сущность государства, охранительная функция, правоохранительная подфункция.

Nazarov Sergey Nikolaevich – Head of the Department of Procedural Law of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

FUNCTIONAL BASIS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

The article substantiates the two-component functional composition of factors-determinants of law enforcement, including the factor of the need for law enforcement, due to the security of the individual, society and the state, and the factor of the content of law enforcement, due to the essence of the state.

Keywords: law enforcement activity, activity approach, functional basis, security of the individual, society and state, essence of the state, protective function, law enforcement subfunction.

В научных изысканиях отсутствует единство мнений о функциональной принадлежности правоохранительной деятельности. Во многом это объясняется многозначностью понятий «функция» и «правоохранительная деятельность» и связанных с этим проблемами в отечественной юридической науке.

Дискуссионными являются и вопросы о наличии самостоятельной правоохранительной функции в системе функций государства, которые еще не получили в юридической науке однозначного разрешения.

Многообразие подходов к определению функциональности правоохранительной деятельности позволяет выделить из них два основных:

1) рассмотрение правоохранительной деятельности как реализующей одноименную функцию государства (правоохранительную функцию);

2) реализация посредством правоохранительной деятельности иных (одной или нескольких) функций государства.

Сторонники первого подхода обосновывают самостоятельность правоохранительной

функции в системе функций государства, указывая, что «одна из важнейших задач любого государства – охрана действующего права (законодательства) и правового порядка» [1, с. 167]; «правоохранительная функция, несомненно, является самостоятельной функцией государства» [2].

О.С. Капинус и Ф.М. Кобзарев определяют правоохранительную функцию как системообразующее ядро всех государственных функций, обеспечивающее гарантированную ст. 45 Конституции Российской Федерации защиту прав и свобод человека и гражданина в нашей стране. Реализация правоохранительной функции государства, отмечают авторы, осуществляется правоохранительной деятельностью всего государства в лице законодательных, исполнительных и судебных органов власти и специально уполномоченных государственных органов по борьбе с правонарушениями в соответствии с их компетенцией и предметом ведения, обеспечивая верховенство закона, защиту прав человека, принятие мер для поддержания правопорядка. В рамках такого подхода обосновывается

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

реализация правоохранительной функции как материальной функции государства в законодательской, административной и судебной деятельности [3, с. 91].

Сторонники другого подхода полагают, что посредством правоохранительной деятельности реализуются несколько функций государства. «Охранительные задачи, связанные с охраной существующих форм собственности, обеспечением государственной и общественной безопасности, охраной прав и свобод населения или его части, реализуются в экономической, политической, социальной и идеологической функциях государства» [4, с. 285].

В рамках данного подхода обосновывается, что правоохранительная деятельность является одним из видов деятельности, реализующей охранительную функцию государства [5, с. 26].

Правоохранительная деятельность рассматривается основной формой реализации охранительной функции и одновременно способом осуществления государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) с государственно-правовых позиций [6; 7], а правоохранительные органы – основными субъектами этой деятельности [8; 9].

Многообразие мнений о функциональной принадлежности правоохранительной деятельности сохраняет необходимость в продолжении исследования этой научной проблемы, поиске новых подходов к ее решению.

Общей для всех приведенных подходов является взаимосвязь правоохранительной деятельности с функцией (функциями) государства, что актуализирует исследование ее содержания.

Определение функции государства как направлений его деятельности, в которых выражаются и конкретизируются его классовая сущность, служебная роль, задачи и цели, закономерности развития [10, с. 6–7; 11], получило широкое распространение.

Такому подходу в целом соответствуют определения функции государства в значении содержания его фактической деятельности [12, с. 131], актуального его направления деятельности [13, с. 34], объективно необходимых, целенаправленных основных направлений (сторон) деятельности [14, с. 27], имманентных направлений и видов публично-властной деятельности, обусловленных целями и задачами, выражающих его сущность и ценность [15, с. 9],

части деятельности государства, из которых складывается вся государственная работа [16, с. 4], конечные цели, которые остаются неизменными на всем протяжении существования государственности [17, с. 107–108], единой относительно самостоятельной подсистемы целенаправленной деятельности государства в обособленной сфере общественных отношений [18, с. 33–40].

Несмотря на распространенность, определение функций государства как «направлений деятельности», тем не менее, всегда вызывало возражения, как позволяющее фиксировать любое направление деятельности государства его функцией по произвольному критерию.

Еще в 60-х гг. прошлого столетия высказано мнение, что такой подход к определению функций государства является неудачным, т. к. в данном случае понятие функций либо растворяется в понятии государственной деятельности, либо, напротив, отрывается от нее. Связь функций государства с его деятельностью предлагалось определять рассмотрением функции как стороны этой деятельности [19, с. 8].

Против этого было высказано возражение, что определением функций государства как сторон (видов) его деятельности отождествляются хотя и близкие, но все же разные понятия: функции государства и самая деятельность государства [20, с. 21–22].

Не решает эту проблему и уточнение, согласно которому функциями являются не любые, а «основные (главные) направления (стороны, виды) деятельности государства по реализации стоящих перед ним задач для достижения определенных целей, обусловленных его сущностью и социальным назначением» [21, с. 84].

Все приведенные определения характеризуются содержательной «связанностью» с деятельностью, в которой заключаются различные ее аспекты и стороны.

Сложившийся подход, связанный с обусловленностью функциореализующей деятельности государства, применительно к правоохранительной деятельности не раскрывает в полной мере содержание ее функциональной основы.

Взаимосвязь функции государства и его деятельности очевидна: функции государства проявляются не иначе, как во внешней форме, т. е. в деятельности, в связи с чем функции государства и его деятельность соотносятся как философские категории «сущность» и «явление», соответственно.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

В категории «явление как формы проявления сущности» последняя (сущность) отражается, проявляется и раскрывается, что не означает их совпадения и тождества: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...» [22, с. 384].

Теоретические исследования категории «сущность», как известно, обосновывают, что это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия; явление – то или иное обнаружение (выражение) предмета, внешние формы его существования. Из этого следует, что деятельность и функцию государства, как различаемые понятия, связывает внутреннее единство, обеспечивающее их согласованность.

Выявлению такой внутренней взаимосвязи функции государства и его деятельности, факторов, детерминирующих правоохранительную деятельность, способствует использование в качестве методологического средства деятельностного подхода.

Применение данного метода в научных исследованиях позволило углубить научные знания о содержании функции государства, выявить сложный состав ее внутренней структуры, создать предпосылки для преодоления суженного представления о функциях государства как о направлениях его деятельности.

Сложный состав внутренней структуры функций государства представлен следующими выделяемыми в научных исследованиях элементами, составляющими в совокупности их единство:

1) социально-классовое назначение государства – объект (определенный вид или сфера общественных отношений – экономических, политических, культурных, экологических и т. д.);

2) фактическая деятельность государства по реализации его социально-классового назначения;

3) объект функции – то, на что направлено воздействие государства;

4) основная цель такой деятельности;

5) методы, способы, принципы и средства реализации функций [23, с. 8].

Однако состав понятия «деятельность», наряду с приведенными элементами всеобщей структуры деятельности (цель, средство, результат), включает и иные элементы – процесс, предмет, субъект, потребность, свойства и др.

В связи с этим представляется обоснованным подход к двухкомпонентному составу содержания функции государства, состоящему из социального назначения государства как сущностной стороны функции и практической деятельности государства по реализации его назначения, как динамического элемента функции, выражающего ее жизнедеятельность. Объектную направленность, цели деятельности, формы, методы и способы составляют практическую сторону деятельности государства по реализации его социального назначения [24, с. 160].

А.П. Глебовым предложено понятие «основание функции», определяемое им как свойства государства, которые непосредственно порождают его отношения к объектам функционального воздействия и включение в понятие функция государства не любой, а только объективно обусловленной его деятельности [23, с. 166].

Определение содержания «основания функции» как свойства государства, порождающие его отношения к объектам функционального воздействия, конкретизирует сущностный компонент функции государства (социальное назначение государства).

С позиции теории детерминизма, рассмотрению правоохранительной деятельности как обусловленной только сущностью государства соответствует концепция монокаузальной (однозначной) причинности, в соответствии с которой каждое явление в фиксированных условиях однозначно вызывает другое явление.

Однако содержание сущностной стороны функции в сфере правовой действительности не ограничивается только фактором социального назначения (свойствами) государства.

Современные общеправовые исследования концепции детерминизма [25] выделяют не только однозначную его обусловленность в качестве характерной черты, но и обосновывают его разновидности.

Особенность процессов обусловливания, отмечает Н.В. Галанина, состоит в том, что условия неравнозначны; многие из них сами по себе не могут превратиться в новую действительность, продуцировать ее, они создают лишь возможность новой действительности. Требуется более конкретный подход к самому обусловливанию, учет качественной специфики разных форм обусловливания (выделено мною – С.Н.), вносящих неодинаковый вклад в развитие объекта (например, роль

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

внешних и внутренних условий, причин и условий в узком смысле этого слова) [26, с. 22].

Сущность государства составляет одну из форм («внутреннее условие») обусловливания правоохранительной деятельности.

Другие формы (факторы обусловливания) правоохранительной деятельности предопределяются объективной необходимостью ее осуществления. Такие факторы, не являясь самой деятельностью, находясь за ее пределами, ее детерминируют. С учетом разграничения сущностной и деятельностной сторон функции государства в недеятельностные факторы-детерминанты деятельности относятся, соответственно, к сущностной стороне функции.

Для определения факторов объективной необходимости осуществления правоохранительной деятельности обратимся к теоретическим исследованиям социальной деятельности. Внедеятельностные факторы исследованы отечественным философом Э.Г. Юдиным. Основываясь на базовом положении, исходно определяющем понятие «деятельность», такую его характеристику, которая имеется у всех без исключения его разновидностей и в то же время отражает существо рассматриваемого понятия, ученый заключает, что понимание сущности деятельности возможно посредством ее внешних определений, не ограничиваясь в исследовании только анализом внутренней структуры деятельности [27, с. 228].

Выделяя сферу формирования целей человека и построения образа действительности как результата осуществляемой деятельности, ученый обосновывает точку зрения, согласно которой именно в этих сферах находится разгадка природы деятельности. В системе основных элементов ее структуры Э.Г. Юдин выделяет основание деятельности, которое определяет как сознательно формулируемую цель, и, предлагая свой собственный теоретический подход, выделяет основание ее цели, которое находится за пределами деятельности, там, где создаются идеалы и ценности человека [27, с. 228].

Функциональную основу обусловливания необходимости правоохранительной деятельности составляют находящиеся за ее пределами определенные факторы-детерминанты, которые, представляя категорию «сущность», должны соответствовать таким ее признакам, как устойчивость и стабильность.

Таким внедеятельностным фактором обусловливания необходимости правоохрани-

тельной деятельности, содержательно взаимосвязанным с целью правоохранительной деятельности (обеспечение верховенства закона, защиты прав человека и поддержание правопорядка), а также соответствующим признаку устойчивости и стабильности, нами определяется безопасность личности, общества и государства.

Достижение состояния безопасности означает реализацию соответствующих идеалов и ценностей (идеал – высшая степень ценного или наилучшее завершённое состояние какого-либо явления [28]), что позволяет рассматривать безопасность личности, общества и государства как внешний фактор, обуславливающий необходимость в правоохранительной деятельности.

Осуществление противодействия преступлениям и иным правонарушениям, т. е. правоохранительной деятельности, является условием обеспечения внутренней безопасности государства, сохранения достигнутого уровня социальной организации и порядка, что также свидетельствует о ее объективной обусловленности.

Таким образом, безопасность личности, общества и государства является элементом сущностной стороны функции государства в сфере правоохраны, определяющим необходимость правоохранительной деятельности.

Содержание исследуемых элементов сущностной стороны функции государства в сфере правоохраны свидетельствует, что необходимость в самой деятельности по борьбе с преступлениями непосредственно не обуславливается свойствами (сущностью) государства в общепринятом ее значении как направленности власти, ее принадлежности.

В догосударственный период общественная жизнь регулировалась посредством обычаев, соблюдение которых обеспечивалось мерами общественного воздействия на нарушителя (казнь, изгнание из рода). Правовые обычаи, возникшие вследствие саморегуляции общественной жизни, являлись средством обеспечения ее безопасности.

Функция охраны, справедливо отмечает Д.В. Пожарский, осуществлялась и до возникновения государства. Однако по мере формирования публичной власти (государства) эта функция становится его исключительной прерогативой. Государство, возникнув, монополизировало охранительное воздействие и осуществляет его постоянно, применяя к различным

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

объектам в классовых и общесоциальных интересах [29, с. 26].

Борьба с преступлениями и иными правонарушениями присуще государству любого исторического типа. Нет государства, которое бы не боролось с преступлениями и иными правонарушениями. В недавнем прошлом на основе классового подхода выделяли и противопоставляли общенародную (советскую) и эксплуататорскую (буржуазную) сущность государства, в соответствии с которой отличие охранительной функции советского государства состояло в охране социалистической собственности и социалистического правопорядка. Соответственно, в буржуазном государстве охраняются капиталистическая собственность и правопорядок.

Однако это различие характеризует направленность охранительной деятельности государства в значении, чьи интересы учитываются и защищаются. При этом собственность и правопорядок (социалистические, буржуазные или иные) всегда нуждаются в охране, в связи с чем свойства (сущность) государства обуславливают содержание правоохранительной деятельности, ее формы и виды.

Так, например, содержание правоохранительной деятельности в правовом государстве отличается признанием прав личности при ее осуществлении и гарантиями их реализации. В отечественной истории – дознание – в законодательстве досоветского периода не являлось формой расследования, а в советский период и в настоящее время относится к форме расследования. Как расширение государством видов правоохранительной деятельности следует рассматривать введение финансового мониторинга и т. д.

При определении функциональности правоохранительной деятельности следует учитывать обусловленность функции «решением исторических задач, стоящих перед государством на главных этапах его развития» [30, с. 7]; «конкретно-историческими условиями существования государства» [31, с. 34].

Состояние безопасности личности, общества и государства не является неизменным и подлежит постоянной оценке государством, по результатам которой определяется необходимость в принятии мер, направленных на ее укрепление.

В современных условиях исторических изменений глобального характера, вызванных санкционной агрессией против России со

стороны западных стран, меняющих существование российского государства, особую значимость приобретает охранительная функция страны, направленная на обеспечение национальной безопасности, суверенитета и ее независимости.

В научных исследованиях охранительная функция государства определяется как самостоятельная и относительно обособленная [32]; как момент сущности, определяющий такое воздействие государства, которое связано с необходимостью обеспечения стабильности и сохранности общественных отношений, с предотвращением и устранением опасности для существующего правопорядка и права [33, с. 12]; как публично-властная деятельность государства, обусловленная его сущностью, проявляющей его ценность и социальное назначение, осуществляемая в целях нейтрализации угроз безопасности общества [34, с. 26].

Охранительные задачи государства: политико-охранительные, экономико-охранительные, духовно-охранительные, природоохранительные и собственно правоохранительные (охрана прав и свобод личности, охрана правопорядка) [34, с. 13–14]. Сферы реализации указанных задач соответствуют сферам обеспечения безопасности, требующим осуществления соответствующих видов охранительной деятельности.

Перечень сфер обеспечения безопасности в условиях современных реалий подлежит дополнению информационной, энергетической, продовольственной безопасностью. Приведенный перечень нельзя рассматривать как исчерпывающий.

Обеспечение безопасности страны, отметил Президент РФ В.В. Путин на заседании Совета Безопасности Российской Федерации 25 апреля 2022 г., является приоритетной задачей [35].

В связи с произошедшими в сфере безопасности изменениями принципиального характера, кратно увеличивающими угрозы безопасности нашему государству практически во всех сферах, охранительную функцию российского государства на современном историческом этапе следует рассматривать как приобретающую статус системообразующей для всех государственных функций.

Фактор безопасности личности, общества и государства, объективно обуславливающий необходимость охранительной деятельности государства, отвечает признаку категории

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

«сущее», т. е. стабильности, не подверженному изменению в зависимости от форм и видов охранительной деятельности.

При этом изменения состояния безопасности личности, общества и государства, а также оптимизация содержания охранительной деятельности не противоречат признаку устойчивости и стабильности, поскольку, будучи устойчивой по отношению к явлению, сущность также изменяется: «не только явления преходящи, подвижны, текучи, но и сущности вещей» [36, с. 227].

С учетом изложенного, состав сущностной стороны охранительной функции государства является, по нашему мнению, двухэлементным, включающий фактор, детерминирующий необходимость в ней, – обеспечение безопасности личности, общества и государства и фактор, детерминирующий содержание охранительной функции в соответствии с социальным назначением государства.

Обеспечение собственной безопасности, а также безопасности личности и общества, защиты жизненно важных интересов государство осуществляет как в правовых, так и неправовых, организационных формах.

Охрана явлений, образующих правовую действительность (правовой порядок, права и свободы человека, юридические нормы и институты), осуществляемая посредством деятельности правоохранительной, потребность в которой вызывается необходимостью обеспечения безопасности личности, общества и государства, является одной из форм (видом) охранительной деятельности.

Осуществление правоохранительной деятельности вызывается преступлениями и иными противоправными деяниями, в связи с чем обеспечение безопасности личности, общества и государства является причинно обуславливающим фактором необходимости в правоохранительной деятельности, которая рассматривается как один из видов государственной

деятельности, реализующей охранительную функцию государства.

В целях обеспечения стабильности и сохранности общественных отношений, предотвращения и устранения опасности существующему правопорядку и праву от правоохранительных органов требуется решительно пресекать любые действия, направленные на вмешательство во внутренние дела России извне, на дестабилизацию нашего общества, разжигание ксенофобии, воинствующего национализма, межконфессиональной вражды; незамедлительно реагировать на факты распространения в Интернете радикальной идеологии, фейков, провоцирующих нарушения общественного порядка, подготовку незаконных акций [37].

Правоохранительную деятельность в системе функций государства следует рассматривать как реализующую одноименную (правоохранительную) подфункцию охранительной функции государства.

Специфику правоохранительной подфункции охранительной функции государства определяют присущие ей формы и средства достижения безопасности личности, общества и государства, обеспечивающие верховенство закона, защиту прав человека, поддержание правопорядка.

На главенствующее значение обеспечения национальной безопасности, подчиненности ей цели верховенства закона, единства и укрепления законности, служащие средством защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, обоснованно указывает Т.А. Ашурбеков [38, с. 15–16].

Таким образом, функциональную основу правоохранительной деятельности составляют фактор необходимости правоохранительной деятельности, обуславливаемый безопасностью личности, общества и государства, и фактор содержания правоохранительной деятельности, обуславливаемый сущностью государства.

Литература

1. Теория государства и права: учебник / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007.
2. Харченко О.В. Правоохранительная функция как перманентная функция государства // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 99.
3. Мушкет И.И., Хохлов Е.Б. Полицейское право России: проблемы теории. СПб., 1998.

Bibliography

1. Theory of state and law: textbook / ed. by O.V. Martyshina. Moscow, 2007.
2. Kharchenko O.V. Law enforcement function as a permanent function of the state // Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen. 2009. № 99.
3. Musket I.I., Khokhlov E.B. Police law of Russia: problems of theory. St. Petersburg, 1998.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

4. Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 1997.
5. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2015.
6. Числов А.И. Профессиональная правоохранительная деятельность: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000.
7. Тарасов А.М. Правоохранительная деятельность: ее понятие, сущность, правовые аспекты контроля // Черные дыры в российском законодательстве. 2002. № 2.
8. Мелехин А.В. Судебная власть Российской Федерации: курс лекций. М., 2012.
9. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / под ред. В.М. Семенова и В.А. Байдукова. М., 2007.
10. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1979.
11. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М., 1970.
12. Денисов А.И. Советское государство. М., 1967.
13. Терехин Д.В. Охрана международного правопорядка как функция современного Российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
14. Мелихова А.В. Функции советского и современного Российского государства: дис. канд. юрид. наук. Самара, 2006.
15. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
16. Манохин В.М. Советское административное право. Часть общая: курс лекций. Саратов, 1968. Вып. 1.
17. Каск Л.И., Николаева Л.В. О некоторых вопросах понятия функций государства // Вестник Ленинградского университета. 1974. Вып. 2.
18. Туманов С.Н. К вопросу о понятии и структуре функции государства // Вестник Пермского университета. 2012. № 4(18).
19. Стальгевич А.К. К вопросам развития государственности в общественное коммунистическое самоуправление. Госюриздат. 1962.
20. Лукьянов А.И., Лазарев Б.М. Советское государство и общественные организации. Госюриздат. 1962.
21. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М., 1997.
4. Theory of law and the state: textbook / ed. by V.V. Lazarev. Moscow, 1997.
5. Pozharsky D.V. The protective function of the state (theoretical and methodological problems): abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences. Moscow, 2015.
6. Chislov A.I. Professional law enforcement activity: theoretical and legal research: auth. abstr. ... Dr. of Law. St. Petersburg, 2000.
7. Tarasov A.M. Law enforcement activity: its concept, essence, legal aspects of control // Black holes in Russian legislation. 2002. № 2.
8. Melekhin A.V. Judicial power of the Russian Federation: a course of lectures. Moscow, 2012.
9. Law enforcement agencies of the Russian Federation: textbook / ed. V.M. Semenov and V.A. Baidukov. Moscow, 2007.
10. Baytin M.I. The essence and main functions of the socialist state. Saratov, 1979.
11. Chernogolovkin N.V. Theory of functions of the socialist state. Moscow, 1970.
12. Denisov A.I. The Soviet State. Moscow, 1967.
13. Terekhin D.V. Protection of international law and order as a function of the modern Russian state: auth. abstr. ... Cand. of Law. N. Novgorod, 2006.
14. Melikhova A.V. The functions of the Soviet and modern Russian state: auth. abstr. ... Cand. of Law. Samara, 2006.
15. Pozharsky D.V. The protective function of the state (theoretical and methodological problems): autoref. diss. ... Dr. of Law. Moscow, 2015.
16. Manokhin V.M. Soviet administrative law. General part: a course of lectures. Saratov, 1968. Issue 1.
17. Kask L.I., Nikolaeva L.V. On some issues of the concept of State functions // Bulletin of Leningrad University. 1974. Issue 2.
18. Tumanov S.N. On the question of the concept and structure of the function of the state // Bulletin of Perm University. 2012. № 4(18).
19. Stalgevich A.K. On the development of statehood in public communist self-government. Gosyurizdat. 1962.
20. Lukyanov A.I., Lazarev B.M. The Soviet state and public organizations. Gosyurizdat. 1962.
21. Komarov S.A. General theory of state and law. Moscow, 1997.
22. Marx K. and Engels F. Works. Vol. 25. Part 2. Moscow, 1962.
23. Glebov A.P. The concept and structure of the functions of the socialist state: the manual on the special course «Problems of the theory of the socialist state and law». Voronezh, 1974.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

22. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 2. М., 1962.
23. Глебов А.П. Понятие и структура функций социалистического государства: пособие по спецкурсу «Проблемы теории социалистического государства и права». Воронеж, 1974.
24. Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2005.
25. Меньчиков Г.П. Детерминизм XXI: проблемы и решения. М., 2015.
26. Галанина Н.В. Понимание детерминации в философском анализе // Вестник Московского университета МВД. 2016. №2.
27. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М., 1978.
28. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ИДЕАЛ (дата обращения: 17.04.2022).
29. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
30. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М., 1970.
31. Андреев А.Г. Охранительная функция государства в современных условиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
32. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
32. Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2001.
33. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
35. Выступление В.В. Путина на заседании Совета Безопасности Российской Федерации 21 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67825> (дата обращения: 17.04.2022).
36. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29. М., 1973.
37. Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры России 25 апреля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 17.04.2022).
38. Ашурбеков Т.А. Правовые и организационные основы надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере национальной безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
24. Problems of the theory of state and law / ed. by M.N. Marchenko. Moscow, 2005.
25. Menchikov G.P. Determinism XXI: problems and solutions. Moscow, 2015.
26. Galanina N.V. Understanding determination in philosophical analysis // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs. 2016. № 2.
27. Yudin E.G. System approach and principle of activity. Methodological problems of modern science. Moscow, 1978.
28. New Philosophical Encyclopedia [Electronic resource]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ИДЕАЛ (date of access: 17.04.2022).
29. Pozharsky D.V. The protective function of the state (theoretical and methodological problems): auth. abstr. ... cand. of Law. Moscow, 2015.
30. Chernogolovkin N.V. Theory of functions of the socialist state. Moscow, 1970.
31. Andreev A.G. The protective function of the state in modern conditions: auth. abstr. ... Cand. of Law. Moscow, 2002.
32. Pozharsky D.V. The protective function of the state (theoretical and methodological problems): auth. abstr. ... cand. of Law. Moscow, 2015.
32. Syrykh V.M. Theory of state and law. Moscow, 2001.
33. Pozharsky D.V. Protective function of the state (theoretical and methodological problems): auth. abstr. ... Cand. of Law. Moscow, 2015.
35. V.V. Putin's speech at the meeting of the Security Council of the Russian Federation on February 21, 2022 [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67825> (date of access: 17.04.2022).
36. Lenin V.I. Complete works. Vol. 29. Moscow, 1973.
37. V.V. Putin's speech at an expanded meeting of the Board of the Prosecutor General's Office of Russia on April 25, 2022 [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/> (date of access: 17.04.2022).
38. Ashurbekov T.A. Legal and organizational bases of supervisory and other functional activities of the Prosecutor's office in the field of national security: auth. abstr. ... Dr. of Law. Moscow, 2009.

© 2022 г. Пахомов Сергей Валерьевич,

заместитель начальника (по научной работе) Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: svpakhomov@inbox.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ВЫЯВЛЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

В зависимости от складывающихся ситуаций определяются основания для проведения оперативно-розыскной деятельности, направленной на установление оперативно значимых данных о преступлении, совершаемом в сфере агропромышленного комплекса, формы и механизмов представления результатов следователю для их оценки и дальнейшего использования в доказывании. Оценка следователем результатов ОРД основывается на теоретических, правовых и тактических предпосылках, определяющих условия формирования правовых основ оценки таких результатов, а также механизмов указанной оценочной деятельности.

Ключевые слова: представление результатов оперативно-розыскной деятельности, оценка результатов оперативно-розыскной деятельности, доказывание, преступления в сфере агропромышленного комплекса.

Pakhomov Sergey Valerievich – Deputy Head (for scientific work) of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

SOME FEATURES OF THE INVESTIGATOR'S ASSESSMENT OF THE RESULTS OF OPERATIVE-SEARCH ACTIVITIES AIMED AT IDENTIFYING CRIMES COMMITTED IN THE AREA OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Depending on the current situation, the grounds for conducting operational investigative activities aimed at establishing operationally significant data on a crime committed in the agro-industrial complex, the forms and mechanisms of presenting the results to the investigator for assessment and further usage in proving are determined. The investigator's assessment of the results of the OSA is based on theoretical, legal and tactical prerequisites that determine the conditions for the creation of the legal basis for evaluating such results, as well as the mechanisms of the specified assessment activity.

Keywords: presentation of the results of operative-search activities, assessment of the results of operative-search activities, proof, crimes in the area of agro-industrial complex.

Практика взаимодействия следователей и оперативных сотрудников, специализирующихся на раскрытии и расследовании преступлений в сфере агропромышленного комплекса (далее – АПК), указывает на существование нескольких типичных ситуаций, при которых возникают различные основания для осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) и дальнейшего представления следователю ее результатов для оценки и использования в процессе доказывания. К таким ситуациям относятся следующие:

– о совершении преступления в правоохранительные органы поступило заявление от представителя организации или физического лица, содержащее сведения о лице (лицах), причастном к преступлению, характере совершенного преступления, размере причи-

ненного материального или имущественного ущерба;

– информация о совершаемом или уже совершенном преступлении получена субъектом ОРД из конфиденциального источника либо в рамках проведения плановых профилактических мероприятий (например, в ходе проведения сезонных уборочных сельскохозяйственных работ) и содержит ориентирующие сведения о лицах, причастных к преступлению, характере причиненного ущерба, о личности потерпевшего и т. д.;

– сведения о признаках преступления поступили субъекту ОРД из государственных органов контроля, надзора и регулирования производственно-экономических отношений агропромышленной сферы (налогового органа, Росфинмониторинга, Роспотребнадзора и др.).

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

С учетом двух последних ситуаций решение о проведении ОРД принимается органом, осуществляющим данную деятельность по основаниям, предусмотренным ч. 2, 4 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) [1]. Касательно первой ситуации, очевидно то, что основанием для проведения ОРД является положение ч. 3 ст. 7 ФЗ об ОРД, т. е. поручение следователя, в чьем производстве находится уголовное дело или материалы проверки сообщений о преступлении. Указанные особенности имеют значение при определении формы представления результатов ОРД. Так, на основании п. 6 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [2] результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах ОРД. Форма представления результатов зависит от волеизъявления субъекта, определяющего необходимость представления таких результатов: представляются ли они по инициативе субъекта ОРД или по инициативе следователя в соответствии с его поручением. Во втором случае представление результатов ОРД осуществляется в форме сообщения о таких результатах, отраженных в соответствующем рапорте (приложение № 1 к Инструкции) [3, с. 30–31.].

С позиции законодателя (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ) результаты оперативно-розыскной деятельности представляют собой сведения, полученные в соответствии с ФЗ об ОРД, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Поэтому следователю необходимо руководствоваться тем, что в материалах ОРД должны найти отражение отдельные обстоятельства, охватываемые предметом доказывания в соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ, в первую очередь связанные: с событием преступления (временем, местом, способом совершения преступления); с лицом, причастным к преступлению, и мотивами совершения преступления; с характером и размером вреда, причиненного преступлением.

Поскольку в качестве средства совершения преступления в сфере АПК часто выступают специфические предметы (производственные

механизмы, транспортные средства и др.) и документы (организационные, финансово-хозяйственные, бухгалтерские), то под результатами ОРД следует понимать не только сведения, но и материальные объекты как источники криминалистически значимой информации [4, с. 473]. На это опосредованно указывает ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОРД, в соответствии с которой при производстве гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий предоставляется право изымать документы и предметы. Таким образом, под результатами ОРД следует понимать выявленные в рамках реализации гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и задокументированные сведения о признаках преступления и лице, его совершившем, а также изъятые в установленном порядке предметы, документы и вещества.

Оценка следователем результатов ОРД основывается на теоретических, правовых и тактических предпосылках, определяющих условия формирования нормативных правовых основ оценки таких результатов, а также механизмов указанной оценочной деятельности субъекта расследования. Рассмотрим их подробнее.

Теоретические предпосылки формируют представление следователя о возникновении результатов ОРД и соответствующей модели их оценки. Поскольку оперативно-розыскная деятельность подчинена общей цели – получение оперативно значимой информации, то структура формирования результатов ОРД в качестве основного компонента включает в себя информацию, а точнее – свойство ее отражения. В обобщенном виде система возникновения результатов ОРД представлена взаимообусловленными элементами: источник информации – субъект получения информации – метод получения информации – интерпретация полученной информации. Эти зависимости экстраполируются на лежащую в основе оценки следователем результатов ОРД модель, представленную нами в следующем виде:

1) определение принадлежности информации к преступному событию, объективность сведений об источнике ее происхождения, связь источника происхождения информации с преступным событием, значение конкретной информации в системе оперативно значимых сведений;

2) роль субъекта ОРД в установлении источника отражения информации, допустимость

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

документирования информации в складывающихся режимах деятельности субъекта ОРД, признаки взаимосвязи информации с реализованными оперативно-розыскными методами ее документирования;

3) соответствие избранных методов документирования информации правовым нормам, объективность фиксации хода и результатов ОРМ, способность информации обладать признаками доказательств.

Такая *полноструктурная* модель может быть успешно применена при оценке результатов гласных ОРМ (например, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств или исследование предметов и документов). Применение указанной модели при оценке результатов ОРД, основанных на проведении ОРМ в негласной форме, исключено в силу ограниченного доступа к определенным данным (в первую очередь это связано с источником информации и методами ее получения). Поэтому здесь речь должна идти о применении субъектом расследования *неполноструктурной* модели оценки, при которой выпадает второй элемент, а его оценка основывается не на фактическом изучении интересующих следователя обстоятельств, а на усеченных данных, отраженных в соответствующих документах обобщающего содержания (актах, справках и др.).

Характер преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса, характеризуется разнообразием видов преступных деяний и способов их совершения [5, с. 32–41]. Общим для них является то, что проведению ОРД предшествуют уже наступившие последствия от противоправной деятельности, т. е. выявление и раскрытие преступлений, как правило, осуществляется *post factum*, когда с момента совершения преступления прошло достаточно времени, а установление оперативно значимых сведений требует изучения широкого круга документов, сопровождающих финансово-хозяйственную деятельность агропромышленного субъекта, установления участников таких отношений, определения сумм причиненного преступлением материального и имущественного ущерба, места нахождения имущества организации, расчетных счетов и др. Судебно-следственная практика указывает на то, что доля негласных ОРМ ниже доли ОРМ, проводимых в гласной форме при выявлении и рас-

крытии преступлений в сфере АПК. При этом значительная роль отведена работе оперативных сотрудников с различными учетами и базами данных [6, с. 146–151]. Поэтому полагаем, что целесообразно исследовать некоторые *правовые и тактические предпосылки*, оказывающие непосредственное влияние на оценку и дальнейшее использование результатов ОРД в процессе доказывания.

При выявлении преступлений, совершаемых в сфере АПК, широкое распространение получило такое ОРМ, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – «Обследование»). Данное мероприятие проводится как в гласной, так и негласной форме и направлено на изучение обстановки на определенном участке местности, в цехах, складах и т. д., также оно направлено на выяснение взаиморасположения определенных объектов, установление фактического нахождения объектов в конкретном месте, на обнаружение и изъятие различных документов, предметов, образцов продукции, электронных носителей информации. Изъятие документов, предметов, электронных носителей информации допускается при проведении анализируемого ОРМ в гласной форме, а порядок его проведения определяется ведомственными нормативными актами [7].

При оценке следователем результатов гласного ОРМ «Обследование» следует обращать внимание на несколько важных моментов, несоблюдение которых впоследствии может поставить под сомнение обоснованность проведения мероприятия и допустимость его результатов.

На основании п. 4.2 Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – Инструкция) в основе принятия решения о проведении ОРМ обязательным условием является наличие информации, связанной с объектом исследования, которая может быть получена ранее посредством проведения других ОРМ и таким же путем проверена. Таким образом, следователь обязан выяснить, в действительности ли проведению обследования предшествовала информация, установленная оперативно-розыскным путем; не основано ли решение о проведении

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

обследования на анонимных данных, непроверенных данных из средств массовой информации, не содержат ли полученные данные признаки гражданско-правовых отношений.

Следователю необходимо оценить отношение изымаемых объектов (например, компьютеров организации) с объектом проводимого обследования. Речь идет о том, что имеют место случаи подмены целей проведения одного оперативно-розыскного мероприятия другим. Так, получение компьютерной информации, предусматривающее обязательность судебного решения, подменяется результатами проведения «Обследования», в рамках которого изымается компьютерная техника, а по сути компьютерная информация, охраняемая законом, обеспечивающим право неприкосновенности тайны переписки, почтовых отправлений и др. Таким образом, в материалах ОРМ «Обследование» должны содержаться конкретные сведения об относимости изымаемых предметов, документов и т. д. к обследуемым объектам [8, с. 32].

В случае изъятия документов или электронных носителей информации, субъекты проведения ОРМ обязаны предоставить копии таких документов либо в ходе проведения ОРМ, либо по истечении 5 дней с момента проведения данного мероприятия (ст. 15 ФЗ об ОРД). Следователь должен установить, соблюдены ли вышеуказанные сроки представления копий документов.

На основании ст. 15 ФЗ об ОРД и п. 23 Инструкции в случае изъятия предметов, документов, материалов составляется протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Иными словами, если что-либо изъято, то обязательно составление протокола, который должен отражать весь поисково-познавательный процесс по аналогии с протоколом следственного осмотра. Но здесь возникает определенная несогласованность в части того, что п. 24–25.5 Инструкции ориентирует лицо, составляющее протокол, только на фактическое закрепление характеристик и признаков изъятых объектов, примененных технических средствах фиксации и на порядок ознакомления участников мероприятия с содержанием протокола. При этом выпадает целый сегмент, отражающий ход проводимого мероприятия, места обнаружения объектов, способа их изъятия.

Такая ситуация приводит к разному пониманию субъектами ОРД правил составления

протокола и во многих известных случаях является причиной формального перечисления изъятых объектов без процедурной конкретики, не позволяющей следователю оценить ход мероприятия, криминалистически значимых сведений о местах нахождения объектов, их первоначальном состоянии, количественно-качественных характеристиках и др. Некоторая путаница возникает по причине необходимости наряду с протоколом составлять и акт обследования помещения, здания, сооружения, участков местности и транспортных средств, форма которого не закреплена нормативно и носит произвольный характер. Получается, что в случае изъятия объектов составляется акт обследования и протокол изъятия. При этом в акте, как правило, отражаются время и место проведения обследования, правовые основания, а в протоколе – только факт обнаружения и изъятия объектов и их краткие (не всегда информативные) характеристики. Таким образом, отсутствует логическая связь между этими документами и целесообразность составления несвязанных документов. Следует рассмотреть вопрос о целесообразности составления только одного документа – протокола, в котором фиксируются все обстоятельства проводимого мероприятия вне зависимости от того, было что-либо изъято или нет.

Результаты такого ОРМ в некоторых случаях позволяют выявить и закрепить информацию (обнаружить и изъять документы или продукцию и предметы), воспроизвести которую в дальнейшем не представится возможным. Можно сказать, что фактически результаты ОРМ «Обследование» напрямую используются в процессе доказывания и являются источником доказательств, поскольку полученные результаты не обладают свойством воспроизводимости, т. е. не могут быть добыты следователем повторно [9]. Именно по этой причине при составлении протокола гласного ОРМ «Обследование» следует соблюдать требование, предъявляемое к протоколам, составляемым в рамках проведения следственных действий.

Важное значение в принятии процессуальных решений имеют результаты исследования документов, проводимых в рамках ОРД, как правило, в форме документальных исследований, ревизий и инвентаризаций, проводимых либо штатными специалистами-ревизорами отделов документальных проверок органов

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

внутренних дел, либо специалистами, привлекаемыми на договорной или иной основе из сторонних организаций.

При оценке следователем результатов исследований следует обращать внимание на порядок их оформления и содержание представляемых документов. Результаты исследований, проводимых специалистами-ревизорами ОВД, оформляются в виде справки, к которой прилагаются акты ревизии, объяснения руководителей организации (в некоторых случаях). Исследования, проводимые специалистами на договорной основе, оформляются актами исследования, которые по форме, как правило, соответствуют структуре акта экспертизы и составляются на бланке строгой отчетности. При оценке таких документов следователю следует обратить внимание на то, что акт исследования содержательно хоть и отражает все его стадии (фактически соответствует методике экспертного исследования), но не может подменять заключение экспертизы и служить источником доказательств [10]. Поэтому отметим еще раз, что результаты исследования документов являются основанием для принятия следователем решения о возбуждении уголовного дела или проведении проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Они учитываются при планировании расследования, в том числе при определении следственных действий (проведение обыска, выемки, осмотр места происшествия) или иных процессуальных мероприятий (назначение экспертиз, получение образцов для сравнительного исследования).

При оценке результатов ОРД важно и то, на каком этапе взаимодействия следователя и оперативных сотрудников возникает необходимость оценки результатов ОРД. Здесь следует обратиться к уголовно-процессуальной норме, а именно к ч. 2 ст. 41 УПК РФ, в соответствии с которой субъект ОРД не вправе проводить дознание по материалам проверки в порядке ст. 144 УПК РФ или по возбужденному уголовному делу по письменному поручению следователя, если он являлся участником проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанных раскрытием данного преступления. Тем не менее практика идет несколько иным путем, когда один и тот же субъект участвует и в реализации ОРМ, и при проведении следственных действий, однако в первом случае в материалах ОРД формально его участие не отражается, и, наоборот, тот факт, что оперативные

сотрудники, фигурирующие в материалах ОРД (протоколах, актах, справках, рапортах и др.), фактически участвующие в проведении следственных действий, в процессуальных документах закрепления не находят.

Существуют в практике и другие примеры формального закрепления процессуальным путем результатов, полученных оперативно-розыскным путем, когда следователь совместно с оперативными сотрудниками выезжает к месту проведения ОРМ (например, проверочной закупки) и сразу по окончании мероприятия приступает к закреплению установленных сведений уголовно-процессуальными средствами. По мнению В.Ф. Луговика, этим путем «правоприменителем обеспечивается формальное выполнение искаженно понимаемого нормативного требования, хотя плутоватость процессуальной формы налицо» [11, с. 163]. Таким образом, следователь, оценивая результаты ОРД с точки зрения допустимости их использования в процессе доказывания, должен избегать таких псевдозаконных способов закрепления криминалистически значимой информации.

Результаты ОРД являются источником информации, используемой следователем для принятия решения о возбуждении уголовного дела, выступают информационной основой для выдвижения и проверки криминалистических версий, а также для планирования расследования. Во время оперативно-розыскной деятельности следователь определяет тактико-криминалистические приемы следственных действий и реализует тактико-криминалистические операции. Результаты отдельных ОРМ являются основой для реализации процессуальных действий (назначение, судебных экспертиз, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение образцов для сравнительного исследования и др.).

Материалы ОРД, представляемые органом, осуществляющим ОРД, следователю для принятия решения о возбуждении уголовного дела о преступлениях, совершенных в сфере АПК, должны содержать определенный перечень данных:

- 1) указывающих на отраслевой характер агропромышленной деятельности, форму собственности данного субъекта, правовой статус и иные сведения, касающиеся хозяйственной жизни организации, его юридический и фактический адреса, наличие обособленных организаций или филиальной сети;

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

2) указывающих на конкретные нарушения норм налогового, бюджетного, гражданско-правового законодательства, которые содержат признаки преступлений, подпадающих под действие соответствующих норм УК России;

3) содержащих сведения о суммах незаконно полученного дохода, а также о размере и виде причиненного преступлением ущерба, о потерпевших и их представителях;

4) содержащих данные о лицах, причастных к совершению преступления, их имущественное положение и роль каждого в совершении преступления;

5) свидетельствующих о способах совершения и сокрытия преступлений и обстоятельствах, указывающих на это (подлоги в документах, представление недостоверных сведений о результатах хозяйственной деятельности, сокрытие доходов, хищение продукции или сырья и т. д.);

6) содержащих сведения о счетах организации и физического лица в кредитных организациях, движениях по счетам, наличии ценных бумаг, об имеющемся у организации имуществе и его местонахождении;

7) имеющих данные о наличии срочных и долгосрочных финансовых обязательств перед кредиторами и контрагентами.

Указанные сведения содержатся в материалах ОРД, однако не все они в силу ограниченности допуска (составляющих государственную тайну) могут быть представлены следователю. Поэтому следователь оценивает те сведения, которые на основании постановления органа, осуществляющего ОРД, были рассекречены, а те обстоятельства, которые наряду с рассекреченными имеют значение для принятия процессуального решения, но остаются в материалах ОРД с грифом, могут быть в рамочном объеме отражены в прилагаемом сообщении о результатах ОРД в виде рапорта.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Баженов С.В., Пилюшин И.П., Павлов А.В. Представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 3(58).

4. Инжина Л.П., Маркушин А.Г. Проблемы использования результатов Оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2(33).

5. Пахомов С.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере агропромышленного комплекса и их криминалистическая

Bibliography

1. On operational investigative activities: fed. law № 144-FL of 12.08.1995 (with amendments and additions) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

2. On approval of Instructions on the Procedure for submitting the Results of operational Investigative Activities to the body of Inquiry, investigator or to the court: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the FSB of Russia, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Customs Service, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, Federal Penitentiary Service, Federal Drug Control Service of the Russian Federation, Investigative Committee of the Russian Federation № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 d.d. 27.09.2013 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

3. Bazhenov S.V., Pilyushin I.P., Pavlov A.V. Presentation of the results of operational investigative activities to the body of inquiry, investigator or to the court // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3(58).

4. Engina L.P., Markushin A.G. Problems of using the results of operational investigative activities in criminal proceedings // Mir nauki, kultura, obrazovaniya. 2012. № 2(33).

5. Pakhomov S.V. Criminal and legal characteristics of crimes in the field of agro-industrial complex and their criminalistic classification // Bulletin of

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

классификация // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1(88).

6. Пахомов С.В. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых на объектах агропромышленного комплекса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4 (90).

7. Например, органы внутренних дел руководствуются положениями приказа МВД России от 01.04.2014 № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружения, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружения, участков местности и транспортных средств».

8. Багаутдинов Ф.Н., Нуриев Т.М. Актуальные проблемы защиты прав предпринимателей при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2017. № 3.

9. Россинский С.Б. Соотношение результатов невербальных следственных и судебных действий с результатами невербальных оперативно-розыскных и административных мероприятий. Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 10 // Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

10. См. по этому вопросу позицию Верховного Суда: О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51.

11. Луговик Н.Ф. Фиксация результатов оперативно-розыскной деятельности с помощью следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1.

the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(88).

6. Pakhomov S.V. Information support for the disclosure and investigation of crimes committed at the facilities of the agro-industrial complex // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4 (90).

7. For example, the internal affairs bodies are guided by the provisions of the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia d.d. 01.04.2014 № 199 «On Approval of the Instructions on the Procedure for Conducting a public operational search event by Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation inspection of Premises, Buildings, Structures, Terrain and Vehicles and the List of officials of the internal Affairs bodies of the Russian Federation authorized to issue orders on conducting a public operational search event inspection of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles».

8. Bagautdinov F.N., Nuriev T.M. Actual problems of protecting the rights of entrepreneurs in the implementation of operational investigative activities // Legality. 2017. № 3.

9. Rossinsky S.B. Correlation of the results of non-verbal investigative and judicial actions with the results of non-verbal operational investigative and administrative measures. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014. № 10 // Access from the legal reference system «Garant».

10. See the position of the Supreme Court on this issue: On the practice of applying legislation when considering criminal cases in the court of first instance (general procedure of legal proceedings): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. 19.12.2017 № 51.11.

Lugovik N.F. Fixing the results of operational investigative activities with the help of investigative actions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1.

© 2022 г. **Вормсбехер Илья Анатольевич**,

старший преподаватель-методист адъюнктуры Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук.
E-mail: vormsbekher.ilia@yandex.ru

ПОНЯТИЕ НЕГЛАСНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В данной статье автором анализируются существующие признаки разграничения оперативно-розыскных мероприятий на гласные и негласные, предлагается авторский критерий деления формы оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: гласные оперативно-розыскные мероприятия, негласные оперативно-розыскные мероприятия, проверочная закупка, прослушивание телефонных переговоров, наблюдение.

Vormsbeher Ilya Anatolyevich – Senior Teacher-methodologist of the Adjunct Faculty of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

THE CONCEPT OF COVERT OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES

In this article, the author analyzes the existing signs of delimitation of operational-search activities into overt and covert ones, and proposes the author's criterion for dividing the form of operational-search activities.

Keywords: public operational-search activities, secret operational-search activities, verification purchase, wiretapping, following.

Рассмотрение вопроса о понятии негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) целесообразно будет начать с их классификации по форме проведения, что позволит провести разграничение между гласными и негласными ОРМ и дать определение искомому понятию. Избрание такого способа обусловлено тем, что «использование логического подхода в определении любого понятия предполагает, прежде всего, сравнение изучаемого предмета с другими явлениями подобного рода» [1, с. 456].

В теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) до настоящего времени не сформировалась единой точки зрения по вопросу классификации ОРМ, хотя в трудах В.Г. Боброва [2, с. 97–104], Е.В. Бурякова [3, с. 30], К.К. Горяинова, Ю.Ф. Кваши, К.В. Суркова [4, с. 445], В.А. Гусева [5, с. 21], В.Ф. Луговика [6, с. 135], В.Н. Омелина [7, с. 140–145], Н.В. Румянцева [8, с. 197–201], А.Ю. Шумилова [9, с. 197], А.Е. Чечетина [10, с. 81–92] и др. предпринимались неоднократные попытки деления ОРМ на виды и группы по различным основаниям, их работы в настоящее время служат общетеоретической базой для углубленных исследований.

Одной из основных проблем, возникающих при разграничении гласных и негласных ОРМ, является отсутствие юридической определенности их понятий в теории и практике ОРД. Отсутствие нормативного закрепления понятия негласных ОРМ может привести к противоре-

чивому пониманию правоприменителем формы проводимых ОРМ, что станет причиной различных нарушений при осуществлении ОРД в связи с тем, что сведения о негласных ОРМ могут составлять государственную тайну. Действительно, Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), допуская осуществление негласных ОРМ с соблюдением требований конспирации, не раскрывает понятие и содержание «негласности». Этот термин находит свое отражение и в иных нормативных правовых актах [11; 12; 13; 14; 15], но ни в одном из них также не сформулирована его дефиниция. Обратившись к семантике термина «негласность», видится, что под ней понимается то, что не известно другим, неявно, тайно, секретно, сохранено в тайне [16, с. 403]. Н.В. Павличенко и А.С. Самоделкин считают, что существенное понимание негласности является общетеоретической проблемой ОРД, под негласностью понимается статическое состояние определенной системы (информации, деятельности и т. п.), скрываемой от заинтересованных лиц. В свою очередь, обеспечение негласности (динамическая составляющая) представляет собой деятельность субъектов и участников ОРД, направленную на сокрытие от определенной группы лиц информации, способной нанести ущерб интересам раскрытия, расследования преступления [17, с. 89]. Соглашаясь с суждениями, предложенными авторами, отметим, что информированность определенной группы

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

лиц о действиях субъектов и участников ОРД может нанести ущерб не только интересам раскрытия и расследования преступлений, но и решению других задач, стоящих перед органами, осуществляющими ОРД, таких как выявление и предупреждение преступлений, розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия, суда, а также розыск лиц, без вести пропавших, и других лиц, обозначенных в ст. 2 Закона об ОРД. В связи с этим целесообразно говорить об интересах решения задач ОРД.

По вопросу определения критериев деления формы оперативно-розыскных мероприятий существуют различные точки зрения. Так, например, О.А. Вагин и В.С. Овчинский в качестве признака «негласности» выделяют сокрытие от объектов ОРМ и иных лиц самого факта осуществления действий, образующих ОРМ, а также личности субъектов, их проводящих [18, с. 286]. По мнению В.Н. Кудрявцева и А.В. Лебедева, негласный характер ОРМ обеспечивает сокрытие от окружающих истинных целей, намерений, мотивов действий субъекта, который конспирирует свою деятельность [19, с. 27]. Данный критерий не в полной мере характеризует «негласность», поскольку ОРМ, при проведении которого сотрудником органа, осуществляющего ОРД, не принимаются меры по сокрытию ни самого факта осуществления ОРМ, ни лица, его осуществляющего, а зашифровывается лишь цель проведения данного мероприятия, в полной мере можно отнести к категории гласного ОРМ, но с зашифровкой цели. Схожей точки зрения, рассматривая гласное ОРМ (обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств), придерживается Л.А. Бакланов, отмечая, что наличие или отсутствие скрываемых целей указывает на наличие разных видов гласного обследования [20, с. 18]. Представляет интерес позиция законодателя Республики Беларусь, где он пошел по пути официального закрепления понятий гласных и негласных ОРМ в Законе Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» [21]. Так, согласно ст. 9 данного закона, ОРМ, проводимое гласно, предусматривает уведомление должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, гражданина, в отношении которого оно проводится, и получение согласия этого гражданина на его проведение, негласное же

ОРМ проводится без уведомления и получения согласия этого гражданина. Основываясь на приведенной выше позиции, можно сделать вывод, что законодатель Республики Беларусь в качестве признака негласности ОРМ выделяет сокрытие факта их проведения. Данный подход может быть приемлем с некоторыми уточнениями. Осознание заинтересованным лицом факта проведения в отношении него ОРМ может при определенных обстоятельствах указывать на гласный характер проведения такого мероприятия, но это также не будет универсальным признаком, ведь если оперативный сотрудник планирует провести гласное ОРМ и заинтересованным лицам по каким-либо причинам не стало известно о факте и содержании проводимого мероприятия, то в этом случае нельзя говорить о негласном характере его осуществления.

Таким образом, после рассмотрения мнений исследователей и позиций нормотворцев в Российской Федерации и Республике Беларусь становится ясно, что однообразного решения данного вопроса не прослеживается. Этот факт свидетельствует о неоднозначном толковании понятия негласных ОРМ в теории ОРД. Анализ приведенных выше позиций позволяет выделить три признака, на основании которых проводится разграничение негласных ОРМ от гласных:

- 1) сокрытие факта осуществления действий, образующих ОРМ;
- 2) сокрытие субъектов и участников ОРМ;
- 3) сокрытие истинных целей проведения ОРМ.

Аналогичные данные, подтверждающие разнообразие точек зрения по поводу признака деления ОРМ на гласные и негласные, были получены нами при проведении анкетирования оперативных сотрудников*. Так, сокрытие факта осуществления действий, образующих ОРМ, в качестве критерия разграничения ОРМ выделяют 51,9 % опрошенных, сокрытие истинных целей проведения ОРМ – 41,3 %, сокрытие субъектов и участников, осуществляющих ОРМ, – 20,4 %**. В совокупности обозначенные элементы могут характеризовать негласность проведения ОРМ.

В данном контексте представляет интерес классификация ОРМ, предложенная В.Ф. Луговиком, который считает возможным разделить их на две группы: 1) мероприятия,

* Проведено анкетирование 235 сотрудников и руководителей оперативных подразделений органов внутренних дел, проходящих службу в 27 регионах Российской Федерации.

** Общая сумма превышает 100 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

проводимые только негласно; 2) мероприятия, проводимые как гласно, так и негласно. К первой группе автор относит проверочную закупку, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируруемую поставку, оперативный эксперимент, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений. Кроме того, в связи с дополнением законодательного перечня ОРМ к данной группе необходимо отнести такое мероприятие, как получение компьютерной информации. Выделение группы негласных ОРМ обусловлено организационными особенностями проведения данных мероприятий, характеризующими негласность их проведения. Ко второй группе ученым относятся все остальные ОРМ из числа указанных в ст. 6 Закона об ОРД [22, с. 135]. Автор статьи солидарен с А.Е. Четинимым, который полагает не вполне обоснованным относить наблюдение к группе ОРМ, проводимых как гласно, так и негласно, поскольку основным условием результативности указанного ОРМ будет выступать неосведомленность заинтересованных лиц на время их проведения [10, с. 88]. Анализ точек зрения авторов, рассматривающих в своих трудах вопросы классификации ОРМ, позволяет сделать вывод, что предложенная В.Ф. Луговиком классификация с небольшими изменениями и дополнениями доминирует в специальной юридической литературе и по настоящее время.

Однако отнесение некоторых ОРМ к данной группе может вызвать сомнение, о чем свидетельствуют результаты анкетирования сотрудников оперативных подразделений. Так, проверочную закупку к категории ОРМ, проводимых только негласно, отнесли лишь 20,4 % респондентов, получение компьютерной информации – 21,3 %, наблюдение – 34,9 %, в то же время прослушивание телефонных переговоров – 75,7 %, оперативное внедрение – 75,3 %, снятие информации с технических каналов связи – 62,6 %, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений – 48,5 %, контролируруемую поставку – 43,8 %, оперативный эксперимент – 41,7 %. Результаты проведенного анкетирования подтверждают тезис о неоднозначном толковании понятия негласных ОРМ не только в теории ОРД, но и при практическом ее осуществлении, также они могут свидетельствовать о недостаточном опыте и не-

достатках теоретической подготовки ряда сотрудников оперативных подразделений*. Недопустимо говорить о гласном проведении таких мероприятий, как оперативное внедрение, снятие информации с технических каналов связи, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, контролируемая поставка. Результат анкетирования, касающийся ОРМ «получение компьютерной информации», можно интерпретировать с высокой долей условности, однако, изучив взгляды ряда ученых, рассматривавших в своих трудах данное ОРМ [23, с. 39–45; 24, с. 170–175; 25, с. 37–42; 26, с. 88; 27, с. 34–36], следует сделать вывод, что оно может проводиться только негласно.

Так, при проведении прослушивания телефонных переговоров, осуществляемого в соответствии с ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД по заявлению (или с согласия) лица, в адрес которого поступают угрозы его жизни и здоровью, могут возникнуть сомнения в форме его проведения. В данном примере ОРМ будет проводиться в негласной форме, т. к. оно направлено на лицо, от которого поступают угрозы, и проводится в отношении него, а лицо, переговоры которого прослушиваются, будет являться участником ОРМ.

Проверочную закупку следует отнести к категории ОРМ, проводимых только негласно, что вполне обоснованно, т. к. основным условием результативности данного мероприятия будет являться неосведомленность лиц, в отношении которых оно проводится, до момента возмездного приобретения товаров, предметов, продукции и веществ.

Далее необходимо отметить, что в соответствии с правилами логики основанием классификации должен быть существенный признак для решения исследовательской задачи с помощью данной классификации [28, с. 86]. Представляются убедительными и правильными по существу аргументы, приведенные Д.Б. Панюшиным, который полагает, что различные результаты при делении формы проведения ОРМ на гласную и негласную возникли в силу того, что не сформулирован критерий, по которому это деление производилось [29, с. 152]. Анализ приведенных точек зрения свидетельствует о неоднозначном толковании рассматриваемого понятия в теории ОРД, что оставляет место для попытки внести определенный вклад в исследование затронутой проблемы. В связи с этим представ-

* Согласно результатам анкетирования сотрудников оперативных подразделений, 31,5 % из них не имеют высшего юридического образования, а 22,2 % имеют стаж службы в оперативных подразделениях менее 5 лет.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

ляется необходимым выделить единый критерий (признак) для разграничения ОРМ на гласные и негласные.

По этому вопросу существуют разные точки зрения. Так, например, Е.В. Кузнецов и В.А. Самсонов считают, что более удачным признаком отграничения рассматриваемых форм ОРМ может быть включение в их содержание совокупности двух составляющих – факта возникновения уголовно-процессуальных отношений и отражения результатов ОРД в уголовном деле или материалах проверки сообщения о преступлении, проводимой в порядке ст. 144 УПК РФ. По их мнению, присутствие обоих признаков должно говорить о гласности ОРМ, а отсутствие хотя бы одного из них – негласности [30, с. 261–262].

Такой подход к определению критерия негласности ОРМ достаточно спорен. Мы считаем, что данный признак также не будет универсален, поскольку указанные авторами его составляющие могут одновременно характеризовать гласные и негласные ОРМ. Так, уголовно-процессуальные отношения могут возникнуть в результате представления [31] следователю оперативным подразделением органа, осуществляющего ОРД, рассекреченных сведений, содержащихся в материалах, отражающих результаты проведения негласных ОРМ (например, результатов прослушивания телефонных переговоров или снятия информации с технических каналов связи), которые сначала будут находиться в материалах предварительной проверки, а затем и в материалах уголовного дела.

Д.Б. Панюшин считает, что более верным представляется мнение С.Я. Малышева и Н.Н. Киселева, в соответствии с которым деление ОРМ на гласные и негласные должно проходить в зависимости от принятия или непринятия сотрудником оперативного подразделения мер негласности. Принимая такую позицию, Д.Б. Панюшин полагает, что термин «меры негласности» разумно будет заменить термином «меры недопущения осознания заинтересованным лицом факта осуществления в отношении него оперативно-розыскной деятельности», поскольку последний более полно раскрывает суть названных мер. При использовании такого критерия, акцент делается на том, что форма планируемого и проводимого оперативно-розыскного мероприятия определяется исключительно сотрудником оперативного подразделения [32].

Указанные выше позиции авторов требуют уточнения в соответствии с современным развитием теории и практики ОРД. Предложенные учеными термины целесообразнее будет заменить на «меры по сокрытию информации, способной нанести ущерб интересам решения задач ОРД». Принятие либо непринятие субъектом ОРМ таковых в зависимости от конкретной оперативно-розыскной ситуации и будет являться критерием для разграничения ОРМ на гласные и негласные. Наше мнение нашло подтверждение в ходе опроса 63,4 % респондентов.

Волевые усилия со стороны субъекта ОРМ, направленные на сознательное принятие (или непринятие) мер по сокрытию от заинтересованных и иных лиц информации, способной нанести ущерб интересам решения задач ОРД, являются важным моментом в понимании вопросов гласности и негласности в теории и практике ОРД. Определение формы планируемого ОРМ является элементом подготовки в зависимости от конкретно сложившейся оперативно-розыскной ситуации, анализ которой, как справедливо отмечает Д.В. Ким, выступает первоначальным элементом структуры оперативно-розыскной тактики, и его основное назначение заключается в создании условий для принятия правильного тактического решения [33, с. 230]. Исходя из результатов такого анализа, субъект и принимает решение о форме проведения ОРМ.

Существенное значение также имеет направленность негласности проводимого мероприятия, т. е. определение круга лиц, которым не должно стать известно о сущности и содержании проводимого ОРМ. Изучение научных трудов по данной тематике позволяет выявить закономерность, согласно которой большинство авторов использует формулировку «заинтересованные лица» для определения тех лиц, от которых скрывается информация, способная нанести ущерб интересам решения задач ОРД, но более правильным будет называть их «лица, в отношении которых проводится ОРМ» – подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, без вести пропавших, а также в отношении лиц, не причастных к противоправной деятельности, но располагающих сведениями о ней*. Следует отметить, что меры по сокрытию информации применяются также в отношении иных лиц. Субъект ОРМ определяет круг лиц, которым может быть

* Например, согласно ч. 4 ст. 8 Закона об ОРД допускается прослушивание телефонных переговоров лиц, которые могут располагать сведениями о преступлениях средней тяжести, тяжких или особо тяжких.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

известно о содержании проводимого негласного ОРМ, а также объем осведомленности о содержании негласного ОРМ как участвующих в его проведении, так и иных лиц.

Таким образом, с учетом изложенного автор предлагает подход к определению содержания понятия «негласные ОРМ». На основе проведенного анализа современных подходов к определению понятия негласного ОРМ, рекомендуется выделять пять видовых отличительных признаков исследуемого предмета, которые могут быть заключены в ядро конструируемого понятия. К числу таковых целесообразно отнести:

- организационные особенности;
- волевые усилия со стороны субъекта ОРМ;

– анализ сложившейся оперативно-розыскной ситуации, на основе которого принимается решение о выборе данной формы ОРМ;

– направленность негласности проводимого мероприятия;

– сокрытие информации, способной нанести ущерб интересам решения задач ОРД.

Таким образом, под искомым термином автор статьи предлагает понимать мероприятия, при подготовке и осуществлении которых, исходя из анализа сложившейся оперативно-розыскной ситуации и организационных особенностей, применяются меры по сокрытию информации, способной нанести ущерб интересам решения задач ОРД, от определяемого субъектом проведения круга лиц.

Литература

1. Кондаков И.Н. Логический словарь-справочник. М., 1976.

2. Бобров В.Г. Некоторые суждения по поводу негласного характера оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 1(13).

3. Буряков Е.В. Проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, в процессе розыска без вести пропавших лиц // Оперативно-розыскное право. 2017. № 1(1).

4. Горяинов К.К., Кваша Ю.Ф., Сурков К.В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. М., 1997.

5. Гусев В.А. Права оперативных подразделений: законодательство и практика. М., 2014.

6. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. В.В. Николюка. Омск, 2003.

7. Омелин В.Н. Классификация оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» // Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение противодействия преступности в уголовно-исполнительной системе: материалы межведомственной научно-практической конференции. Владимир, 2018.

8. Румянцев Н.В., Омелин В.Н. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1.

Bibliography

1. Kondakov I.N. Logical dictionary-reference. Moscow, 1976.

2. Bobrov V.G. Some judgments about the tacit nature of operational investigative activities // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1(13).

3. Buryakov E.V. Carrying out operational-search measures restricting the constitutional rights of a person and a citizen in the process of searching for missing persons // Operational-search law. 2017. № 1(1).

4. Goryainov K.K., Kvasha Yu.F., Surkov K.V. Federal Law «On operational investigative activities»: comment. Moscow, 1997.

5. Gusev V.A. The rights of operational units: legislation and practice. Moscow, 2014.

6. Federal Law «On operational investigative activities»: scientific and practical commentary / ed. by V.V. Nikol'yuk. Omsk, 2003.

7. Omelin V.N. Classification of operational-investigative measures «inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles» // Operational-investigative and criminalistic provision of crime prevention in the penal enforcement system: materials of the interdepartmental scientific and practical conference. Vladimir, 2018.

8. Rumyantsev N.V., Omelin V.N. On the legislative regulation of operational investigative activities // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1.

9. Shumilov A.Yu. Course of the basics of operational investigative activities: textbook for universities. Moscow, 2008.

10. Chechetin A.E. Ensuring the rights of the individual during operational investigative measures: monograph. St. Petersburg, 2016.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

9. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. М., 2008.
10. Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. СПб., 2016.
11. О Федеральной службе безопасности: федер. закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (по состоянию на 22 января 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269.
12. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (по состоянию на 22 января 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.
13. О государственной охране: федер. закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ (по состоянию на 22 января 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. Ст. 2594.
14. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (по состоянию на 22 января 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534.
15. О внешней разведке: федер. закон от 10.01.1996 № 5-ФЗ (по состоянию на 22 января 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 143.
16. Ожегов С.Ю., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2004.
17. Павличенко Н.В., Самodelкин А.С. Негласность в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3.
18. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и европейского Суда по правам человека. М., 2006.
19. Кудрявцев В.Н., Лебедев А.В. К вопросу о понятии информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2007. № 1(10).
20. Бакланов Л.А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Тюмень, 2015.
21. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-3 [Электронный ресурс]. URL: <http://kgb.by/ru/zakon289-3> (дата обращения: 22.01.2022).
22. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический
11. About the Federal Security Service: fed. law № 40-FL of 03.04.1995 (as of January 22, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 15. St. 1269.
12. On countering terrorism: fed. law № 35-FL of 06.03.2006 (as of January 22, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. St. 1146.
13. On State protection: fed. law № 57-FL of 27.05.1996 (as of January 22, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 22. St. 2594.
14. On State protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings: fed. law № 119-FL of 20.08.2004 (as of January 22, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. № 34. St. 3534.
15. On foreign intelligence: fed. law № 5-FL of 10.01.1996 (as of January 22, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. St. 143.
16. Ozhegov S.Yu., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow, 2004.
17. Pavlichenko N.V., Samodelkin A.S. Secrecy in operational investigative activities // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 3.
18. Commentary to the Federal Law «On Operational Investigative Activities». With the appendix of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. Moscow, 2006.
19. Kudryavtsev V.N., Lebedev A.V. To the question of the concept of information support for operational investigative activities // Operative (detective). 2007. № 1(10).
20. Baklanov L.A. Public inspection of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles in the operational search activity of internal affairs bodies. Tyumen, 2015.
21. On operational investigative activities: Law of the Republic of Belarus № 307-L of 15.07.2015 [Electronic resource]. URL: <http://kgb.by/ru/zakon289-3> (date of access: 22.01.2022).
22. Federal Law «On operational investigative activities»: scientific and practical commentary / ed. by V.V. Nikolyuk, V.V. Kalnitsky, A.E. Chechetin. Omsk, 1999.
23. Bely A.G. Stukalov V.V. The concept, content and legal regulation of the operational search event «obtaining computer information» // Ensuring public safety and countering crime: tasks, problems and prospects: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Simferopol, 2018.
24. Serov A.V., Dubinin A.S. Obtaining computer information as an independent operational

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

комментарий / под ред. В.В. Николюка, В.В. Кальницкого, А.Е. Чечетина. Омск, 1999.

23. Белый А.Г. Стукалов В.В. Понятие, содержание и правовое регулирование проведения оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2018.

24. Серов А.В., Дубинин А.С. Получение компьютерной информации как самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 3.

25. Бакланов Л.А. Получение компьютерной информации в оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1(76).

26. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3.

27. Шумилов А.Ю. Получение компьютерной информации как новое оперативно-розыскное мероприятие: первые шаги научного познания // Оперативник (Сыщик). 2016. № 4.

28. Синченко Г.Ч. Логика диссертации: учебное пособие. М., 2013.

29. Панюшин Д.Б. Признаки деления формы проведения оперативно-розыскных мероприятий // Преемственность и новации в юридической науке. 2009. № 5.

30. Кузнецов Е.В., Самсонов В.А. Критерии разграничения гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7(122).

31. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

32. Панюшин Д.Б. Признак выделения гласной и негласной формы оперативно-розыскных мероприятий // Концепт. 2014. Т. 20.

33. Ким Д.В. Оперативно-розыскные ситуации как объект криминалистического исследования // Общество и право. 2008. № 2(20).

search event // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3.

25. Baklanov L.A. Obtaining computer information in operational investigative activities // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1(76).

26. Osipenko A.L. New operational search event «obtaining computer information»: content and basics of implementation // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3.

27. Shumilov A.Yu. Obtaining computer information as a new operational investigative event: the first steps of scientific cognition // Operative (Detective). 2016. № 4.

28. Sinchenko G.Ch. Logic of dissertation: textbook. Moscow, 2013.

29. Panyushin D.B. Signs of the division of the form of operational investigative measures // Continuity and innovations in legal science. 2009. № 5.

30. Kuznetsov E.V., Samsonov V.A. Criteria for distinguishing between vowel and unspoken operational investigative measures // Eurasian Legal Journal. 2018. № 7(122).

31. On approval of the Instructions on the procedure for submitting the results of operational investigative activities to the body of inquiry, investigator or to the court: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the FSB of Russia, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Customs Service, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation, Investigative Committee of the Russian Federation dated 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

32. Panyushin D.B. A sign of the vowel and unspoken form of operational investigative measures // Concept. 2014. Vol. 20.

33. Kim D.V. Operational investigative situations as an object of forensic research // Society and law. 2008. № 2(20).

© 2022 г. Еремин Сергей Германович,

профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.
Тел.: +7 917 333-64-34.

Решняк Ольга Александровна,

доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.
Тел.: +7 961 062-87-77.

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются вопросы цифровой грамотности следственных подразделений и других правоохранительных органов, деятельность которых связана с раскрытием и расследованием преступлений, а также возможности повышения качества расследования на основе знаний о цифровизации. Кроме того, приведены компетенции, которыми должны обладать следователи на этапе цифровизации общества, что, неоспоримо, является новым и актуальным в современном мире науки.

Ключевые слова: цифровая грамотность, цифровизация, расследование преступлений, информационная безопасность, искусственный интеллект.

Eremin Sergey Germanovich – Professor, the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Reshnyak Olga Alexandrovna – Associate Professor, the Department of Criminology of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

DIGITAL LITERACY AS A WAY TO IMPROVE THE QUALITY OF CRIME INVESTIGATION

The article discusses the issues of digital literacy of investigative units and other law enforcement agencies whose activities are related to the detection and investigation of crimes, as well as the possibility of improving the quality of the investigation based on knowledge about digitalization. In addition, the competencies that investigators should have at the stage of digitalization of society are given, which, undeniably, is new and relevant in the modern world of science.

Keywords: digital literacy, digitalization, crime investigation, information security, artificial intelligence.

Сегодня все больше приходится осознать, что умелое использование информационных и коммуникационных технологий улучшает и делает жизнь человечества более комфортной.

Информационные технологии в современном обществе помогают совершенствовать организацию и управление в любой сфере деятельности. Следователь, как и любой иной человек, должен обладать цифровой грамотностью, т. е. базовыми знаниями, навыками, установками, которые необходимы нам для жизни в цифровом обществе. Уже сегодня в развитых странах без должного уровня цифровой грамотности становится невозможен сам факт трудоустройства человека, в том числе и следователя, потому что он не сможет отвечать тем вызовам и требованиям, которые диктует нам современный мир. Цифровая грамотность – это фундамент развития

профессиональных, информационных и телекоммуникационных технологий.

Повсеместное использование цифрового пространства для жизнедеятельности свидетельствует о необходимости познаний в данной области. Все больше сфер переходит на новый информационный уровень: здравоохранение, образование, получение информации, покупка продуктов питания и иных товаров, финансовое управление, досуг и др. Цифровизацию также не оставили без внимания и в преступном мире. Переход преступности от классических форм преступлений в цифровое пространство привело к росту их количества, площади совершения и латентности. Традиционные преступления значительно уступают преступлениям, совершаемым в информационном пространстве [1, с. 8]. Об этом свидетельствует официальная статистика, согласно

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

которой в 2017 г. было зарегистрировано всего 2 058 476 преступлений, из них 90 587, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий, в 2021 г. зарегистрировано 2 004 404 преступления, из них 25,8 %, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, а именно 351 463 – с использованием сети Интернет, 217 552 – средств мобильной связи, 165 658 – расчетных (пластиковых) карт, 27 519 – компьютерной техники, 7 216 – программных средств, 954 – фиктивных электронных платежей [2].

Анализ научной литературы, материалов судебной и следственной практики свидетельствует о том, что цифровые следы – электронные носители и содержащаяся в их памяти криминалистически значимая компьютерная информация – стали все чаще использоваться в качестве доказательств в уголовном, административном и гражданском судопроизводстве [3, с. 8], а поэтому современный следователь, дознаватель и орган дознания, занимающиеся расследованием преступлений, должны отвечать условиям цифровой грамотности для качественного, полного и всестороннего расследования.

Для постановки целей и задач для современного следователя в цифровом пространстве хотелось бы углубленней изучить и проанализировать, что же такое цифровизация.

Зарождение цифровизации берет свое начало с 70-х гг. XX в., когда началось появление первых компьютеров. Переход от бумажной формы оформления документов в цифровую, появление интернет-пространства, которое позволяло быстро передавать информацию в разные уголки мира, способствовали развитию стран как в экономической сфере, так и в научной, образовательной, медицинской и др.

На Петербургском международном экономическом форуме в 2017 г. В.В. Путин призвал развивать цифровую экономику, наращивать кадровые, интеллектуальные и технологические преимущества в сфере цифровой экономики, формировать соответствующую нормативную базу [4]. На X саммите БРИКС в Йоханнесбурге в 2018 г. президент РФ также указывал, что цифровизация – один из ведущих приоритетов экономической политики России, и уже на следующий день после саммита правительством была утверждена программа «Цифровая экономика РФ», призванная содействовать обеспечению подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики [5].

Вместе с тем в информационных источниках нет однозначного понятия «цифровизация». В этом и заключается актуальность и новизна исследуемой темы. В большинстве научных публикаций данное понятие упоминается без дефиниции, поэтому необходимо рассмотреть термин «цифровизация» и другие схожие определения, чтобы в дальнейшем не возникало неопределенности и непонимания современных тенденций.

Цифровизацию авторы Т.В. Никулина и Е.Б. Стариценко рассматривают как новую эпоху, основанную на больших данных (big data) и соответствующих технологиях, обосновывая свою позицию указанием, что цифровизация не приводит к деиндивидуализации. Наоборот, повышается эффективность производства, его объемы, что способствует успешной реализации индивидуального подхода в любой сфере деятельности современного человека [6].

Аналогичной позиции придерживается Т. Кармазин, который определяет новые инструменты, способствующие повышению производительности и структурированию имеющихся массивов данных – «современная цифровая среда». Окончательным результатом такого развития является формирование аналитики, основанной на big data. Инструментом такого анализа выступает искусственный интеллект и группа методов машинного обучения (machine learning) [7].

Более узко термин «цифровизация» рассматривает Т.В. Фомичева, считающая, что это лишь «преобразование информации в цифровую форму, которое в дальнейшем приводит к оптимизации издержек, появлению новых перспектив развития» [8].

На официальном портале «Техническое нормирование и стандартизация в Республике Беларусь» размещен проект Государственного стандарта Республики Беларусь «Цифровая трансформация. Термины и определения», в п. 3.33 содержащий термин «цифровизация», под которым предлагается понимать «новый этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления; процесс перехода на цифровые технологии, в основе которого лежит не только использование для решения задач производства или управления информационно-коммуникационных технологий, но также накопление и анализ с их помощью больших данных в целях прогнозирования ситуации, оптимизации процессов и затрат, привлечения новых контрагентов и

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

т. д.» [9]. Это определение наиболее полно и точно отображает данное понятие.

Наряду с цифровизацией возникают новые смежные понятия: «цифровая экосистема», «цифровая среда», «цифровое сообщество», «цифровая трансформация» «цифровизация образования» и др. Перед современными членами общества возникают вызовы владеть цифровыми технологиями, применять их в быту и профессиональной деятельности. Следовательно, процесс цифровизации экономики, образования и любых иных сфер жизни человека предполагает формирование у него цифровой (информационной) культуры, позволяющей грамотно использовать открывающиеся возможности и органично встраиваться в среду информационного общества.

Теперь хотелось бы проанализировать и понять, что такое цифровая грамотность. Много лет назад, когда государство развертывало программу ликвидации социальной безграмотности, людей учили читать, писать, считать. Арифметические действия, знание алфавита, умение складывать слоги при чтении – это минимальные вещи, с чего начиналась эра образования. Сейчас новой грамотностью называют более тонкие вещи, связанные с внедрением технологий. Зачастую происходит так, что сначала разрабатываются технологии, затем они внедряются, потом начинают людей обучать этим технологиям. Кто-то обучается лучше, кто-то хуже, это зависит от ряда факторов (интеллектуальных способностей, целей, желаний, возможностей). Новые сервисы возникают постоянно, технологии и техника усложняются, но, к сожалению, люди не успевают за их познанием. Как известно, навыки существуют двух типов: HARD SKILLS – знания и умения, полученные в результате обучения в образовательных организациях, а также в ходе самообразования в процессе всей жизни, и SOFT SKILLS – это природные качества: память, внимание, интуиция, коммуникативность и пр. Термин «новая грамотность» появился в начале 90-х гг. XX в., обозначающий «способность современного человека соответствовать вызовам времени, обладать знаниями в части технологии, обладать набором мягких и жестких навыков». Этот интерфейс взаимодействия человека с человеком с точки зрения коммуникации выстраивания взаимоотношений человека в коллективе, создания сетевых сообществ и коммуникаций по интерфейсам «человек – машина» и наоборот, это и будут категории, которые составляют основу новой грамотности.

Современный человек, соответствуя понятию «новая грамотность», должен обладать определенными навыками, которым необходимо уделить особое внимание.

1. Коммуникация – это основа для построения связи, основа для получения прямой обратной связи при реализации нового проекта, задумки, плана. Эффективность современного сотрудника оценивается не только по глубине его профессиональных знаний, но и по тому, насколько он умеет коммуницировать в коллективе, насколько человек сам умеет создавать сетевые сообщества, насколько он способен давать и получать обратную связь. Это важно, потому что в меняющемся мире подходы к реализации тех или иных задач разбиваются на сегменты, все делается в логике проектной работы на коротких промежутках, на коротких дистанциях.

2. Гражданская позиция также входит в систему ценностей современного человека, потому что каждому необходимо иметь определенную позицию. Жизненная позиция нужна для того, чтобы человек понимал: верит ли он в то, что делает, или нет. Если он не верит в то, что делает, то никакого стимула к саморазвитию, развитию проекта, успешному его завершению быть не может.

3. Эстетика и эмпатия. Эстетика – это экология места (эстетика восприятия вплоть до рабочего места имеет огромное значение). То, во что человек «упаковывает» конечные результаты своей работы, имеет огромное значение. Эмпатия – это способность прочувствовать собеседника, ситуацию и, возможно, спроецировать для себя некие вопросы, ментальные установки собеседника; это способность вживаться в роль другого, чтобы понять его мысли, чаяния, боль и дать адекватную обратную связь; это основа здоровых отношений в любом коллективе.

4. Управление собой, своими эмоциями, ресурсами, знаниями, основанными на глубинном познании самого себя, достижении объективных возможностей, способностей и талантов. То, на что способен человек, когда берется за ту или иную задачу, когда выстраивает личный вектор саморазвития в концепции обучения на протяжении всей жизни.

5. Работа со знаниями. Объем информации постоянно увеличивается, и информация генерируется в огромных количествах, поэтому доступ этой к информации стал абсолютно дешевым с точки зрения стоимости владения. Необходимо уметь работать с гигантскими объемами, массивами больших данных. Умение

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

«впитывать» огромное количество данных, агрегировать их, убирать ненужное, оставлять ценное, выявлять закономерности, способность к анализу, управление своей логикой, мышлением, талантами, эмоциями – важные навыки в современной жизни человечества.

6. Креативное мышление – это способность заглядывать за границу интуиции. Когда возникают технологии, которые были описаны в произведениях, книгах фантастов, когда каждый день появляются возможности, о которых вчера и позавчера человек не мог и подумать, понимается, что особую ценность приобретает способность смотреть за горизонт. Быть на фронтире науки и техники, прогрессивной и передовой мысли – это очень важный навык, который говорит об эрудированности, обладании огромным количеством знаний. Без данного навыка невозможно планировать, прогнозировать и быть гибким по отношению к условиям меняющегося мира и сложного будущего дня.

Рассмотренные базовые навыки в основном касаются личностного роста, развития, совершенствования природных навыков, предпосылок к тому, чтобы становиться еще более эффективным и успешным специалистом.

Любая организация неизбежно сталкивается с необходимостью оцифровки, которая не может считаться современной, если она не перевела свои базы данных в цифровой вид. Это касается всех и государственных, и муниципальных, и иных учреждений и организаций, которые хотят быть современными и эффективными. Оцифровка – это данность сегодняшнего дня, поэтому чем раньше организация проведет оцифровку и обучит свой персонал цифровым знаниям, тем раньше она станет эффективной и конкурентоспособной.

Как уже отмечалась, ввиду того, что вся сфера жизнедеятельности, в том числе и преступная среда, перешли в цифровое пространство, органам предварительного расследования, чтобы соответствовать уровню и трендам современности, а также быть немного впереди преступного сообщества, необходимо обладать всеми теми знаниями, умениями и навыками, которые эффективным образом будут влиять на их превосходство и значимость при расследовании любых современных преступлений.

Те знания, умения и навыки, которыми обладает современный следователь, применяющий и использующий при работе в цифровом пространстве с целью поиска, анализа, получения и систематизации необходимой

и важной информации, и будут являться «цифровой грамотностью».

Дут Белшоу определил элементы цифровой грамотности, такие как понимание культурного контекста интернет-среды, умение коммуницировать в онлайн-сообществах, создавать и распространять контент, саморазвиваться [10]. Содержание цифровой грамотности сводится к тому, что, если будет ясность в структуре и содержании цифровой реальности, будет и ясность в контроле и взаимодействии с цифровыми технологиями.

В результате проведенного исследования были определены основные компетенции в области цифровой грамотности, обладание которыми необходимо каждому следователю в современном процессе расследования:

1. Поиск и работа с виртуальными данными в интернет-пространстве. Стоит отметить тот факт, что многие следователи уже сформировали указанную компетенцию, однако некоторые все же сталкиваются с проблемами, связанными с использованием цифрового контента, поиском информации в виртуальной реальности. Поэтому указанная цифровая компетенция остается актуальной.

2. Безопасность работы в сети Интернет. К сожалению, не многие следователи понимают важность кибербезопасности при работе в виртуальной реальности с цифровыми данными, а также принципов цифрового следообразования, которые дают много возможностей как для кибератак со стороны преступников, так и для получения ими информации о действиях в сети. Поэтому следователям в обязательном порядке необходимо учиться основам безопасности работы в сети Интернет, чтобы обеспечивать конфиденциальность себе и своей работе.

3. Управление информационными данными. Информацию необходимо безопасно хранить и правильно ею управлять. По результатам исследования, многие следователи не умеют пользоваться облачными системами хранения, а также не осознают, когда нарушают законодательство в отношении персональных данных третьих лиц, работая в цифровом пространстве.

4. Коммуникация в цифровой среде. Исследования показали, что многие следователи не справляются с параллельным использованием нескольких функций внутри одного и того же сервиса коммуникации. Им сложно взаимодействовать с несколькими сервисами и приложениями. В связи с этим теряется много важной информации, которая могла бы способствовать быстрому и качественному расследованию.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

Данная компетенция очень важна в условиях современных вызовов ввиду перехода преступности в цифровое пространство.

5. Саморазвитие в условиях неопределенности. Постоянное саморазвитие, обучение, повышение квалификации, освоение новых навыков и компетенций – это актуальные требования к любому современному специалисту (в особенности к следователю), т. к. наличие данной компетенции безусловным образом будет влиять на его востребованность и эффективность расследования.

Таким образом, в статье были изучены и проанализированы такие понятия, как «цифровизация», «цифровая грамотность», общие

компетенции современного человека, сталкивающегося с вызовами нового времени, а также была предпринята попытка выработки предложения компетенций, которыми должен обладать современный следователь, соответствуя требованиям «цифровой грамотности», для целей расследования преступлений, совершаемых в условиях цифровизации общества. Следователи, обладая такими компетенциями, значительным образом смогут повысить качество расследования преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Литература

1. Смагоринский Б.П., Сычева А.В. Некоторые проблемные вопросы расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2(57).
2. Генеральная прокуратура российской Федерации. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 01.03.2022).
3. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. М., 2021.
4. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667> (дата обращения: 02.03.2022).
5. Пресс-конференция по итогам саммита БРИКС. Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58119?amp> (дата обращения: 02.03.2022).
6. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8.
7. URL: <https://ria-stk.ru/ds/adetail.php?ID=181143> (дата обращения: 01.03.2022).
8. Фомичева Т.В., Катаева В.И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2.
9. Толковый словарь терминов и понятий по вопросам цифровой трансформации [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream> (дата обращения: 01.03.2022).
10. Главный тренд российского образования – цифровизация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ug.ru/article/i029> (дата обращения: 01.03.2022).

Bibliography

1. Smagorinsky B.P., Sycheva A.V. Some problematic issues of investigation and prevention of fraud committed against socially unprotected categories of citizens // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2(57).
2. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Portal of legal statistics [Electronic resource]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (date of access: 01.03.2022).
3. Digital criminalistics: textbook for universities / ed. by V.B. Vekhov, S.V. Zueva. Moscow, 2021.
4. Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum. The official website of the President of Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667> (date of access: 02.03.2022).
5. Press conference on the results of the BRICS summit. The official website of the President of Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58119?amp> (date of access: 02.03.2022).
6. Nikulina T.V., Starichenko E.B. Informatization and digitalization of education: concepts, technologies, management // Pedagogical education in Russia. 2018. № 8.
7. URL: <https://ria-stk.ru/ds/adetail.php?ID=181143> (date of access: 01.03.2022).
8. Fomicheva T.V., Kataeva V.I. The values of Russians in the context of digitalization of the Russian economy // The standard of living of the population of the regions of Russia. 2019. № 2.
9. Explanatory dictionary of terms and concepts on digital transformation [Electronic resource]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream> (date of access: 01.03.2022).
10. The main trend of Russian education is digitalization [Electronic resource]. URL: <http://www.ug.ru/article/i029> (date of access: 01.03.2022).

© 2022 г. Давыдова Снежана Анатольевна,
адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: snezhana221@yandex.ru

Мясников Анатолий Павлович,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала
Российской таможенной академии, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: aitp@donrta.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕЕ РЕЗУЛЬТАТОВ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

В статье авторы обращаются к проблемам правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуальным аспектам использования ее результатов в уголовном судопроизводстве, а также роли уголовно-процессуального законодательства в правовой основе этой деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, результаты оперативно-розыскной деятельности, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство.

Davydova Snezhana Anatolievna – Adjunct, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Myasnikov Anatoly Pavlovich – Professor, the Department of State and Legal Disciplines, the Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Doctor of Law, Professor.

OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY AND TRANSFORMATION OF ITS RESULTS INTO CRIMINAL PROCEEDINGS

In the article, the authors address the problems of legal regulation of operational investigative activities, criminal procedural aspects of the use of its results in criminal proceedings, as well as the role of criminal procedural legislation in the legal basis of this activity.

Keywords: operational investigative activities, operational investigative measures, results of operational investigative activities, criminal proceedings, criminal procedural legislation.

Правовую основу нынешней оперативно-розыскной деятельности составляют два основополагающих нормативно-правовых акта – Конституция Российской Федерации и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ОРД). Сегодня ОРД приобрела самостоятельный статус как одного из видов правоохранительной деятельности наряду с уголовно-процессуальной.

Принятие вышеупомянутого закона преследовало цели подробной регламентации осуществления оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), а также использования их результатов в уголовном судопроизводстве, в области установления обстоятельств подлежащих доказыванию. Вместе с тем правоприменительная практика выявила очевидные несовершенства отдельных положений этого закона.

Анализ и оценка целого ряда научных изысканий по рассматриваемой тематике показывает как минимум две диаметрально противоположных точки зрения. Так, ученые и

специалисты в области уголовного судопроизводства, в рамках которого, как правило, решается вопрос о дальнейшей судьбе привлекаемого к уголовной ответственности лица, рассматривают результаты ОРМ как противоречащие многим положениям уголовно-процессуального закона, считая информацию полученную оперативным путем недостоверной, способной воздействовать на сознание участников уголовного процесса, а в конечном счете принимать неверные уголовно-процессуальные решения.

Другая группа ученых и специалистов предпринимают попытки в своих научных изысканиях доказать обратное, а именно, что наряду с понятием доказательства, необходимо закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве не менее важные понятия как «источники доказательств», «средства доказывания» и др. В частности, ими предлагается ст. 86 УПК РФ дополнить ч. 4 следующего содержания «Предметы и документы, отражающие результаты ОРМ, могут быть

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

истребованы от органов, осуществляющих ОРД, в порядке и случаях, установленных законодательством об оперативно-розыскной деятельности».

Обзор современной литературы свидетельствует, что рассматриваемое научное направление вызывает повышенный интерес ученых и специалистов в области не только ОРД, но и в не меньшей степени в области уголовного судопроизводства. Однако, попытки аргументировать, что результаты ОРД могут быть полноценными доказательствами на различных стадиях уголовного процесса пока не увенчались успехом.

Теоретики права обращают внимание на имеющиеся проблемы законодательного регулирования ОРД. Остановимся на некоторых из них.

Так, С.С. Алексеев и А.Ю. Шумилов считают ФЗ об ОРД несоответствующим требованиям времени, поскольку он не учитывает изменения, происходящие в обществе: появление новых изощренных способов совершения коррупционных преступлений и необходимости разработки мер по борьбе с указанными противоправными общественно опасными деяниями; появление новых органов власти, таких как Следственный комитет России и др. [1].

Вместе с этим следует признать, что само законодательное определение «оперативно-розыскная деятельность» не отражает содержание, а именно, в нем не раскрываются некоторые теоретические, а главное, практические функции указанной деятельности. Так, по мнению законодателя, оперативно-розыскная деятельность осуществляется только посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Иные виды оперативно-розыскной деятельности, которые сопутствуют оперативно-розыскным мероприятиям, такие как: осмотр (лица, выступающего в качестве «покупателя» перед (после) проведением оперативно-розыскного мероприятия); пометка, выдача, осмотр (денежных средств, ценностей); сбор информации и другие виды деятельности, оставлены без внимания, а значит, и результаты указанных действий при проведении оперативных мероприятий по изобличению лица в совершении преступления, условно говоря, могут считаться недопустимыми.

Существенным недостатком законодателя при формировании понятия «оперативно-розыскная деятельность» является ограниченное, не соответствующее требованиям времени

представление ее целей. Так, в качестве единственной цели ОРД обозначена «защита от преступных посягательств». При этом сегодняшняя действительность свидетельствует о вхождении оперативно-розыскной работы в сферу гражданско-правовых отношений по проверке сведений, предоставляемых гражданами, претендующими на государственные должности, соблюдения должностными лицами законодательства о гражданской службе в целях борьбы с коррупцией, установления имущества, подлежащего конфискации и т. д.

С учетом изложенного, исходя из правовой реальности, предлагается под оперативно-розыскной деятельностью понимать разновидность правоохранительной деятельности разведывательно-поискового характера, осуществляемой гласно и негласно должностными лицами оперативных подразделений государственных органов в пределах предоставленных им ФЗ об ОРД полномочий посредством применения оперативно-розыскных мероприятий, а также иных мер организационно-управленческого и организационно-тактического характера, в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, а также иных общественно опасных явлений, при невозможности решения задач ОРД средствами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством.

На недостаточность правового регулирования ОРД, обеспечиваемого федеральным законом, указывает Ю.В. Афанасьев. По мнению ученого, данное обстоятельство связано с невозможностью охватить весь необходимый спектр общественных отношений в 23 статьях указанного федерального закона. В связи с этим Ю.В. Афанасьев предлагает расширить содержание ФЗ об ОРД до объема кодифицированного акта [2].

А.Ю. Шумилов, рассматривая практические аспекты закона об ОРД, указывает на рассогласованность норм данного закона и других нормативных правовых актов, регламентирующих работу правоохранительных органов, имеющих подразделения, осуществляющие ОРД. Указанное положение, по мнению последнего, отрицательно влияет на саму природу оперативно-розыскной деятельности ввиду наличия в одних случаях конкуренции норм, а в других – в отсутствии необходимых юридических предписаний для

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

решения возникающих вопросов [3]. Позиция А.Ю. Шумилова поддерживается наблюдениями Н.П. Водько, который отмечает несоотнесенность норм закона об ОРД и федеральных законов «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», «О наркотических средствах и психотропных веществах», «О частной детективной и охранной деятельности в РФ» и т. д. [4].

Проблемы законодательного регулирования ОРД в РФ, по мнению Т.И. Железняк, сводятся к отсутствию в федеральном законе таких понятий, как «оперативно-розыскное мероприятие», «оперативно-розыскное подразделение правоохранительного органа», «предупреждение преступлений и его методы», что дезориентирует практических работников ввиду имеющейся возможности вариативного толкования положений закона и, как следствие, допущения правоприменителем ряда нарушений [5].

Так, согласно результатам опроса оперативных сотрудников из числа слушателей, обучающихся по программам профессиональной подготовки по должности «Полицейский», а также по программам повышения квалификации ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 70 % респондентов указали, что в своей практической деятельности они сталкиваются с проблемой толкования положений законодательных норм, регулирующих деятельность оперативных подразделений при проведении ОРМ. При уточнении причин возникновения проблем при правоприменении 60 % опрошенных указали на недостаточную регламентацию прав сотрудников оперативных подразделений при осуществлении ОРМ, 30 % указали на низкое качество законодательного регулирования порядка использования результатов ОРМ, 10 % отмечают размытость законодательной регламентации оснований, условий проведения ОРМ и 10 % указывают на неясность порядка получения судебного решения на проведение ОРМ.

Таким образом, можно констатировать, что при документировании преступной деятельности лица посредством проведения ОРМ такие действия оперативных работников, как «Пометка денежных купюр», «Досмотр лица перед проведением ОРМ», «Досмотр лица после проведения ОРМ», «Изъятие», «Внедрение», «Вручение специальных технических устройств фиксации речи» и др., ни в одном из открытых правовых источников, регулирующих ОРД, не значатся. При этом оперативно-розы-

скными мероприятиями они не являются, порядок их проведения не регламентирован, а значит, и допустимость результатов данной деятельности с точки зрения уголовно-процессуального законодательства можно поставить под сомнение, поскольку отсутствует реальная возможность их проверки. В связи с этим уместно вспомнить высказывание Ю.В. Афанасьева о том, что создается впечатление о полуполюгальном характере ОРД [2].

Например, Н.С. Железняк указывает на проблемы нормативного регулирования ограничения конституционных прав и свобод лиц, в отношении которых проводятся ОРМ. Согласно его позиции, действующее процессуальное законодательство нуждается в совершенствовании вопросов проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, а также санкционирования таких ОРМ законодателем и судебными органами [7].

Так, согласно ст. 9 ФЗ об ОРД, судье для принятия решения о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну телефонных переговоров, оперативными подразделениями предоставляется «мотивированное постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД». При этом по требованию судьи могут быть предоставлены иные материалы, обосновывающие решение о необходимости проведения ОРМ, кроме следующих сведений:

- 1) о лицах, внедренных в организованные преступные группы;
- 2) о штатных негласных сотрудниках, осуществляющих ОРД;
- 3) о лицах, оказывающих оперативным сотрудникам содействие на конфиденциальной основе;
- 4) об организации и о тактике проведения ОРМ.

Таким образом, суд фактически принимает решение о необходимости и целесообразности проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права гражданина, при отсутствии возможности проверки предоставленных оперативным подразделением сведений, подтверждающих обоснованность его подозрения о готовности совершить преступление. В связи с данным обстоятельством процедуру судебного рассмотрения материалов об ограничении права на тайну телефонных переговоров можно поставить под сомнение. Кроме того, указанное положение не может не подрывать авторитет принципов оперативно-розыскной

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

деятельности: законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

В.В. Петров затрагивает важную тему оперативного внедрения сотрудников оперативных подразделений, которые, оказавшись в преступной среде, вынуждены совершать преступления [13]. По его мнению, до настоящего времени вопрос правового иммунитета указанных лиц ни в оперативно-розыском, ни уголовно-процессуальном или уголовно-правовом законодательстве не нашел своего отражения. Декларированные в УК РФ такие понятия, как «смягчающие обстоятельства», «необходимая оборона», «крайняя необходимость» или «институт деятельного раскаяния», досудебного соглашения о сотрудничестве, регламентированные в УПК РФ, применимы только к лицам, реально совершившим преступления. Действия сотрудников оперативных подразделений, направленные на достижение общественно-полезных действий, а именно выявления и раскрытия преступления, не могут подпадать под указанные критерии [14]. ФЗ об ОРД допускает вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам для решения целей ОРД. При этом УК РФ такие действия не относит к обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния.

Обращая внимание на данный факт, следует отметить, что решение вопроса правового иммунитета внедряемых лиц должно быть комплексным и заключаться не только в совершенствовании оперативно-розыского законодательства, но и сопровождаться изменениями в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, учеными-теоретиками предлагается дополнить перечень обстоятельств, исключаяющих преступность деяния статьей «Выполнение специального задания органа, осуществляющего ОРД».

Для повышения эффективности деятельности оперативных подразделений учеными-теоретиками предлагается также увеличить число оперативно-розыских мероприятий. В.Г. Бобров предлагает увеличить число до 17

и указывает на необходимость их подробной регламентации в ФЗ об ОРД (основания и порядок проведения) подобно следственным действиям, закрепленным в УПК РФ [7].

Его поддерживает и А.Ю. Шумилов также предлагает дополнить перечень ОРМ и включить в него компьютерный поиск и полиграфическое исследование [8], В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров – личный сыск, использование экстраординарных психофизиологических возможностей человека, составление оперативного психологического портрета и оперативные переговоры [9].

Обращаясь к этому вопросу, Н.И. Журавленко предлагает включить в перечень ОРМ пометку (применение специальных химических веществ), электронное слежение за перемещениями объектов, психологическое исследование, кинологическую выборку [10].

Гарантией законности проведения ОРМ и соблюдения конституционных прав человека и гражданина будет декларирование в ФЗ об ОРД понятия «оперативно-розыскное мероприятие», порядка, основания и условия его проведения, а также усиление прокурорского надзора и судебного контроля за деятельностью оперативных подразделений. В противном случае, соглашаясь с мнением С.А. Шейфер, установленные закрытыми ведомственными актами правила проведения ОРМ являются непроцессуальными ввиду отсутствия необходимых гарантий против возможных искажений информации, что, в свою очередь, исключает принцип допустимости использования их результатов в уголовно-процессуальном доказывании [11].

Исходя из изложенного, можно констатировать, что современное оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании, особенно в части обеспечения прав личности при расследовании преступлений, отправной точкой которых являются полученные результаты ОРМ в процессе осуществления ОРД.

Литература

1. Халиков А.Н. Оперативно-розыскная деятельность по борьбе с коррупционными преступлениями, совершаемыми должностными лицами органов власти, 2 изд., испр. и доп. М., 2020.
2. Афанасьев Ю.В. Совершенствование форм и методов оперативно-розыскной дея-

Bibliography

1. Khalikov A.N. Operational-investigative activity to combat corruption crimes committed by government officials, 2nd ed., ispr. and add. Moscow, 2020.
2. Afanasyev Yu.V. Improvement of forms and methods of operational-investigative activity in the state // Law and Politics. 2005. № 11.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

тельности в государстве // Право и политика. 2005. № 11.

3. Шумилов А.Ю. О конкуренции правовых норм, реализуемых в оперативно-розыскной работе // Оперативник (сыщик). 2007. № 1.

4. Водько Н.П. Некоторые вопросы согласования Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» с другими законодательными актами // Оперативник (сыщик). 2007. № 1.

5. Железняк Т.И. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007.

6. Железняк Н.С. О проблемах законодательного регулирования судебного ограничения конституционных прав граждан в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2009. № 1. Тюмень, 2006.

7. Бобров В.Г. О законодательном регулировании некоторых условий проведения оперативно-розыскных мероприятий // Оперативник (сыщик). 2008. № 4.

8. Шумилов А.Ю. Новая редакция оперативно-розыскного закона России: Открытый проект: научно-справочное пособие. М., 2004.

9. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. К вопросу о законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. 2004. № 11.

10. Журавленко Н.И. Техническое обеспечение оперативно-розыскной деятельности органов, исполняющих наказание. Уфа, 1997.

11. Шейфер С.А. Понятие доказательства: спорные вопросы теории // Государство и право. 2008. № 3.

12. Петров В.В. Правовое регулирование осуществления оперативно-розыскных мероприятий по противодействию незаконному обороту наркотиков. М., 2005.

13. Шокин С.Е. Защита лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

14. Шумилов А.Ю. ОРД: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: учебно-практическое пособие. М., 2004.

3. Shumilov A.Yu. On the competition of legal norms implemented in operational investigative work // Operative (detective). 2007. № 1.

4. Vodko N.P. Some issues of coordination of the Federal Law «On operational investigative activities» with other legislative acts // Operative (detective). 2007. № 1.

5. Zheleznyak T.I. Problems of legislative regulation of operational investigative activity: auth abstr. ... Cand. in Law. Irkutsk, 2007.

6. Zheleznyak N.S. On the problems of legislative regulation of judicial restriction of constitutional rights of citizens in operational investigative activities // Operative (detective). 2009. № 1. Tyumen, 2006.

7. Bobrov V.G. On the legislative regulation of certain conditions for conducting operational search activities // Operative (detective). 2008. № 4.

8. Shumilov A.Yu. New edition of the operational search law of Russia: Open project: scientific reference manual. Moscow, 2004.

9. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. On the issue of legislative regulation of operational investigative activities // State and law. 2004. № 11.

10. Zhuravlenko N.I. Technical support of operational investigative activities of the bodies executing punishment. Ufa, 1997.

11. Shafer S.A. The concept of proof: controversial issues of theory // State and law. 2008. № 3.

12. Petrov V.V. Legal regulation of the implementation of operational investigative measures to counter drug trafficking. Moscow, 2005.

13. Shokin S.E. Protection of persons providing confidential assistance to bodies carrying out operational investigative activities: auth abstr. ... Cand. in Law. Vladimir, 2005.

14. Shumilov A.Yu. ORD: improving the forms of entry of its results into the criminal process: an educational and practical guide. Moscow, 2004.

© 2022 г. Карпика Анатолий Григорьевич,

доцент кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел
Ростовского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.
E-mail: akarpika@yandex.ru

МЕТОД АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В статье проанализированы возможности применения методов анализа социальной сети в интересах противодействия незаконному обороту психотропных веществ. Предложены ключевые показатели измерения характеристик участников социальной сети с целью определения их вовлеченности в незаконную деятельность.

Ключевые слова: анализ сети, психотропные вещества, деструктивная субкультура, ориентированный граф, узел сети, правоохранительная деятельность.

Karpika Anatoly Grigorievich – Associate Professor, the Department of Information Sciences, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Technical Sciences, Associate Professor.

SOCIAL NETWORK ANALYSIS METHOD AS A TOOL FOR COUNTERACTION TO ILLEGAL TRAFFICKING IN PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

The article analyzes the possibilities of applying the methods of social network analysis in the interests of countering the illicit trafficking in psychotropic substances. Key indicators for measuring the characteristics of social network participants are proposed in order to determine their involvement in illegal activities.

Keywords: network analysis, psychotropic substances, destructive subculture, directed graph, network node, law enforcement.

Существующие методы исследования человеческого поведения в основном предполагают изучение того, как отдельные поведенческие характеристики коррелируют друг с другом, и то, какие результаты получаются вследствие этой корреляции. Так, деятельность, направленная на поиск новых ощущений, может обуславливать асоциальное поведение личности, склонность к совершению им преступных деяний, «выключенность» из социума, вовлеченность в деятельность маргинальных групп и деструктивных субкультур.

В середине 2000-х гг. стало понятно, что и контекстуальные факторы, например, искусственно созданная социальная среда (социальная сеть), вносят значительный вклад в изменение поведенческих моделей и траекторий достижения личных целей, среди которых интерес представляет пропаганда и распространение психотропных веществ.

Анализ социальных сетей как метод перспективного социального анализа, по оценкам зарубежных исследователей, дает возможность изучить социальный контекст траекторий вовлечения отдельной личности и групп людей в различного рода деятельность [1]. С

точки зрения методологии анализ социальных сетей представляет собой совокупность теоретических исследований, практических методов и приемов, использующихся для улучшения понимания социальных отношений и того, как эти отношения могут влиять на индивидуальное и групповое поведение.

На практике теоретическая составляющая исследований может интегрироваться в такие научные направления, как антропология, коммуникация, экономика, психология, социология.

Исследования в области анализа социальных сетей, в том числе в Российской Федерации, проводятся с конца 2000-х гг. Так, в статье А.В. Якушева, С.А. Митягина и др. «Исследование социальных сетей в задаче моделирования наркотизации населения и противодействия незаконному обороту наркотиков» предложена математическая модель наркотизации населения, с помощью которой был осуществлен краулинг (обнаружение и сбор поисковым роботом ссылок на страницы) ресурса LiveJournal, содержащих определенные словоформы, имеющие отношение к исследованию. В статье Н.П. Сидоровой

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

«Употребление наркотиков как социальная практика в молодежной среде» проанализированы социальные аспекты вовлечения молодежи в «наркокультуру».

Несмотря на это тема анализа сетей имеет значительные перспективы для оптимизации процесса взаимодействия государственных органов в предотвращении злоупотребления психотропными веществами.

В основе теории анализа социальных сетей лежит аксиома «Люди находятся под влиянием людей». Действительно, любой человек, за исключением тяжелых случаев социопатии, имеет социоконтакты, при этом состав, количество контактов, а также характер межличностного общения позиционируют его в социальных структурах и могут определять его поведение и влияние на других людей.

Методы сбора сетевых данных бывают двух типов: эгоцентрические и социоцентрические. Эгоцентрические методы позволяют измерять локальную социальную сеть путем формулировки вопросов респондентам друг о друге, анализа и сопоставления их ответов. Эти методы поддаются методам статистического анализаслучайной выборки, но с известными ограничениями, позволяющими проанализировать небольшие социальные сети и коллективы, как правило, в масштабе одной небольшой организации (например, учебного заведения).

И. Ли, Дж. Килмер и М.Э. Лаример в исследовании заявляют, что социоцентрические методы позволяют измерить социальную сеть путем опроса всех ее участников [2]. Социоцентрические методы чаще всего используются в сообществах, где граница сети может быть не вполне определенной. Здесь можно согласиться с авторами в том, что эта группа методов более эффективна, чем упомянутая выше, в том смысле, что обеспечивает глобальное представление о сети, выявляет и устанавливает индикаторы отдельных позиций (поведение элементов) в этой сети.

Авторами рассматриваются социоцентрические данные как совокупность эгоцентрических данных. Данное утверждение является спорным, поскольку функционирование социальной сети, как любой системы, не может быть строго описана наборами эгоцентрических данных. Причина этого заключается в неминуемом интегративном эффекте, возникающем в процессе влияния внешних факторов и элементов системы друг на друга.

Применение социометрических методов к анализу социальных сетей в целях противодействия распространения психотропных веществ, несмотря на сложность этой задачи, безусловно способствует выявлению важнейших элементов сети, участвующих в этой деятельности.

Решение этой задачи требует комплексного подхода и лежит на стыке следующих направлений: психологии (изучение психологических портретов объектов сети, разработка индикаторов анализа), социологии (получение данных от индикаторов, обработка полученных данных, коррекция индикаторов), правоохранительной деятельности (анализ данных, выявление связей, пресечение незаконной деятельности).

С целью конкретизации задачи выявления ключевых параметров, которые можно использовать на практике, рассмотрим вариант анализа гипотетической социальной сети, представленной в виде ориентированного графа (рис. 1), содержащей ограниченное число людей («узлов»). В сети имеются различные виды связей между узлами. Хотя это сеть небольшая и включает всего 20 узлов, подобный анализ сети можно проводить и на больших сетях, содержащих сотни и тысячи узлов. Сетевые связи могут содержать весовые коэффициенты, указывающие на силу связей узлов, например, насколько в тесных отношениях находятся два человека. Кроме этого, он также может включать валентности («нравится» (+), «не нравится» (-)).

Предварительный анализ сети, представленный на рис. 1, проведенный на основе измерения количества положительных и отрицательных оценок и комментариев сетевой деятельности узлов, позволяет оценить наличие и направление связи (качественная характеристика), а также ее знак (валентность) и силу (количественная оценка). Полученные результаты позволяют определить характеристики социального положения узла сети, такие как место в сети (центральность), связанность, изолированность.

На графе видно, что одни узлы занимают более важное место, т. е. более популярны в сети, чем другие. Выявление такой полезной характеристики, как «центральность», позволяет классифицировать узлы по степени, которую человек занимает в сети.

Центральность в одной сети может быть измерена различным образом. Наиболее по-

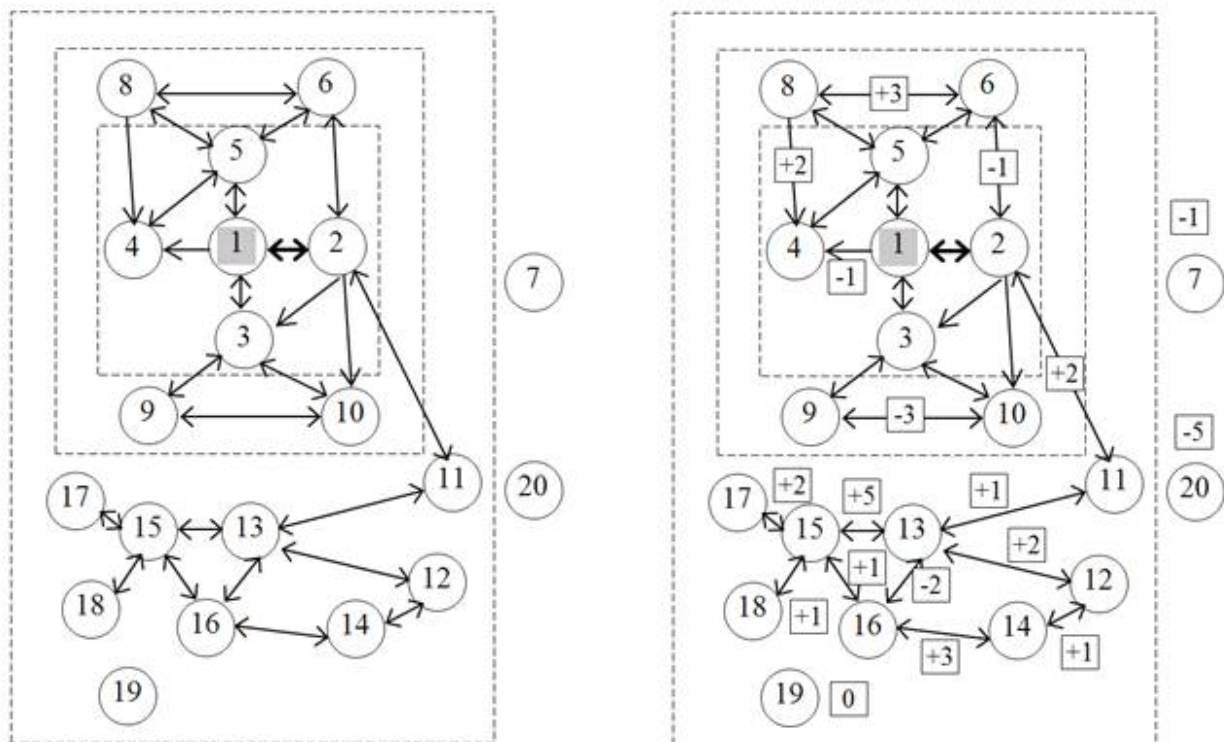

Рис. 1. Вариант графа социальной сети

нятный метод определения центральности – подсчет числа раз, когда узел упоминается в ответ на сетевой запрос. В рассматриваемом примере (рис. 1) узлы 3, 5, и 15 можно обосновано считать наиболее центральными, т. к. они получили больше всего связей – четыре.

В некоторых зарубежных публикациях [2; 3] содержится описание альтернативных показателей центральности, таких как «промежуточность» – степень искренности узла (лжет или искренен), «близость» обратно пропорциональна среднему расстоянию (количеству промежуточных узлов) до других узлов сети, «мощность» определяется в качестве взвешенных баллов центральности связей узла. В связи с этим хотелось бы отметить необходимость нормирования (стандартизации) перечисленных показателей, в том числе в интересах учета размера сети.

Переходя от абстрактных формулировок к конкретным примерам, следует отметить, что в сетевых сообществах лица, имеющие высокие показатели «центральности», а значит, популярные среди участников сообщества, обладают личными качествами, формируемыми самим сообществом. При этом такая связь имеет и обратный характер, т. е. указанные лица формируют модель поведения значительного числа членов сообщества. Иными словами, лица, употребляющие сами

психотропные вещества и тем самым пропагандирующие их употребление, имеют высокие показатели «центральности» в сообществах, где это является нормой, и наоборот. Наибольшее влияние традиционно оказывает на молодую аудиторию фактор «центральности».

Лидеры аудитории часто служат примером и «законодателями» норм для своих сообществ и с большей вероятностью могут являться более ранними и, возможно, более активными потребителями указанных веществ.

Еще один параметр узла, который может быть выявлен с помощью анализа социальных сетей, – это связность (способность работать «мостом»). Мост в сети – это узел, который связывает разъединенные или слабо связанные группы (например, узел 11, рис. 1). Мосты интересны тем, что они, с одной стороны, слабо связаны с группами, а с другой стороны, именно они позволяют осуществлять влияние групп друг на друга, тем самым «масштабируя» это влияние в практически любом направлении на достаточное удаление от центра группы.

Грановеттер [4] назвал это «силой слабой связи», потому что связи могут быть установлены как с отдельными узлами, так и с группами, которые узел, создавший связь, не «видит» или подключен к ним через несколько каналов связи, что дает мосту доступ к информации и ресурсам, которых нет у группы.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

Мост, в свою очередь, может подвергаться риску употребления психотропных веществ из-за потенциально возможного воздействия норм поведения двух различных групп, каждая из которых может поддерживать деструктивную субкультуру. С другой стороны, представители одной из групп могут попытаться вписаться в другую, с которой они не связаны напрямую и инициировать вовлечение ее в процесс употребления психотропных веществ, чтобы соответствовать «групповой норме».

Таким образом, мосты занимают в социальной сети положение, которое может подвергнуть их риску в зависимости от их индивидуальных психологических характеристик и динамики поведения групп внутри сети.

Изолированные узлы (изоляты) также могут быть идентифицированы посредством сетевого анализа. Узлы 7, 19, 20 (рис. 1) ни с кем не связаны, тем не менее в исследовании «механизмов распространения новых идей» изоляты показали себя более поздними приверженцами всего нового, поскольку их положение ставит их вне потока информации о новых идеях [5]. Таким образом, в условиях повышенного риска употребления психотропных веществ изолят потенциально более защищен в этой области, поскольку, как правило, изолирован от негативных влияний в группах (узлы 7, 20).

С другой стороны, изолят, находящийся в непосредственной близости от групп (узел 19), может иметь опосредованную связь с какой-либо из них, что повышает риск вовлечения его в деструктивную субкультуру. Например, учащийся, являющийся «изгоем» в своей школе и не имеющий связей с одноклассниками, может иметь друзей за пределами школы или в другой школе, что делает связи с группами рассматриваемой сети не очевидными, но потенциально способными вовлечь его в деятельность группы спустя определенное время.

Используя рассмотренные типы узлов социальной сети, виды и особенности связей между ними, целесообразно сформулировать

некоторые ключевые характеристики (показатели) узлов социальной сети и сети в целом, интересные с точки зрения ее анализа.

«Взаимность» – показатель доверия узла А к узлу Б, который, в свою очередь, также ему доверяет. «Взаимность» может быть прямой или косвенной (А доверяет В, который доверяет С, который, в свою очередь, доверяет А).

«Вовлеченность» – показатель участия узла А в деятельности сети. Например, количество или доля употребляющих психотропные вещества друзей узла А может рассматриваться как уровень вовлеченности узла в употребление указанных веществ

«Связность» – показатель количества связей между узлами одной сети и количества связей ее с другими. Чем больше показатель связности, тем выше скорость распространения идей и вовлечения новых узлов в деятельность сети.

«Транзитивность» – показатель того, предполагают ли связи между двумя узлами третье соединение.

«Расстояние» – минимальное количество шагов (связей), соединяющих два узла в сети. Так, расстояние между узлами 8 и 10 (рис. 1) равно 3.

«Плотность» – показатель централизации сети, характеризующий соотношение узлов и связей между ними. В сети с высокой плотностью число связей значительно больше, чем в сети с низкой плотностью.

Разработка процедур практического определения ключевых характеристик является сама по себе отдельной научно-практической задачей, предполагающей, как было отмечено выше, участие психологов, социологов и, при необходимости, правоохранительных органов. Предполагаемый эффект от анализа социальных сетей с использованием приведенных характеристик состоит в повышении эффективности противодействия органов внутренних дел распространению влияния деструктивных субкультур на общество, в том числе и в сфере незаконного оборота психотропных веществ.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения [Электронный ресурс]. URL: <https://argudanmoush1.ru/raznoe/teoriya-a-bandury-teoriya-socialnogo-naucheniya-alberta-bandury-vikipediya.html> (дата обращения: 01.03.2022).

Bibliography

1. Bandura A. Theory of social learning [Electronic resource]. URL: <https://argudanmoush1.ru/raznoe/teoriya-a-bandury-teoriya-socialnogo-naucheniya-alberta-bandury-vikipediya.html> (date of access: 03.01.2022).

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

2. Ли И., Килмер Дж.Р., Лаример М.Э. Краткий, основанный на данных сети Интернет-анализ студентов колледжа, употребляющих марихуану: рандомизированное клиническое исследование [Электронный ресурс]. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/20565152> (дата обращения: 01.03.2022).

3. Костенбейдер Е., Валенте Т.В. Установление центральности при анализе сети [Электронный документ]. URL: <https://www.bebr.ufl.edu/sites/default/files/CostenbaderandValenteThestabilityofcentralitymeasureswhennetworks.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

4. Гранноветер М. Сила слабых связей [Электронный ресурс]. URL: <https://snap.stanford.edu/class/cs224w-readings/granovetter73weakties.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

5. Роджерс Е.М. Распространение инноваций [Электронный ресурс]. URL: <https://web.stanford.edu/class/symsys205/Diffusionof%20Innovations.htm> (дата обращения: 01.03.2022).

2. Li I., Kilmer J.R., Larimer M.E. A brief, Internet-based analysis of college students using marijuana: a randomized clinical trial [Electronic resource]. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/20565152> (date of access: 01.03.2022).

3. Kostenbader E., Valente T.V. Establishing centrality in network analysis [Electronic resource]. URL: <https://www.bebr.ufl.edu/sites/default/files/CostenbaderandValenteThestabilityofcentralitymeasureswhennetworks.pdf> (date of access: 01.03.2022).

4. Granovetter M. The strength of weak ties [Electronic resource]. URL: <https://snap.stanford.edu/class/cs224w-readings/granovetter73weakties.pdf> (date of access: 01.03.2022).

5. Rogers E.M. Dissemination of innovations [Electronic resource]. URL: <https://web.stanford.edu/class/symsys205/Diffusionof%20Innovations.htm> (date of access: 01.03.2022).

© 2022 г. Попов Всеволод Васильевич,

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.
Тел.: +7 918 892 -83-84.

Серго Сергей Владимирович,

начальник отдела исследований наркотических средств и взрывотехнических экспертиз
Экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД России
по Ростовской области, кандидат политических наук.
Тел.: + 7 903 402-26-84.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПО ПОЧЕРКУ

Статья посвящена современным возможностям графологической экспертизы, в задачи которой входит установление отдельных характеристик личности по особенностям письма. Во вводной части статьи приводится актуальность темы и исторические предпосылки создания графологии. Рассматривается почерк человека и особенности его формирования. В основной части описываются признаки почерка и подписи, характеризующие черты характера и внешности владельца. В заключительной части проводится анализ области практического применения графологических исследований и проблем, возникающих при этом, указываются возможные пути реализации идентификационных данных по почерку.

Ключевые слова: графология, почерк, подпись, характер, внешность, профессия, амбициозность, целеустремленность, эгоистичность.

Popov Vsevolod Vasilievich – Senior Lecturer, Chair of Criminalistics and Operational Investigative Activities, Rostov Law Institute of Internal Affairs of the Russian Federation.

Sergo Sergey Vladimirovich – Head of the Department for Research of Narcotic Drugs and Explosive Expert Examinations of the Forensic Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Rostov Region, Candidate of Political Science.

TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITIES OF IDENTIFICATION BY HANDWRITING

The article is devoted to the modern possibilities of graphological examination, the tasks of which include the establishment of individual characteristics of a person according to the features of writing. In the introductory part of the article, the relevance of the topic and the historical prerequisites for the creation of graphology are given. The handwriting of a person and the features of its formation are considered. The main part describes the signs of handwriting and signature, characterizing the character traits and appearance of the owner. In the final part, an analysis is made of the field of practical application of graphological research and the problems that arise in this case, and possible ways of implementing identification data by handwriting are indicated.

Keywords: graphology, handwriting, signature, character, appearance, profession, ambition, purposefulness, selfishness.

Целью расследования любого преступления было и остается установление конкретного лица, его совершившего или причастного к его совершению. Зачастую в этом играют огромную роль обнаруживаемые на месте происшествия материальные следы, достоверно принадлежащие и идентифицирующие конкретного человека: следы пальцев рук, биологического происхождения и т. д. Однако при совершении ряда преступлений, таких как сообщения о ложном заминировании или вымогательствах, единственным материальным следом являются записки. В экспертно-криминалистических подразделениях МВД России проводятся почерковедческие экспертизы и исследо-

вания, но в задачу их входит установление конкретного исполнителя текста или подписи по имеющимся образцам, а если таковых нет, то и исследование проводить не представляется возможным.

В этом случае на помощь может прийти графология – наука об установлении признаков личности по особенностям письма [1]. История становления графологии уходит в античность к словам Аристотеля: «Как нет людей, одинаково говорящих, так и нет людей, одинаково пишущих». Уже в те времена было замечено, что каждому конкретному человеку присущ только его неповторимый почерк. Однако никаких сведений от момента

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

распада Римской империи и до начала XVII в. по исследованиям в данной области нет.

Первым, кто провел исследования, был профессор Болонского университета Камилло Бальдо, который в 1622 г. опубликовал трактат «О том, как по письму можно узнать характер и свойства пишущего». Но все же отцом современной графологии считается аббат Жан Ипполит Мишон. Именно он в 1871 г. впервые употребил термин «графология» (от *лат.* *grapho* – пишу, *logos* – наука) в своей книге «Система графологии», он же и основал Парижское графологическое общество, при котором даже издавался журнал «Графология». Изучая подписи известных людей, Мишон мог различать до 350 признаков человеческой природы. В своей системе Мишон придерживался математической модели: один признак почерка – одна черта характера, нет признака – противоположная черта, но его ученик Жюль Крепье-Жамен несколько изменил эту теорию и приписал каждому признаку определенный диапазон.

Позже многие великие ученые и практики обращали внимание на графологические исследования и даже делали умозаключения по этому поводу, внося свою лепту в развитие этой науки. К таковым относятся немецкий философ и математик Готфрид Лейбниц, естествоиспытатель Иоганн Гете, психиатр Чезаре Ломброзо и многие другие. Наиболее интересно в данном контексте участие профессора физиологии из Йены Вильгельма Прейера, который, вводя в гипноз пациентов, внушал им другие черты характера. Когда он требовал что-либо написать, почерк менялся кардинально, приобретая особенности, характерные для того типа личности. Другое наблюдение было сделано врачами на пациентах, лишившихся рук. Они отметили, что, обучаясь письму ногами или ртом, такие пациенты старались выводить такие же буквы, какие до этого выводили руками. Соответственно, графология на современном этапе представляет собой некую обобщенную науку, позволяющую выявить определенные черты характера и некоторые другие свойства личности пишущего.

В Европе на данном этапе развития во многих университетах существуют даже отдельные направления по обучению таких специалистов, на уровне с другими специальностями.

Прежде чем вдаваться в графологические подробности, надо начать с того, что же собой представляет почерк. Почерк – это строго индивидуальные выработанные с годами определенные движения руки при выполнении

знаков и символов, непосредственно связанные и зависящие от психофизиологических особенностей индивида. Несмотря на отработанные и широко распространенные методики обучения письму, никогда не получится выработать одинаковый почерк у двух разных людей. Формирование почерка – это длительный процесс, связанный как и со становлением самой личности, так и с выбором этой личностью профессии. Все жизненные этапы будут накладывать свой отпечаток на формирующийся почерк. В среднем почерк формируется к 14 годам, но наибольшую информативность он имеет в диапазоне 25–45 лет [2]. Но это не касается подписи. Подписью человек не отражает происходящее с ним в настоящее время, а отражает свои желания и амбиции, каким бы он хотел быть. Вот отсюда и исходят основные положения графологии как науки [3].

Конечно, для формирования полного понимания личности необходимо много рукописного текста, желательно несколько листов, но и по коротким запискам можно кое-что сказать. Есть еще один нюанс. Дело в том, что человек в процессе жизни может писать разными почерками в зависимости от предназначения письменного послания: любовная записка, деловые переговоры и т. д. На это накладывает отпечаток психологический настрой в момент письменного изложения своих мыслей [4].

Итак, перейдем к непосредственному анализу почерка с целью установления признаков личности [5; 6].

Первое, что должно подвергнуться анализу, это сам лист, на котором изложен текст. Письмо на обрывках с неровными краями выдает человека экономного, а может, даже и жадного, и наоборот, краткий текст на большом листе, возможно, еще и аккуратно сложенном, свидетельствует о богатстве и роскоши либо же к стремлению к этому. Наличие пятен жира, соуса выдаст неопрятного человека. О бережливости или расточительности при первичном анализе также говорят плотность нанесения текста и размеры полей, при этом рациональные и одинаковые поля с обеих сторон – признак благоразумия.

Следующим этапом оценивается размер знаков и букв. На размер букв, прежде всего, влияет возраст – чем старше человек, тем буквы крупнее. Увеличение размера букв также присуще в случае усталости. Средний размер букв не рассматривается графологией ввиду того, что большинство людей пишут именно так, и информационная значимость не просматривается.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

Для обладателей почерка с крупными буквами характерна экспансивность, эмоциональность и общительность, лидерская амбициозность. Такие люди без труда заводят новые знакомства, хотя не исключена некоторая агрессивность. А вот умение привлечь к себе внимание и некая склонность к романтизму выдают изящество при написании прописных букв, наличие завитушечек и другие украшения собственного почерка.

Отсутствие агрессии и способность к самоконцентрации выражается в написании мелких букв. При этом чрезмерно большие заглавные буквы свидетельствуют о храбрости и гордом обладателе почерка, а слабая мужественность проявится в написании слишком маленьких заглавных букв. Маленькие расстояния между буквами и словами говорят о скрытности и замкнутости пишущего. Уменьшение букв по мере их нанесения говорит о секретной работе человека, обратное воспроизведение – перед вами человек, тайны которому доверять нельзя. Бывает, что в тексте встречаются печатные буквы, это свидетельство тяги к переменам, стремлению к модернизации своей жизни. Наличие в словах разрывов говорит об интуитивном типе мышления, их отсутствие – о хорошо развитой логике.

Немаловажную информацию хранит в себе и форма букв. Дипломатичность, бесконфликтность, готовность к диалогу и взаимовыручке, открытость, слабая настойчивость – это все отразится в округлости букв. Угловатость букв присуща личностям независимым, несколько эгоистичным, амбициозным и целеустремленным.

Отдельно следует оценивать заглавные буквы: если они одинаковые по форме и размерам с прописными – личность инертная, старается скрываться в серой массе, меньше, чем прописные – самооценка значительно занижена, украшательство буквы – тщеславие, поиск обязательного признания, желание всегда производить впечатление.

Необходимо проанализировать расположение и форму петель. Отсутствие подтекстовых петель характеризуют независимую, избрательную, хорошо приспособляемую личность, без склонностей к философии. Узкость нижних петель также сообщит об осторожности, духовности, семейственности, значительная ширина говорит о зависимости от материальных благ. Обладатель почерка с очень большими подтекстовыми петлями не имеет привязанности к чему-либо или к кому-либо. Симметрично мелкие надтекстовые и подтекстовые петли выдадут личность, не-

способную независимо существовать.

Следующим элементом для оценки личности служит связанность букв. Слитность написания букв характерна для человека, обладающего развитым логическим и аналитическим умом, склонности к предприимчивости и критике. Раздельное написание букв свидетельствует об образности мышления; интуитивность, здравый смысл не руководит его поступками, импульсивность и экстравагантность – постоянные спутники его действий, характерен непрактичный стиль жизни, мир вокруг него им же и придуман. При выраженности таких качеств, как сообразительность, инициативность и предприимчивость, в почерке наблюдается то слитное, то раздельное написание букв. Отсутствие гармонии во внутреннем мире, проблемы на работе и в личной жизни проявятся в написании узких, вплотную стоящих друг к другу букв.

Отдельным элементом почерка выступает наклон. Слабые наклоны характерны для эгоистичных личностей, склонных к критике. Наклоны влево говорят о рациональности мышления без эмоциональной составляющей, скрытности, упрямстве и мыслях об абсолютной правоте. Большой наклон влево говорит о контролируемости эмоций, скрытности на фоне чувственности, как правило, его обладатели левши. Слабый наклон вправо не отражает никаких личностных характеристик, т. к. его вырабатывают во всех школах. Сильный же наклон вправо присущ личностям целеустремленным, обладающим сильным характером, зачастую такие люди влюбчивы и ревнивы. Обладатели такого почерка не скрывают своих чувств, остро воспринимают все новое, в характере прослеживается выраженное чувство собственности. Упрямство, плановость действий, способность к быстрой оценке обстоятельств и принятию адекватного решения, равновесие в эмоциональной и мыслительной сфере выразится в отсутствии наклона.

Общая структура строк является немаловажным показателем. Ровные и прямые строки свидетельствуют об уравновешенности, практичности, адекватной самооценке, самоуверенности, развитой силе воли и логическом рассудительном мышлении, ответственности. Если строка поднимается вверх, то это говорит об уверенности в себе и будущем, целеустремленности, искренности и энергичности, но на фоне этих положительных качеств у обладателя такого почерка прослеживается тенденция к тщеславию и честолюбию. Чувствительность, ранимость, полную разубежденность в себе и своих силах, безынициативность и склонность

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

к подчинению, состояние апатии и депрессии с меланхолией отразят нисходящие строки. Если строка в виде волны, где пик находится внизу, то обладатель такого почерка всегда стремится к достижению конечного результата, если экстремум вверху – писавший на достижение конечного результата не способен. Неровная строка говорит о лабильности настроения и плохих адаптационных способностях.

В связи с избытком пишущих приборов трудно оценить такой показатель, как нажим. Сильный нажим говорит о целеустремленности, жизнелюбии, энергичности, решительности, высокой работоспособности, а в сочетании с сильным наклоном вправо – о принципиальности и требовательности к себе и окружающим. Слабый – свидетельствует о совершенно обратном, при этом у таких людей наблюдается легкое попадание под зависимость от окружающих и слабая жизненная позиция, заторможенность мыслительных процессов, легкоранимость, задумчивость, романтизм и склонность к фантазиям. При среднем нажиме у личности ярко выражается тяга к исследованию всего нового и необычного.

В почерке отражается и темперамент человека [7]:

1) холерик – нажим сильный, буквы, сплетенные с наклоном вправо, неравномерность расположения слов в строках;

2) флегматик – непостоянное расстояние между словами и буквами, а также непостоянная жирность букв;

3) сангвиник – буквы размашистые, а строчки неровные, но почерк красивый;

4) меланхолик – почерк уродливый за счет длинных штрихов и черточек в буквах («танцующий» почерк).

Некоторая профессиональная деятельность также накладывает отпечаток на почерк:

1) неровный, неаккуратный – фармацевты, бизнесмены;

2) отрывистый, бегущий – лингвисты;

3) со штрихами – те, кто занимается умственной деятельностью, профессора;

4) опускающийся – поэты, мечтатели, философы;

5) вертикальный – математики, инженеры;

6) волнистый почерк чаще всего у художников, скульпторов и других творческих людей.

Как ни парадоксально, но люди разного роста тоже пишут по-разному. Высокие неравномерно производят нажим, наблюдаются штрихи в буквах, но при этом нет их вытянутости, строки напоминают частокол. У обладателей среднего роста наблюдается «при-

липание» букв друг к другу в начале строки с постепенным расхождением к концу, при этом строка зачастую опускается. Вытянутость букв и невыполнение знаков в конце слова характерны для людей маленького роста. Мелкие знаки препинания при удлинённых буквах выдают стройного человека, а неравномерность нажима и недописание символов – склонного к полноте. Блондины чаще всего пишут средними узкими буквами и разборчиво, а брюнеты предпочитают надстрочный вариант письма, с приподниманием строки в конце, при этом заглавные буквы могут иметь необычную форму с украшением.

Отдельным направлением изучения, и об этом говорилось ранее, является подпись. Для начала изучаются все те параметры, о которых говорилось выше. Подпись – это отображение своего идеального образа, отсюда и будут проявления, которые необходимо оценить:

1. Направление. В этом параметре ведущую роль занимает кончик подписи: смотрит вверх – оптимизм, энергичность, целеустремленность и т. д., горизонтальный – полный баланс между желаниями и происходящим, эмоциями и разумом, вниз – апатия, депрессия, пессимизм.

2. Длина. Чем длиннее подпись, тем более ее обладатель обстоятелен, настойчив и не склонен к суете. Короткая неразборчивая подпись характеризует постоянно спешащего и поверхностно относящегося ко всему обладателя.

3. Размер букв один из самых ярких показателей. Значительные отличия в заглавной букве и остальных выдает капризность и чрезмерную требовательность ото всех, если отличия незначительные – обладатель скромный. Большие буквы в подписи характеризуют ее владельца как непрактичного, мечтательного и доверчивого, маленькие – экономность, рациональность и способность к концентрации.

4. Соединение всех букв в подписи предполагает, что ее владелец консервативных взглядов, логичен и последователен в своих действиях. Периодически встречающиеся разрывы характеризуют высокие адаптационные способности и лабильность мышления, при большом количестве разрывов основной характеристикой индивида будет мечтательность.

5. Как и любые украшения, украшательство подписи выражает желание похвастаться и более выгодно подать себя: чем больше количество украшений, тем более человек неискренен. Зачастую ввиду развитого творческого мышления, подписи с украшениями встречаются у актеров, художников и т. д.

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

Когда более развита склонность к точным наукам, подпись приобретает вид обструганного дерева – ничего лишнего, а в буквах просматривается недостача элементов. При этом проявляется еще одна черта характера: если буквы расположены близко друг к другу – жадность, если на расстоянии – щедрость.

6. К дополнительным элементам подписи относят хвостики и подчеркивания. Подчеркивание снизу демонстрирует во владельце обидчивость, зависимость от чужого мнения, самолюбие, сверху – тщеславность, гордость, стремление к новому. Хвостик подписи демонстрирует терпимость к воздействиям извне: чем короче, тем человек терпимее к замечаниям и управлению. При деморализованном состоянии, отсутствии уверенности в себе, неустойчивости мыслительных процессов и положения в обществе подпись подчеркивают.

7. Точка в подписи – хороший прогностический признак, т. к. строгая самодисциплина, способность достигать намеченного результата – основные черты характера обладателя подписи с точкой: расположение в начале подписи – владельцу необходимы максимально полные данные перед выполнением

работы, в конце – дело будет закончено, не зависимо от условий и обстоятельств.

8. Двойное значение имеют повторяющиеся элементы: с одной стороны, это свидетельствует о консервативности во взглядах и привычках, вязкости мыслей и поступков, с другой – упорстве и способности к рутинной работе.

Обобщения всего вышесказанного приведено на рис. 1, отражающем характеристики личности по отдельным элементам почерка, и табл. 1, в которой перечислены особенности личности по почерку в целом, которые можно использовать в практической деятельности.

Сразу бросается в глаза отсутствие полей, значит, человек скуп или жаден. Это же подчеркивает уплотнение строк внизу листов. Размер букв средний – возраст 25–40 лет. Буквы несколько округлые – человек склонен к общению и умеет вести себя дипломатично, может убеждать и войти в доверие. Заглавные буквы почти равны прописным с некоторыми предпосылками к украшательству – человек скрытен, но при этом тщеславен и хочет прославиться. Зависимую личность выдают мелкие и одинаковые над- и подстрочные петли. Импульсивность и интуитивность без разумного контроля в действиях, существование в

 КРУПНЫЙ ПОЧЕРК общительность, наличие большого количества друзей	 КАЛЛИГРАФИЧЕСКИЙ ПОЧЕРК обязательность, аккуратность, несамостоятельность
 МЕЛКИЙ ПОЧЕРК замкнутость, скрытность	 РАЗДЕЛЬНЫЕ БУКВЫ развитая интуиция
 УГЛОВАТЫЕ БУКВЫ эгоизм, амбициозность	 «СКАЧУЩИЕ» БУКВЫ, ЗАВИТКИ психическое заболевание
 ЗАКРУГЛЕННЫЕ БУКВЫ доброта, отзывчивость	 СИЛЬНЫЙ НАКЛОН ВПРАВО быстрое восприятие
 ЗАГЛАВНЫЕ БУКВЫ ИЗЯЩНЕЕ ДРУГИХ желание произвести впечатление, романтичность	 СИЛЬНЫЙ НАКЛОН ВЛЕВО осторожность, противостояние
 СИЛЬНЫЙ НАЖИМ сила воли, усидчивость	 ВЕРТИКАЛЬНЫЙ уравновешенность
 БЛЕДНЫЕ БУКВЫ слабовольность	

Рис. 1. Характеристики личности по отдельным элементам почерка

Особенности личности по почерку в целом

Вид почерка	Расшифровка
Размашистый	Великодушность, но в то же время халатность
Сжатый	Придирчивость и мелочность
Неразборчивый	Нервозность, торопливость, гиперактивность
Бледный	Неуверенность в себе, одиночество
Твердый	Твердость, решительность, уверенность в себе и в своих поступках
Дрожащий	Депрессивность, неуверенность в себе, подверженность страхам
Крупный	Открытость к новым знакомствам, доброта, эмоциональная устойчивость
Мелкий	Сдержанность, целеустремленность, скрытный образ жизни
Тянущийся	Лень, расслабленность
Волнообразный	Обман, изворотливость, склонность к авантюрам
Прямой	Сдержанность, рассудительность, адекватная самооценка

Проведем практический анализ почерка, на примере двух листов одного письма (рис. 2).

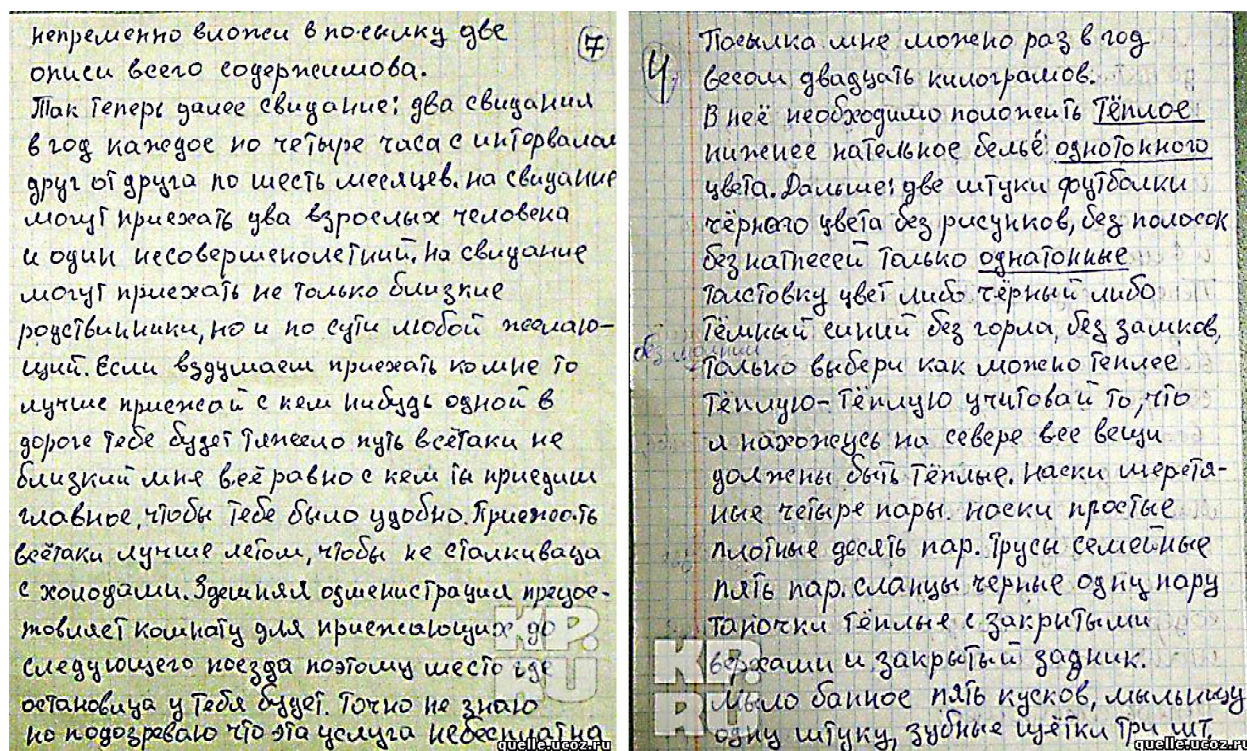

Рис. 2. Свободные образцы почерка

мире собственных целей и иллюзий демонстрирует разрозненное написание букв. Наклон букв практически отсутствует – эгоизм, с критическим отношением к окружающему. Строки поднимаются вверх – целеустремлен, уверен в себе, честолюбив и тщеславен. Сочетание нажима и интервалов выдают флегматика, скорее всего, среднего роста.

Хочется добавить еще несколько просматриваемых элементов. Во-первых, в тексте

имеются подчеркивания слов с целью акцентирования на них внимания. Такое характерно для шизоидного расстройства личности. В их мышлении зарождается сверхценная идея, на которой, как они считают, должны акцентировать внимание и все окружающие. Подобное подчеркивание прослеживается в текстах, написанных Андреем Чикатило. Во-вторых, по ходу текста наблюдаются орфографические и, особенно в большом количестве,

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

пунктуационные ошибки, что свидетельствует о низком интеллекте.

Итак, перед нами письмо, написанное человеком средних, ближе к молодому возрасту, лет, среднего роста, флегматичным, зависимым от окружающих людей и обстоятельством, жадным, тщеславным, стремящимся к достижению своих надуманных целей, действующим импульсивно, но расчетливо в зависимости от складывающейся обстановки, скрытным, но в тоже время желающим, чтобы о нем узнали, эгоистом, умеющим разговаривать и входить в доверие, с низким интеллектуальным уровнем развития, с признаками шизоидного психопата.

Перед нами письмо, написанное «Битцевским маньяком» Александром Пичушкиным. На его счету 52 доказанных убийства. Он знакомился на улице, заманивал человека в глубину парка под различными предложениями и убивал ударами молотка по голове, после чего сбрасывал тела в канализационные колодцы. Пичушкин в детстве получил черепно-мозговую травму, в результате которой едва смог позже выучиться на плотника. В армию его не призвали после обследования у психиатра. Убийства начал совершать, когда узнал о Чикатило, после чего решил его превзойти. Так родилась мысль убить столько человек, сколько клеток на шахматной доске. Однако позже он признался, что после «заполнения» всех клеток он бы купил международную доску для «Международных шашек» и стал бы заполнять уже 100 клеток. На момент задержания ему было 32 года. Как видно из анализа текста, все

черты личности и даже возрастные характеристики прослеживаются в почерке.

Графология не во всех странах признана наукой. Так, например, Британское научное сообщество поставило графологию в один ряд с астрологией, но тем не менее определенные наработки в этой сфере есть, и пусть полностью они не могут охарактеризовать личность, но некоторые данные получить можно.

Нет графологической экспертизы в перечне проводимых экспертиз экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России, но и составления психологического портрета тоже нет [8]. Однако регулярно обращаются за его составлением к психиатрам, при отсутствии другой информации. Так же и с характеристикой личности по почерку можно обратиться к графологам и получить хоть какую-то информацию. Конечно, как доказательство в суде ее использовать нельзя, но в оперативно-розыскных мероприятиях вполне допустимо.

Другая сторона вопроса – это отсутствие профессионалов в данной области. Данную проблему необходимо решать комплексно. В подготовке такого специалиста должны принимать участие и эксперт-почерковед, и психиатр, и психолог, и физиолог. Сложная подготовка, но подготовить одного специалиста на область или регион вполне возможно.

Таким образом, идентификация личности графологическими методами вполне осуществима и имеет право на существование, в том числе и в целях установления личности преступника.

Литература

1. Маяцкий В. Графология. М., 1907.
2. Дороти С. Тайны почерка / пер. с англ. С. Дороти. М., 1997.
3. Мейер Г. Научные основы графологии. Лейпциг, 1926.
4. Моргенштерн И. Психографология. Наука об определении внутреннего мира человека по его почерку. СПб., 1994.
5. Зув-Инсаров Д.М. Почерк и личность. М., 1993.
6. Бобров А.И. Язык почерка. Как понять себя и других. М., 2006.
7. Лазурский А.Ф. Классификация личностей. Л., 1925.
8. Попов В.В., Тройченко Ю.Ю. Психологический портрет как способ идентификации личности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskii-portret-kak-sposob-identifikatsii-lichnosti> (дата обращения: 27.04.2022).

Bibliography

1. Mayatsky V. Graphology. Moscow, 1907.
2. Dorothy C. Secrets of handwriting / ed. by S. Dorothy. Moscow, 1997.
3. Meyer G. Scientific foundations of graphology. Leipzig, 1926.
4. Morgenstern I. Psychographology. The science of determining the inner world of a person by his handwriting. St. Petersburg, 1994.
5. Zuev-Insarov D.M. Handwriting and personality. Moscow, 1993.
6. Bobrov A.I. The language of handwriting. How to understand yourself and others. Moscow, 2006.
7. Lazursky, A. F. Classification of personalities. L., 1925.
8. Popov V.V., Trotsenko Yu. Yu. Psychological portrait as a way to identify a person [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskii-portret-kak-sposob-identifikatsii-lichnosti> (date of access: 27.04.2022).

© 2022 г. **Середа Юлия Сергеевна,**

преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России.
Тел.: +7 904 402-37-23.

Шукуров Ринат Николаевич,

преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России.
Тел.: +7 996 737-29-27.

Бугакова Александра Николаевна,

эксперт экспертно-криминалистической группы ОМВД России «Лысковский» ГУ МВД России по Нижегородской области.
Тел.: +7 952 765-12-16.

КОМПЛЕКСНОЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАССОВЫХ ЧЕКОВ

В статье изложен принцип получения кассовых чеков различными типами устройств. Основное внимание уделено комплексному решению диагностических и идентификационных задач в отношении кассовых чеков в рамках технико-криминалистической и дактилоскопической экспертиз, когда установлению подлежит содержание документа и выявление следов рук.

Ключевые слова: кассовые чеки, установление содержания документа, выявление следов рук, комплексное исследование.

Sereda Yulia Sergeevna – Lecturer, the Department of Fundamentals of Forensic Activity of the Educational and Scientific Complex, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Shukurov Rinat Nikolaevich – Lecturer, the Department of Fundamentals of Forensic Activity of the Educational and Scientific Complex, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bugakova Alexandra Nikolaevna – Expert of the forensic group of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Lyskovsky» of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Nizhny Novgorod Region.

COMPLEX FORENSIC RESEARCH OF CASH CHECKS

The article briefly outlines the principle of obtaining cash receipts by various types of devices. The main attention is paid to the complex solution of diagnostic and identification problems in relation to cashier's checks within the framework of technical forensic and fingerprint examinations, when the content of the document and the identification of handprints are to be established.

Keywords: cashier's checks, establishing the content of the document, identifying handprints, a comprehensive study.

С переходом к информационному обществу большинство реальных переходят в электронный формат. Вместе с тем документ как источник зафиксированной в нем информации не утратил своей значимости. Обратим внимание на такой вид документов, как кассовые чеки. В настоящее время существуют различные варианты данных объектов, начиная с билетов на оплату проезда, банковские операции, терминалы, установленные в организациях, с помощью которых осуществляется электронная очередь и т. д.

Примером этого являются билеты железнодорожного транспорта. Важно отметить, что

данные объекты по своим морфологическим характеристикам носят вариационный характер. Это обусловлено, во-первых, видом кассового аппарата, а во-вторых, кассовой лентой.

Значительное количество моделей контрольно-кассовых машин оснащено печатающими устройствами двух типов – термического и матричного. Блок печати представляет собой металлическое основание, на котором смонтированы керамическая пластина с печатающими элементами (растр-элементами) и управляющий блок с микропроцессорами.

Печать производится непосредственно растр-элементами, расположенными в одном

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

ряду на керамической пластине, которые нагреваются под воздействием импульсов тока, формируемых коммутационно-управляющим блоком. В процессе печати бумага резиновым валиком прижимается термохимическим слотом к керамической пластине с растр-элементами и протягивается в направлении, перпендикулярном линейке растр-элементов. Также знаки при печати чеков могут быть нанесены при помощи принтера матричного типа. Печать осуществляется с помощью одной печатающей головки через красящую ленту. Печатающая головка имеет девять растр-элементов (печатающих игл), расположенных в шахматном порядке, что обеспечивает «извилистую» конфигурацию знаков [1].

А.Г. Задоров в учебном пособии «Криминалистическое исследование современных контрольно-кассовых чеков» классифицирует контрольно-кассовые машины по сферам применения и по конструктивному исполнению. По сферам применения кассовые аппараты могут использоваться в торговле, услугах, торговле нефтепродуктами, отелях и ресторанах. По конструктивному исполнению контрольно-кассовые машины подразделяются на автономные (портативные), пассивные системные, активные (POS-терминалы), фискальные регистраторы [2].

Немаловажным является способ печати в устройствах, описанных выше, наиболее распространенный – прямая термопечать. Процесс нанесения информации осуществляется в результате прокрутки термобумаги через нагревательные элементы, расположенные в ряд. Нагретые элементы формируют темное пятно на бумаге. Кроме того выделяют также матричные печатающие механизмы, литерные, струйные принтеры.

Бумага чековой ленты также различается по морфологическим характеристикам. Выделяют однослойную и многослойную ленты: однослойная может быть представлена офсетной (писчей), одноактивной (самокопирующей), термолентой, многослойная – двухслойной, двухактивной. Термолента состоит из одного слоя офсетной бумаги, имеющей специальное термоактивное покрытие, содержащее проявляющие вещества, консерванты и др.

Таким образом, чеки по своей структуре дифференцируются. Данные объекты могут быть переданы на технико-криминалистическое исследование.

Для решения традиционной задачи установления содержания документа используют-

ся люминесцентный анализ, метод влажного копирования, воздействие парами йода, при помощи видеоспектральных компараторов (например «Регула» (Беларусь), Projectina (Швейцария), а также с применением различных графических редакторов, таких как Adobe Photoshop.

Важно заметить, что в практической деятельности не исключен вариант, когда необходимо решить вопрос, носящий комплексный характер. В частности, подобные случаи возникают, когда на представленном на исследование объекте возможно нахождение папиллярных узоров рук, и при этом необходимо установить первоначальное содержание документа.

Выявление следов рук на бумаге является одной из задач дактилоскопического исследования. Ключевое значение имеет применение химических традиционных методов, с использованием реактивов: аллоксана, бензидина, черного судана, нингидрина, перманганата калия и азотно-кислого серебра и др. [3].

В методических рекомендациях рассматривался вопрос использования химического метода при выявлении латентных следов рук нингидрином и ДФО (1-8 дизафлуорен 9ОН), в этиловом спирте и ацетоне в растворах на основе ГФЭ, вариант применения нингидрина на основе ГФЭ-7100. Результаты исследования показали, что раствор нингидрина на основе ГФЭ-7100 способен выявить следы сроком давности до 38 лет при использовании экспресс-метода (после обработки следоносителя проглаживался утюгом через слой бумаги), кроме того, данный раствор практически не растворяет красители (шариковых, гелевых ручек, лазерных и струйных принтеров, маркеров различных цветов) и не размывает оттиски печатей и штампов [4].

Разработки в данной области продолжались, и впоследствии были рассмотрены варианты применения данного химического метода на бумаге различного сорта. При выявлении следов рук на чеках, выполненных на термолентах при помощи нингидрина с ацетоном или спиртом, происходит окрашивание чека в черный цвет, что влечет видоизменение объекта. В качестве альтернативы может применяться раствор нингидрина с неполярными растворителями, способствующими меньшему разрушающему действию на объект. Стоит отметить, что при использовании данного метода старые следы имеют менее интенсивный окрас, чем следы, нанесенные непродолжительное время назад. Также для выявления

следов рук с использованием нингидрина могут использоваться «сухие» методы, отличающиеся тем, что раствор наносится не на сам объект, а на лист бумаги, после чего проглаживается утюгом с температурой $+125^{\circ}$. Кроме того, возможен вариант нанесения раствора на листы бумаги, просушивание их и помещение между ними объекта, с последующим погружением в герметичную среду (папку-файл). Процесс должен контролироваться, чтобы во время химической реакции не произошло окрашивание всей площади объекта. При этом отмечалось, что не рекомендуется осуществлять термическое воздействие на чеки, выполненные на термоленте, ввиду того, что происходит их потемнение [5].

Р.В. Зайцев и А.В. Тарасенко в своей работе «Выявление латентных потожировых следов рук на документах, изготовленных на бумаге со специальным термочувствительным покрытием» указывают на возможность выявления следов рук при помощи термического воздействия на термочувствительный слой бумаги через бумагу или ткань, при этом акцентируют внимание на наличие или отсутствие складок на исследуемом объекте. Также ими выделено, что наиболее благоприятный температурный режим при равномерном воздействии (подошва утюга) составляет $+60-70^{\circ}$ [5].

Вышеуказанные методы позволяют решать дактилоскопические задачи, но обратим внимание именно на решение комплексной задачи. Ключевым является как выявление латентных следов, так и восстановление содержания документа, именно поэтому при выборе применяемого метода необходимо руководствоваться сохранностью дактилоскопических следов и объектов технико-криминалистической экспертизы документов.

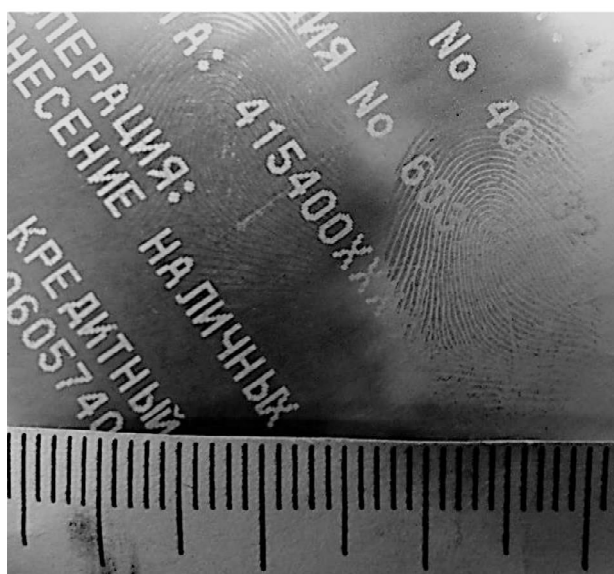
В рамках исследования нами был произведен эксперимент по выявлению следов рук на угасших чеках (давностью до 10 лет) с оставленными на них следами рук (от одного до трех дней). Далее выявление следов рук и содержание текста на угасших документах (чеках) с применением физического метода осуществлялось двумя способами: концентрированным воздействием – путем точечного открытого огня (с помощью зажигалки); сплошным – в виде нагрева всей поверхности (с помощью бытового утюга с терморегулятором). Стоит отметить, что данные методы являются разрушающими, для их применения требуется письменное разрешение должностного лица, назначившего экспертизу.

Вариант № 1 с применением бытового утюга: чек помещается между двумя листами на мягкую подложку, затем участки бумаги проглаживались утюгом на определенном температурном режиме (примерно $+50^{\circ}$), после чего поверхность окрашивается в темно-серый цвет, угасшие записи проявляются в виде светлых элементов на темном фоне (негативный эффект). Следы папиллярных линий, образованные потожировым веществом на первоначальной стадии, проявляются в виде темных линий, а впоследствии при увеличении температуры также становятся белыми. Выявленные следы и тексты незамедлительно фиксируются при помощи фотосъемки. Время, затрачиваемое на проведение данного метода, от 10 секунд до 1 минуты.

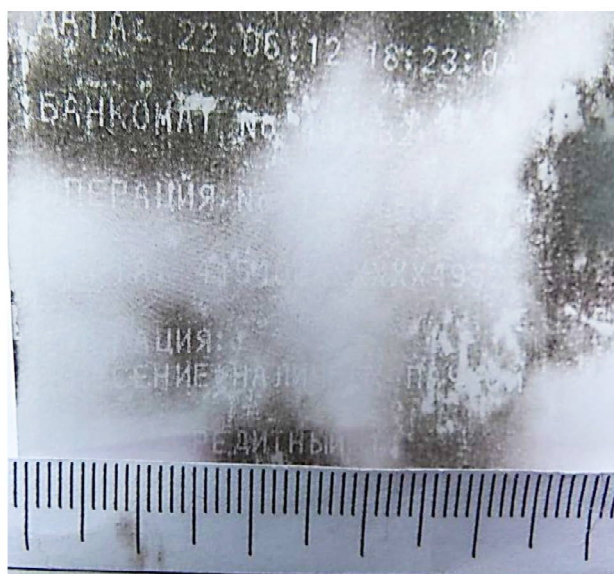
Вариант № 2 с применением зажигалки. Поверхность чека с оборотной стороны точно нагревалась пламенем зажигалки на расстоянии примерно 7–10 мм, после теплового воздействия поверхность окрашивается в темно-серый цвет, угасшие записи проявляются в виде светлых элементов на темном фоне (негативный эффект). Следы папиллярных линий, образованные потожировым веществом на первоначальной стадии, проявляются в виде темных линий, а впоследствии при увеличении температуры также становятся белыми. Выявленные следы и тексты незамедлительно фиксируются при помощи фотосъемки. Время, затрачиваемое на проведение данного метода, составляет от 10 секунд до 1 минуты.

Важно отметить, что, если при выявлении следов рук произошло длительное термическое воздействие, влекущее потемнение поверхности объекта, не позволяющего контрастировать папиллярные линии, то при повторном концентрированном воздействии происходит временное осветление следа, которое также может быть запечатлено при помощи фотографирования.

К особенностям применения данных методов следует отнести: во-первых, необходимо учитывать вид ленты кассового чека, а также способ печати. Во-вторых, температуру и длительность термического воздействия на объект. Метод является крайне чувствительным ввиду того, что как при концентрированном воздействии, так и при равномерном значительном тепловом воздействии возможен вариант резкого почернения поверхности объекта. В-третьих, давность исследуемого объекта, а также временной период образования следов рук. Выявлена за-

А

Б

Рис. 1. Угасшие тексты и следы пальцев рук выявленные: А – при помощи точечного теплового воздействия (с помощью зажигалки); Б – при помощи теплового воздействия утюгом

кономерность: следы, образованные в период от 1 до 3 дней, проявляются контрастнее, чем следы, оставленные в более ранние периоды. Также необходимо сказать, что тепловое воздействие влияет на испарение потожирового вещества, что в дальнейшем исключает биологическое исследование.

Описанный метод является достаточно эффективным и не требует существенных ма-

териальных затрат и наличия каких-либо специальных материалов и оборудования. Так, его применение показывает хорошие результаты для установления содержания угасших текстов независимо от того, насколько старый документ, применение же данных методов с целью выявления следов рук возможно, когда идентификационный период составляет от 1 до 3 дней.

Литература

1. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник / под ред. В.Е. Ляпичева, Н.Н. Шведовой. Волгоград, 2005.
2. Задоров А.Г. Криминалистическое исследование современных контрольно-кассовых чеков: учебное пособие. Волгоград, 2020.
3. Дронова О.Б., Котельников Б.В., Веселин В.В. Техничко-криминалистические особенности работы со следами рук: учебное пособие. Волгоград, 2017.
4. Донцова Ю.А., Капитонов В.Е. Выявление латентных следов рук нингидрином и ДФО в растворах на основе ГФЭ-7100: методические рекомендации. М., 2004.
5. Зайцев Р.В., Тарасенко А.В. Выявление латентных потожировых следов рук на документах, изготовленных на бумаге со специальным термочувствительным покрытием // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе с международным участием 4–5 марта 2014 г. М., 2014.

Bibliography

1. Technical and forensic examination of documents: textbook / ed. by V.E. Lyapicheva, N.N. Shvedova. Volgograd, 2005.
2. Zadorov A.G. Criminalistic research of modern cash receipts: a textbook. Volgograd, 2020.
3. Dronova O.B., Kotelnikov B.V., Veselin V.V. Technical and forensic features of working with handprints: a textbook. Volgograd, 2017.
4. Dontsova Yu.A., Kapitonov V.E. Detection of latent handprints with ninhydrin and DFO in solutions based on GFE-7100: methodological recommendations. Moscow, 2004.
5. Zaitsev R.V., Tarasenko A.V. Identification of latent sweat-like handprints on documents made on paper with a special heat-sensitive coating // Materials of the VI All-Russian Scientific and practical conference on Criminalistics and forensic examination with international participation March 4–5, 2014. Moscow, 2014.

© 2022 г. Солонникова Нина Валерьевна,

доцент кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук.
E-mail: nina5846526@mail.ru

Малявина Анна Борисовна,

научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
Ростовского юридического института МВД России, кандидат политических наук.
Тел.: +7 905 429-81-50.

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье рассмотрены особенности методики расследования розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, элементы криминалистической характеристики, типичные ситуации, особенности производства отдельных следственных действий.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступник, подросток, потерпевший, след, способ совершения преступления, криминалистическая характеристика, алкоголь, продавец.

Solonnikova Nina Valerievna – Associate Professor, the Department of Forensic Science, the Krasnodar Law University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Malyavina Anna Borisovna – Scientific Associate of the Research and Editorial Department, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Politics.

FEATURES OF THE METHODOLOGY OF INVESTIGATING THE RETAIL SALE OF ALCOHOLIC BEVERAGES TO MINORS

The article discusses the features of the methodology of investigating the retail sale of alcoholic beverages to minors, elements of forensic characteristics, typical situations, features of the production of individual investigative activity.

Keywords: minor, criminal, teenager, victim, vestige, method of committing a crime, forensic characteristics of crimes, alcohol, seller.

Глава 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит составы преступлений против семьи и несовершеннолетних, за которые осуждено: в 2018 г. – 47 824, в 2019 г. – 48 719, в 2020 г. – 39 293 [1], за первое полугодие 2021 г. – 23 174 человека [2].

В 2011 г. в УК РФ введен состав, отраженный в ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», в 2018 г. за него осуждено – 569 [3], в 2019 г. – 531 [4], в 2020 г. – 452 [5], за первое полугодие 2021 г. – 277 человек [2].

В объеме общего количества совершенных преступлений вышеуказанные числа являются вроде бы незначительными, однако такого рода преступления влекут за собой серьезные последствия, сказывающиеся на здоровье подрастающего поколения: совершение противоправных деяний в состоянии алкогольного опьянения, вовлечение иных лиц в асоциальное и криминальное поведение. Моральный и физический облик подрастающе-

го поколения – залог успешного развития нашего общества.

В соответствии с п. 2 ст. 16 Федерального закона РФ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» от 22.11.1995 № 171-ФЗ розничная продажа алкогольной продукции несовершеннолетним запрещена. В случае нарушения указанного запрета наступает административная ответственность в соответствии с ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ. Если в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания или уплаты штрафа за вышеуказанное правонарушение лицо снова реализует несовершеннолетнему алкоголь, то его действия содержат состав преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ.

При анализе данных Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за период

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

2018–2021 гг., было выявлено, что субъектом преступления являются чаще всего женщины в возрасте от 18 и свыше 55 лет. Наибольшее количество осужденных в возрасте от 30 до 49 лет являются местными жителями, имеют среднее профессиональное образование, социальное положение – рабочие [1]. Отличительным признаком личности преступника по данной категории преступлений является неоднократность его совершения после административного правонарушения, за которое было назначено административное наказание, в соответствии со ст. 14.16 КоАП РФ.

Способом совершения преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, является розничная реализация алкогольной продукции несовершеннолетнему. Например, «С.О.В. взяла у несовершеннолетнего денежные средства в сумме 50 руб. и продала ему бутылку алкогольного напитка «Немецкое» с объемной долей этилового спирта 4,0 %» [6].

Средством совершения является алкогольная продукция, к ней относят спиртные напитки (водка, различные вина, шампанское, пиво) и напитки, изготовленные на основе пива (сидр, пуаре, медовуха). Например, несовершеннолетним были проданы бутылка пива марки «Жигули 3» с содержанием этилового спирта 4,9 %, бутылка пивного напитка «ЕССА» с содержанием этилового спирта 6,5 % [7], слабоалкогольный напиток «Seth&Riley, sGarage» с содержанием этилового спирта (крепостью) 4,6 % [8].

Местом совершения преступления является рабочая точка продавца, например, магазин, склад, ресторан, кафе. Возможность реализации алкоголя осуществляется в зависимости от крепости алкогольной продукции, и возможности ее употребления на месте покупки. Например, в магазине употреблять алкоголь запрещено, в баре, ресторане – разрешено.

Временем продажи алкоголя считается момент реализации, т. е. выдача кассового или товарного чека, иного документа, подтверждающего факт продажи, также момент передачи товара или момент расчета. Как правило, несовершеннолетним осуществляется продажа алкоголя в вечернее или ночное время.

Продавец, привлеченный ранее к административной ответственности за продажу алкоголя, нарушая нормы законодательства, совершает аналогичные действия и тем самым посягает на физическое и психическое здоровье несовершеннолетнего, руководствуясь, как правило, корыстными побуждениями.

Покупателем выступает лицо, не достигшее совершеннолетия, т. е. 18 лет. Документом,

подтверждающим возраст, при возникновении сомнений у продавца является паспорт, свидетельство о рождении. Моментом совершенного преступления считается наступление следующих суток за днем, указанным в документах.

Реализация алкогольной продукции влечет за собой определенную следовую картину. Остаются материальные и идеальные следы. К материальным можно отнести:

- проданный несовершеннолетнему алкоголь (бутылка, банка или иная тара);

- следы пальцев рук, ладони, оставленные несовершеннолетним и/или продавцом;

- кассовый, товарный чек;

- документы: свидетельство о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя, свидетельство о постановке на учет физического лица в налоговом органе, трудовой договор, согласно которому продавец принят на должность, договор о материальной ответственности, постановление мирового судьи, вступившее в законную силу, об административном наказании за ранее совершенное административное правонарушение, предусмотренное ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ;

- видеозапись с камер, расположенных в магазине или возле него,

- заключение эксперта с выводами о том, что проданная продукция является алкоголем.

Идеальные следы:

- показания несовершеннолетнего и лиц, находящихся с ним во время покупки алкоголя либо после;

- показания уполномоченных должностных лиц, проводивших оперативно-профилактические мероприятия по выявлению фактов продажи алкогольной продукции несовершеннолетним;

- показания лица, сбывшего алкогольную продукцию несовершеннолетнему.

На первоначальном этапе расследования, как правило, складываются следующие типичные ситуации: продавец застигнут в момент продажи алкоголя несовершеннолетнему либо непосредственно после нее, а несовершеннолетний приобрел алкоголь, после чего может сообщить о данном факте лично либо с помощью третьих лиц.

Как правило, поводом для проверки наличия в действиях продавца противоправного деяния является рапорт сотрудника полиции или заявление, поступившее от граждан, например, законных представителей, свидетелей факта продажи алкоголя.

В любой ситуации на первоначальном этапе необходимо определить, есть ли в действиях

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

продавца состав преступления или административного правонарушения. В связи с этим необходимо проверить данное лицо по оперативно-справочным учетам с целью установления наличия факта привлечения к административной ответственности по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ.

На момент принятия решения о возбуждении уголовного дела по ст. 151.1 УК РФ в материале проверки должны быть следующие документы:

- 1) рапорт сотрудника полиции или заявление гражданина;
- 2) протокол об изъятии вещей и документов (алкоголя, трудового договора, договора о материальной ответственности, должностной инструкции, лицензии на право торговли алкогольной продукцией и др.);
- 3) протокол осмотра места совершения административного правонарушения или протокол осмотра места происшествия;
- 4) кассовый или товарный чеки;
- 5) объяснение продавца;
- 6) объяснение несовершеннолетнего;
- 7) объяснение владельца торговой точки;
- 8) объяснения лиц, являющихся свидетелями;
- 9) материалы административного судопроизводства по ранее совершенному административному правонарушению;
- 10) копии документов, удостоверяющих личность продавца и несовершеннолетнего покупателя.

При наличии повода и основания принимается решение в соответствии со ст. 145 УПК РФ.

Если покупатель является несовершеннолетним, производство следственных действий с его участием будет осуществляться с его законными представителями, которыми могут быть лица, указанные в п. 12 ст. 5 УПК РФ.

Учитывая зафиксированный факт покупки алкоголя подростком необходимо выяснить:

- 1) при каких обстоятельствах был приобретен алкоголь;
- 2) имели ли место такие факты ранее, употребляет ли несовершеннолетний алкоголь, если да, то по какой причине, с кем и за чей счет приобретает его;
- 3) знают ли об этих фактах его законные представители и иные лица, если да, то какие меры принимались, если нет, то почему;
- 4) осуществлялась ли покупка алкоголя по предложению законных представителей или иных взрослых лиц;
- 5) каким образом был выявлен факт приобретения алкоголя, кем и при каких обстоятельствах;

б) приобреталось ли ранее спиртное в этой торговой точке, у какого продавца.

В случае выявления неблагоприятного влияния законного представителя на несовершеннолетнего он может быть отстранен от участия в уголовном деле и заменен на другого. При наличии в действиях законного представителя признаков состава преступления, например, предусмотренного ч. 2 ст. 151 УК РФ, решается вопрос о выделении материалов и принятии решения в соответствии со ст. 145 УПК РФ.

При допросе в качестве свидетеля законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего целесообразно выяснить следующие обстоятельства: какой состав семьи; какие взаимоотношения между членами семьи, родственниками, друзьями, одноклассниками у несовершеннолетнего; бытовые условия проживания; уровень дохода семьи; состоит ли подросток на учете в психоневрологическом, наркологическом диспансерах, если да, то по какой причине, с каким диагнозом; когда был поставлен на учет; обучается ли в образовательном учреждении, какова успеваемость; круг общения; были ли ранее факты употребления алкоголя, если да, то при каких обстоятельствах, какие меры при этом принимались близкими; имеется ли «традиция» употребления алкоголя членами семьи; состоит ли ребенок на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, если да, то по какой причине; привлекался ли к административной или уголовной ответственности?

При допросе подозреваемого необходимо задать следующие вопросы: с какого времени и в какой должности работает; кто является директором; поставлен ли на учет в налоговом органе; какие должностные обязанности; кто несет материальную ответственность и в каком объеме; какой режим работы; какой размер и порядок выплаты зарплаты; привлекался ли ранее к административной или уголовной ответственности, если да, то когда и по каким составам; при каких обстоятельствах осуществили продажу алкоголя несовершеннолетнему; какой вид алкоголя продали, в каком количестве, на какую сумму; знаком ли с правилами продажи алкогольной продукции, в том числе с запретом на продажу алкоголя несовершеннолетним лицам; в связи с чем была осуществлена продажа алкоголя подростку, присутствовали ли при этом третьи лица?

В качестве свидетелей могут быть допрошены лица, присутствовавшие в магазине в момент реализации алкоголя, должностные лица, производившие изъятие и составление

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, теория оперативно-розыскной деятельности

соответствующих документов, понятие, лица, которые находились с несовершеннолетним покупателем в момент покупки или после нее, руководитель торговой точки. Перечень вопросов связан с фактом продажи алкоголя, его изъятия, употребления.

В рамках расследования необходимо затребовать и приобщить к материалам уголовного дела характеризующий материал на лицо, осуществившее продажу алкоголя несовершеннолетнему.

В случае обнаружения факта вышеуказанного преступления в момент распития алкоголя или после него целесообразно провести освидетельствование несовершеннолетнего.

Предметы и документы, имеющие значение для расследования, например, изъятый алкоголь, документы, подтверждающие факт реализации или статус продавца, в дальнейшем осматриваются и приобщаются в качестве вещественных доказательств.

В рамках расследования могут быть назначены и проведены следующие судебные экспертизы: экспертиза спиртосодержащей продукции, химическая, дактилоскопическая, экспертиза видео- и звукозаписей. Соответственно, объектом исследования будут тара и ее содержание с напитком, следы пальцев рук, обнаруженных и изъятых с тары, в которой находится алкоголь, возможно, с чеков, видеозапись.

Таким образом, в рамках расследования розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции необходимо обратить внимание на статус лица, реализовавшего алкоголь, неоднократность его действий, возраст покупателя, особенности следовой картины, круг лиц, которых необходимо допросить в качестве свидетеля, особенности следственных действий с участием несовершеннолетнего.

Знание вышеуказанных особенностей позволит лицам, осуществляющим расследование, своевременно и качественно решить задачи уголовного судопроизводства.

Литература

1. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 10.03.2022).
2. Основные статистические показатели состояния судимости в России за первое полугодие 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895> (дата обращения: 10.03.2022).
3. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 10.03.2022).
5. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 10.03.2022).
6. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/k6LYNHjIRANU/> (дата обращения: 11.03.2022).
7. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xP4pRf3Jl55v/> (дата обращения: 11.03.2022).
8. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UCs-UUaWRyJVm/> (дата обращения: 12.03.2022).

Bibliography

1. The main statistical indicators of the state of criminal record in Russia for 2008–2020. [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (date of access: 10.03.2022).
2. The main statistical indicators of the state of criminal record in Russia for the first half of 2021 [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895> (date of access: 10.03.2022).
3. The main statistical indicators of the state of criminal record in Russia for 2018 [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (date of access: 10.03.2022).
4. The main statistical indicators of the state of criminal record in Russia for 2019 [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (date of access: 10.03.2022).
5. The main statistical indicators of the state of criminal record in Russia for 2020 [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (date of access: 10.03.2022).
6. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/k6LYNHjIRANU/> (date of access: 10.03.2022).
7. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xP4pRf3Jl55v/> (date of access: 10.03.2022).
8. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UCs-UUaWRyJVm/> (date of access: 12.03.2022).

© 2022 г. Кирпа Мария Сергеевна,

преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: maria_police@mail.ru

РЕФОРМА МЕСТНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ПОЛИЦЕЙСКИХ ОРГАНОВ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В статье излагается положение местных органов управления и полицейских учреждений на начало XIX в., а также причины, побудившие на проведение реформ. Руководство Министерства внутренних дел лично принимало участие в разработке проектов по реорганизации местных органов. Путем проб и ошибок была определена эффективная модель устройства и управления на местах. Результаты таких преобразований были закреплены в Наказе 1837 г. Полицейские учреждения также подверглись реформированию. Основная цель такой реформы – избавление органов полиции от несвойственных функций, а также достойное социальное обеспечение.

Ключевые слова: *Губернское Правление, местная администрация, полицеймейстер, генерал-губернатор, наместничество, земские учреждения полиции, городская полиция.*

Kirpa Maria Sergeevna – Lecturer of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law.

REFORM OF LOCAL ADMINISTRATIVE AND POLICE BODIES AT THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

The article describes the situation of local government and police institutions at the beginning of the XIX century, as well as the reasons that prompted the reforms. The leadership of the Ministry of Internal Affairs personally participated in the development of projects for the reorganization of local authorities. Through trial and error, an effective model of the device and management in the field was determined. The results of such transformations were fixed by the Decree of 1837. Police institutions have also been reformed. The main goal of such a reform is to rid the police of uncharacteristic functions, as well as decent social security.

Keywords: *Provincial Government, local administration, Police Chief, Governor-General, vicerealty, zemstvo police institutions, city police.*

В первой половине XIX в. преобразование центральных органов управления повлекло за собой необходимость проведения административных и полицейских реформ на местном уровне.

Министерство внутренних дел, на которое в числе прочих полномочий, возлагались и дела административные с целью изучения обстановки на местах отправляло сенаторские ревизии, в ходе которых выявились крупные беспорядки в губерниях на территории всей Империи. В отдельных случаях Сенаторы привлекались для временного управления губерниями. В том числе создавались временные комиссии для решения дел на местах. Министр внутренних дел Закревский, лично объездив значительную часть Империи, убедился в том, что ситуация требует принятия кардинальных мер и в своем докладе Императору указал, что основной причиной тако-

го положения является низкое денежное довольствие чиновников: «Канцелярии наполнены людьми, которые или не могли уже найти для себя ничего лучшего, или мальчишками вступали сюда для того, чтобы приобрести навык к делам, и выждать случай к перемещению в другое ведомство, где труды их гораздо лучше вознаграждаются» [1, с. 58]. Скудность городских доходов не позволяла расширить штаты полиции. Император передал записку Министру финансов для изучения и принятия соответствующих мер, однако увеличить доходы не представлялось возможным в виду существующих штатов. Совместными усилиями высших должностных лиц, в том числе при участии Кабинета Министров, были разработаны новые временные штаты, бюджеты были увеличены, что позволило увеличить оклады служащим и укрепить городскую полицию.

Министр внутренних дел с целью упорядочения системы принял ряд следующих мер: увеличил число секретарей в управах, сформировал новый штат для губернских правлений, увеличил количество чиновников и увеличили оклады для канцелярских сотрудников земским судам и городской полиции. В том числе Правительство оказывало внимание сотрудникам, которые ушли со службы по причине болезни или по старости, проявляло заботу над осиротевшими семьями чиновников и вдовами. Перечисленные меры закрепились на законодательном уровне вследствие принятия Устава о пенсиях и единовременных пособиях в 1827 г. и Положения о пенсиях всех чиновников в губерниях по ведомству Министерства внутренних дел в 1832 г. [5, с. 1032].

Местная администрация и полиция в силу постоянно усложняющихся задач нуждались в частом переустройстве. С учреждением министерств сохранение децентрализации стало более затруднительным. Учреждения губерний были в подчинении различных министерств, тем самым утратили свою самостоятельность и превратились в местные органы министерств. Генерал-губернаторы и Министерства стали равноправными инстанциями с одинаковыми полномочиями, что порождало постоянные недоразумения и вредило развитию дел в целом.

В качестве попытки к преобразованиям стал проект разделения Империи на 12 наместничеств по 2–3 губернии в каждом [1, с. 60]. Предусматривалось, что власть наместника была весьма обширна, вплоть до неисполнения указаний со стороны Сената и предписаний министров, в том числе он мог сменять всех лиц в наместничестве, кроме самых высших должностных лиц. Однако министр финансов данный проект не поддержал, считал, что такими нововведениями разрушится единство Империи и в целом не улучшит администрацию. По его мнению, достаточно наделить наместников функциями по контролю за местными административными органами без вмешательства реализации указаний высших и низших исполнительных властей. Тем не менее было принято решение образовать экспериментальное наместничество из пяти губерний (на территории центральной России). А.Д. Балашов, который ранее занимал пост министра полиции, был назначен во главе такого наместничества.

Император видел в наместнике «ежеминутного инспектора всех частей внутреннего управления в его округе», а Сперанский полагал, что генерал-губернатор есть «не что иное, как Министерство, действующее на месте» [1, с. 60].

Таким образом, Балашов получил весьма обширный круг полномочий и произвел изменения в администрации губерний. В частности, образовал в каждой вверенной ему губернии особый Губернский Совет под своим же председательством, а также Совет уездный, учредил новые должности председателя Губернского Правления и губернского полицеймейстера, сосредоточив в руках последнего исполнительную часть.

По итогам таких преобразований Император Николай I поручил Секретному комитету провести анализ целесообразности таких изменений. Генерал Балашов сам видел недостатки в таком управлении, ему пришлось лично предпринимать усилия по приведению в порядок все управляемые им губернии, в том числе осуществлять их полную безопасность. Приглашенный на заседание Секретного Комитета 23 апреля 1827 г. Балашов отметил: «Для сего достаточно будет повелить губернским и уездным советам прекратить свои собрания, а председателей Губернских Правлений и губернских полицеймейстеров определить на другие места, по усмотрению» [1, с. 61].

Секретный Комитет по итогам своей работы сделал следующее заключение: «Все реформы А.Д. Балашова следует отменить и восстановить порядок, существовавший до 1819 г. Комитет принципиально высказался против децентрализации: «желаемый порядок, в губерниях тогда только учредится, когда будут постановлены точные и единообразные правила для всех мест управления и суда, когда сии зависят будут от одного центрального верховного Правительства, которое бы руководствовало каждого по одинаковым началам и, так сказать, единым движением» [1, с. 61].

По итогам было принято решение об удалении должности генерал-губернатора, кроме территории отдаленных местностей. Высшей по должности на местах стала должность губернатора. В соответствии с Наказом 1837 г. губернатор стал главным представителем верховной власти на территории губерний, который осуществлял надзор за всеми губернскими

учреждениями; также он являлся непосредственным начальником всех учреждений, ведал вопросами благоустройства, стал главным начальником полиции, заведовал правосудием и был обязан контролировать исполнение повинностей, сборов податей и т. д.

С момента исключения должности генерал-губернатора возвысилось значение должности губернатора, вместе с тем устанавливалась его ответственность за состояние губерний. Возникла тесная связь с Министерством внутренних дел, в тоже время не стоило забывать, что губернатор лишь посредник между верховной властью и населением, исполнитель законов и предписаний Правительства.

В соответствии с Положением о составе Губернского правления в его состав включены должности советников, первый из которых именовался вице-губернатором, канцелярия правления подразделялась на отделения и получала статус и значение Департамента в Министерстве. Коллегиальная форма делопроизводства заменялась бюрократическим, давно преобладающим в центральных установлениях.

Таким образом, преобразования местного управления пошли по тому же пути, что и центральное управление после реформы 1802 г., однако на этом реформа местных органов не остановилась. Остался открытым вопрос о городской и земской полиции, который не был затронут реформой 1837 г.

Вступив в должность министра внутренних дел, граф Перовский обнаружил, что вышеуказанные меры оказались недостаточно эффективными и требуют проведения дальнейшего реформирования. По его словам, местные органы находились в неудовлетворительном состоянии, также как и городская полиция. Министерство не могло изыскать достаточное количество добросовестных и способных исполнителей, в связи с этим должности приходилось замещать «ненадежными» людьми.

Граф Перовский предложил действовать в следующих направлениях: усилить контроль над местными органами Министерства, а для этой цели необходимо организовать частые поездки по губерниям директоров Департамента, а также специальные командировки чиновников особых поручений при Министре и кандидатов на должности губернаторов, пресекать злоупотребления и

наоборот поощрять действительно заслуженных сотрудников, повышая оклады; подготавливать опытных лиц.

В качестве действенных практических мер было предложено освободить губернаторов от ряда функций, в частности передать фактическое председательство в Управах вице-губернатору, который становился настоящим помощником губернатора и освобождался от непосредственного руководства отделением канцелярии. Дела, которые поступали в Губернское Правление, стали подразделять на три основных разряда: во-первых, это судные дела, рассматривавшиеся Правлением коллегиально; во-вторых, это дела распорядительные, которые рассматривались с разрешения губернатора; в-третьих, дела исполнительные рассматривались вице-губернатором, а также советниками. Таким образом, Губернское Правление приобрело определенную самостоятельную компетенцию, тем самым возросло его значение. Губернатор, в свою очередь, приобретал больше свободного времени для более важных дел.

Данные мероприятия были включены в проект Перовского и разосланы по губерниям для обсуждения на местах под председательством губернаторов. 2 января 1845 г. после Высочайшего утверждения он был введен во многих губерниях. По результатам отчета Министра внутренних дел в 1845 г., было видно, насколько принятые меры оказались эффективны, и в целом реформа привела к улучшению положения Губерний по сравнению с предыдущим периодом, ровно как сами губернаторы могли посвящать больше времени на надзор за ведением дел в губерниях.

Что касается дел полицейских, то «в сущности, у нас нет вовсе земской полиции» [1, с. 64–65]. В 1847 г. Министр свидетельствовал: «Полицейское управление в городах неудовлетворительное, даже по губернским городам, из числа 27 обозренных Министерством губерний едва только в 3 городская полиция найдена в надлежащем порядке; это главным образом происходило от недостатка средств к исполнению сими учреждениями лежащих на них обязанностей, но и самое внутреннее устройство их требовало улучшения; положение же земской полиции самое неудовлетворительное и несоответствующее их предназначению» [1, с. 64]. В Министерство поступало огромное количество жалоб на полицейские управления.

На основании этого Министерство в 1845 г. выработало проект о преобразовании земской полиции и направило его на обсуждение губернским комитетам, состоявших из опытных полицейских чиновников, губернаторов, предводителей дворянства, председателей палат, прокуроров. На данный момент в земских судах сосредотачивались самые разнообразные функции и следователя, и чиновника, и судьи, и руководителя земского хозяйства. Это в совокупности тормозило проведение новой реформы, что позволяло лишь частично усилить полицейские штаты. Только в начале второй половины XIX в. полицейская часть подверглась в полном объеме реформированию.

Высочайшим указом, который был издан в июле 1858 г., закреплялось назначение полицейских чиновников от имени правительства, объединение городской полиции и уездной, от полиции были отделены дела судебные, следственные и хозяйственные. 27 марта 1859 г. при Министерстве внутренних дел создавалась комиссия об уездных и губернских учреждениях, осуществлявшая исполнение предписаний под руководством Н.А. Милютина. Ланской, будучи министром, реализовал только одну цель, связанную с отделением следственной части от полиции, оставив производство первоначальных дознаний об уголовных преступлениях, следствие же было возложено на

судебных следователей.

При Министре внутренних дел П.А. Валуеве, которому было вверено продолжить линию министра С.С. Ланского, после Высочайшего указа от 25.12.1862 удалось ввести временные правила об устройстве полиции в 44 губерниях. В результате городская полиция оставалась только в губернских и уездных городах, включая увеличение содержания полицейским чинам. С введением земских учреждений полиция освобождалась от хозяйственной части, а судебная – от различных судебных разбирательств. С помощью принятых мер полиция могла выполнять свои основные обязанности по охране общественного порядка и спокойствия.

В качестве так называемого «тормоза» выступали недостаточная численность команд и неудовлетворительность их состава, но уже в предшествующую эпоху были совершены в этом направлении «движение вперед».

Таким образом, в исследуемый период активно осуществлялась реформаторская деятельность местного управления и органов полиции, которая была неизбежна и последовала после реформ центрального управления. Активную роль в этом сыграли руководители Министерства внутренних дел при прямой поддержке самого императора и опытных чиновников.

Литература

1. Андриянов С.А. Министерство внутренних дел 1802–1902 гг.: Исторический очерк. СПб., 1902.
2. Анучин Е.И. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России. СПб., 1872.
3. Градовский А.Д. Начала русского государственного права: О государственном устройстве. СПб., 1907.
4. Градовский А.Д. Исторический очерк учреждений генерал-губернаторств в России. СПб., 1899.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание (1825–1881): Том 2. 1827. № 1592.

Bibliography

1. Andriyanov S.A. Ministry of Internal Affairs 1802–1902: Historical essay. St. Petersburg, 1902.
2. Anuchin E.I. Historical review of the development of administrative and police institutions in Russia. St. Petersburg, 1872.
3. Gradovsky A.D. The beginning of Russian state law: About the state structure. St. Petersburg, 1907.
4. Gradovsky A.D. Historical sketch of the institutions of general governorships in Russia. St. Petersburg, 1899.
5. The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection (1825–1881). Vol. 2. 1827. № 1592.

© 2022 г. Макарова Наталья Алексеевна,

доцент кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института
ФСИН России, кандидат юридических наук.
Тел.: +7 909 344-10-02.

О СООТНОШЕНИИ ПРАВОВЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ НОРМ

В статье производится сопоставление права и корпоративных норм, выделяются их общие признаки и отличительные особенности. На основе произведенного сопоставления автор приходит к выводу о том, что отождествлять правовые и корпоративные нормы, признавая последние компонентом правового регулирования, не допустимо. Хотя право и корпоративные нормы как компоненты социального регулирования тесно взаимодействуют между собой, они имеют свои собственные сферы действия и способы обеспечения.

Ключевые слова: право, корпоративные нормы, социальные нормы, регулирование, мораль, обычай.

Makarova Natalia Alekseevna – Associate Professor, the Department of Theory and History of State and Law, the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD in Law.

ON THE CORRELATION OF LEGAL AND CORPORATE NORMS

The article compares the law and corporate norms, highlights their common and distinctive features. Based on the comparison made, the author comes to the conclusion that it is not permissible to identify legal and corporate norms. Although law and corporate norms interact closely with each other, they have their own areas of regulation and ways of providing.

Keywords: law, corporate norms, social norms, regulation, morality, custom.

Процесс развития современного общества, несмотря на довольно высокую его степень, будет продолжаться. Стремительный рост численности населения, имевший место в XX в., привел к значительному усложнению социальной структуры общества, появлению новых элементов в ней. Эта общемировая тенденция, пожалуй, особенно ярко проявляется в последние десятилетия именно применительно к российскому обществу, что объясняется не только и не столько сугубо статистическими изменениями, но и существенными переменами в политическом режиме, взятым курсом на становление и развитие демократии, правового государства и гражданского общества.

Сегодня в России параллельно с государственным аппаратом функционирует огромное число негосударственных объединений, преследующих достижения самых разных целей в области политики, культуры, религии, организации профессиональной деятельности, коммерции и др. Точное число таких объединений назвать невозможно. Очевидно только одно: многочисленность и специфика функционирования различных негосударственных объединений часто делают невозможной и нецелесообразной подробную правовую регламентацию их деятельности,

благодаря чему в российской юридической науке в 90-е гг. прошлого века как один из компонентов социального регулирования все больше стали утверждаться корпоративные нормы, трактуемые как правила самоорганизации и саморегуляции негосударственных объединений, формируемые без непосредственного участия государства.

Таким образом, если в первобытном обществе ведущую роль в социальном регулировании играли мораль и обычай, в средние века – нормы религии, то с развитием экономики, индустрии и различного рода коммуникаций на первое место выходят право и корпоративные нормы [1; 2].

Несмотря на то, что корпоративные нормы прочно вошли в структуру социального регулирования и были признаны самостоятельной научной категорией, сегодня по-прежнему можно утверждать, что данная категория относится к числу не достаточно исследованных. Первые попытки раскрыть сущность корпоративных норм на монографическом уровне были предприняты в 2007 г. За несущественный (прежде всего с точки зрения построения теории права) период выработка общепризнанного определения данного понятия, а равно единых подходов к оценке его наполнения и определению значения

корпоративных норм, была невозможной. Одним из проблемных аспектов в определении природы корпоративных норм является их сопоставление с нормами права.

Прежде всего, необходимо отметить, что, определяя соотношение правовых и корпоративных норм, одни исследователи пишут об их относительной автономности (на сколько это, разумеется, возможно при раскрытии природы социальных регуляторов, которые так или иначе взаимодействуют между собой); другие – видят корпоративные нормы одним из компонентов правового регулирования.

В частности, А.Б. Козырева пишет о том, что, поскольку корпоративные нормы могут обеспечиваться не только собственными (внегосударственными) мерами принуждения и стимулирования, но и мерами государственного принуждения. Такие нормы носят правовой характер, т. к. гарантированность государством – уникальный признак норм права, позволяющий отделить данные нормы от иных социальных регуляторов [2, с. 30].

Однако граница между правовыми и корпоративными нормами не просто может, но и должна быть поставлена. При этом провести границу между явлениями следует только одним способом – методом сопоставления их базовых признаков.

Сложность такого сопоставления кроется лишь в том, что если базовые признаки права довольно давно определены юридической наукой (с точки зрения нормативистского подхода), то система базовых признаков корпоративных норм в настоящий момент все еще является предметом научной дискуссии.

Как бы то ни было, основными признаками права в рамках отечественной юридической школы традиционно считаются: нормативность, общеобязательность, направленность на упорядочивание общественных отношений, формальная определенность и связь с государством, выраженная в создании либо санкционировании норм права государственными органами и охране их от нарушения с помощью аппарата государственного принуждения.

Анализ динамики взаимодействия правовых и корпоративных норм, их субординационных и функциональных связей позволяет заключить, что право и корпоративные нормы, с одной стороны, обладают общими, присущими всем без исключения социальным нормам признаками, а с другой – имеют свои

собственные, специфические черты, что препятствует отождествлению этих регуляторов [3, с. 164].

Говоря об общих признаках правовых и корпоративных норм, в их числе, прежде всего, необходимо отметить:

1) нормативность и направленность на упорядочивание общественных отношений – нормы права и корпоративные нормы представляют собой правила поведения людей в обществе, преследующие общую цель – сформировать определенный порядок общественных отношений в сфере регулирования;

2) формальная определенность. На этом общем свойстве права и корпоративных норм остановимся более подробно. Данный аспект требует более подробного освещения потому, что в отечественной юридической науке можно встретить позицию, в соответствии с которой некоторые корпоративные нормы носят неписанный характер. Речь, в частности, идет о корпоративной морали и обычаях, носящих неинституциональный характер и реализуемых на основании корпоративной ценности, привычки, подражания [3, с. 8]. Вместе с тем отождествлять корпоративные нормы с нормами морали и обычаями не допустимо. В противном случае необходимость выделения корпоративных норм исчезает как таковая. Последнее же нельзя признать обоснованным, поскольку в современном обществе существуют внутриорганизационные правила, которые не имеют отношения ни к нормам морали, ни к обычаю. Таким образом, неформализованные нормы не могут признаваться корпоративной нормой, выступая разновидностями иных социальных регуляторов. Отсюда нормы права и корпоративные нормы обладают общим признаком формальной определенности.

Несмотря на то, что право и корпоративные нормы как социальные регуляторы логично имеют ряд общих признаков, то как явления несовпадающие они обладают значительно большим числом отличительных особенностей. К ним, прежде всего, относится следующее:

1) нормы права обладают признаком общеобязательности, в то время как корпоративные нормы по своей природе всегда адресованы сравнительно узкой социальной группе. Здесь нельзя не заметить, что не все правовые нормы адресованы обществу в целом, поскольку могут содержаться в специализированных

нормативных правовых актах, нормативных правовых актах субъектов в составе Федерации, органов местного самоуправления и локальных актах. Отсутствие общеобязательности корпоративных норм проявляется и в том, что они предоставляют адресатам больший объем свободы выбора, поскольку субъект, не согласный с корпоративными порядками, может сравнительно легко выйти из состава корпорации и, соответственно, снять обязанность соблюдения корпоративных норм, из-под действия же норм права без наложения мер юридической ответственности выйти нельзя;

2) право и корпоративные нормы охватывают различные группы общественных отношений. Правовые нормы регулируют отношения, жизненно необходимые обществу, государству и гражданам. Корпоративные же нормы сосредоточены на регламентации внутригрупповых отношений. Если в процессе правового регулирования законодатель выделяет наиболее важные, актуальные и типичные общественные отношения, то корпоративным регулированием охватываются исключительно частные, корпоративные интересы, реализация которых путем использования норм права не достигается [3, с. 165];

3) правовые нормы исходят от государства (создаются либо санкционируются им) и обеспечены силой государственного принуждения. Субъектом же корпоративного правотворчества выступают исключительно негосударственные организации, их соблюдение обеспечивается внутриорганизационными мерами, применение мер юридической ответственности за нарушение корпоративных норм не допускается.

«Корпоративные нормы могут быть косвенно обеспечены юридическими средствами только в случае их применения совместно с правовыми нормами в составе сложного корпоративно-правового регулятора» [3, с. 166].

4) право и корпоративные нормы могут по-разному регулировать одни и те же общественные отношения.

Данное различие может быть озвучено не только применительно к соотношению права с корпоративными нормами, но и актуально при сопоставлении права с иными социальными регуляторами.

Нельзя не согласиться в этом вопросе с Д.Ю. Лапаевым, который пишет о том, что на практике коллизии между правом и иными нормативными регуляторами общественных

отношений не всегда разрешаются в пользу первого. Это связано с тем, что право, являясь ценностным регулятором, не всегда совпадает с ценностями морали. Так, водители на дороге нередко предупреждают друг друга световыми сигналами о наличии подвижного поста ДПС. Или зачастую право не может противостоять инерции обычая (например, обычай отмечать личные и общественные праздники с употреблением спиртных напитков на рабочем месте) [3, с. 13–14].

Подобные конфликты вполне возможны при пересечении сфер регулирования права и корпоративных норм. Однако в данном случае речь не может идти о санкционировании государством возможности разрешения конфликтного отношения при помощи корпоративной нормы при наличии конкурирующей нормы права. Государство постоянно должно осуществлять мониторинг деятельности корпораций с целью исключения практики выхода за пределы компетенции, предусмотренной для них законом.

А.Б. Козырева предлагает следующие варианты сотрудничества законодательных (правовых) и корпоративных норм:

1) в законодательных нормах делегируется право корпорациям создавать свои нормы для разрешения того или иного вопроса;

2) в законодательных нормах конкретной корпорации делегируются полномочия по регулированию той или иной сферы деятельности;

3) корпоративные нормы могут применяться вследствие действия принципа «разрешено все, что не запрещено законом», если законодательство не осуществляет регулирования того или иного вопроса [2, с. 36].

С последним суждением можно согласиться лишь отчасти: действие корпоративных норм при наличии пробелов в праве будет оправдано далеко не во всех случаях и зависит от степени значимости вопроса, подлежащего регулированию. Признание за корпорациями безусловного права создавать собственные регуляторы при отсутствии нужной нормы права в условиях продолжающегося становления правовой системы в некоторых случаях может привести к негативным для граждан и государства последствиям.

Сегодня корпоративные нормы нельзя назвать ни абсолютно автономными, ни абсолютно подчиненными законодательным (правовым) нормам, т. е. знаков «равно»,

«меньше» и «больше» между двумя данными понятиями ставить нельзя [2, с. 36].

Право и корпоративные нормы как разновидности социальных регуляторов имеют множество общих свойств, тесно взаимодействуют в процессе упорядочивания отношений в современном обществе, а также они представляют собой два самостоятельных социальных явления, уникальность которых подтверждается наличием целого ряда несопадающих свойств.

Система общественных отношений продолжит усложняться, что в перспективе делает конфликты между правом и корпоративными нормами более вероятными. Вместе с тем минимизация числа и негативных последствий подобных конфликтов станут реальными только в том случае, если юридическая наука сумеет провести четкую грань между правовым и корпоративным регулированием.

Литература

1. Житов С.А. Право и корпоративные нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2010.
2. Козырева А.Б. Корпоративные нормы: правовой характер, признаки, санкции и соотношение с законодательными нормами // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3.
3. Алейник С.А. Корпоративные нормы в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
4. Лапаев Д.Ю. Взаимодействие права и корпоративных норм (на примере регулирования организации деятельности коллективов сотрудников ОВД и ФСИН РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

Bibliography

1. Zhitov S.A. Law and corporate norms: abstract. auth. abstr. dis. ... Cand. of Law. Omsk, 2010.
2. Kozyreva A.B. Corporate norms: legal nature, signs, sanctions and correlation with legislative norms // Actual problems of Russian law. 2017. № 3.
3. Oleinik S.A. Corporate norms in Russian law: auth. abstr. dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2007.
4. Lapaev D.Yu. Interaction of law and corporate norms (on the example of regulation of the organization of the activity of the staff of the Department of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation): auth. abstr. dis. ... Cand. of Law. Vladimir, 2008.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 343.3
ББК 67.408

© 2022 г. Безручко Евгений Валерьевич,

заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.
E-mail: Bezrutschko@mail.ru

Небрятенко Геннадий Геннадиевич,

профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: gennady@nebratenko.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

В статье исследуются актуальные вопросы обеспечения экологической безопасности как составляющей понятия национальной безопасности Российской Федерации в рамках уголовно-правовой охраны здоровья человека от преступных посягательств. Авторы рассматривают последствия экологических преступлений, выраженные в причинении вреда здоровью человека, в качестве конструктивного либо квалифицирующего признака деяний, посягающих на экологическую безопасность. В результате этого авторами делается предложение об исключении из уголовного законодательства Российской Федерации оценочных признаков в виде существенного вреда здоровью человека, представляются предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в данной сфере.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологические преступления, вред здоровью человека, причинение существенного вреда здоровью человека, последствия экологических преступлений.

Bezruchko Evgeny Valerievich – Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY AS A COMPONENT OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF HUMAN HEALTH FROM CRIMINAL ATTACKS

The article examines topical issues of ensuring environmental safety as a component of the concept of national security of the Russian Federation in the framework of the criminal law protection of human health from criminal encroachments. The authors consider the consequences of environmental crimes, expressed in causing harm to human health. Causing harm to human health is considered by the authors as a constructive, or as a qualifying sign of acts that encroach on environmental safety. As a result, the authors make a proposal to exclude evaluative signs in the form of significant harm to human health from the criminal legislation of the Russian Federation, and present proposals aimed at improving the criminal legislation and the practice of its application in this area.

Keywords: environmental safety, environmental crimes, harm to human health, significant harm to human health, consequences of environmental crimes.

В соответствии со ст. 42 Конституции Российской Федерации граждане России имеют право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного их здоровью или имуществу экологическим правонарушени-

ем. Вместе с этим здоровье граждан является ценностью публичного характера, поскольку люди представляют в совокупности общество и народ, официально признанный носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве. В связи с этим экологические

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

преступления, наносящие вред природе и здоровью местного населения, влекут угрозу для национальной безопасности Российской Федерации, особенно с учетом того, что возникающие проблемы в области охраны жизни и здоровья вызывают дополнительные бюджетные расходы, равно как могут приводить к снижению производительности труда вследствие увеличения заболеваемости и инвалидизации населения.

В вопросах, связанных с охраной окружающей среды, в том числе уголовно-правовыми средствами, основополагающее значение отводится условиям, созданным органами публичной власти федерального и регионального уровня, а также органам местного самоуправления. Именно они обладают в этой сфере полномочиями государственного и муниципального управления, а также правового регулирования. Граждане по отдельности и даже в совокупности не имеют законных возможностей, связанных с обеспечением экологической безопасности, выступая субъектом, делегировавшим институты публичной власти функции организации, обеспечения, правового регулирования и контроля нормативных правовых предписаний, принятых в рамках природоохранной деятельности. Конечно, правовое воспитание охватывает своим содержанием проблематику защиты окружающей среды, поддержания чистоты и порядка, недопущения загрязнения среды обитания животного мира и человека. Но само по себе правовое воспитание является лишь одним из средств достижения экологической безопасности, реализуемых при поддержке органов государственной и местной власти.

Жизнь и здоровье человека являются самым ценным «ресурсом», в связи с этим актуализируются вопросы правильной квалификации экологических правонарушений, причиняющих вред здоровью. Причинение вреда здоровью человека встречается во многих составах преступлений, непосредственным объектом которых являются иные общественные отношения, не связанные с охраной здоровья человека от преступных посягательств, однако законодатель предусмотрел их наступление в случаях, где здоровье человека выступает в качестве основного дополнительного либо факультативного объекта уголовно-правовой охраны.

Экологические преступления представляют угрозу национальной безопасности Российской Федерации, их совершение наносит непоправимый ущерб экологической системе, экологической безопасности, а также причиняет иные многочисленные последствия, весьма значимым из которых является причинение вреда здоровью человека. Общественный резонанс от некоторых экологических преступлений оказы-

вается настолько велик, что приводит к формированию «культы трагедии», используемого для дескриптации органов публичной власти определенными политическими силами (иноген-тами): катастрофа на заводе «Маяк» Челябинской области (1957 г.) или на Чернобыльской атомной станции (1986 г.). Основная масса правонарушений, уязвляющих экологическую безопасность, оказывается не столь резонансной, но в комплексе может наносить не менее ощутимый вред природе, здоровью и даже жизни человека, проявляющийся в росте заболеваемости и смертности. Мы связываем объект уголовно-правовой охраны преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, с обеспечением экологической безопасности.

Понятию безопасности в правовом аспекте в современной России уделялось внимание с определенной периодичностью развития законодательства в данной сфере. Это понятие используется в последнее время весьма часто при формировании государственной правовой политики. Безопасность – это то состояние, которым хотят обладать все, начиная от простых граждан, заканчивая обществом и государствами. Нередко на международном уровне безопасность, в том числе экологическая, является предметом политического торга или идеологическим основанием для технологической, реже – военной интервенции государств «коллективного запада». В связи этим «экологическая повестка дня», например, «Концепция зеленой энергетики», не является исключением, будучи направленной на обеспечение интересов транснациональных корпораций, а не на укрепление экологической безопасности, скорее, наоборот, усиливает угрозы здоровью и жизни человечества.

Иным образом обстоит дело в Российской Федерации. Первым титульным законодательным актом современной России, определяющим позицию государства по обеспечению безопасности, следует назвать закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) «О безопасности». В настоящее время данный нормативный правовой акт утратил силу, однако в ст. 13 «Статус Совета безопасности Российской Федерации» указывалось, что Совет безопасности Российской Федерации курирует проблемы экологической безопасности, а также охраны здоровья населения [1]. Кроме того, в ст. 1 «Предмет регулирования настоящего Федерального закона» Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности» законодатель указал на экологическую безопасность, безопасность личности и иные нормативно закрепленные виды безопасности [2].

Говоря о формировании российского законодательства, направленного на обеспечение безопасности, следует назвать первый документ,

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

в котором заявлялось уже не о безопасности, а о национальной безопасности. Речь идет о Концепции национальной безопасности Российской Федерации 1997 г., утвержденной Указом Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации». Определение национальной безопасности данный нормативный правовой акт включал в себя, но в нем не указывались различные виды безопасности, в том числе и экологической. В частности, в Концепции 1997 г. говорилось о том, что сохранение и рекультивация окружающей среды составляют предмет отечественных национальных интересов, а целенаправленная деятельность по совершенствованию экологической безопасности представляет собой разновидность задач в сфере национальной безопасности, стоящих перед Российской Федерацией. Приоритетной была обозначена саэкологическая сфера деятельности государства, общества и, конечно, личности [3].

Между тем термин «национальная безопасность» является заимствованным из правовой системы и правовых актов США, который используется до настоящего времени в правовом поле и правовых документах Российской Федерации, однако он является чуждым российской правовой системе, российской правовой науке, российскому гражданину и члену нашего общества. Следует говорить не о национальной безопасности, а о безопасности Российского государства, необходимо возродить термин «государственная безопасность», столь почитаемый, уважаемый и чтимый многими, следует переориентировать конституционную направленность основных положений триады «Личность – Общество – Государство» на триаду «Государство – Общество – Личность». Только при существовании государства, сильного, правового, обеспеченного военной безопасностью, можно говорить об обеспечении безопасности всего общества и каждой личности в отдельности. Происходящие в последнее время в мире события, особенно после 24 февраля 2022 года, наглядно показывают, что навязанные нам «коллективным западом» ценности явились полной профанацией и не способны стать идеей, могущей сберечь суверенитет, целостность государства и безопасность каждого гражданина страны.

Далее законодатель решил уйти от конструктивного основополагающего термина «концепция» применительно к главному нормативному правовому акту по обеспечению национальной безопасности, поэтому государственная правовая политика в этой области нацелена на использование термина «стратегия».

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. содержалось

определение национальной безопасности, но экологическая безопасность в нее включена не была. Однако данный нормативный правовой акт содержал в себе положения о том, что стремление к достижению национальной безопасности касаются и экологической среды, а «экология живых систем и рациональное природопользование» рассматривались в качестве важного направления динамичного развития Российской Федерации. Одновременно с этим формулировались основополагающие цели обеспечения экологической безопасности [4].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. в качестве составляющей безопасности национальной не содержалась безопасность экологическая. В нормативном акте определялось, что национальная безопасность интегрирует все виды безопасности, также и экологической, а интересы Российского государства и общества достигались исследованием стратегических приоритетов, одним из которых, безусловно, выступала «экология живых систем и рациональное природопользование» [5].

В настоящее время действует третья по счету в современном периоде Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В данном нормативном правовом акте особое внимание уделено именно национальной безопасности в государственном смысле. Экологическая безопасность как составляющая национальной безопасности практически не нашла отражения в последней Стратегии. Среди стратегических национальных приоритетов выделяется экологическая безопасность и рациональное природопользование [6].

В принятой Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) в разделе II. «Основные источники угроз общественной безопасности» говорится о том, что защищенность населения и окружающей среды обеспечивается путем устранения угроз, в том числе и экологического характера [7].

В Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об охране окружающей среды» определяется понятие экологической безопасности, что представляет собой ценность научно-прикладного характера [8].

Необходима комплексная оценка угроз экологической безопасности на уровне субъектов Российской Федерации, и на основании анализа этих данных следует разработать стратегии, концепции, государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности с определением конкретных

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

угроз в данной области и конкретных путей решения поставленных целей и задач, сформулированных в этих правовых актах. Ответственность за неисполнение определенных в правовых нормах предписаний должна быть значимой.

Экологическая безопасность, безопасность экологии живых систем, экосистемы сейчас стали не только модными словами, терминами, но и оказывают влияние на развитие государства, на внутривнутриполитические конъюнктурные способы воздействия на принятие решений в экономической сфере, в политической сфере. Путем мнимой угрозы безопасности человечеству в сфере экологии или определенной массе населения определенные политические силы оказывают воздействие на внутри- и межгосударственную политику, подменяя истинные озабоченности угрозами безопасности в экологической сфере на шантаж и применение иных способов давления на суверенитет государств. Все это сейчас наблюдается без прикрас в энергетической сфере в странах Европейского Сообщества, когда в угоду существованию мнимой угрозы экологической безопасности заставляют отказываться некогда суверенные государства от определенных источников энергии (уголь, атомная энергетика), и идет сверхактивное противодействие экологически безопасному проекту «Северный поток – 2». В настоящее время страны Евросоюза, чтобы понравиться своему сюзеру и выполнить его поручения, стремятся отказаться от зависимости от дешевых российских энергоисточников и перейти на уголь и дрова, которых как сказал Президент России Владимир Путин, у них тоже нет.

Так называемые альтернативные источники энергии в виде ветряных электростанций оказались на самом деле источниками, создающими угрозу экологической безопасности, т. к. ветряки убивают птиц, летучих мышей, создают вибрацию, инфразвук, которые вредны для человека. Инфразвук уничтожает на прилегающей территории ежей, кротов, полевых мышей, что ведет к природному дисбалансу, увеличивает количество вредителей в геометрической прогрессии, что приводит неизбежно к экологической катастрофе на определенной природной территории.

Что касается использования таких источников альтернативной энергии, как солнечные батареи, то само производство данных альтернативных источников энергии является энергозатратным, экологически вредным, создающим угрозу экологической безопасности. Массовая неконтролируемая утилизация данных отработанных, негодных к эксплуатации источников энергии связана с угрозой экологи-

ческой катастрофы, данные панели содержат синтетические материалы, опасные металлы, утилизация которых должна осуществляться определенным безопасным способом.

И тут абсолютно уместно было бы появление ребенка – активистки Греты Тунберг, которая прославилась тем, что в истеричной манере критиковала политических деятелей отдельных государств за неспособность, по ее мнению, решать существующие экологические проблемы и ликвидировать возможные угрозы экологии живых систем, но ее, по мнению волшебной палочки, на внешнеполитической арене уже нет. Кризис европейских государств в управленческой, экономической, политической сферах, сфере безопасности, в том числе и экологической, показал полную несамостоятельность в принятии любых решений политическими лидерами государств, что, безусловно, отражается на национальной безопасности этих стран, включая безопасность экологическую.

Нормы об уголовной ответственности за экологические преступления требуют комплексного криминологического-правового анализа в связи с тем, что ныне действующий уголовный закон был принят уже достаточно давно, законодатель точно реагировал на изменения в общественно-политической обстановке и формулировал новое направление уголовной политики в сфере экологической безопасности. Необходим новый комплексный подход к оценке угроз экологической безопасности, следует нивелировать их путем применения норм уголовного законодательства, на совершенствование которого должна направляться научно-практическая мысль. Во многочисленных источниках научного характера предлагается концепция выделения в отдельный раздел Уголовного кодекса РФ экологических преступлений, деяний, посягающих на безопасность в сфере экологии живых систем. Мы также предлагаем законодателю рассмотреть вопрос о формировании нового подхода, концепции по обеспечению экологической безопасности в связи с высокой степенью общественной опасности совершаемых преступлений, наносящих непоправимый ущерб экосистеме России.

Экологическая безопасность оказывает существенное влияние на безопасность здоровья человека. В связи с этим высокую степень общественной опасности представляют экологические преступления, последствием которых является причинение вреда здоровью человека (ст. 246 УК РФ, ч. 2 ст. 247 УК РФ, ч. 1 ст. 248 УК РФ, ч. 2 ст. 250 УК РФ, ч. 2 ст. 251 УК РФ, ч. 1 ст. 254 УК РФ), а также причинение существенного вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 247 УК РФ и ч. 2 ст. 252 УК РФ) [9].

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

Таким образом, законодатель в качестве одних из последствий совершения экологических преступлений определяет причинение вреда здоровью человека и причинение существенного вреда здоровью человека. Для чего законодатель разделяет искусственно эти понятия, вводя в одни нормы уголовного закона различные по названию и своей сути последствия экологических преступлений, не совсем понятно.

Высшая судебная инстанция в разъяснениях, касающихся применения норм об экологических преступлениях, уделяет внимание вопросам правовой оценки причинения вреда здоровью человека в результате совершения преступлений экологического характера.

Напомним, что причинение существенного вреда здоровью человека законодатель применительно к экологическим преступлениям определил в качестве конструктивного признака преступления (ч. 1 ст. 247 УК РФ), либо в качестве квалифицированного состава преступления (ч. 2 ст. 252 УК РФ). Однако следует отметить, что в ч. 1 ст. 247 УК РФ речь идет об угрозе причинения существенного вреда здоровью человека [10, с. 45–51].

В абзаце 4 п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [11] говорится о том, что применительно к ч. 1 ст. 247 УК РФ существенный вред здоровью человека выражается в тяжком или средней тяжести вреде здоровью хотя бы одного лица. В отношении ч. 2 ст. 252 УК РФ применение такого разъяснения высшей судебной инстанцией по аналогии представляется недопустимым. Почему-то в вышеуказанном Постановлении таких рекомендаций нет. Более того, применительно к определению существенности вреда здоровью человека исключается возможность наступления последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, где установлена уголовная ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью человека. Таким образом, уголовная ответственность за данное деяние (ст. 115 УК РФ) устанавливается, но вред, причиненный в результате совершения деяния, где последствием выступает причинение легкого вреда здоровью человека, признается не существенным.

Согласно Медицинским критериям определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [12], к легкому вреду здоровья относятся, в том числе, рубцы оболочек глазного яблока, колобома (дефект радужной оболочки, изменение формы зрачка), гемофтальм, смещение хрусталика одного глаза, не вызывав-

шие снижения остроты зрения; отсутствие до 1/3 части ушной раковины, вызывающее ее деформацию; нарушение носового дыхания в результате травмы (одностороннее); повреждения языка (ранение, ожог, отморожение), повлекшие за собой наличие грубых рубцов, вызывающих затруднение при приеме пищи; потеря постоянных зубов (2–3 зубов) и др. Причинение такого вреда здоровью человека вследствие нарушения правил экологической безопасности и совершения экологических преступлений является все же существенным и должен влечь уголовную ответственность за содеянное.

Если же в норме уголовного закона речь идет об угрозе причинения существенного вреда здоровью человека, то такая угроза должна быть реальной и непосредственной, выражаться в наличии конкретной опасности причинения существенного вреда здоровью человека. Наличие угрозы связывается с возникновением такого обстоятельства, ситуации, когда неминуемо наступят общественно опасные последствия экологического преступления, если таковые не будут предотвращены соответствующими действиями, принятыми своевременно мерами.

В п. 2 вышеуказанного Постановления дается рекомендация высшей судебной инстанции о том, что в перечисленных в данном пункте нормах уголовного закона об ответственности за экологические преступления под причинением вреда здоровью человека понимается причинение вреда здоровью любой степени тяжести одному или нескольким лицам.

Поддерживая данное разъяснение в целом, отметим, что здоровье человека является благом, данным нам свыше, его потеря или необратимая утрата каких-либо функций организма являются общественно опасными последствиями экологических преступлений и говорят о важности охраняемого объекта уголовно-правовой охраны, и подход законодателя и правоприменителя должен быть единым в понимании соответствующих признаков.

Признак «существенный вред здоровью человека» следует исключить как способствующий различию норм уголовного закона и нарушающий принцип единообразного применения норм УК РФ. Следует отметить, что при определении последствий экологических преступлений законодателю необходимо указывать конкретный вид причинения вреда здоровью человека, конкретную степень его причинения, не определяя в законе оценочные признаки, которые затем приходится разъяснять в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, положения которых диаметрально меняются и в целом носят рекомендательный характер.

Литература

Bibliography

1. О безопасности: закон Российской Федерации от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).
2. О безопасности: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).
3. Концепция национальной безопасности Российской Федерации 1997 года, утвержденная Указом Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).
7. Концепция общественной безопасности в РФ (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).
8. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).
9. Безручко Е.В. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека. М., 2021.
10. Безручко Е.В., Романенко А.А. Проблемы уголовной политики РФ в сфере противодействия экологическим преступлениям // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2019.
11. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации: хрестоматия / Р.Г. Непранов, Е.В. Безручко, Н.В. Петрашева и др.: в 2 ч. Ростов н/Д, 2018. Ч. 2.
12. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздрава РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2022).

1. On security: the law of the Russian Federation of 05.03.1992 № 2446-1 (ed. of 26.06.2008) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 21.04.2022).
2. On security: fed. law of 28.12.2010 № 390-FL (as amended on 19.11.2020) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 21.04.2022).
3. The Concept of National Security of the Russian Federation of 1997, approved by Decree of the President of the Russian Federation of 17.12.1997 № 1300 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 21.04.2022).
4. The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 12.05.2009 № 537 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 21.04.2022).
5. The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2015 № 683 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 21.04.2022).
6. The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 № 400 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 21.04.2022).
7. The concept of public safety in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on 14.11.2013 № Pr-2685) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 21.04.2022).
8. On environmental protection: fed. law of 10.01.2002 № 7-FL (ed. of 26.03.2022) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 21.04.2022).
9. Bezruchko E.V. Crimes encroaching on the safety of human health. Moscow, 2021.
10. Bezruchko E.V., Romanenko A.A. Problems of the criminal policy of the Russian Federation in the sphere of countering environmental crimes // Actual problems of the application of criminal legislation: collection of materials of the International scientific and practical Conference. Rostov-on-Don, 2019.
11. Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: anthology / R.G. Nepranov, E.V. Bezruchko, N.V. Petrasheva, etc.: in 2 hours. Rostov-on-Don, 2018. P. 2.
12. On approval of Medical criteria for determining the severity of harm caused to human health: Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of 24.04.2008 № 194n (ed. dated 18.01.2012) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 21.04.2022).

© 2022 г. Вакуленко Наталья Алексеевна,

начальник кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: foroposha@mail.ru

Ачкасова Мария Георгиевна,

психолог отделения по работе с личным составом отдела МВД России по Кировскому району Республики Крым.
E-mail: achkasovamarya@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ СТАТИСТИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье анализируются важные репрезентативные статистико-криминологические показатели семейно-бытовой преступности, позволяющие в обобщенном виде представить систему статистических данных, раскрывающих, в том числе качественное своеобразие, тенденции и закономерности преступности рассматриваемого вида. Актуализируется значимость показателей состояния, структуры, динамики семейно-бытовой преступности при осуществлении деятельности по предупреждению преступлений данного вида.

Ключевые слова: семейно-бытовая преступность, показатели преступности, состояние преступности, динамика, удельный вес, тенденции, прогнозирование, криминогенная активность, меры профилактики, информативные характеристики.

Vakulenko Natalya Alekseevna – Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Achkasova Maria Georgievna – Psychologist of the department for work with personnel of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kirovsky district of the Republic of Crimea.

CURRENT STATISTICAL AND CRIMINOLOGICAL PARAMETERS OF DOMESTIC CRIME IN MODERN SOCIETY

The article analyzes important representative statistical and criminological indicators of family crime, allowing to summarize the system of statistical data revealing, including qualitative peculiarities, trends and patterns of crime of the type under consideration. The importance of indicators of the state, structure, dynamics of family crime in the implementation of crime prevention activities of this type is updated.

Keywords: domestic crime, crime indicators, crime status, dynamics, specific gravity, trends, forecasting, criminogenic activity, prevention measures, informative characteristics.

Нестабильность и накаленность социальной обстановки, уровень дискомфорта и неустроенности граждан оказывают непосредственное воздействие на семейно-бытовую сферу. И криминологи, и практические работники правоохранительных органов относят преступления, совершаемые в рамках семьи и быта, к наиболее острым социальным проблемам, требующим повышенного внимания и новых подходов в превентивной деятельности в отношении них, в том числе реализуемых посредством мер виктимологической профилактики.

Семейно-бытовые отношения в идеале должны характеризоваться как родственные, близкие, соседские, фактически – в семье присутствует большое количество конфликтов, правонарушений бытового характера и преступлений против жизни и здоровья. Личность, само ее поведение детерминирует совершение преступлений в семейно-бытовой сфере.

Актуальность исследования бытовизации преступности подтверждается данными официальной отчетности о количественной составляющей собственно преступлений в сфере семейно-бытовых отношений и жертв семейно-бытовых конфликтов, в том числе погибших и пострадавших от рассматриваемых преступлений.

В частности, с января по декабрь 2021 г., согласно данным портала правовой статистики генеральной Прокуратуры Российской Федерации, в России было зарегистрировано 69 257 (–7,1 %) преступлений, совершенных на бытовой почве, из них 46 592 преступления – в сфере семейно-бытовых отношений, что составляет значительный удельный вес – 67,3 %. Семейно-бытовых преступлений в отношении женщин зарегистрировано 34 189 (73,4 %), в отношении несовершеннолетних – 2 331 (5 %) [4].

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

В Ростовской области в 2021 г. зарегистрировано 1 853 (–11,6 %) преступлений, совершенных на бытовой почве, из них 730 преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, что составляет значительный удельный вес – 39,4 %, семейно-бытовых преступлений в отношении женщин – 535 (73,3 %), в отношении несовершеннолетних – 23 (3,2 %) [4].

Обусловлена эта статистика тем, что женщины и несовершеннолетние находятся в группе риска, не защищенной от влияния криминогенных факторов, особенно критично, если данная обстановка превалирует в семье. Действительно, и женщины, и несовершеннолетние все чаще становятся жертвами семейно-бытовых преступлений, обладая повышенной степенью виктимности.

Данная проблема актуальна в масштабах обеспечения социальной безопасности страны. Это означает, что сокращение криминогенных факторов и развитие антикриминогенных факторов, именно в социальном институте семьи и социальной сфере быта, могут стать серьезным условием краткосрочного развития общества.

Проблемы криминогенности все острее проявляют себя в сфере семьи и быта в силу самых разнообразных причин, начиная от экономических (безработица, низкий уровень за-

работной платы, значительная дифференциация доходов населения, алкоголизация) и заканчивая нравственными (снижение уровня добродетели, порядочности, обесценивание моральных установок). Сегодняшними характеристиками семейно-бытовых преступлений зачастую являются агрессия и жестокость. Это делает вопросы профилактического воздействия в отношении данного вида преступлений еще более актуальными и требующими дополнительной проработки и совершенствования.

Вопросы противодействия семейно-бытовой преступности всегда волновали ученых и практиков-правоохранителей. Проблема подтверждает как данные высокого удельного веса семейно-бытовых преступлений в общем их массиве, так и количественные показатели о лицах, погибших и получивших телесные повреждения на почве семейных бытовых конфликтов.

Семейно-бытовая преступность – это количество преступлений, совершенных в сферах семьи и быта, зарегистрированных на определенной территории за определенный промежуток времени.

Обратимся к анализу репрезентативных показателей семейно-бытовой преступности, представленных в официальной отчетности.

Таблица 1

**Количество преступлений, совершенных на бытовой почве,
в том числе в сфере семейно-бытовых отношений, в 2015–2021 гг. [3]**

Всего		Совершено на бытовой почве		Из них в сфере семейно-бытовых отношений		Из них в отношении			
						женщин		несовершеннолетних	
		Кол-во	+/-, %	Кол-во	+/-, %	Кол-во	+/-, %	Кол-во	+/-, %
2015	ЮФО	8 448	–	1 866	–	1 209	–	311	–
	Ростовская обл.	1 990	–	341	–	211	–	44	–
	Россия	140 670	–	54 285	–	32 602	–	9 118	–
2016	ЮФО	10 088	+13,7	3 011	+56,7	2 170	+75,0	388	+23,2
	Ростовская обл.	2 643	+32,8	755	+121,4	568	+169,2	79	+79,5
	Россия	144 035	+2,4	63 535	+17,0	4 264	+29,3	8 989	–1,4
2017	ЮФО	7 912	–21,6	2 231	–25,9	1 556	–28,3	135	–65,2
	Ростовская обл.	2 215	–16,2	536	–29,0	374	–34,2	22	–72,2
	Россия	95 518	–33,7	38 311	–39,7	24 058	–42,9	2 432	–72,9
2018	ЮФО	7 784	–1,6	2 206	–1,1	1 515	–2,6	130	–3,7
	Ростовская обл.	2 321	+4,8	533	–0,6	355	–5,1	24	–9,7
	Россия	85 878	–10,1	34 195	–10,7	21 390	–11,1	2 235	–8,1
2019	ЮФО	7 167	–7,9	2 290	+3,8	1 595	+5,3	126	–3,7
	Ростовская обл.	1 923	–17,1	514	–3,6	340	–4,2	18	–25,0
	Россия	78 247	–8,9	31 942	–6,6	19 817	–7,4	2 237	+0,1
2020	ЮФО	6 977	–2,7	2 330	+1,7	1 596	+0,1	144	14,3
	Ростовская обл.	2 095	+8,9	539	+4,9	370	+8,8	37	105,6
	Россия	74 518	–4,8	28 892	–9,5	20 091	+1,4	2 323	+3,8
2021	ЮФО	6 516	–6,6	3 590	–	2 714	–	123	–14,6
	Ростовская обл.	1 853	–11,6	730	–	535	–	23	–37,8
	Россия	69 257	–7,1	46 592	–	34 189	–	2 331	+0,3

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

Оценивая количественные показатели преступлений в сфере семейно-бытовых отношений по Российской Федерации в целом, стоит указать на их возрастание в период с 2015 по 2016 г. с 54 285 до 63 535 (+ 17 %), а затем с 2017 г. снижение постепенное до 2021 г.: 2017 г. – 38 311 (–39,7 %), 2018 г. – 34 195 (–10,7 %), 2019 г. – 31 942 (–6,6 %), 2020 г. – 28 892 (–9,5 %). В 2021 г. вновь наблюдается прирост – 61,3 % (46 592).

Показатели данного вида преступности по Южному федеральному округу демонстрируют их изменение, то в сторону возрастания, то в сторону снижения: 2015 г. – 1 866, 2016 г. – 3 011 (+56,7 %), 2017 г. – 2 231 (–25,9 %), 2018 г. – 2 206 (–1,1 %), 2019 г. – 2 290 (+3,8 %), 2020 г. – 2 330 (+1,7 %), 2021 г. – 3 590 (+54,1 %). Причины могут быть самые разные.

В Ростовской области показатели преступлений в сфере семейно-бытовых отношений повторяют тенденции их изменений, как и в Российской Федерации в целом: возрастание в период с 2015 по 2016 г. с 341 до 755 (+121,4 %), а затем с 2017 г. постепенное снижение до 2019 года: 2017 г. – 536 (–29,1 %), 2018 г. – 533 (–0,6 %), 2019 г. – 514 (–3,6 %). Исключением являются рассматриваемые

показатели последних 2020 г. – 539 (+4,9 %) и 2021 г. – 730 (35,4 %).

Наибольшее количество преступлений на бытовой почве совершаются в России в отношении женщин: пиковое значение в 2016 г. – 42 164, наименьшее в 2019 г. – 19 817. В 2020 г. этот показатель возрос в сравнении с показателем 2019 г. – 20 091 (+1,4 %), в 2021 г. в сравнении с 2020 г. – 34 189 (+70,2 %).

Несовершеннолетние – еще одна категория лиц, в отношении которых совершаются семейно-бытовые преступления. Показатели по Российской Федерации являются значительными: 2015 г. – 9 118, 2016 г. – 8 989 (–1,4 %), 2017 г. – 2 432 (–72,9 %), 2018 г. – 2 235 (–8,1 %), 2019 г. – 2 237 (+0,1 %), 2020 г. – 2 323 (+3,8 %), 2021 – 2331 (+0,3 %).

Исследования показывают, что основная масса семейно-бытовых преступлений (до 80 %) носит насильственный характер. Так, около 80 % – это убийства и причинение различного вреда здоровью, около 70 % хулиганств и угроз убийством носит семейно-бытовой характер, по иным преступлениям данные показатели несколько ниже.

На сегодня насилие в семье является системной научной и социальной проблемой.

Таблица 2

Количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на бытовой почве, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений, в 2015–2021 гг. [3]

Тяжкие и особо тяжкие	Совершено на бытовой почве		Из них в сфере семейно-бытовых отношений		Из них в отношении				
	Кол-во	+/-, %	Кол-во	+/-, %	женщин		несовершеннолетних		
					Кол-во	+/-, %	Кол-во	+/-, %	
2015	ЮФО	988	–	189	–	69	–	8	–
	Ростовская обл.	327	–	45	–	18	–	0	–
	Россия	14 547	–	4 257	–	1 227	–	301	–
2016	ЮФО	1 008	–11,7	191	–10,7	70	–10,3	11	22,2
	Ростовская обл.	252	–22,9	38	–15,6	17	–5,6	4	–
	Россия	12 887	–11,4	3 851	–9,5	1 214	–1,1	264	–12,3
2017	ЮФО	873	–13,4	155	–18,8	45	–35,7	3	–72,7
	Ростовская обл.	227	–9,9	37	–2,6	8	–52,9	0	–
	Россия	10 562	–18,0	3 417	–11,3	1 095	–9,8	247	–6,4
2018	ЮФО	851	–2,5	185	19,4	57	26,7	6	100,0
	Ростовская обл.	225	–0,9	48	29,7	14	75,0	2	–
	Россия	9 470	–10,3	3 260	–4,6	1 066	–2,6	278	12,6
2019	ЮФО	653	–23,3	188	1,6	64	12,3	7	16,7
	Ростовская обл.	163	–27,6	36	–25,0	13	–7,1	1	–50,0
	Россия	8 596	–9,2	3 224	–1,1	1 107	3,8	307	10,4
2020	ЮФО	665	1,8	213	13,3	72	12,5	15	114,3
	Ростовская обл.	162	–0,6	36	0,0	12	–7,7	0	–
	Россия	7 697	–10,5	2 807	–12,9	1 001	–9,6	290	–5,5
2021	ЮФО	543	–18,3	320	–	142	–	11	–26,7
	Ростовская обл.	120	–25,9	48	–	25	–	2	–
	Россия	6 406	–16,8	4 516	–	1 835	–	296	2,1

Однако среди научных исследований намного чаще данная проблема касается насилия над женщинами, нежели насилия над детьми, хотя данное явление оказывает деструктивное воздействие на каждого из членов семьи [1]. Латентный характер насилия и его цикличность приводят к системному учащению преступлений, усилению агрессии, которое может быть перенесено с женщины на ребенка, наоборот и на обоих одновременно.

Проанализировав количественные показатели тяжких и особо тяжких преступлений за 2015–2021 гг., совершенных в сфере семейно-бытовых отношений, представленные в официальной отчетности, отмечаем следующие тенденции:

1) в Российской Федерации наблюдается плавное ежегодное снижение этого показателя с 4 257 в 2015 г. до 2 807 в 2020 г. (–34,1 %); однако в 2021 г. показатели возросли – 4 516 (+60,9 %);

2) в Южном федеральном округе: в 2015 г. – 189, в 2016 г. – 191 (+1,1 %), в 2017 г. – 155 (–18,8 %), в 2018 г. – 185 (+19,4 %), в 2019 г. – 188 (+1,6 %), в 2020 г. – 213 (+13,3 %), в 2021 г. – 320 (+50,2 %). Лишь 2017 г. отмечен снижением рассматриваемого показателя, во все остальные периоды фиксируется его возрастание. Многие криминологи характеризуют эту криминологическую отметку в корреляции с психологическими особенностями лиц, проживающих на этой территории (повышенная эмоциональность, возбудимость, импульсивность поведения);

3) в Ростовской области: в 2015 г. – 45, в 2016 г. – 38 (–15,6 %), в 2017 г. – 37 (–2,6 %), в 2018 г. – 48 (+29,7 %), в 2019 г. – 36 (–25 %), в 2020 г. – 36 (0 %), в 2021 г. – 48 (+33,3 %) [4]. Показатели 2019 и 2020 г. демонстрируют снижение. Отличающимися в этой тенденции являются показатели 2018 и 2021 г.

Одной из самых распространенных причин проявления гражданами криминогенного поведения является участвовавшее употребление различных стимулирующих средств и аддитивных товаров – алкоголя, наркотических веществ.

Проблема аддикции достаточно тесно перекликается с проявлением насилия в семье. Употребление такого вида продуктов (алкоголя, наркотиков, сигарет) складывается не по цепочке «потребность – интерес – благо – полезность», а по цепочке «эмоциональная зависимость – привязанность – потребность

– удовлетворение эмоциональной потребности – полезность».

По данным официальной статистики, в сфере семейно-бытовых отношений в 2021 г. 2 331 (+0,3 %) преступление в Российской Федерации совершено в отношении несовершеннолетних. Этот же показатель в Южном федеральном округе транслируется отметкой 123 (–14,6 %) преступления в отношении несовершеннолетних, в Ростовской области – 23 (–37,8 %) преступления в отношении несовершеннолетних.

В отношении женщин в сфере семейно-бытовых отношений, согласно показателям официальной отчетности, в России зарегистрировано в 2021 г. 34 189 (+70,2 %) преступлений; в Южном федеральном округе – 2 714 (+70,1 %) преступлений в отношении женщин, в Ростовской области – 535 (+44,6 %) [4].

Показатели официальной отчетности демонстрируют возрастающий характер количества наиболее виктимогенных категорий лиц в сфере семьи и быта, а именно женщин и несовершеннолетних, причем как на уровне Ростовской области, Южного федерального округа, так и на уровне Российской Федерации в целом.

А.Н. Варыгин совершенно справедливо обозначает перечень характерных и отличительных признаков семейно-бытовых преступлений:

1) конкретное место совершения преступления (квартира, дом, подъезд, дачный участок, гараж, придомовая территория);

2) особые взаимоотношения между преступником и его жертвой (супружеские, родственные, соседские, дружеские);

3) наличие конфликта между преступником и жертвой (длительный, краткосрочный, одноразовый);

4) обусловленный конфликтом насильственный характер большинства семейно-бытовых преступлений;

5) совершение данных деяний в абсолютном большинстве случаев в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;

6) ситуационный (заранее не подготовляемый) характер таких преступлений» [2].

По мнению экспертов, проблема домашнего насилия является одной из самых сложных в силу российского менталитета, т. к. обстановка в семье является тайной, причем не только для государственных органов. Сегодня изживает себя социалистическая традиция

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

рассматривать семейные внутренние дела обществом, система социальных взаимоотношений меняется, а вместе с ней и желание, и возможность участия в частной жизни соседей, знакомых. Единственный способ добиться информации о насильственных действиях – это проводить анонимные психологические тестирования школьников посредством сил психологических служб и следственного комитета.

Говоря о внутрисемейных преступлениях, ученые и правозащитники в России чаще всего поднимают вопросы внутрисемейного насилия. Противодействие насилию, имеющему в России системный характер, выражающийся в том, что проявление насилия – наследственная черта, которую трудно упразднить посредством внешнего воздействия, должно идти со стороны самой семьи.

Современные проблемы семьи исходят из ее повышенного социального значения в обществе: семья является основным звеном формирования глубинных представлений человека о себе и мире, справедливости, определяет дальнейшие потребности, интересы и другие характеристики личности [5, с. 47–49].

В этом и заключается криминогенный фактор развития дефективного поведения личности – если есть какие-то нарушения в семье, они неизменно влияют на криминальные наклонности ребенка и подростка, и в будущем – взрослого человека.

Как известно, преступления совершаются и людьми, выросшими в семье родителей с высшим образованием, а также занимающих высокую должность. Дефектология девиантного поведения имеет более глубокие причины: разногласия родителей, излишняя дозволенность, повышенная степень контроля над ребенком, конфликты между родителями, агрессия, равнодушное поведение и излишняя опека. Данные факторы поодиночке или системно приводят к повышенному уровню стресса у ребенка, неприязни к общественным и моральным устоям, которые в дальнейшем перерастают в склонность к нарушению законов более высокого порядка, пренебрежению общественным мнением и оскорблению личности других людей.

Более того, стремление к сокрытию преступлений, совершенных в семье, является важным криминогенным фактором. Когда вся семья, узнав о нарушении правопорядка, стремится утаить эту информацию от государст-

венных органов, либо наоборот – стремится всеми способами укорить нарушителя, возвести мелкое правонарушение в наивысшую степень, что может еще больше развить антисоциальное поведение.

В систему криминогенных факторов, которые в той или иной степени воспроизводят семейно-бытовые преступления, включают:

1) отсутствие единой педагогической позиции, стремление одного родителя скрыть тайну от другого – в результате у ребенка формируются неверные представления об ответственности и уровне доверия в семье;

2) ошибочные методы воспитания, приводящие к агрессии и чувству обиды у ребенка, состоянию стресса, переходящего в агрессию;

3) небрежность родителей, отсутствие интереса к тому, как дети и подростки проводят свое время;

4) агрессия, выяснение отношений при детях;

5) отсутствие мер по устранению девиантного поведения у подростка и ребенка, в целом неверная реакция на негативные проявления;

6) девиантное и делинквентное поведение родителей: бывшее или настоящее пребывание в местах лишения свободы, употребление спиртных напитков, наркотическая зависимость, склонность к насилию в семье.

Среди основных факторов дисфункций семьи различают следующие: постоянные конфликты и неблагоприятный психологический климат; отсутствие одного из родителей; аморальное или асоциальное поведение родителей; отсутствие у них педагогических навыков и знаний; низкий уровень материального обеспечения семьи; неблагоприятные психологические черты родителей (агрессивность, внутренняя конфликтность и др.).

Таким образом, семейно-бытовая преступность определяется как совокупность преступлений, совершенных в сферах семьи и быта и ограниченных конкретным местом их совершения, возникающих по поводу удовлетворения материальных и духовных потребностей человека, а также характеризующихся особыми взаимоотношениями между преступником и его жертвой, зарегистрированных на определенной территории за определенный промежуток времени.

К сожалению, сегодня у россиян нет национальной идеи, сформированной на государственном уровне, системы ценностей,

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

которые эффективно бы прививались не только в семье, но и в образовательных учреждениях. У человека, личность которого еще находится на этапе становления, нет примера сложившихся систем ценностных установок, отсутствует картина однозначно положительного поведения. Данные обстоятельства все больше способствуют формированию девиантного и делинквентного поведения, а в дальнейшем – и совершению преступлений

в семейно-бытовой сфере. В настоящее время это приводит к негативным тенденциям в плане динамики и удельного веса преступлений рассматриваемого вида, а также характеризуется отрицательными качественными показателями, такими как повышенная общественная опасность и цена преступности. В связи с этим требуется усовершенствование мер предупреждения семейно-бытовой преступности.

Литература

1. «В России ежедневно от насилия умирают восемь детей», – сообщила В. Матвиенко. Новости страны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/russia/03mar2016/matvienko.html> (дата обращения: 11.01.2022).

2. Варыгин А.Н. Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semeyno-bytovyh-prestupleniy-i-ih-preduprezhdeniya> (дата обращения: 08.02.2022).

3. Данные официального сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/> (дата обращения: 09.02.2022).

4. Официальные статистические данные о преступности [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 05.03.2022).

5. Чернышева Е.В. Семейное неблагополучие как криминогенный фактор // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3.

Bibliography

1. «Eight children die from violence every day in Russia», – V. Matvienko said. News of the country [Electronic resource]. URL: <https://www.newsru.com/russia/03mar2016/matvienko.html> (date of access: 11.01.2022).

2. Varygin A.N. Features of domestic crimes and their prevention // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semeyno-bytovyh-prestupleniy-i-ih-preduprezhdeniya> (date of access: 08.02.2022).

3. Data from the official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/> (date of access: 09.02.2022).

4. Official statistics on crime [Electronic resource]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (date of access: 05.03.2022).

5. Chernysheva E.V. Family trouble as a criminogenic factor // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2015. № 3.

© 2022 г. Ермакова Ольга Владимировна,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ermakova_alt@mail.ru

Сорокун Николай Сергеевич,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: nik-sorokun@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРЕДМЕТА В СОСТАВАХ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Статья посвящена анализу проблемных аспектов толкования предмета преступления в составах, предусмотренных ст. 290–291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Авторами отмечается наличие пробелов при закреплении видов взятки, требующих восполнения. В статье обоснована необходимость признания взяткой и неимущественных выгод, получаемых должностным лицом. Отдельное внимание уделяется проблемам малозначительности при получении взятки и возможности применения ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также отнесению к предмету данных деяний вещей, изъятых или ограниченных в обороте.

Ключевые слова: предмет преступления, взятка, коррупционные преступления.

Ermakova Olga Vladimirovna – Associate Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Sorokun Nikolay Sergeevich – Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

PROBLEM ASPECTS OF INTERPRETATION OF THE SUBJECT IN THE COMPOSITION OF BRIBERY

This article is devoted to the analysis of the problematic aspects of the interpretation of the subject of the crime in the compositions provided for in Art. 290–291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author notes the presence of gaps in fixing the types of bribes that require replenishment. In addition, the paper substantiates the need to recognize as a bribe of non-property benefits received by an official. Special attention is paid to the problems of insignificance when receiving a bribe and the possibility of applying Part 2 of Art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the assignment to the subject of these acts of things seized or limited in circulation.

Keywords: subject of a crime, bribe, corruption crimes.

Уголовный закон определяет предмет взяточничества собирательным понятием «взятка». В отличие от ст. 173 Уголовного кодекса РСФСР, где разновидности взяток были представлены в открытом перечне, в современном законодательстве предмет строго определен в диспозиции ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации. В представленном перечне отсутствует упоминание среди предметов взятки криптовалюты, которая представляет собой разновидность электронной валюты.

Отсутствие законодательной регламентации такой валюты, а также особенности ее предоставления, исключающие возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, проблемы отслеживания передвижения приводят к распространению данных фактов в правоприменительной деятельности [1, с. 141–143].

Криптовалюта уже фигурирует при рассмотрении гражданских и уголовных дел (преимущественно по делам об обороте наркотических и психотропных веществ), но согласно действующему уголовному закону не относится к предмету взяточничества.

На данный момент в законодательстве лишь развиваются признаки того, что криптовалюта будет выступать предметом преступления. Доказательством этого служат поправки в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за ответственностью расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», вступившие с 1 января 2021 г., где говорится о том, что лица, замещающие государственные должности, обязаны предоставлять сведения о цифровых финансовых активах и цифровой валюте.

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

Упоминание этих предметов в данной статье является достаточно прогрессивным и своевременным решением законодателя, т. к. именно сейчас использование цифровых средств в повседневной жизни набирает обороты и государству необходимо отслеживать наличие и отсутствие таких средств у должностных лиц, чтобы выявлять коррупциогенные факты.

Существенно бы упростило процесс привлечения к уголовной ответственности упоминание цифровых прав и (или) цифровой валюты в уголовном законодательстве, а конкретно в перечне предметов взятки. Однако и это не устранило бы все пробелы права в данной области, потому что стоимость криптовалюты характеризуется весьма изменчивым значением, следовательно, необходимо будет разъяснить, на какой период времени совершения деяния должна определяться стоимость. Соответственно, следует признать необходимость проведения реформации уголовного законодательства с целью включения цифровой валюты в качестве предмета ряда преступлений, в том числе и коррупционной направленности.

Анализ перечня предметов, представленных в ч. 1 ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, свидетельствует об обязательности материального характера взятки, поскольку, во-первых, законодатель в неоднократно использует термин «имущественный», во-вторых, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснена необходимость указания на денежную оценку (в том числе и на основании заключения эксперта).

В тех случаях, когда предметом выступают деньги, ценные бумаги, имущество, то в принципе имущественная оценка и определение стоимостных границ проблем не вызывает. Иная ситуация с услугами имущественного характера, представляющими собой какие-либо выгоды для должностного лица либо освобождение от затрат.

Анализ судебной практики в части представления таких услуг показывает, что чаще всего имеют место следующие разновидности: оформление кредита с заниженной процентной ставкой, предоставление туристических путевок, ремонтные работы и т. д.

А.С. Горелик отмечает, что если взяткодатель сам оплачивает услуги другого лица, то факт взятки есть, как, впрочем, и в любом другом случае, когда взяткодатель тратит свои средства для удовлетворения интересов взяткополучателя [2, с. 16]. Так, сотрудница

Министерства здравоохранения Алтайского края К. в ответ за помощь предпринимателю в оформлении более 132 госконтрактов с нарушением конкурсной процедуры получила взятку не деньгами, а оплатой евроремонта в своей квартире и покупкой дорогостоящей мебели и сантехники, что в совокупности составило порядка 2,26 млн руб. в денежном эквиваленте [3].

Уголовный кодекс Российской Федерации оперирует именно термином «услуги имущественного характера», чем сразу ограничивает от предмета взятки другие услуги. Возникает вопрос, обладает ли имущественным характером написание взяткополучателю диссертации, оказание медицинских, сексуальных услуг?

В научной литературе чаще всего указывается на невозможность дать таким услугам денежную оценку. Хотя отдельные авторы полагают, что даже услуги неимущественного характера могут иметь соответствующее стоимостное выражение, денежный эквивалент [4, с. 12].

Чаще всего научные дебаты вызывают признание в качестве взяток именно сексуальных услуг. Одни безоговорочно считают их предметом взятки, другие – лишь под определенным условием, а мнение остальных основано на том, что сексуальные услуги находятся вне правового поля, а значит, невозможна их оценка в денежном эквиваленте.

П.С. Яни подчеркивает, что сексуальные услуги могут признаваться предметом взяточничества не только при оплате взяткодателя, приводя пример, когда за подобное вознаграждение сотрудники полиции освобождали задержанных лиц, совершивших преступление, а оказывали им эти услуги «подшефные» преступникам проститутки, которым, разумеется, не платили [5, с. 18].

Для того чтобы правильно квалифицировать такие деяния, необходимо установить субъективное отношение должностного лица к предоставленной услуге. Если он осознает факт оплаты со стороны взяткодателя, то следует считать ее предметом взяточничества, хоть по своей сути это и не является имущественной услугой.

Е.В. Киреев, рассуждая о возможности применения ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации при таком неимущественном благе, как честь, предлагает вменять вымогательство в случае угрозы разглашения порочащих человека данных [6, с. 359–363]. Полагаем, в этом случае предметом выступает не честь, а требуемое имущество как таковое.

Следует поставить под сомнение целесообразность исключительно имущественного

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

характера предмета взяточничества, ведь непризнание услуг неимущественного характера предметом взятки создает предпосылки для ограничения уголовной ответственности за коррупционные преступления, а также проблемы в правоприменительной практике при определении предмета взяточничества, его отнесения к той или иной категории.

Главная роль должна отводиться не имущественной характеристике предмета преступления, а субъективному желанию должностного лица удовлетворить какие-либо потребности. Здесь следует усомниться в правильности прекращения уголовного преследования по ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации. В качестве взятки был произведен ремонт служебного кабинета И., что, по мнению суда первой инстанции, является услугой имущественного характера. Однако вышестоящий суд не усмотрел наличия предмета взятки, поскольку подсудимый какой-либо имущественной выгоды лично для себя не мог извлечь, ввиду того, что работал по срочному трудовому контракту [7]. Полагаем, что в указанной ситуации выгоды, извлекаемые виновным, как раз заключаются в создании для себя комфорта за счет других лиц.

Возникает вопрос о возможности признания деяния малозначительным и применения положений ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, Р.Д. Шарапов указывает, что вести речь о малозначительности можно только при взятке-благодарности, обладающей меньшей общественной опасностью [8, с. 70–80].

Верховный Суд РФ также в отдельных определениях ссылается на отсутствие общественной опасности при принятии должностным лицом вознаграждения [9].

Учитывая, что понятие малозначительности является оценочным, зависит от усмотрения того или иного правоприменителя и конкретных обстоятельств уголовного дела, исключать возможность применения ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации при взяточничестве нельзя. Однако совершенное деяние необходимо подвергнуть анализу с позиции определения общественной опасности. И только в том случае, когда совокупное представление о характере и степени общественной опасности свидетельствует о явной ее недостаточности для объявления поведения преступным, возможно прекращение уголовного дела по данному основанию [10, с. 110–113].

Проблемным представляется отсутствие четких критериев определения общественной опасности как на законодательном уровне, так и в доктринальных исследованиях. Следова-

тельно, судебная практика не имеет каких-либо представлений о способах оценки общественной опасности. Сложившаяся ситуация ограничивает возможности распространения ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации на те или иные преступления (в том числе и коррупционные).

Еще одним сложным вопросом выступает возможность применения ст. 290–291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации при наличии предметов, изъятых или ограниченных в обороте. В самом уголовном законе требования к взятке помимо имущественного характера отсутствуют.

Большинство ученых склоняется к невозможности признать предметом взяточничества объекты, изъятые из оборота или ограниченные в обороте (например, наркотические и психотропные вещества, оружие и боеприпасы и т. д.), т. к. не представляется возможным установить какой-либо «прайс-лист» на государственном уровне на подобный спектр объектов, в то время как высший судебный орган предъявляет требование определять стоимость предмета взятки, что выступает важным условием для дифференциации ответственности должностного лица.

М.Т. Ачылов, Е.Ф. Лукьянчикова, рассуждая по этому поводу, приходят к выводу: имущественные выгоды, вытекающие из незаконно оказанных услуг, равно как и предметы, находящиеся в незаконном обороте, не могут быть исключены из категории «предмет взятки». Так называемый черный рынок, предоставляющий широкий спектр различных незаконных услуг с присущими им таксами (расценками, тарифами), подразумевает их оплату в силу фактически сложившихся незаконных отношений [11, с. 18].

Пленум Верховного Суда напрямую не разъясняет, что предметом взятки могут быть только объекты гражданского оборота, которые свободно отчуждаются или переходят от одного лица к другому, поэтому справедливым было бы признавать таковым как вещи, находящиеся в свободном обращении, так и имущество, обращение которого ограничено либо полностью изъято из свободного гражданского оборота. Установление особого порядка оборота тех или иных вещей не лишает их уровня имущественного блага. Когда в качестве взятки передается имущество, свободное обращение которого запрещено, то действия субъектов взяточничества образуют совокупность преступлений.

Таким образом, несмотря на признание предмета преступления в составах взяточничества

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

обязательным признаком и его изложения в диспозиции ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации в виде исчерпывающего перечня, существуют пробелы в уголовном законе в части отсутствия регламентации цифровой валюты. Кроме того, имеются проблемы квалификации взяточничества при предоставлении услуг имущественного характера в части определения размера по-

следних в денежном эквиваленте, наличие которых приводит к невозможности привлечения к уголовной ответственности. Следовательно, только устранение указанных недостатков уголовно-правовой регламентации составов взяточничества позволит осуществлять эффективное предупреждение этого вида преступлений.

Литература

1. Авдеев Д.А., Борисов Н.А. проблемы квалификации криптовалюты как предмета взятки // World Science: problems and innovations. 2019. № 2.
2. Горелик А.С. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп // Юридический мир. 1999. № 1–2.
3. Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 23.09.2020 по делу №1-561/20 [Электронный ресурс]. URL: https://centralny—alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=83307872&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 08.02.2022).
4. Шайдурова Г.В. К вопросу об определении предмета взятки // Право. Общество. Государство. 2019.
5. Яни П.С. Вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2013. № 3(941).
6. Киреев Е.В. О сущности предмета взятки // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 3(54).
7. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 21.12.2020 № 22-1500/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2021/08/03/vzyatka_na_blagotvoritelnost_praktika_primeneniya_p_23_postanovleniya_plenuma_vs_rf_ot_09072013_n_24 (дата обращения: 07.02.2022).
8. Шарапов Р.Д. Малозначительность взяточничества // Журнал российского права. 2017. № 12(252).
9. Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2007 по делу № 51-Д06-58 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/55711734/> (дата обращения: 08.02.2022).
10. Ермакова О.В. Недостатки законодательных конструкций составов взяточничества (ст. 290–291.2 УК РФ) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 3(27).
11. Ачыллов М.Т., Лукьянчикова Е.Ф. Спорные вопросы уголовно-правовой оценки оказания услуг имущественного характера как предмета взяточничества // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 12–7.

Bibliography

1. Avdeev D.A., Borisov N.A. problems of qualifying cryptocurrencies as the subject of a bribe // World Science: problems and innovations. 2019. № 2.
2. Gorelik A.S. Criminal liability for commercial bribery // Legal world. 1999. № 1–2.
3. Verdict of the Central District Court of Barnaul, Altai Territory of 23.09.2020 in case № 1-561/20 [Electronic resource]. URL: https://centralny—alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=83307872&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (date of access: 08.02.2022).
4. Shaidurova G.V. On the issue of determining the subject of a bribe // Right. Society. State. 2019.
5. Yani P.S. Questions of bribery qualification // Legality. 2013. № 3(941).
6. Kireev E.V. About the essence of the subject of a bribe // Alley of Science. 2021. Т. 1. № 3(54).
7. The appeal ruling of the Belgorod Regional Court d.d. 21.12.2020 № 22-1500/2020 [Electronic resource]. URL: https://zakon.ru/blog/2021/08/03/vzyatka_na_blagotvoritelnost_praktika_primeneniya_p_23_postanovleniya_plenuma_vs_rf_ot_09072013_n_24 (date of access: 08.02.2022).
8. Sharapov R.D. The insignificance of bribery // Journal of Russian Law. 2017. № 12(252).
9. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. 12.04.2007 in case № 51-D06-58 [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/55711734/> (date of access: 08.02.2022).
10. Ermakova O.V. Shortcomings of legislative structures of bribery (Articles 290–291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3(27).
11. Achylov M.T., Lukyanchikova E.F. Controversial issues of criminal legal assessment of the provision of property services as a subject of bribery // Modern trends in the development of science and technology. 2016. № 12–7.

© 2022 г. Илidgeв Александр Алексеевич,

доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД
Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ilidsasha@yandex.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию вопросов правового регулирования множественности преступлений в уголовном законодательстве России. В работе анализируются различные точки зрения относительно юридической природы рассматриваемого института уголовного права, раскрываются существенные признаки множественности преступлений и предлагается его определение. С учетом различных уголовно-правовых подходов, а также материалов судебной практики выявляются противоречия, существующие в системе уголовного законодательства в данной области и предлагается внести соответствующие изменения и дополнения, направленные на совершенствование уголовно-правового регулирования множественности преступлений.

Ключевые слова: единичное преступление, совокупность, последствие, самостоятельный, совершение, признак, множественность.

Ilidzhev Alexander Alekseevich – Associate Professor, the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs Bodies, the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

DETERMINATION OF THE ESSENCE OF THE PLURALITY OF CRIMES UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the study of the issues of legal regulation of the plurality of crimes in the criminal legislation of Russia. The paper analyzes various points of view regarding the legal nature of the considered institution of criminal law. In the course of the study, the essential features of the plurality of crimes are revealed and its definition is proposed. Taking into account various criminal law approaches, as well as materials of judicial practice, the contradictions existing in the system of criminal legislation in this area are revealed and it is proposed to make appropriate changes and additions aimed at improving the criminal law regulation of the plurality of crimes.

Keywords: single crime, aggregate, consequence, independent, commission, sign, plurality.

Термин «множественность преступлений» в УК РФ не содержится, но при этом он уже традиционен для теории и практики. Однако по поводу правомерности его применения в уголовно-правовой науке имеются разногласия.

Так, Е.В. Благов выступил против использования в уголовном праве термина «множественность преступлений», т. к. он в УК РФ не употребляется, не соответствует общесмысловому понятию множественности, означающему очень большое количество, число кого-либо [16, с. 360], тогда как в уголовном праве множественность преступлений противопоставляется единичному преступлению и для нее достаточно двух преступлений, имеет аморфное содержание и объем, общих правил квалификации множественности преступлений пока не выявлено [3, с. 31–32].

А.М. Зацепин не согласился с изложенным подходом и указал, что общих правил квалификации преступлений при конкуренции

норм уголовного права и изменении уголовного закона тоже никто не выработал, но сомнению наличие конкуренции норм уголовного права и квалификации при изменении уголовного закона не подвергается. Недостаточность же законодательных и теоретических решений, по мнению автора, является поводом не для отказа множественности преступлений в самостоятельном уголовно-правовом статусе, а для углубления научных исследований ей посвященных [11, с. 19].

Необходимо согласиться с мнением А.М. Зацепина: с одной стороны, отсутствие в УК РФ соответствующего термина – не всегда помеха для его использования в теории и на практике. В качестве подтверждающего примера достаточно привести упоминавшуюся конкуренцию норм уголовного права. С другой стороны, условность уголовно-правовой терминологии проявляется не только во множественности преступлений.

Помимо представленных в Особенной части УК РФ единичных преступлений в его Общей части регулируется то, что данными преступлениями считать совершенно невозможно. Так, совокупность и рецидив преступлений явно противостоят единичному преступлению и имеют общее: для признания обоих из них должно быть совершено несколько преступлений. Следовательно, уже для данных случаев необходим какой-то обобщающий термин, и им вполне может быть «множественность преступлений».

Чтобы все сомнения исчезли, указания на множественность преступлений нужно, как представляется, ввести в Общую часть УК РФ. Причем, конечно, не плохо бы выделить в ней специальную главу о множественности преступлений [13, с. 109; 21, с. 80] или о ней и единичном преступлении [19, с. 51–53]. Тем самым прояснилось бы и место отражения множественности преступлений.

Казалось бы, множественность преступлений в принципе определить не сложно. Ее не могут не составлять несколько преступлений. Совершение нескольких преступлений – общее, как правило, место для дефиниций множественности преступлений в уголовно-правовой литературе.

Так, Е.В. Благов раскрывает множественность преступлений через соответствующие действия (бездействие), и ею считает совершение нескольких действий (бездействий), каждое из которых предусмотрено одной и той же статьей, не имеющей частей, или частью статьи Особенной части УК РФ, либо несколько действий (бездействий), самостоятельно предусмотренных не менее чем двумя статьями или частями статьи, а также одного действия (бездействия), предусмотренного не менее чем двумя статьями* [20, с. 154]. Прежде всего, отметим, что ученый достаточно последователен. Через действия (бездействие) им дефинируется и отдельное преступление. Между тем, он точно также последовательно не учитывает, что любое преступление образуют не только действия (бездействие), но и другие признаки.

А.П. Козлов вводит в понятие множественности преступлений, помимо совершения

лицом нескольких единичных преступлений, еще и преступлений, представляющих отраженную в законе множественность [13, с. 108]. Данный подход к дефиниции множественности преступлений нарушает правила логики. В ней имеется частичная тавтология. Оказывается, что множественность преступлений – это совершение не только нескольких единичных преступлений, но и определенной части ее самой.

Попытка определить множественность преступлений через наличие в деяниях лица двух или более преступлений не является однозначной. При этом на основании ст. 14 УК РФ преступление – это и есть соответствующее деяние. Отсюда думается, что первое никак не может наличествовать в последнем.

Более того, наличие означает существование [16, с. 385]. При множественности преступлений существуют два или более деяния, преступления. В отмеченном плане точнее те, кто рассматривает множественность преступлений в качестве наличия в одном или нескольких деяниях лица двух или более составов преступлений либо совершения двух или более общественно опасных деяний, каждое из которых обладает самостоятельным составом преступления (А.И. Бойцов и др.) [4, с. 588]. Получается, что в дефиниции множественности преступлений в каком-то смысле заложено определение единичного преступления. Ведь очевидно, что общественно опасное деяние по отраженной терминологии, обладающее составом преступления, является преступлением. Во всяком случае, близкое решение дается законодателем применительно к оконченному преступлению (ч. 1 ст. 29 УК РФ). При этом вряд ли уместно, приводя понимание множественности преступлений, вводить в него понимание самого по себе преступления.

Н.Ф. Мурашов определяет множественность преступлений через совокупность нескольких преступлений [15, с. 7]. В таком случае выделение множественности преступлений теряет свой смысл, ибо она совпадает с совокупностью преступлений.

В.П. Малков при раскрытии признака совершения двух или более преступлений указал, что таковое может быть, если одно и

* Может создаться впечатление, что Е.В. Благов не последователен: то выступает против использования в уголовном праве термина «множественность преступлений», то раскрывает его понятие. Все дело в характере литературы, в которой это делается. В научной – первый подход, в учебной – последний. Скорее всего, он для автора – вынужденный, обусловленный программой курса уголовного права.

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

то же лицо, в частности, «совершает новое(ые) преступление(я) после освобождения от уголовной ответственности или наказания за предыдущее преступление при условии, когда по двум из них в соответствии с законом не погашены (не аннулированы) уголовно-правовые последствия...» [14, с. 25]. Многие же авторы (Т.Г. Черненко, Ю.Е. Пудовочкин и др.) полагают, что освобождение от уголовной ответственности, а в ряде случаев и от наказания, исключает признание множественности преступлений [17, с. 63; 21, с. 37–49].

При совершении преступления лицом, освобожденным от уголовной ответственности, оно рассматривается в качестве впервые совершившего преступление. Так, в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разъяснено, что таковым считается, в частности, лицо, которое ранее было освобождено от уголовной ответственности*. В уголовно-правовой литературе с таким решением, как правило, соглашаются [2, с. 446; 9, с. 55].

С третьей стороны, Н.Ф. Мурашов заметил, что у большинства авторов в понятиях множественности преступлений ведущим являются «не сами совершенные лицом преступления, а его действия по их совершению (*в текстах – «совершение»*)» [15, с. 7]. О действиях в большинстве дефиниций не упоминается, но преступлением в законе признается именно совершенное общественно опасное деяние. Между тем отражать это при определении множественности преступлений необходимость отсутствует. В противном случае в дефиниции возникает скрытая тавтология.

Одновременно нельзя не признать, что критикуемый подход имеет некоторые основания в УК РФ, в котором совокупностью преступлений признается *совершение* двух или более преступлений, а рецидивом – *совершение* умышленного преступления определенным лицом. Говоря иначе, законодателю неплохо было бы привести в соответствие между собой, с одной стороны, ст. 14 УК РФ, а с другой – ст. 17 и 18.

Однако основного признака обычно считается недостаточно для дефиниции множественности преступлений, и в нее дополни-

тельно вводятся иные признаки [1, с. 32; 10, с. 11; 13, с. 108; 14, с. 25; 15, с. 7; 17, с. 63; 18, с. 16; 21, с. 36]. Таковыми являются, например, совершение одним и тем же лицом; совершение субъектом уголовного права или субъектом преступления; самостоятельность преступлений; каждое преступление содержит признаки самостоятельного (отдельного) состава преступления и др.; совершение преступлений посредством одного или нескольких деяний, действий (бездействия); совершение преступлений одновременно или последовательно; когда возникает необходимость определить размер и порядок отбывания наказания за каждое преступление; отсутствие обстоятельств, исключающих множественность преступлений по закону; сохранение возможности (правовых свойств для) привлечения к уголовной ответственности (учета при квалификации преступления и назначении наказания); независимость от привлечения лица за совершенные преступления к уголовной ответственности; независимость от факта осуждения; возможность наступления предусмотренных законом уголовно-правовых, уголовно-процессуальных либо общеправовых последствий или сохранение юридической значимости; по двум преступлениям в соответствии с законом не погашены (не аннулированы) уголовно-правовые последствия (влекущие усиление уголовной ответственности); отсутствие процессуальных препятствий к возбуждению уголовного преследования, наличие оснований уголовного преследования.

Все приведенные признаки не отражают специфику множественности преступлений. Т.Г. Черненко настаивает на том, что в ее дефиниции должно быть указание на сохранение уголовно-правовых последствий каждого преступления [21, с. 34]. Наоборот, А.П. Козлов указание на них при определении множественности преступлений справедливо считает излишним в связи с тем, что речь идет о множественности преступлений, когда лицо совершает несколько преступлений, определенных законом в качестве преступления и не обремененных обстоятельствами, исключающими наличие преступления, коим нет числа (помимо истечения сроков давности, погашения судимости и т.д.) [13, с. 102–103]. Если имеется хотя бы одно подобное обстоятельство,

* Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.

то, разумеется, отсутствует соответствующее преступление, а тем самым вопрос о наличии множественности преступлений не встает.

Особое внимание стоит обратить на признак отсутствия обстоятельств, исключающих множественность преступлений по закону. Получается, что множественность преступлений имеется тогда, когда она не исключается. Возможность усиления уголовной ответственности нельзя рассматривать в качестве необходимого следствия множественности преступлений [10, с. 212–213]. Так, при рецидиве преступлений допустимо назначение наказания в обычных пределах и даже более мягкого, чем предусмотрено за данное преступление, а при совокупности преступлений – поглощение наказаний (ч. 3 ст. 68, ч. 2 ст. 69 УК РФ). Следует акцентировать внимание на том, что были ранее исследованы специальные правила, которые предусматривают особенности назначения наказания за отдельные формы преступной деятельности, в частности, при рецидиве и совокупности преступлений [12, с. 39–40].

Т.Г. Черненко, А.П. Козлов, К.В. Ображиев единодушны в том, что совершенно необоснованно включение в определение множественности преступлений признака отсутствия процессуальных препятствий для уголовного преследования [2, с. 181; 13, с. 103; 21, с. 35]. Во-первых, ничего подобного вовсе не отражено в УК РФ. Во-вторых, все перечисленное – это уголовно-процессуальные признаки. В-третьих, уголовное право первично по отношению к уголовному процессу, который только устанавливает порядок уголовного судопроизводства на территории РФ (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Кроме того, как справедливо отмечается в литературе, «уголовно-процессуальная деятельность включает в себя, в том, числе собирание, проверку и оценку доказательств с целью справедливого разрешения уголовных дел». В связи с этим необходимо отметить, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство оказывают существенное влияние на развитие и других наук, в частности криминологии [7, с. 129]. В целом не может быть никаких препятствий для признания общественно опасного деяния преступлением. Только УК РФ определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями (ч. 2 ст. 2). Более того, для УК РФ преступление объективно (ч. 1 ст. 14), что исключает влияние на призна-

ние последнего каких-либо процессуальных препятствий. В результате невозможно согласиться с К.В. Ображиевым в том, что при наличии уголовно-процессуальных препятствий совершенное деяние вообще не может считаться преступным [2, с. 180].

Любые условия существования какого-либо объекта не есть он сам, а среда, в которой он существует. Следовательно, они не могут характеризовать содержание объекта, но именно это – функция определения последнего. Все альтернативные признаки, характеризующие определяемый объект, бессмысленны в дефинициях, т. к. предполагают любое их содержание, т.е. они не информативны (совершение преступлений посредством одного или нескольких деяний, действий (бездействия), одновременно или последовательно, независимость от привлечения лица за совершенные преступления к уголовной ответственности, от факта осуждения).

В части 1 ст. 50 УК РФ предусмотрено, что исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его, говоря иначе, могут быть назначены всем лицам (естественно, за исключением указанных в ч. 5). Подобные предписания абсолютно бессодержательны, и их, как представляется, не должно быть в УК РФ, т. к. при ближайшем рассмотрении оказывается, что они на самом деле ничего не регулируют.

Остальные признаки, дополнительно вводимые в понятие множественности преступлений, – уголовно-правовые. Часть из них имеет тот недостаток, позволяющий отграничивать множественность преступлений от единичных преступлений. Последнее, по нашему мнению, перечеркивает необходимость их присутствия в дефиниции множественности преступлений.

Так, очевидно, что множественность преступлений совершается субъектом уголовного права или субъектом преступления. Вместе с тем это характеризует и любое единичное преступление. Поскольку данное обстоятельство специфики множественности преступлений не подчеркивает, то необходимости его отражения в дефиниции не возникает. В связи с этим стоит отметить, что в литературе категория «субъект преступления» справедливо относится к базовым понятиям междисциплинарного характера [8, с. 245].

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

Многие дополнительные признаки, включаемые в понятие множественности преступлений, имеют другой недостаток. Он заключается в том, что данные признаки характеризуют далеко не любой случай множественности преступлений, а это не позволяет вводить указанные признаки в дефиницию, в которой должны содержаться именно общие признаки.

Множественность преступлений очевидна, если все преступления совершены одним и тем же лицом. В то же время приведенный признак имело бы смысл отражать в дефиниции, только если бы он отграничивал множественность преступлений от чего-то другого. Между тем и единичное преступление при отсутствии соучастия совершается одним и тем же лицом. Наоборот, если каждое из нескольких преступлений совершено разными лицами, это не имеет никакого уголовно-правового значения. [15, с. 7], Получается, что признак совершения преступления одним и тем же лицом, хотя и характеризует множественность преступлений, но далеко не всегда.

Преступления, составляющие множественность преступлений, чаще всего, наверное, самостоятельны. Однако «самостоятельный» в русском языке – существующий отдельно от других, независимый [16, с. 695].

Однако полной независимости преступлений при их множественности может не быть. Соответственно признак самостоятельности преступлений не характеризует любой случай множественности преступлений.

Вводимый в определение множественности преступлений признак, согласно которому каждое преступление содержит признаки самостоятельного состава преступления, Т.Г. Черненко считает не совсем удачным, т. к. он может быть понят неоднозначно, в частности, как совершение деяний, предусмотренных только различными уголовно-правовыми нормами, содержащими признаки отдельных составов преступлений [21, с. 34]. Возражать этому не представляется возможным, а тем самым и упомянутый признак относится не к любому случаю множественности.

Трудно считать безупречным признак возникновения необходимости определения размера и порядка отбывания наказания за каждое преступление. С одной стороны, подобная необходимость возникает независимо от наличия множественности преступлений. С другой стороны, в отличие от вида наказания именно размер и порядок отбывания на-

казания за деяния, входящие во множественность преступлений, подлежат определению совсем не во всех случаях.

Так, во-первых, по понятным причинам размер не предусмотрен для лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, пожизненного лишения свободы и смертной казни (ст. 48, 57 и 59 УК РФ). Во-вторых, в отношении каждого преступления не устанавливается порядок отбывания наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

Остается возможность наступления правовых последствий. Поскольку об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных последствиях говорится отдельно, безусловно, что имеются в виду иные правовые последствия. Сохранение их или нет, думается, никакого влияния на преступления, образующие множественность преступлений, а тем самым и на ее саму оказать не может. Преступность деяния определяется исключительно на основе предписаний ч. 1 ст. 14 УК РФ. В связи с этим заслуживает внимания взгляд на преступность, который, «выступая неотъемлемой частью общества, всегда оперативно реагирует на происходящие в социуме тенденции, воспринимая их в качестве очередных перспектив для возникновения новых и модернизации ранее известных способов совершения и сокрытия преступлений» [5, с. 3–4]. В свою очередь, решение задач борьбы с преступностью, в частности, предполагает создание позитивной посткриминальной деятельности и поведения, т. е. без воздействия на деятельность лиц, связанных с механизмом преступления и его последствиями, после совершения общественно опасного деяния [6, с. 46].

В сухом остатке незыблем лишь один признак множественности преступлений – несколько преступлений. Их совершение Н.А. Лопашенко и признает множественностью преступлений [19, с. 51].

При нынешнем уголовно-правовом регулировании несколько преступлений может образовать и единичное преступление. Так, в ч. 1 ст. 17 УК РФ регулируется совокупность преступлений. Если же нет совокупности преступлений, то по логике должно быть единичное преступление, причем составное, т. к. каждая его часть явно является самостоятельным преступлением.

Таким образом, множественность преступлений характеризуется не менее чем двумя

соответствующими преступлениями. Как следствие, с одной стороны, сочетание двух и более непреступных деяний, а также одного преступления и любого количества непреступных деяний множественность преступлений не образует.

С другой стороны, преступления, входящие в их множественность, способны быть любыми. Они могут быть тождественными и нетождественными, однородными и разно-

родными, оконченными и неоконченными, совершенными единолично и в соучастии. Преступления, входящие в их множественность, могут находиться в любом сочетании друг с другом. Например, одни преступления могут быть оконченными, другие – неоконченными, третьи – совершенными единолично, четвертые – в соучастии, не говоря уж о сочетании видов преступлений, которые отражены в Особенной части УК РФ.

Литература

1. Агаев И.Б. Совокупность преступлений: понятие, виды и наказуемость. М., 2003.
2. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / под ред. О.С. Капинус. М., 2016.
3. Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М., 2009.
4. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
5. Варданян А.В., Варданян Г.А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. Вып.1.
6. Варданян А.В. Криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности по делам о преступлениях в сфере информационных технологий // Научный журнал Байкальского государственного университета. Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2.
7. Варданян А.В. Криминалистические знания о посткриминальной деятельности: проблемы формирования и развития // Философия права. 2020. № 1(92).
8. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2.
9. Власенко В.В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) // Уголовное право. 2017. № 1.
10. Досаева Г.С. Уголовно-правовой институт множественности преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
11. Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы. М., 2016.

Bibliography

1. Agaev I.B. The totality of crimes: the concept, types and punishability. Moscow, 2003.
2. Actual problems of criminal law: course of lectures / ed. by O.S. Kapinus. Moscow, 2016.
3. Blagov E.V. Qualification in the commission of a crime. Moscow, 2009.
4. Fighters A.I. Crimes against property. St. Petersburg, 2002.
5. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private forensic techniques // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. Is. 1.
6. Vardanyan A.V. Criminalistic characteristics of post-criminal activity in cases of crimes in the field of information technology // Scientific Journal of Baikal State University. Siberian criminal procedure and criminalistic readings. 2021. № 2.
7. Vardanyan A.V. Criminalistic knowledge of post-criminal activity: problems of formation and development // Philosophy of Law. 2020. № 1(92).
8. Vardanyan A.V. The subject of crime and the personality of the criminal as interdisciplinary categories of criminal law sciences: issues of correlation and integration // All-Russian Journal of Criminology. 2016. Vol. 10. № 2.
9. Vlasenko V.V. Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine (Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal law. 2017. № 1.
10. Dosaeva G.S. Criminal Law Institute of multiple crimes: dis. ... Dr. of Law. Moscow, 2017.
11. Zatsepin A.M. Additional qualification of crime: general and special issues. Moscow, 2016.
12. Ilidzhev A.A. Topical issues of sentencing under domestic criminal legislation // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 1(63).
13. Kozlov A.P., Sevastyanov A.P. Single and multiple crimes. St. Petersburg, 2011.

Уголовное право и криминология: теоретические и прикладные аспекты

12. Илиджев А.А. Актуальные вопросы назначения наказания по отечественному уголовному законодательству // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 1(63).

13. Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. СПб., 2011.

14. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды и правовое значение. Казань, 2006.

15. Мурашов Н.Ф. Совокупность преступлений по УК РФ. М., 2018.

16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2006.

17. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М., 2010.

18. Семенова Д.М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019.

19. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2019.

20. Уголовное право Российской Федерации. Краткий курс: учебник / под ред. Е.В. Благова. М., 2019.

21. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. Кемерово, 2007.

14. Malkov V.P. Multiplicity of crimes: essence, types and legal significance. Kazan, 2006.

15. Murashov N.F. The totality of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow, 2018.

16. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., additional. Moscow, 2006.

17. Pudovochkin Yu.E. The doctrine of crime: selected lectures. Moscow, 2010.

18. Semenova D.M. The basis and limits of differentiation of criminal responsibility in conditions of multiple crimes: abstract. dis. ... Cand. of Law. Samara, 2019.

19. Criminal Code of the Russian Federation (scientific project) / ed. by N.A. Lopashenko. Moscow, 2019.

20. Criminal Law of the Russian Federation. Short course: textbook / ed. by E.V. Blagova. Moscow, 2019.

21. Chernenko T.G. The multiplicity of crimes under Russian criminal law. Kemerovo, 2007.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 343.11
ББК 67.410

© 2022 г. **Лапатников Максим Владимирович**,

доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: maks4@mail.ru

Царева Юлия Викторовна,

доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук.

E-mail: yu.v.tsareva@gmail.com

ТЕОРЕТИКО-ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ НА ОСНОВАНИИ П. 6 Ч. 1 СТ. 237 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена теоретико-доктринальным и практическим изысканиям в области применения судами отдельных регионов России основания для возвращения уголовного дела прокурору, предусмотренного п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Актуализированы дискуссионные аспекты, характеризующие проблемы реализации органами судебной власти правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 02.07.2013 № 16-П по так называемому «делу Гадаева» [1], которая впоследствии нашла отражение в нормах УПК РФ.

Ключевые слова: суд, возвращение прокурору, основание, квалификация, обвинение, тяжесть преступления, подсудимый.

Lapatnikov Maxim Vladimirovich – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Tsareva Yulia Viktorovna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

THEORETICAL, DOCTRINAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE COURT RETURNING THE CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR ON THE BASIS OF PARAGRAPH 6 PART 1 ART. 237 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to theoretical, doctrinal and practical research in the area of application by the courts of certain regions of Russia of the basis for the return of a criminal case to the prosecutor, provided for in paragraph 6 part 1 Art. 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The article updates the debatable aspects that characterize the problems of implementation by the judiciary of the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, set out in the resolution of July 2, 2013 № 16-P on the so-called «Gadaev case» [1], which was subsequently reflected in the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: court, return to the prosecutor, grounds, qualification, accusation, severity of the crime, defendant.

С дозволения законодателя, взявшего на себя роль технического оформителя идеи, продекларированной высшим органом конституционного контроля Российской Федерации, у суда появилось право возвращать уголовное дело на досудебное производство по мотиву вменения более тяжкой квалификации содеянного, применяя вновь введенный п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ [2]. Исходя из положений

упомянутого выше источника, это стало возможным при наличии нарушений материального и (или) процессуального закона, не устранимых в судебном заседании, если имеются предпосылки для изменения предъявленного обвинения на более тяжкое.

Предпринятый законодателем шаг, основанный на изменившейся позиции Конституционного Суда РФ, до сих пор остается

Уголовно-процессуальное право: теоретические и прикладные аспекты

одним из актуальных и злободневных вопросов в теории и практике, что привело к разделению ученых на два лагеря.

Сторонники негативного оценивания легитимности судебной усмотрения в вопросе переквалификации деяния подсудимого в сторону «утяжеления» обвинения настаивают, что появившееся у суда право нарушает принцип состязательности и разделения процессуальных функций: суд, применяя данное основание по ходатайству любой из сторон либо выступая с самостоятельной инициативой, реализует функцию уголовного преследования, в значительной мере стесняя права участников судопроизводства. Кроме того, они склонны буквально интерпретировать положение ст. 252 УПК РФ, постулирующей недопустимость преодоления судом пределов судебного разбирательства, сведенных к предъявленному лицу обвинению, и устанавливающей табу на ухудшение положения подсудимого после предания дела суду [3; 4]. А вот исследователи, более благосклонно оценившие предпринятые законодателем шаги, отмечают, что ранее существовавший запрет на предъявление нового обвинения и переквалификацию деяния в худшую для подсудимого сторону, в отсутствие реальной возможности для восполнения доказательственной базы на стадии судебного разбирательства, на практике порождало ситуации, препятствовавшие суду принимать правосудные итоговые решения, ведь ему, будучи связанным пределами выдвинутого обвинения, приходилось основываться на неверной (объективно заниженной) квалификации содеянного.

По их мнению, норма ст. 252 УПК РФ подлежит более узкому толкованию, нежели ее понимают их идеологические оппоненты. Приоритет своей позиции они видят в предоставленной суду возможности на основе внутреннего убеждения нивелировать при рассмотрении уголовных дел с явно заниженной квалификацией преступления, чтобы впоследствии совершенное обвиняемым деяние получило должную уголовно-правовую оценку [5; 6; 7]. Теперь наличие п. 6 ч. 1 ст. 237 в УПК РФ исключает вынесение судом, продолжающим рассмотрение дела после выявления нарушений, допущенных органами предварительного расследования в связи с облегченной квалификацией соде-

янного, незаконного и необоснованного приговора, сохраняет авторитет суда и доверие к нему как беспристрастному органу правосудия. Среди представителей научного сообщества есть и те, кто признал исследуемую позицию Конституционного Суда РФ бесспорной, закономерной и не нуждающейся в критике [6].

Положения, нашедшие закрепление в УПК РФ, обусловили разобщенность взглядов не только теоретиков, но и самих судей, для которых применение указанной нормы стало привычным обиходом.

Практику применения основания, закрепленного в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, можно дифференцировать в зависимости от того, каким образом судом были установлены фактические обстоятельства, указывающие на необходимость квалификации действий лица как более тяжкого преступления: 1) само обвинительное заключение* явно свидетельствовало об их наличии, что было установлено в ходе подготовки к судебному заседанию при изучении материалов дела, и послужило поводом для назначения предварительного слушания по п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ; либо же 2) они были установлены судом непосредственно в ходе предварительного слушания (проведенного по иным основаниям, кроме п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ) или судебного разбирательства. *Иными словами, вопрос о направлении дела прокурору может быть разрешен как на предварительном слушании при установлении судом нарушений, препятствующих назначению главного судебного разбирательства, так и в ходе последнего, если указанные нарушения установлены при непосредственном исследовании обстоятельств, указывающих на их наличие.*

Рассмотрим, какого алгоритма действий придерживается суд.

Если фактические данные, изложенные в обвинительном заключении, не соответствуют квалификации содеянного, суд, руководствуясь п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, возвращает дело прокурору, предварительно назначив и реализовав процедуру предварительного слушания по делу. Значит, усмотреть обстоятельства, указывающие на необходимость вменения в вину лица, подвергаемого уголовному преследованию, более тяжкого преступления, суд может уже на начальном этапе нахождения дела в суде при изучении материалов. Тогда выявленное им

* Используемая формулировка подразумевает под собой любой итоговый документ.

Уголовно-процессуальное право: теоретические и прикладные аспекты

несоответствие и послужит основанием для предварительного слушания. При этом инициатива возврата дела прокурору будет принадлежать преимущественно суду (за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 228 УПК РФ)*.

Деятельность судьи в данном случае носит оценочный характер, исследовательский компонент в ней отсутствует. На наш взгляд, В.А. Шиплюк совершенно справедливо отмечает, что невозможность провести полноценный анализ имеющейся в деле доказательственной базы на данном этапе не позволяет суду с полной уверенностью утверждать о наличии обстоятельств, свидетельствующих о совершении подсудимым более тяжкого преступления, чем ему изначально вменялось органами расследования [7]. А вот выявить наличие данных, указывающих на необходимость ужесточения обвинения, когда изначально это не явствует из обвинительного заключения, он должен непосредственно в судебном процессе. Здесь возможны два варианта. Первый осуществим на том же этапе подготовки дела к суду, для которого характерен исключительный порядок реализации в форме предварительного слушания, предпосылкой для которого послужит любое другое основание, кроме требования о возвращении дела прокурору. Второй – когда потребность в переквалификации вытекает из обстоятельств, исследованных в рамках судебного разбирательства в суде первой или апелляционной инстанции (п. 7 ч. 1 ст. 389.20, ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ).

В этом случае обстоятельства, влекущие переквалификацию деяния подсудимого в сторону ухудшения его положения, судом выясняются, исследуются в судебном заседании, а сформированная на их основе оценка отражается в судебном решении. Поэтому сомнений в способе установления исследуемого несоответствия при таком подходе не возникает.

При этом имеются нюансы, которым придается существенное значение. В частности, не совсем понятно, как в процессе предварительного слушания могут устанавливаться фактические обстоятельства, указывающие на неизбежность квалификации деяния как более тяжкого преступления, ведь рассматриваемая стадия уголовного процесса не нацелена на разрешение основных вопросов по существу уголовного дела. Получается, что и эта процедура не лишена как законодательного изъяна, так и правоприменительного.

В любом из названных случаев при возвращении уголовного дела прокурору суд обязан аргументировано раскрыть обстоятельства, обусловившие принятие им этого решения, и в то же время избежать прямого указания органам расследования на применение конкретной нормы Особенной части УК РФ. В связи с этим суд вынужден использовать формулировки, не всегда точно отражающие фактические основания возврата дела. Это может приводить к ситуациям, когда лицам, не осведомленным о содержании уголовно-правового закона (в частности, диспозиций статей УК РФ), будет весьма затруднительно понять, что послужило причиной принятия органом правосудия подобного решения [8].

Таблица 1

Показатели применения судами Республики Татарстан основания, предусмотренного п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, за период 2013 – 1 кв. 2015 гг.

Год	Федеральные судьи	Мировые судьи	Примечание
2013	8	0	
2014	14	5	
2015	1	0	данные приведены за 1 кв.
Итого	23	5	
	28		

* Вопрос о принадлежности инициативы принятия решения о возвращении дела прокурору также рассмотрен в данной статье.

Уголовно-процессуальное право: теоретические и прикладные аспекты

Рассмотрим данные статистики по отдельным регионам. К примеру, в Республике Татарстан число уголовных дел, возвращенных прокурору по указанному основанию в 2013, 2014 и 1 квартале 2015 г., выразилось в следующих количественных показателях [8].

Аналогичные показатели по Нижегородской области за период 2013–2016 гг. приведены в таблице 2 [9].

Используя аналитический метод, сопоставим интересующий нас показатель с параметром, определяющим число дел, возвращенных на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Полученный результат выразим числовым значением и процентной долей от общего (суммарного) числа дел, возвращенных прокурору за обозначенный временной промежуток [9].

Значительное превышение не в пользу исследуемого основания возвращения дела прокурору (п. 6) объясняется системообра-

зующим, центральным местом его основного процессуального «конкурента» (п. 1) в системе оснований возвращения уголовного дела прокурору, ввиду его весьма расширительного толкования в судебной практике, связывающего его наличие не только с исключительно формальными нарушениями формы и содержания итоговых документов предварительного расследования, но и с иными существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, исключающими возможность принятия судом решения по существу.

Далее на примерах следует рассмотреть особенности возвращения уголовного дела прокурору с разных этапов судопроизводства.

Возвращение со стадии подготовки к суду, когда очевидность неправильной квалификации следует из материалов дела:

Таблица 2

Показатели применения судами Нижегородской области основания, предусмотренного п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, за период 2013–2016 гг.

Год	Количество дел
2013	36
2014	5
2015	15
2016	16
Итого	72

Таблица 3

Соотношение количества дел, возвращенных судами Нижегородской области на основании пунктов 1 и 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, за период 2012–2016 гг.

Год	Всего возвращено прокурору на основании ст. 237 УПК РФ	Возвращено прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ	Процентная доля возвращенных по п. 1 от суммарного числа	Возвращено прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ	Процентная доля возвращенных по п. 6 от суммарного числа
2012	204	188	92	–	–
2013	179	149	83	36	20
2014	193	156	81	5	2,6
2015	163	124	76	15	9,2
2016	200	148	74	16	8
Итого	939	765	81,5	72	7,7

Уголовно-процессуальное право: теоретические и прикладные аспекты

27 ноября 2013 года Богородский городской суд Нижегородской области вернул прокурору уголовное дело по обвинению Д. в незаконном приобретении, хранении, перевозке без цели сбыта растений (маковой соломы), содержащих наркотическое средство, массой 112 гр. (ч. 1 ст. 228 УК РФ). При принятии решения суд установил, что органы предварительного расследования неверно определили фигурировавшую в материалах дела массу маковой соломы не как крупный размер, а как значительный [9].

Мензелинский районный суд Республики Татарстан на основании постановления от 23.01.2015 возвратил прокурору уголовное дело, по которому М. обвинялся по ч. 1 ст. 111 УК РФ. Ему было предъявлено обвинение в нанесении неким колюще-режущим предметом большого количества ударов потерпевшему, результатом которого стало причинение тяжкого вреда здоровью. Однако факт применения предмета, используемого в качестве оружия, в квалификации содеянного М. отражения не нашел [8].

Возвращение со стадии подготовки к суду (когда очевидность неправильной квалификации установлена в ходе предварительного слушания) или со стадии судебного разбирательства:

Постановлением Кстовского городского суда Нижегородской области от 02.04.2014 возвращено прокурору уголовное дело в отношении Г., Д. и М. Согласно обвинительному заключению указанные лица обвинялись в разбойном нападении на Н. Квалифицирующие признаки предъявленного следствием обвинения вытекали из ч. 2, 3 ст. 162 УК РФ. В судебном заседании был установлен и подтвержден факт обезображивания лица потерпевшего, что и обусловило возвращение дела прокурору. После предъявления Г., Д., М. более тяжкого обвинения по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ при повторном рассмотрении дела этот квалифицирующий признак был исключен из обвинения, как не нашедший своего подтверждения, по мнению суда, повторно рассмотревшего уголовное дело в первой инстанции [9].

11 февраля 2014 года мировой судья судебного участка г. Набережные Челны вынес постановление о возвращении прокурору уголовного дела в отношении И., в вину которого органами расследования была вменена ч. 1 ст. 115 УК РФ. При рассмотрении дела суд установил, что И. пытался нанести потерпевшему удар ножом в область сердца, однако ввиду оказанного им сопротивления довести свой умысел до конца не смог: лезвие ножа соскользнуло и попало в вену в области предплечья левой руки [8].

Распространена практика, когда в своих решениях суды первой инстанции ссылаются не

просто на обнаружение в судебном заседании обстоятельств, которые должны повлечь квалификацию действий подсудимого как более тяжкого преступления, но и на их противоречие имеющемуся в уголовном деле обвинительному заключению. Действуя таким образом, они аккумулируют вытекающие из п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ условия возвращения уголовного дела прокурору, характерные для стадии подготовки дела к судебному заседанию с теми, которые свойственны уже начавшемуся судебному разбирательству. Однако это не претит исполнению требований действующего закона. И если результаты исследованных судом доказательств очевидно указывают на потребность в предъявлении подсудимому более тяжкого обвинения, значит, они автоматически противоречат и содержанию обвинительного заключения.

Из материалов уголовного дела № 1-89/2015 по обвинению Р. следует, что оно было возвращено прокурору согласно п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. В судебном заседании при рассмотрении дела судом первой инстанции потерпевшая поставила вопрос о возвращении дела прокурору, заявив соответствующее ходатайство. По ее мнению, в вину подсудимого вменялись не все совершенные в отношении нее преступления. Заклучив о наличии расхождения обстоятельств, описанных в обвинительном заключении и установленных непосредственно судом, последний указал на необходимость изменения первоначального обвинения на более тяжкое [9].

Возвращение со стадии апелляционного производства:

24 января 2014 года Верховный Суд Республики Татарстан, выступая судом апелляционной инстанции, вынес решение об отмене приговора Кукморского районного суда от 16.10.2013, признавшего Х. виновным в совершении инкриминируемого ему деяния. Исходя из позиции суда второй инстанции, следовательно, а затем суд, разрешивший дело по существу, надлежащим образом не приняли во внимание все обстоятельства дела и не произвели их надлежащую оценку [8].

4 февраля 2014 года в апелляционном порядке был отменен приговор Советского районного суда г. Казани от 31 октября 2013 года, вынесший решение о виновности Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 111, п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Суд апелляционной инстанции вернул дело прокурору для решения вопроса о переквалификации действий Р. на более тяжкое преступление [8].

Стоит также отметить, что исследование практической компоненты рассматриваемой темы вызывает интерес не только в контексте процессуального рубежа принятия судом

Уголовно-процессуальное право: теоретические и прикладные аспекты

решения о возвращении дела прокурору, но и с позиции субъекта, инициирующего запуск данной процедуры.

По вопросу *инициативы, имеющейся у суда*, представители доктрины и практики заняли диаметрально противоположные позиции. Мнения части научного сообщества, раскритиковавшей появление в законе основания, дающего суду право вернуть дело для «утяжеления» ранее предъявленного обвинения, подробно описано выше. А вот представители судейского корпуса оказались более расположенными к появлению в УПК РФ давно назревавших изменений, которые, с одной стороны, расширили их полномочия, с другой – исключили обязательность принятия итоговых решений в условиях, противоречащих их внутреннему убеждению.

27 мая 2014 года Чистопольский городской суд Республики Татарстан вернул прокурору уголовное дело, по которому К. обвинялся в причинении тяжкого вреда здоровью М., в результате чего последний от полученных травм скончался. Суд первой инстанции *по своей инициативе* вернул дело прокурору с целью последующей квалификации действий М. как убийства [8].

Существуют противоположные примеры, когда решения, принятые судом первой инстанции о возвращении уголовного дела прокурору по собственной инициативе, вышестоящие инстанции отменяют, объясняя это тем, что их вынесение фактически привело к осуществлению судом не свойственной ему обвинительной функции [8].

Инициатива возвращения уголовного дела прокурору нередко исходит от *потерпевших*. Это позволяет суду восстановить их нарушенные права.

Советский районный суд г. Казани согласно постановлению от 19.09.2014 возвратил прокурору уголовное дело по обвинению И. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 162 УК РФ. В судебном заседании суд удовлетворил ходатайство *потерпевшего*, который указал, что к совершению преступления причастно второе лицо, установленное компетентными органами, но к уголовной ответственности за указанное преступление не привлеченное [8]. Аналогичное основание в своем постановлении от 25.12.2014 указал и Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан [8].

Каким бы парадоксальным это не казалось, но есть случаи возврата уголовного дела прокурору для «поворота к худшему» и по ходатайству *государственного обвинителя*.

29 октября 2014 года Кировский районный суд г. Казани, рассматривая дело по существу,

на основании определения возвратил прокурору уголовное дело по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ. В ходе судебного разбирательства *представитель государственного обвинителя* заявил ходатайство о направлении уголовного дела прокурору, поскольку исследованные в суде обстоятельства прямо указывали на имеющиеся в действиях подсудимого признаки более тяжкого преступления [8].

Законодательные поправки к ст. 237 УПК РФ, которые появились на фоне изменившейся позиции Конституционного Суда РФ по вопросу наделения суда правом возвращать дело прокурору для вменения более тяжкой статьи (части статьи) Особенной части УК РФ, продекларированной в постановлении от 02.07.2013 № 16-П, на сегодняшний день восприняты судами всех уровней, ведущими производство в первой и апелляционной инстанциях, и, как правило, применяются правильно, т. е. в контексте предписаний, изложенных высшим органом конституционного контроля России. Рациональный, объективный и взвешенный подход, лежащий в основе принятия судьями решений о направлении дела прокурору, должен гарантировать вынесение ими законных, обоснованных и справедливых приговоров, служить неотъемлемым атрибутом обеспечения прав участников процесса.

Вместе с тем, возвращая уголовное дело прокурору, судьи исходят из того, что органы предварительного расследования, выполняя указания суда об устранении нарушений закона, в то же время свободны в дальнейшей квалификации действий обвиняемого, также как и суд при повторном рассмотрении дела свободен в квалификации действий подсудимого, исходя из общих правил оценки доказательств.

Амплитудная разница количественных показателей применения оснований, предусмотренных п. 1 и 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, вполне объяснима. На сегодняшний день основание, предусмотренное п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, в большей степени носит экстраординарный характер, что обуславливается, во-первых, сравнительно непродолжительным периодом его существования (в конкуренцию с ранее существовавшими нормами оно вступило лишь в 2014 г.); во-вторых, ролью руководства органов предварительного расследования и прокуратуры, в распоряжении которых сосредоточены контрольно-надзорные функции; в-третьих, тем, что в практике гораздо больше распространены нарушения, связанные с собиранием доказательств и несоблюдением прав и законных интересов участников процесса, чем с квалификацией содеянного. Тем не

Уголовно-процессуальное право: теоретические и прикладные аспекты

менее уголовно-процессуальная норма, закрепленная в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, не стала «мертвой». Предусмотренное в ней положение

применяется и является востребованным. Рассмотренная в статье судебная практика является тому объективным подтверждением.

Литература

1. По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2022).

2. О внесении изменений в ст. 236 и 237 УПК РФ: федер. закон от 21.07.2014 № 269-ФЗ // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2022).

3. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ С.М. Казанцева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2022).

4. Александров А.С., Лапатников М.В. Вперед в прошлое (Состязательность в уголовном процессе КС РФ ликвидировал) // ЭЖ-Юрист. 2013. № 30.

5. Рябинина Т.К. Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // Российский следователь. 2013. № 24.

6. Зайцева Е.А. Постановление Конституционного Суда РФ по жалобе Б.Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 5.

7. Шиплюк В.А. Конституционно-правовой смысл института возвращения уголовного дела прокурору (в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П) // Криминалист. 2013. № 2(13).

8. Справка по результатам изучения практики возвращения уголовных дел прокурору в связи с необходимостью квалификации действий обвиняемого по более тяжкой статье (части статьи) особенной части УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrt.tatarstan.ru/> (дата обращения: 21.03.2022).

9. Справка Нижегородского областного суда по результатам изучения практики применения судами статьи 237 УПК РФ при рассмотрении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом // Архив Нижегородского областного суда.

Bibliography

1. In the case of checking the constitutionality of the provisions of Part 1 of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan B.T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02.07.2013 № 16-P // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 15.02.2022).

2. On amendments to Articles 236 and 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: fed. law of 21.07.2014 № 269-FL. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 22.02.2022).

3. Dissenting opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation S.M. Kazantsev on the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02.07.2013 № 16-P // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 10.03.2022).

4. Alexandrov A.S., Lapatnikov M.V. Forward to the past (The adversarial nature in the criminal process of the Constitutional Court of the Russian Federation eliminated) // EZH-Jurist. 2013. № 30.

5. Ryabinina T.K. The return of the criminal case to the prosecutor: old problems in a new light // Russian investigator. 2013. № 24.

6. Zaitseva E.A. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation on the complaint of B.T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court: reflections on the right of the court to return criminal cases to the prosecutor in adversarial criminal proceedings // Russian Judge. 2014. № 5.

7. Shiplyuk V.A. The constitutional and legal meaning of the institution of returning a criminal case to the prosecutor (in the light of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 16-P of 02.07.2013) // Criminalist. 2013. № 2(13).

8. Reference on the results of studying the practice of returning criminal cases to the prosecutor in connection with the need to qualify the actions of the accused under a more serious article (part of the article) of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://vsrt.tatarstan.ru/> (date of access: 21.03.2022).

9. Reference of the Nizhny Novgorod Regional Court based on the results of the study of the practice of application by courts of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation when considering the return of a criminal case to the prosecutor to eliminate obstacles to its consideration by the court // Archive of the Nizhny Novgorod Regional Court.

© 2022 г. **Фетищева Лидия Михайловна,**

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского института ФСИН России,
кандидат юридических наук.
E-mail: lidiafetisheva@mail.ru

Шараева Яна Анатольевна,

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук.
E-mail: yana-sharaeva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье освещаются основные положения и особенности проведения следственных действий в исправительных учреждениях ФСИН России, раскрывается правовой статус сотрудника уголовно-исправительной системы при проведении следственных действий. Делается вывод о необходимости введения должности дознавателя в органы и учреждения ФСИН России.

Ключевые слова: следственные действия, уголовно-процессуальный закон, ФСИН России, уголовно-исправительная система, предварительное расследование, исправительные учреждения.

Fetishcheva Lydia Mikhailovna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD in Law.

Sharaeva Yana Anatolievna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

FEATURES OF THE PRODUCTION OF INITIAL INVESTIGATIVE ACTIONS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

The article highlights the main provisions and features of the conduct of investigative actions in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The legal status of an employee of the criminal correctional system during the conduct of investigative actions is revealed. The conclusion is made about the need to introduce the position of an interrogating officer in the bodies and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords: investigative actions, criminal procedure law, Federal Penitentiary Service of Russia, criminal correctional system, preliminary investigation, correctional facilities.

Предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами является одной из основных задач исправительных учреждений, которая тесно связана с деятельностью правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование в отношении лиц, совершивших преступления в исправительных учреждениях. При расследовании преступлений, совершаемых на территории исправительных учреждений (далее – ИУ), возникают проблемы, связанные с организацией и проведением неотложных следственных действий, заключающиеся в том, что ни органы УИС, ни начальники учреждений УИС не наделены полномочиями, которыми обладают органы следствия и дознания. Начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) имеют право прово-

дить следственные действия по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками УИС, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами. В ИУ наибольшую опасность представляют преступления, совершаемые осужденными к лишению свободы. Число регистрируемых преступлений, согласно статистическим данным, имеет небольшое снижение. Так, в ИУ для взрослых было зарегистрировано: за 2017 г. – 875 преступлений; 2018 г. – 914; 2019 г. – 1 015; 2020 г. – 2 012; 2021 г. – 996 [1].

Расследование преступлений, которые были совершены на территории ИУ, входит в компетенцию органов следствия и дознания. На предварительном этапе для получения доказательств по делу, избличения подозреваемых,

Уголовно-процессуальное право: теоретические и прикладные аспекты

выдвижения обвинения и решения иных процессуальных задач могут быть использованы любые, не противоречащие УПК РФ процессуальные действия, среди которых важное место занимают неотложные следственные действия. Трудности, возникающие в процессе расследования преступлений на территории ИУ, связаны с тем, что следователям или дознавателям сложно соблюсти требования к неотложности следственных действий без привлечения сотрудников УИС. Связано это с режимностью и удаленностью учреждений от населенных пунктов. В связи с этим иногда сами сотрудники УИС вынуждены проводить неотложные следственные действия в целях сохранения и фиксации следов совершения преступлений. Именно поэтому им необходимы специальные познания в уголовном процессе и криминалистике для законного проведения следственных действий.

Для раскрытия понятий неотложных действий необходимо провести некоторый теоретический анализ и выделить те особенности, которые позволяют их отграничить от следственных. Для этого обратимся к теоретическим аспектам производства следственных действий. Непосредственно термин «следственное действие» в УПК РФ не закреплен, однако ст. 5 УПК РФ содержит определение понятия неотложных следственных действий, основная задача которых состоит в обнаружение следов преступления и их изъятии по делам, по которым предварительное следствие является обязательным. С.Б. Россинский утверждает, что отсутствие понятия следственных действий связано с тем, что таковыми являются на практике разные действия (не только неотложные) [2, с. 23].

Существуют процессуальный и материальный подходы к определению понятия данных действий, где процессуальный подход связан с определением данных действий как самостоятельного процессуального института [3, с. 3]. Материальный подход связан с выделением особенностей организации и проведения отдельных действий органов следствия и дознания в соответствии с действующим законом. Необходимо отметить, что следственными действиями можно называть только те действия, регламентация которых закреплена в УПК РФ. В.М. Быков обращает внимание на необходимость указания в законе действия именно как следственного, чтобы отнести его к таковым [4, с. 45]. Дело в

том, что существуют действия следователей и дознавателей, не заявленные как следственные, но на практике весьма значимые. Это касается такого действия, как разъяснение прав в начале следственных действий, которое фиксируется в протоколе, но УПК РФ не называет данное действие следственным, хотя следователь обязан выполнять его.

Для любого действия характерно выделение существенных признаков. Первый признак – это то, что оно направлено на получение доказательств. По мнению Е.Ю. Алонцевой, следственные действия являются основными способами собирания доказательств [5, с. 17]. Законодатель, как отмечается в литературе, «отдает данный вопрос на откуп правоприменителю, рассчитывая на внутреннее убеждение при определении достаточности доказательств для разрешения уголовного дела». Второй признак – выделение процессуальных оснований, третий – это процессуальное регулирование порядка производства. Четвертый признак связан с выделением лиц, уполномоченных на производство следственного действия, на что указывает В.А. Семенов [6, с. 23].

Правом производить неотложные следственные действия обладают не только лица, осуществляющие предварительное расследование, но и орган дознания согласно ст. 40 УПК РФ. Перспективным видится многим исследователям расширение полномочий начальников ИУ в плане расследования преступлений в учреждениях УИС [7, с. 12].

Такая ситуация возможна в случае, если по объективным причинам следователь или дознаватель не может приступить к расследованию преступления, совершенного на территории ИУ из-за удаленности органа расследования от места совершения преступления или в случае нахождения дежурной следственно-оперативной группы на выезде в рамках проверки поступившего заявления или сообщения о преступлении. В этом случае сотрудники ИУ, наделенные оперативно-розыскными полномочиями, согласно УПК РФ, имеют право самостоятельно проводить неотложные следственные действия.

Своевременное и правильное проведение неотложных действий направленно на установление, сохранение следов совершения преступлений, и предотвращение их уничтожения. Любое промедление как сотрудников ИУ, так и органов предварительного расследования влечет за собой потерю следов

Уголовно-процессуальное право: теоретические и прикладные аспекты

преступления, что приводит к слабой доказательственной базе по делу.

На территории ИУ регистрируются все совершенные происшествия и преступления. Несмотря на сокращение числа осужденных сохраняется опасность совершения преступлений на территории таких учреждений, как: причинение вреда здоровью; побег; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств; дезорганизация, мошеннические действия с использованием мобильных средств связи и др.

Так, с 2015 по 2021 г. каждое пятое (19,2 %) регистрируемое преступление, совершаемое на территории ИУ, квалифицировано судами как дезорганизация деятельности учреждений. Так, в 2020 г. в ИК для взрослых было зарегистрировано 13 таких преступлений, за 2021 г. их число снизилось до 9 [1].

Как известно, сотрудники ИУ наделены полномочиями по принятию сообщений о преступлениях и их проверке. Порядок действий должностных лиц УИС при получении сообщения о преступлении закреплен в Приказе № 250 [8].

Прием информации должен осуществляться старшими оперативными дежурными, оперативными дежурными по территориальным органам УИС, иными уполномоченными лицами круглосуточно. Сотрудники УИС не вправе отказываться от их приема под предлогом недостаточности сведений для решения вопроса о наличии признаков преступления или по каким-либо другим причинам. Сообщение о преступлении может выражаться письменно и устно, а также о нем может быть заявлено и в явке с повинной. В обязанности сотрудников ФСИН не входит установление истинности или ложности такого заявления. Действия сотрудников УИС при проверке сообщения в основном сводятся к обеспечению сохранности следов преступления.

Согласно требованиям Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах УИС сообщений о преступлениях и происшествиях в случае обнаружения признаков преступления, сотрудник, принявший сообщение о преступлении, обязан принять меры, связанные с пресечением преступления, а также выходом на место преступления, для установления лиц, причастных к преступлению. Так, при сообщении об убийстве или причинении вреда здоровью необходимо в

короткое время принять меры по установлению лица, совершившего данное преступление, а также зафиксировать следы преступления. Все эти действия вправе проводить сотрудники УИС, которые не всегда обладают необходимыми знаниями для производства тех или иных процессуальных действий, что является основной проблемой, решение которой видится в создании дежурной следственно-оперативной группы, базирующейся по месту нахождения ИУ, для принятия мер по незамедлительному реагированию на поступившие сообщения и наделением этой группы необходимыми процессуальными действиями, направленными на обнаружение, изъятие, сбор и сохранение следов преступления, а также установление и задержание лиц, его совершивших.

В случае получения сообщения о факте побега необходима фиксация факта побега, проверка осужденных, изоляция и охрана места происшествия, если побег совершен, например, с подкопом. После обнаружения признаков преступления сотрудник, принявший сообщение о преступлении, обязан принять меры, связанные с пресечением преступления, а также выходом на место преступления, с целью установления лиц, причастных к преступлению.

По данному факту должен быть составлен рапорт о принятых неотложных мерах. Зачастую поступает сообщение о преступлении, которое передается в соответствующие органы для проверки. Необходима организация выезда следователя или дознавателя в ИУ с целью проверки, сбора доказательств для принятия постановления о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела. На практике решение о возбуждении дела принимается после получения из ИУ материалов проверки сообщения о преступлении. Такое постановление выносится либо следователями Следственного комитета РФ, МВД РФ, либо дознавателями в зависимости от подследственности преступления.

До приезда группы в обязанности начальника ИУ входит проведение мероприятий по установлению и задержанию с личным или по горячим следам лиц, получение объяснений или производство других проверочных действий, необходимых при расследовании преступления, осмотр места происшествия, сбор материала проверки и сохранение следов преступления.

Уголовно-процессуальное право: теоретические и прикладные аспекты

При совершении преступлений в ИУ важно учитывать вид учреждения, место, где было совершено преступление и характеризующие данные лиц, совершивших преступления.

Вид учреждения и место совершения преступления для УИС взаимосвязаны между собой. Если оно было совершено в коридоре Следственного изолятора (далее – СИЗО), то ограничить проход по данному коридору не представится возможным, т. к. это может изолировать некоторых лиц, содержащихся в данном учреждении, что категорически делать запрещено и чревато совершением новых преступлений. Если это производственное здание, то следы преступления, могут исчезать в процессе производственной деятельности (например, выпуска продукции). Если преступление совершено в общежитии, то возможна ситуация, когда следы преступления будут скрыты после влажной уборки. Поэтому сотрудники СИЗО зачастую самостоятельно производят осмотр места происшествия и фиксацию следов преступления.

Если преступление было совершено в камере, то лиц, в ней содержащихся, необходимо вывести и распределить отдельно друг от друга в другие свободные камеры до приезда СОГ. Это поможет предотвратить сговор между данными лицами и сохранить следы совершения преступления. Сложнее будет в случае совершения преступления в отряде ИУ, в котором находятся в среднем 60 человек и более. Так, сохранить следы совершения преступления будет проблематично, т. к. отделить всех лиц, проживающих в отряде, по понятным причинам не является возможным. Поэтому разделяют только лиц, участвовавших в преступлении.

Например, в случае обнаружения трупа необходима организация его обследования, а также охрана места происшествия до прибытия следственной группы. Как отмечается в литературе, если подозреваемый в преступлении задержан, то начальник ИУ обязан взаимодействовать со следователем или дознавателем, которому поручено дальнейшее расследование уголовного дела [9, с. 8].

Характеристику личности лиц, причастных к преступлению, необходимо учитывать для предотвращения сокрытия преступлений, уничтожения доказательств, перекладывания вины совершенного деяния на другое непричастное лицо. Социальная среда в ИУ имеет агрессивный характер, что связано с нахождением большого количества лиц, имеющих

опыт совершения преступлений. Спецконтингент, находящийся в ИУ, имея негативный опыт общения с правоохранительными органами, не расположен сотрудничать с органами предварительного расследования. В данном случае такой преступник может оказать противодействие расследованию. В связи с этим предварительная работа оперативных сотрудников с лицами, причастными к совершению преступления, поможет наладить контакт и установить интересующие обстоятельства по совершенному преступлению.

Таким образом, при указанных обстоятельствах сотрудники ИУ могут проводить следующие первоначальные следственные действия: осмотр места происшествия, освидетельствование, изъятие образцов для сравнительного исследования, назначение судебной экспертизы.

По факту из всех вышеперечисленных следственных действий сотрудники ИУ чаще всего проводят осмотр места происшествия, а в большинстве случаев стараются дождаться СОГ. По факту вместо проведения неотложных следственных действий сотрудники учреждений осуществляют режимные мероприятия, направленные на сохранение следов совершения преступлений, например, проводят режимный обыск, результатом которого может быть установление нахождения незаконных веществ и предметов совершения преступления. В данном случае такое мероприятие будет являться положительным, т. к. обыск как следственное действие органы предварительного расследования могут проводить только после возбуждения уголовного дела.

Сотрудники УИС обязаны активно взаимодействовать со следователями и дознавателями в целях организации следственных действий на территории ИУ. В данных условиях проводить какие-либо следственные действия без содействия сотрудников УИС сложно. По приказу начальника учреждения УИС, как правило, оперуполномоченные должны присутствовать при совершении следственных действий. Цель такого участия – обеспечение безопасности следственной группы, активное содействие организации следственных действий.

Необходимо отметить, что первоначальные следственные действия на территории ИУ могут производиться начальниками учреждений и органов УИС, а также оперуполномоченными в установленном УПК РФ порядке,

Уголовно-процессуальное право: теоретические и прикладные аспекты

т. к. должностного лица дознавателя в ФСИН России нет. При этом первоначальные следственные действия до возбуждения уголовного дела они имеют право проводить, но чаще всего проводят режимные мероприятия. В самих следственных действиях сотрудники УИС могут участвовать в качестве подозреваемых, потерпевших, свидетелей, специалистов, которые обязаны оказать активное взаимодействие со следователями и дознавателями в целях организации следственных

действий, несмотря на то, что хоть сотрудники ИУ и наделены уголовно-процессуальными полномочиями на производство неотложных следственных действий как орган дознания, но в полной мере их не используют, поскольку не обладают необходимыми знаниями. Вышеуказанные предложения позволяют обеспечить более качественный сбор следов преступлений и облегчат работу следственных органов на последующих этапах расследования.

Литература

1. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/statistics/> (дата обращения: 22.04.2022).
2. Россинский С.Б. Следственные действия. М., 2018.
3. Пигорев О.И. Развитие института следственных действий в российском уголовно-процессуальном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
4. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России. М., 2014.
5. Алонцева Е.Ю. Об использовании законодателем терминов «процессуальные действия» и «следственные действия» (сравнительно-правовой анализ законодательства России и иных стран СНГ) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6.
6. Лукинов А.С. Выбор следственных действий: свобода или необходимость // Законность. 2016. № 12.
7. Гирько С.И. Пенитенциарная безопасность и уголовно-процессуальные полномочия субъектов уголовно-исполнительной системы в формате «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 1.
8. Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях: приказ Минюста России от 11.07.2006 № 250 (ред. от 15.08.2016) // Российская газета. 2006. № 171.
9. Воеводина И.В. Особенности производства неотложных следственных действий в расположении исправительного учреждения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 12.

Bibliography

1. Characteristics of persons held in correctional colonies for adults [Electronic resource]. URL: <http://fsin.su/statistics/> (date of access: 22.04.2022).
2. Rossinsky S.B. Investigative actions. Moscow, 2018.
3. Pigorev O.I. Development of the institute of investigative actions in Russian criminal procedure law: auth. abstr. ... Cand. of Law. Moscow, 2010.
4. Bykov V.M. Investigator in the criminal process of Russia. Moscow, 2014.
5. Alontseva E.Yu. On the use of the terms «procedural actions» and «investigative actions» by the legislator (comparative legal analysis of the legislation of Russia and other CIS countries) // International Criminal law and international Justice. 2016. № 6.
6. Lukinov A.S. The choice of investigative actions: freedom or necessity // Legality. 2016. № 12.
7. Girko S.I. Penitentiary security and criminal procedural powers of subjects of the penal enforcement system in the format «The concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030» // Penal enforcement system: law, economics, management. 2020. № 1.
8. On the approval of the Instructions on the reception, registration and verification in institutions and bodies of the Penal enforcement system of reports on crimes and incidents: order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 11.07.2006 № 250 (d.d. of 15.08.2016) // Rossiyskaya Gazeta. 2006. № 171.
9. Voevodina I.V. Features of the production of urgent investigative actions in the location of the correctional institution // Sheets of the penal enforcement system. 2019. № 12.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 342.9
ББК 67.401

© 2022 г. **Вербицкая Мария Александровна,**

доцент кафедры предпринимательского и коммерческого права Северо-Кавказского социального института, кандидат юридических наук.

E-mail: verbickaya.77@yandex.ru

Ткаченко Наталья Николаевна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

E-mail: nn.tkachenko@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ УЛИЧНО-ДОРОЖНОЙ СЕТИ

В статье освещаются проблемные вопросы, связанные с привлечением к административной ответственности лиц за несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений (по ст. 12.34 КоАП РФ). Выявляются и анализируются пробелы и противоречия административного законодательства, с которыми сталкиваются правоприменители при привлечении к административной ответственности по ст. 12.34 КоАП РФ. Обосновывается необходимость совершенствования отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административные правонарушения в области дорожного движения, требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений, проблемные вопросы квалификации.

Tkachenko Natalia Nikolaevna – Senior Lecturer of the Criminal Procedure Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Verbitskaya Maria Alexandrovna – Associate Professor of the Department of Business and Commercial Law of the North Caucasus Social Institute, Candidate of Legal Sciences.

SOME ISSUES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR IMPROPER MAINTENANCE OF THE ROAD NETWORK

The article highlights the problematic issues associated with bringing to administrative responsibility of persons for non-compliance with the requirements to ensure road safety during the construction, reconstruction, repair and maintenance of roads, railway crossings or other road structures (under Article 12.34 of the CAO RF). Identifies and analyzes the gaps and contradictions of administrative legislation, which are faced by law enforcement officers when bringing to administrative responsibility under article 12.34 of the CAO RF. The need to improve certain provisions of the Code on Administrative Offences of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: administrative offenses in the field of road traffic, requirements to ensure road safety in the construction, reconstruction, repair and maintenance of roads, railroad crossings or other road structures, problematic issues of qualification.

В Российской Федерации наблюдается снижение количества дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) и количества пострадавших в них людей, однако количество ДТП все еще остается достаточно высоким. В 2020 г. зафиксировано 145,1 тыс. ДТП, в результате которых погибли более 16,1 тыс. и получили ранения 183 тыс. человек [1].

Как отмечают А.Ю. Бессмертных и М.Г. Михайлов, в 2020 г. в трети всех ДТП, в результате которых погибли люди, сотрудниками Госавтоинспекции на месте происшествия выявлены и зафиксированы недостатки эксплуатационного состояния улично-дорожной сети [2, с. 51].

Согласно статистическим данным основными видами неудовлетворительных дорожных

условий, сопутствующих возникновению ДТП, являются отсутствие или плохая различимость горизонтальной и вертикальной разметки (56,3 %), отсутствие дорожных знаков в необходимых местах (22,3 %), неправильное применение, плохая видимость дорожных знаков (10,1 %), отсутствие пешеходных ограждений в необходимых местах (9,4 %), отсутствие тротуаров (7,5 %), отсутствие освещения (7,1 %) [2, с. 52; 3, с. 86].

За ненадлежащее обслуживание улично-дорожной сети ст. 12.34 КоАП РФ установлена административная ответственность, которая уже четыре раза редактировалась. Так, в 2017 г. в соответствии с Федеральным законом от 07.03.2017 № 26-ФЗ была добавлена ч. 2 ст. 12.34 – существенной корректировке подверглась не только диспозиция, но и санкция – прописаны более высокие штрафы за совершение предусмотренных деяний. В соответствии с данным законом дела по этой статье стали рассматривать мировые судьи и судьи районных судов (при проведении административного расследования) [4].

Обозначенные обстоятельства свидетельствуют об актуальности данной проблематики. Спорные вопросы административной ответственности за ненадлежащее содержание улично-дорожной сети в сфере безопасности дорожного движения освещались в работах С.Н. Антонова, А.Ю. Бесмертных, С.Н. Братановского, Н.В. Галицкой, В.В. Головки, А.В. Коркина, В.И. Майорова, М.Г. Михайлова, Н.А. Морозовой, В.В. Кретьева, Б.В. Россинского, В.Е. Севрюгина, С.И. Шелехова и др.

Анализ правоприменительной практики по ст. 12.34 КоАП РФ также свидетельствует об отсутствии единообразия в применении субъектами административной юрисдикции правовых норм, регламентирующих спорные правоотношения, в том числе при квалификации содеянного [5, с. 22–23]. Затруднения в квалификации правонарушений по рассматриваемой статье обусловлены сложной конструкцией ее диспозиции, которая является бланкетной. Для уяснения всех признаков объективной стороны необходимо обращаться более чем к 10 нормативным правовым актам (федеральным законам, техническому регламенту, различным ГОСТам и т. д.).

Многочисленные процессуальные нарушения по стране допускаются также при возбуждении дела об административном правона-

рушении, объектом которого являются общественные отношения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения [6; 7].

В теории административного права нет единства мнений по поводу определения объекта посягательства по ст. 12.34 КоАП РФ. Нельзя не согласиться с мнением В.В. Кретьева и В.Е. Севрюгина о том, что действующие нормативные правовые акты в области дорожного хозяйства имеют пробелы и противоречия и нуждаются в диверсификации [8, с. 382]. Указанные авторы предлагают ввести в КоАП РФ дополнительную главу «Административные правонарушения в области автомобильных дорог» [8, с. 383].

К.М. Конджакулян, например, полагает, что правонарушение, предусмотренное ст. 12.34 КоАП РФ, направлено против общественных отношений в сфере безопасного и безаварийного функционирования автомобильного транспорта, и поэтому должно быть закреплено в гл. 11 КоАП РФ [9, с. 50].

Ближе всего точка зрения В.И. Майорова и А.В. Коркина, что нет необходимости разграничивать в КоАП РФ административные правонарушения на транспорте и в области дорожного движения, а также дополнительно создавать новую главу об административных правонарушениях в области дорожного хозяйства [10, с. 48].

На практике также возникают проблемы при определении объекта посягательства (характера спорных отношений) по ст. 12.34 КоАП РФ.

При квалификации признаков объекта административного правонарушения по ст. 12.34 КоАП необходимо доказать: 1) что деяние совершено в сфере безопасности дорожного движения и именно на автомобильной дороге (понятие «автомобильная дорога» раскрывается в Федеральном законе № 257-ФЗ) [11]; 2) распространяется ли на них действие соответствующих ГОСТов.

Однако в рамках административного расследования не всегда определяется, относится ли дорога к автомобильным. Следует отметить, что в сельской местности редко осуществляется строительство автомобильных дорог местного значения. Там зачастую имеются засыпанные гравием или щебнем полосы земли – дороги без твердого покрытия, не отвечающие требованиям ГОСТа об автомобильных дорогах [12; 13]. Игнорирование данного обстоятельства должностным лицом

ГИБДД при вынесении постановления по ч. 1 ст. 12.34 КоАП РФ впоследствии повлекло его отмену [14].

Возникают на практике проблемы и с определением характера спорных отношений. Так, Управление Ространснадзора по Свердловской области направило в арбитражный суд дело по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ в отношении организации «Свердловскавтодор».

Арбитражный суд усмотрел в материалах дела квалификационную ошибку и указал, что выявленное нарушение должно быть квалифицировано по ст. 12.34 КоАП РФ. Производство по делу было прекращено 11 января 2017 г., т. к. оно не относилось к подведомственности арбитражного суда. Семнадцатый арбитражный апелляционный суд 9 марта 2017 г. данное определение оставил без изменения.

Арбитражный суд при квалификации допущенных организацией нарушений требований технических регламентов по ст. 12.34 КоАП РФ основывался на том, что указанная статья является специальной нормой по отношению к ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ. Объектом посягательства по ст. 12.34 КоАП РФ признаются общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения, связанные с несоблюдением технических регламентов в области дорожного движения при ремонте дорог.

Верховный Суд РФ определением от 14.09.2017 № 309-АД17-7671 признал такие выводы арбитражных судов ошибочными и указал, что квалификация деяния организации Управлением Ространснадзора по Свердловской области по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ является надлежащей, а также, что в содеянном имеет место идеальная совокупность правонарушений – ч. 1 ст. 14.43 и ст. 12.34 КоАП РФ [15].

Считаем, что в рассматриваемом деле надлежащую квалификацию правонарушения дал арбитражный суд, а потому в целях устранения подобных коллизий в будущем в КоАП РФ по аналогии со смежной отраслью уголовного права (ч. 3 ст. 17 УК РФ) необходимо закрепить правило квалификации при конкуренции общей и специальной нормы.

На практике встречаются ошибки при определении подведомственности жалоб по делам об административных правонарушениях по ст. 12.34 КоАП РФ. Так, судья одного районного суда Свердловской области направил защитника для обжалования постановления по

ст. 12.34 КоАП в арбитражный суд. Оно основывал свою позицию тем, что производство осуществляется в отношении юридического лица, занимающегося предпринимательством. Впоследствии данная позиция судьи была признана противоречащей закону [7].

Субъектами рассматриваемых административных деликтов могут быть как должностные лица, ответственные за состояние дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений, так и юридические.

Из числа зарегистрированных ДТП в 2020 г. в России более 70 % совершается на территории муниципальных образований, протяженность и состояние улично-дорожной сети которых за период с 2016 по 2020 г. значительно не изменились [5, с. 52].

Из анализа правовых норм следует, что муниципалитет ответственен за автомобильные дороги местного значения, поэтому сам по себе факт делегирования им (муниципалитетом) данных полномочий специально учрежденному для этих целей юридическому лицу не освобождает его от обязанности соблюдать нормативы по обеспечению безопасности дорожного движения и от ответственности за их невыполнение. Данное положение подтверждается примерами из судебной практики [7].

Дефицит бюджетных средств также не освобождает муниципалитеты от ответственности по ст. 12.34 КоАП РФ, но данное обстоятельство может быть учтено при индивидуализации административного наказания [13].

Коммерческие организации аналогично могут быть признаны субъектами административной ответственности по ст. 12.34 КоАП РФ.

Объективная сторона совершенного правонарушения коммерческой организацией, как правило, выражается в невыполнении требований по обеспечению безопасности дорожного движения при ремонте дорог и дорожных сооружений либо в бездействии по своевременному устранению помех на дороге.

Субъектами административного правонарушения по рассматриваемой статье КоАП РФ могут быть признаны лица, являющиеся подрядчиками по государственному (муниципальному) контракту, обязывающему их содержать обслуживаемые дороги в нормативном состоянии.

Так, одно акционерное общество по государственному контракту взяло на себя обязательство обеспечить безопасность дорожного

движения при обслуживании автодороги Екатеринбург – Тюмень (участок с 290 по 296 км). Субъект правонарушения, даже будучи проинформированным государственным заказчиком о дорожной ситуации, не убрал лед с проезжей части. С учетом данных обстоятельств общество было привлечено к ответственности по ст. 12.34 КоАП РФ. Обжалование защитником этого постановления в суд не дало никаких результатов [7].

Таким образом, хотелось бы обратить внимание, что для правильной квалификации содеянного при исследовании признаков субъекта судьям следует проводить тщательный анализ всех имеющихся обстоятельств дела.

Изучение судебной практики показывает, что наиболее типичными ошибками, повлекшими возвращение протоколов, являются: описание события не в полном объеме; отсутствие информации о собственнике автомобильной дороги; непредставление документов, подтверждающих полномочия муниципалитета или должностного лица [6; 16].

Достаточно распространены ситуации, когда протоколы об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 12.34 КоАП РФ несколько раз без достаточных оснований возвращались судьями должностным лицам ГИБДД для «доработки», когда недостатки, указанные в определениях, могли быть устранены при рассмотрении дел. В результате чего постановление о назначении наказания выносилось за пределами срока давности или

производство по делу прекращалось ввиду истечения 3-месячного срока давности привлечения к ответственности [11; 14].

По ч. 2 ст. 12.34 КоАП РФ срок давности привлечения к ответственности также составляет всего 3 месяца, что не позволяет в полной мере качественно провести административное расследование, тем более что для правонарушений, предусмотренных в ст. 12.24 и 12.30 КоАП РФ и сопряженных с причинением легкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, срок давности привлечения к ответственности составляет 1 год. Таким образом, следует увеличить срок давности привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 12.34 КоАП РФ также до одного года.

Для обеспечения эффективного и безопасного функционирования улично-дорожной сети необходима корректировка нормативно-правовой базы в области дорожного хозяйства, в том числе и норм об административной ответственности. В целях устранения квалификационных ошибок в КоАП РФ по аналогии с ч. 3 ст. 17 УК РФ следует закрепить правило квалификации при конкуренции общей и специальной нормы. Для эффективной реализации предусмотренных задач производства по делам об административных правонарушениях необходимо увеличить срок давности привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 12.34 КоАП РФ до одного года, внося соответствующие изменения в ст. 4.5 КоАП РФ.

Литература

1. Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.rf> (дата обращения 11.11.2021).

2. Бессмертных А.Ю. Динамика показателей аварийности и количества возбужденных дел об административных правонарушениях в области обеспечения безопасности дорожного движения в отношении лиц, уполномоченных по содержанию автомобильных дорог и улиц // Безопасность дорожного движения. 2021. № 3.

3. Шелехов С.И. О скрытых причинах неудовлетворительного содержания улично-дорожной сети муниципальных образований // Научный компонент. 2019. № 3.

Bibliography

1. Updated annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program «Ensuring public order and combating crime» for 2020 [Electronic resource]. URL: <http://mvd.rf> (date of access: 11.11.2021).

2. Bessmertnykh A.Yu. Dynamics of accident rates and the number of initiated cases of administrative offenses in the field of road safety in relation to persons authorized to maintain highways and streets // Road safety. 2021. № 3.

3. Shelekhov S.I. On the hidden causes of unsatisfactory maintenance of the municipal road network // Scientific component. 2019. № 3.

4. On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: feder. law of 07.03.2017 № 26-FL // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.01.2022).

4. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 07.03.2017 № 26-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.01.2022).

5. Братановский С.Н. Отдельные аспекты административной ответственности в сфере безопасности бизнеса в России // Безопасность бизнеса. 2016. № 1.

6. Обобщение рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.34 КоАП РФ за 2018 г. // Волгоградский областной суд [Электронный ресурс]. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru> (дата обращения 11.01.2022).

7. Справка по итогам обобщения практики привлечения юридических лиц к административной ответственности по статье 12.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за 2015 г. // Свердловский областной суд. URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru> (дата обращения 11.01.2022).

8. Кретов В.В. О необходимости установления административной ответственности в области дорожного хозяйства // Административное и муниципальное право. 2015. № 4.

9. Конджакулян К.М. Основания административной ответственности за нарушения Правил дорожного движения: понятие и сущность // Административное право и процесс. 2018. № 2.

10. Майоров В.И. Административная ответственность в области дорожного хозяйства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1(35).

11. Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.01.2022).

12. ГОСТ Р 50597-2017. Автомобильные дороги и улицы. Требования к эксплуатационному состоянию, допустимому по условиям обеспечения безопасности дорожного движения. Методы контроля: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен Приказом Росстандарта от 26.09.2017 № 1245-ст [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.01.2022).

13. ГОСТ Р 52766-2007. Дороги автомобильные общего пользования, элементы обу-

5. Bratanovsky S.N. Certain aspects of administrative responsibility in the field of business security in Russia // Business security. 2016. № 1.

6. A generalization of consideration of cases on administrative offences, provided for by article 12.34 administrative code for 2018. The Volgograd regional court [Electronic resource]. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru> (date of access: 11.01.2022).

7. The information on results of the generalization of the practice of attracting legal entities to administrative responsibility under article 12.34 code of the Russian Federation on administrative offences for 2015. Sverdlovsk regional court [Electronic resource]. URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru> (date of access: 11.01.2022).

8. Kretov V.V. On the need to establish administrative responsibility in the field of road management // Administrative and municipal law. 2015. № 4.

9. Konjakulyan K.M. Grounds of administrative responsibility for violations of traffic rules: concept and essence // Administrative law and process. 2018. № 2.

10. Mayorov V.I. Administrative responsibility in the field of road management // Legal science and law enforcement practice. 2016. № 1(35).

11. On highways and road activities in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: feder. law of 08.11.2007 № 257-FL (ed. from 02.07.2021) [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.01.2022).

12. GOST R 50597-2017. Highways and streets. Requirements for the operational condition permissible under the conditions of road safety. Methods of control: national standard of the Russian Federation: official publication: approved and introduced by Order of Rosstandart dated 26.09.2017 № 1245-st [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.01.2022).

13. GOST R 52766-2007. Public roads, elements of arrangement. General requirements: National Standard of the Russian Federation: official publication: approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated 23.10.2007 № 270-st (ed. from 04.15.2020) [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.01.2022).

14. Judicial practice of bringing OMSU to administrative responsibility under Article 12.34 of the Administrative Code of the Russian Federation // Institute of State and Municipal Administration under the Government of the Krasnoyarsk Territory. URL: <http://krasimr.ru> (date of access: 11.01.2022).

стройства. Общие требования: Национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.10.2007 № 270-ст (ред. от 15.04.2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.01.2022).

14. Судебная практики привлечения ОМСУ к административной ответственности по статье 12.34 КоАП РФ // Институт государственного и муниципального управления при Правительстве Красноярского края. URL: <http://krasimr.ru> (дата обращения 11.01.2022).

15. Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2017 № 309-АД17-7671 по делу № А60-54434/2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.01.2022).

16. Справка по результатам изучения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.34, ч. 27 и 28 ст. 19.5 КоАП РФ, рассмотренных судами Курской области в 2017 – первом полугодии 2018 г. Курский областной суд [Электронный ресурс]. URL: <http://oblsud.krs.sudrf.ru> (дата обращения 11.01.2022).

17. ГОСТ Р 52289-2004. Технические средства организации дорожного движения. Правила применения дорожных знаков, разметки, светофоров, дорожных ограждений и направляющих устройств: Национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие приказом Ростехрегулирования от 15.12.2004 №120-ст (ред. от 09.12.2013) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.01.2022).

15. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.09.2017 № 309-AD17-7671 in case № А60-54434/2016 // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.01.2022).

16. Reference on the results of the study of cases of administrative offenses under Articles 12.34, parts 27 and 28 of Article 19.5 of the Administrative Code of the Russian Federation, considered by the courts of the Kursk region in 2017 – the first half of 2018 Kursk Regional Court [Electronic resource]. URL: <http://oblsud.krs.sudrf.ru> (date of access: 11.01.2022).

17. GOST R 52289-2004. Technical means of traffic management. Rules for the use of road signs, markings, traffic lights, road fences and guiding devices: National Standard of the Russian Federation: official publication: approved and put into effect by Order of Rostec Regulation dated 15.12.2004 № 120-st (ed. dated 09.12.2013) [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11.01.2022).

© 2022 г. Пестов Роман Аркадьевич,

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: 79185927828@yandex.ru

Новичкова Елена Евгеньевна,

доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД
Восточно-Сибирского института МВД России.
E-mail: qwerpoi07@rambler.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты создания службы пробации в Российской Федерации. На основе опыта Республики Казахстан и Республики Молдова рассмотрен действующий механизм и проблемы работы служб пробации. На основе этого сделаны выводы о возможных ювенальных технологиях и институциональных формах пробации в Российской Федерации.

Ключевые слова: пробация, пенитенциарная система, рецидивная преступность, социализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, ресоциализация, предупреждение преступлений, досудебный доклад.

Pestov Roman Arkadievich – Associate Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Novichkova Elena Evgenievna – Associate Professor, the Department of Administrative Law and Administrative Activity, the Department of Internal Affairs of The East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

PROSPECTS FOR THE ESTABLISHMENT OF PROBATION INSTITUTE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the organizational and legal aspects of the establishment of probation institute in the Russian Federation. The current mechanism and problems of the work of probation institute are considered on the base of the experience of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Moldova. Conclusions about possible juvenile technologies and institutional forms of probation in the Russian Federation are made.

Keywords: probation, penitentiary system, recidivism, socialization of persons released from prison, re-socialization, crime prevention, pre-trial report.

На расширенном заседании коллегии МВД России в 2022 г. была озвучена необходимость создания службы пробации (на основе ФСИН России), социальная актуальность которой связана с поиском механизмов эффективной профилактики рецидивной преступности, а также проблемами социализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, т. к. лица, находящиеся в местах лишения свободы при отбытии наказания, становятся наиболее криминогенной категорией.

Научная актуальность обосновывается потребностью определения новых методик социально-реабилитационной деятельности лиц, преступивших закон, но не изолированных от общества, а также лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Практическая актуальность определяется статистическими данными МВД России,

согласно которым больше 50 % расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, а удельный вес ранее судимых лиц, совершивших преступления, возрос с 29,1 % до 29,6 % (по состоянию на январь 2022 года) [1].

В научной литературе существуют различные представления о недопущении повторных преступлений и ресоциализации. Исследования носят фрагментарный характер, потому что они делаются либо социологами, либо экономистами [3], либо юристами [4].

Предметом социологических исследований выступают преодоления деформации осужденных [2]. Экономический аспект дискурса связан с формированием и реализацией реформы уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), а юридический – перспективами развития законодательства в современной России.

Таким образом, данные подходы основаны на разных представлениях о сущности службы пробации.

Прежде чем говорить о службе пробации, необходимо обратиться к программным документам развития службы УИС [5], в которых приведены данные о снижении за последние десять лет применения наказаний, связанных с изоляцией от общества. В связи с этим к стратегическим приоритетам относятся развитие УИС, исправление осужденных, совершенствование социальной работы с осужденными. Пунктом 16 Концепции развития УИС предусмотрено создание системы ресоциализации и социальной адаптации, которая на базе единых принципов и инструментариев будет оказывать помощь независимо от статуса, содержащего в учреждениях УИС [6]. Создание такой службы невозможно без законодательного закрепления ее статуса, полномочий, задач и функций, а также порядка взаимодействия с органами государственной власти, местного самоуправления и институтами гражданского общества.

Если обратиться к слову пробация (от лат. *approbation* – доказательство, *probare* – испытывать), то в юридическом лексиконе правовой системы Российской Федерации оно появилось благодаря рекомендациям «О Европейских правилах пробации», согласно которым «пробация определяет исполнение в сообществе установленных законодательством санкций и мер, налагаемых на правонарушителя. В рамках процедуры предусматривается ряд мероприятий и правовых вмешательств, которые включают надзор, руководство и помощь, имеющие целью социальную интеграцию правонарушителя, а также содействие обеспечению безопасности общества» [7]. По мнению С.Ю. Пахомова, отечественные социальные институты оказываются в роли отстающих от стран Европейского Союза [8], однако стоит ли так усиленно имплементировать все нормы в отношении пробации, проанализируем отечественный и зарубежный опыт.

В рамках поручения Президента РФ № ПР-1293 от 2011 г. была создана межведомственная группа, по итогам работы которой в 2012 г. разработали проект федерального закона, однако юридическая техника исполнения подверглась критике как со стороны представителей научного сообщества [9; 10], гражданского общества, так и Минфина России (проект предполагал затраты из федерального бюджета более 65 млрд руб.).

Стоит отметить, что отдельные положения законопроекта нашли отражение в концепции развития до 2020 г. сети служб медиации в отношении несовершеннолетних [11].

Так, в качестве механизмов предупреждения правонарушений предусматривается социализация в рамках коррекционной работы, посредством которой несовершеннолетний останется «полезным членом общества».

Эксперимент профилактики ювенальной преступности, проводимый в Ростовской области с 2006 г. (в настоящее время действует 14 ювенальных судов), показал проблемы создания механизмов службы при ее введении на всей территории Российской Федерации. С одной стороны, ученые считают [12, с. 158], что эксперимент показал свою эффективность, с другой – практики уверены, что в том виде, в котором он применяется, не нужен [13].

По факту теория и практика разнятся, вместе с тем гражданское общество в лице более 10 тыс. граждан подписали петицию против ювенальной юстиции, где в качестве доводов указывалось, что расширение полномочий КДН, органов опеки и попечительства могут привести к давлению на семью, что в дальнейшем отразится на психике ребенка, т. е. гражданское общество не против самой службы как таковой, оно боится административного произвола со стороны юрисдикционных органов.

Проанализируем опыт стран постсоветского пространства. Первым государством, принявшим в 2008 г. закон о пробации, стала Республика Молдова, целями которого являются предотвращение рецидива, помощь в реинтеграции в общество, по состоянию на 2017 г. 9 959 человек (включая 122 несовершеннолетних) находятся на учете в Инспекторате пробации.

Что же представляет собой механизм пробации? Во-первых, оценку лица и его мотивацию к ресоциализации, риски рецидива, надзор и оказание помощи, вместе с тем до сих пор не закреплен законодательно механизм восстановительного правосудия и досудебного доклада.

В Республике Казахстан с 2016 г. действует закон, согласно которому система видов деятельности и мер контрольного и социально-правового характера, призванные корректировать характер поведения определенных в нормативном правовом акте лиц в целях предупреждения рецидива преступлений, в качестве цели указана коррекция поведения обвиняемого, ресоциализация осужденного и социальная адаптация освободившегося из мест лишения свободы.

К полномочиям института пробации относятся, во-первых, представление суду данных о моральных и нравственных характеристиках личности, статистические данные показывают, что с 2017 г. количество участвующих лиц,

в отношении которых применялась досудебная пробация, не превышает 1 000 чел. ежегодно, во-вторых, надзор, коррекция и оказание помощи поднадзорным, в-третьих, примирительные процедуры, в-четвертых, контроль в отношении несовершеннолетних, к которым применены меры воспитательного характера. Необходимо отметить, что соотношение наказаний (лишение свободы и альтернативные виды наказаний) в Казахстане составляет 70 на 30 %, в ЕС – 20 на 80 %, а в США – 30 на 70 % [14, с. 275]. Аналогичная ситуация происходит с США и в Российской Федерации [15].

Как отмечает Б.К. Шнарбаев, в Казахстане превалирует репрессивная правовая ментальность, переосмысление которой в рамках гуманизации уголовного законодательства необходимо для успешной ресоциализации лиц, совершивших ранее преступления.

Для Российской Федерации на примере зарубежного опыта важно понять, какие ювенальные технологии и институциональные формы показали наибольшую эффективность, в противном случае только увеличение бюрократических проволочек и документооборота.

Первый вопрос, на который необходимо ответить, касается институциональных форм. Сам термин «пробация» является малопонятным даже для юридического сообщества, т. к. зарубежные государства дифференцировано закрепляют термин в национальном законодательстве. Здесь следует согласиться с мнением Д.Н. Сергеева о том, что наиболее понятным для гражданского общества является название службы (подразделения) по контролю и социальной адаптации.

Предполагается, что служба будет создана в рамках самостоятельной структурной единицы на уровне службы, подчиненной Минюсту России, или на основе уже действующих уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИН), нет необходимости создания отдельной службы, т. к. совмещение контрольно-надзорных функций с мерами социально-психологической адаптации (профобучение, трудовое и бытовое устройство и т. д.). Вместе с тем нагрузка на сотрудников УИН возрастет многократно, что неминуемо приведет к формализму. В этом ключе необходимо совместно с институтами гражданского общества предусмотреть создание реабилитационных центров как в рамках подготовки осужденных к освобождению, так и после их освобождения. В их компетенцию помимо психолого-социальной работы должна входить помощь при определении гражданско-правового статуса лица. Так, в настоящее время мы можем увидеть ситуацию, в которой лицо без

гражданства, освободившееся из мест лишения свободы, не может покинуть пределы Российской Федерации, но при этом не может легализоваться, т. к. п. «ж» ст. 16 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [16] предусматривает отклонение заявления о приеме в гражданство при наличии неснятой или непогашенной судимости за совершение умышленных преступлений, а п. 6 ст. 7 и п. 6 ст. 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [17] таким же образом делают невозможным получение разрешения на временное проживание или вида на жительство. По истечении только 8 лет (ст. 86 УК РФ «Судимость») лицо сможет законно находиться на территории Российской Федерации. В этом случае реабилитационные центры должны взять на себя разрешения проблемы, социальную адаптацию, а также предложить варианты трудоустройства.

На сегодняшний день интересен опыт Великобритании с многолетней работой службы пробации. 4 марта 2022 г. открылась первая в Великобритании «умная» тюрьма, основной целью которой является образование, обучение и трудоустройство заключенных после освобождения – факторы, которые, как доказано, снижают уровень преступности и количество повторных правонарушений [19].

Второй вопрос связан с ювенальными технологиями, в частности, с досудебной пробацией и социальным докладом (дающим представление о социальном облике обвиняемого). В настоящее время ч. 3 ст. 60 УК РФ предусматривается при назначении наказания принимать во внимание личность виновного (такую информацию собирает должностное лицо, в производстве которого находится дело), а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Так ли необходима отдельная служба для представления личности в рамках уголовного судопроизводства? Считаем, что не менее эффективным средством будет являться характеристика, в содержании которой станут указываться источники, на которых основан документ, информация о правонарушении, социально-психологические особенности личности, ранее совершенные правонарушения и выводы об уровне риска рецидива и опасности для общества, позитивные и негативные факторы, оказывающие воздействие на поведение, рекомендации по назначению наказания.

Таким образом, институционализация probation, применяемая в зарубежных странах, не идентично подходит как к построению самой службы, так и ее функциональным обязанностям. Вместе с тем probation – это интегративный институт предупреждения правонарушений (досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная). Его реализация в

России потребует изменений в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве, опыт анализируемых стран показал, что далеко не весь инструментальный институт probation является эффективным, а его применение может значительно увеличить нагрузку на ФСИН.

Литература

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28726056/> (дата обращения: 07.02.2022)

2. Сухов А.Н. Пути преодоления деформации общения осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2(61) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-preodoleniya-deformatsii-obscheniya-osuzhdennyh> (дата обращения: 28.02.2022).

3. Рукосуев С.Г., Никифоров А.А. Программно-целевой принцип формирования расходов уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmno-tselevoy-printsip-formirovaniya-rashodov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (дата обращения: 27.02.2022).

4. Ерохов И.С. Служба probation: отечественная практика // Вестник магистратуры. 2017. № 12–3(75) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-probatsii-otechestvennaya-praktika> (дата обращения: 27.02.2022).

5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 (ред. от 16.12.2021) // Собрание законодательства РФ, 2014, № 18 (часть II), ст. 2158.

6. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства РФ, 2021, № 20, ст. 3397.

7. Рекомендация № Rec(2010)1 Комитета министров Совета Европы «О Европейских правилах probation» // Доступ из справ. правовой системы «Гарант» (дата обращения: 27.02.2022).

8. Пахомова С.Ю. Проблемы формирования системы probation в современной уголовно-правовой системе России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 3(34).

9. Борисова Н.Ф. К вопросу правового регулирования probation в России // Вестник

Bibliography

1. The state of crime in the Russian Federation in January 2022 [Electronic resource]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28726056/> (date of access: 07.02.2022)

2. Sukhov A.N. Ways to overcome the deformation of communication of convicts // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2015. № 2(61) [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-preodoleniya-deformatsii-obscheniya-osuzhdennyh> (date of access: 28.02.2022).

3. Rukosuev S.G., Nikiforov A.A. Program-target principle of the formation of expenditures of the penal system // Man: crime and punishment. 2011. № 1 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmno-tselevoy-printsip-formirovaniya-rashodov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (date of access: 02.27.2022).

4. Erokhov I.S. Probation service: domestic practice // Bulletin of the Magistracy. 2017. № 12–3(75) [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-probatsii-otechestvennaya-praktika> (date of access: 27.02.2022).

5. On the approval of the state program of the Russian Federation «Justice»: Decree of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 № 312 (ed. dated 16.12.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2014, № 18 (Part II), article 2158.

6. On the Concept of development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: order Government of the Russian Federation № 1138-r dated 04.29.2021 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.05.2021, № 20, article 3397.

7. Recommendation № Rec(2010)1 of the Committee of Ministers of the Council of Europe «On European probation rules» // Access from the legal reference system «Garant» (date of access: 27.02.2022).

8. Pakhomova S.Yu. Problems of formation of the probation system in the modern criminal legal system of Russia // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2013. № 3(34).

9. Borisova N.F. On the issue of legal regulation of probation in Russia // Bulletin of the Public research Laboratory «Interaction of the

общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2013. № 2.

10. Хуторская Н.Б. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства России на основе правил Совета Европы о пробации // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3. № 1.

11. Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность: распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р (ред. от 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ, 11.08.2014, № 32, ст. 4557.

12. Исергепова А.К. Институт пробации в уголовном процессе: проблемы, тенденции и перспективы развития (на примере стран-участников содружества независимых государств): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020.

13. Ювенальное бедствие или панацея? Поможет ли семье вмешательство государства // «АиФ на Дону». 25.08.2020.

14. Шнарбаев Б.К. Становление пробации в Казахстане в рамках международных стандартов // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-probatsii-v-kazahstane-v-ramkah-mezhdunarodnyh-standartov> (дата обращения: 04.03.2022).

15. Глава управления ФСИН: доля наказаний, альтернативных лишению свободы, превысила 70 % [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/interview/720461> (дата обращения: 04.03.2022).

16. О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ, 2002, № 22, ст. 2031.

17. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3032.

18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ

(ред. от 28.01.2022) // Российская газета, 18.06.1996, № 113; 19.06.1996, № 114; 20.06.1996, № 115; 25.06.1996, № 118.

19. Britain's first 'smart' prison to drive down crime [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/britain-s-first-smart-prison-to-drive-down-crime> (дата обращения: 07.03.2022).

penal enforcement system with civil society institutions: historical, legal and theoretical and methodological aspects». 2013. № 2.

10. Khutorskaya N.B. Improvement of the penal enforcement legislation of Russia on the basis of the rules of the Council of Europe on probation // International Penitentiary Journal. 2017. Vol. 3. № 1.

11. On approval of the Concept of development of a network of mediation services until 2020 in order to implement restorative justice for children, including those who have committed socially dangerous acts, but who have not reached the age from which criminal responsibility begins: Decree of the Government of the Russian Federation № 1430-r of 30.07.2014 (ed. from 01.09.2018) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2014, № 32, article 4557.

12. Isergepova A.K. Institute of probation in criminal proceedings: problems, trends and prospects of development. (on the example of the member countries of the Commonwealth of Independent States). dis. ... Cand. of Law. St. Petersburg, 2020.

13. Juvenile disaster or panacea? Will the intervention of the state help the family // «AIF on Don». 25.08.2020.

14. Shnarbayev B.K. The formation of probation in Kazakhstan within the framework of international standards // Socio-economic phenomena and processes. 2017. № 3 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-probatsii-v-kazahstane-v-ramkah-mezhdunarodnyh-standartov> (date of access: 03.04.2022).

15. Head of the FSIN Department: the share of punishments alternative to imprisonment exceeded 70 % [Electronic resource]. URL: <https://www.interfax.ru/interview/720461> (date of access: 03.04.2022).

16. About the citizenship of the Russian Federation: fed. law of 31.05.2002 № 62-FL (as amended on 30.12.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, № 22, article 2031.

17. On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: fed. law of 25.07.2002 № 115-FL (ed. of 02.07.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, № 30, article 3032.

18. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL (ed. of 28.01.2022) // Rossiyskaya Gazeta, 18.06.1996, № 113, 19.06.1996, № 114, 20.06.1996, № 115, 25.06.1996, № 118.

19. Britain's first 'smart' prison to drive down crime [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/britain-s-first-smart-prison-to-drive-down-crime> (date of access: 07.03.2022).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ, ТЕРРОРИЗМ, НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 341.1
ББК 67.0

© 2022 г. **Кобец Петр Николаевич**,

главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук,
профессор.

E-mail: pkobets37@rambler.ru

Бильк Владимир Иванович,

заместитель начальника центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук,
доцент.

E-mail: vladrostovrui@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ ГЛОБАЛЬНОГО ФОРУМА «БОЛЬШАЯ ДВАДЦАТКА»

В статье дается хронологический обзор и анализ возникновения, эволюции, институционализации и эффективности G20, сначала на уровне министров финансов и управляющих Центробанков, начиная с 1999 г., а затем с обзоров, действующих с 2008 г. в саммитах глав государств, поддерживаемых сложным аппаратом министерских форумов и различных целевых групп. С учетом проведенного анализа работы Группы двадцати выработана основа для понимания сложности этого форума, который занимается внутривнутриполитическим управлением, определением направлений дальнейшего развития, принятием решений, развитием глобального управления. Кроме того, в статье анализируются отношения G20 с некоторыми международными правительственными организациями, деловым сектором и гражданским обществом, а также обсуждаются вопросы, связанные с оценкой деятельности G20. Также предложен прогноз дальнейшей деятельности G20 и ее влияние на снижение коррупции.

Ключевые слова: проявления коррупции, Группа двадцати, борьба со взяточничеством, «Большая двадцатка», противодействие коррупции, бизнес-принципы, инвестиции, международное сотрудничество, международные конвенции, взяточничество, экономический рост, легализация денежных средств.

Kobets Petr Nikolaevich – Chief Researcher of the All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Bilyk Vladimir Ivanovich – Deputy Head of the Center for Organizational Support of Scientific Activities of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

FEATURES OF FUNCTIONING AND FURTHER PROSPECTS OF ACTIVITIES TO COMBAT CORRUPTION MANIFESTATIONS OF THE GLOBAL FORMAT OF THE «GREAT TWENTY»

The article provides a chronological overview and analysis of the emergence, evolution, institutionalization and effectiveness of the G20, firstly at the level of finance ministers and Central Bank governors starting in 1999 and then with reviews operating since 2008 in the summits of heads of state, supported by a complex apparatus of ministerial forums and various target groups. Taking into account the analysis of the work of the Great Twenty, a basis has been developed for understanding the complexity of this forum, which deals with internal political management, determining directions for further development, decision-making, and the development of global governance. In addition, the article analyzes the relations of the G20 with some international governmental organizations, the business sector and civil society, as well as discusses issues related to the assessment of G20 activities. The forecast of further G20 activities and its impact on reducing corruption is also proposed.

Keywords: manifestations of corruption, fight against bribery, «Great Twenty», countering against corruption, business principles, investments, international cooperation, international conventions, bribery, economic growth, money legalization.

В условиях начала нового тысячелетия с развитием глобализационных процессов бороться с проявлениями современных вызовов, связанных с обострением коррупционных проявлений, необходимо усилиями «различных межгосударственных объединений, специальная литература классифицирует межгосударственные объединения, используя для этого различные категории» [1, с. 25]. По кругу участников межгосударственное объединение может быть универсальным, региональным и межрегиональным, по характеру полномочий рассматриваемое объединение бывает межгосударственным, надгосударственным, наднациональным. По характеру выполняемых функций межгосударственное объединение делится на нормотворческое, информационное, по членству межгосударственное объединение классифицируется на открытое и закрытое, по имеющимся компетенциям – на общую и специальную. Также межгосударственное объединение может быть политическим, экономическим и др.

Отечественные исследователи «определяют международные институты (формальные и неформальные) как важнейшие авторы мировой политики. По их мнению, определение международного института должно включать в себя следующие понятия: международная организация, международная конференция, международный политический клуб. В качестве международного института (формального) понимается международная организация, а международный неформальный институт рассматривают в качестве набора сформированных правил в виде формата, позволяющего выстраивать взаимоотношения между вовлеченных в них акторов мировой политики» [2, с. 35]. Такие объединения формируются непосредственно в результате усиления различного влияния между странами. Они могут играть большую роль при решении проблематики, которая касается вопросов общемировой повестки дня, наравне с акторами глобального масштаба.

Глобализационные и технологические изменения способствуют процессам экономического и социального развития современного общества. При этом технологические, экономические и политические трансформации приводят к развитию современных угроз и влекут новые вызовы, связанные с обострением террористических, миграционных и коррупционных угроз, неравномерным рос-

том страновых экономик, скоростью распространения различных пандемий, климатическими изменениями, конкуренцией за обладание природными ресурсами.

Бороться с потенциальными рисками и противодействовать их вызовам придется в условиях невысокого экономического роста, поскольку его перспективы до 2060 г. весьма скромны. По прогнозным оценкам в государствах Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), рост ВВП в период с 2010 по 2060 г. составит 2,7 %. И это еще не весь обозначенный перечень возможных угроз, с которыми придется столкнуться и преодолеть которые на глобальном уровне возможно только при помощи эффективных коллективных усилий. Необходимо подчеркнуть, что некоторые из новых участников современных геополитических и экономических реалий не готовы к принятию сложившегося международного порядка, а старые не желают менять западноцентричную модель. В целом также можно отметить, что в сложившейся ситуации многие страны стараются концентрировать внимание на решении своих национальных проблем. В сложившейся ситуации при кризисе глобального управления различные риски могут только усугубиться [3, с. 327].

Во избежание роста различных угроз важно развивать имеющуюся систему управления, основанную на деятельности различных институтов Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и специализированных международных организаций, среди которых важнейшее значение отводится Группе двадцати (далее – G20, «Большая двадцатка»), которая имеет уникальный потенциал по обеспечению, выработке и реализации наиболее значимых и актуальных решений [4, с. 112].

G20 была рождена экономическими кризисами, ответом на которые стал Форум министров финансов и управляющих Центробанков G20 в 1999 г. Таким образом, идея создания «Большой двадцатки» была реакцией на мировые финансовые потрясения (Таиланд в июле 1997 г., Индонезия и Корея к концу 1997 г., Россия в августе 1998 г., США в сентябре 1998 г., Бразилия в октябре 1998 г.) и неспособность существующих институтов, таких как МВФ, и должна была решить многочисленные проблемы. В 1999 г. G20 была разработана как временное решение проблемы побочных эффектов кризисов в странах с формирующейся рыночной экономикой.

Политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность

Однако после финансового кризиса 2008–2009 гг., несмотря на то, что существовало много других односторонних, двусторонних, многосторонних, региональных и международных альтернатив, саммит «Большой двадцатки» стал постоянным и был объявлен главным форумом для своих членов, а также всемирным центром экономического управления. Повышение роли G20 в глобальном управлении с уровня министров финансов в 1999 г. до саммита в 2008 г. стало наиболее важным изменением, а также одним из наиболее значительных шагов в глобальном управлении по вовлечению развивающихся рынков и развивающихся государств в глобальные процессы принятия решений.

G20 сегодня является одним из самых авторитетных институтов глобального управления. Таким статусом Группа двадцати обладает в связи с тем, что члены рассматриваемого института являются представителями ведущих мировых экономик мира [5, с. 111]. G20 представляет более 90 % мирового ВВП, 80 % мировой торговли и более 60 % мирового населения. Будучи неформальным образованием без каких-либо постоянных секретариатов и юридических обязательств, G20 является модным словосочетанием в рамках глобального управления, даже несмотря на то, что она объявлена главным форумом для международного сотрудничества.

Президентом нашей страны В.В. Путиным «во время выступления, посвященного работе российского представительства в Группе двадцати, в частности было отмечено о том, что с момента своего создания в 2008 г. она превратилась в важнейший инструмент по антикризисному реагированию, а вследствие согласованных действий государств – участников G20 за короткий временной промежуток был приостановлен экономический спад, усилился надзор за деятельностью национальных финансовых систем, после этого началась работа по системному преобразованию международной финансовой архитектуры, формированию механизмов, которые позволили максимально быть застрахованными от рисков, укреплению взаимного доверия и придали импульса устойчивому и сбалансированному развитию глобальной экономики» [6, с. 327].

Не считая четко сформулированных позиций Российской Федерации и ее энергичного сотрудничества с коллегами Группы двадцати, необходимо также отметить и еще ряд

«других организационных, дипломатических, экспертных и политических факторов успеха работы нашей страны в G20. В марте 2010 г. по распоряжению Президента Российской Федерации началась работа Межведомственной комиссии по участию Российской Федерации в G20, деятельность которой активизировала межведомственную координацию по выработке предложений относительно приоритетов повестки дня G20, а также по обеспечению участия Президента Российской Федерации в ежегодных встречах глав государств и правительств стран G20» [7, с. 10].

В 2013 г. G20 отметила пятилетний юбилей, «который совпал с председательствованием Российской Федерации. На том саммите восемь международных рабочих групп разработали материалы к встрече лидеров государств, а одной из восьми указанных групп была группа по вопросам борьбы с коррупцией, и на следующем саммите в 2014 г. в итоговом коммюнике сторонами был одобрен План действий по борьбе с коррупцией на 2015–2016 гг.» [8, с. 358]. Итогом работы «G20 в 2013 г. стал принятый План действий ОЭСР и Группы двадцати по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и перемещению прибыли (BEPS). Сегодня также продолжается деятельность по вопросам совершенствования сотрудничества между ОЭСР и Группой двадцати по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и выводам прибыли из-под налогообложения. Они продолжают укреплять институциональный потенциал стран с развивающейся экономикой, а также меры налоговой политики по стимулированию роста и налоговой определенности» [9, с.80].

Вопросы борьбы с коррупционными проявлениями были и на повестке дня саммита G20 2016 г., «на котором согласовали Антикоррупционный план действий G20 на 2017–2018 гг., а также Принципы высокого уровня G20 по сотрудничеству в отношении разыскиваемых коррупционеров и возврату активов» [10, с. 25].

В качестве «основного формата в работе Группы двадцати являются ежегодные встречи, а страной – участницей G20 в течение одного года занимается пост председателя рассматриваемого международного объединения саммитового типа, среди определяющих характеристик которого – наличие ежегодного саммита – встречи на высшем

уровне и отсутствие юридической обязанности исполнять принимаемые решения. При этом ежегодную встречу готовит государство – председатель во взаимодействии со страной, проводившей предыдущую встречу, и государством, готовящимся к проведению встречи в будущем году» [11, с. 11–59].

«Основными целями и задачами Группы двадцати является координация и укрепление взаимодействия между государствами – ее членами в целях сохранения устойчивого курса, направленного на глобальную экономическую стабильность и устойчивый рост» [12, с. 47]. При этом важные проблемы по противодействию глобальным рискам находят свое обсуждение среди лидеров Группы двадцати не только во время рабочих заседаний, но и во время проведения двусторонних встреч с президентами и лидерами различных государств [13, с. 95].

Проблемы, связанные с обеспечением инновационного развития, «вошли в повестку дня G20 в ходе председательства КНР в 2016 г. и продолжали укрепляться в ней в период председательства Германии в 2017 г., а отличительной особенностью данного периода является принятие Плана действий по инновациям, который призвал государства – члены Группы двадцати включиться во внедрение стратегии развития инноваций и увеличивать объем инвестиций в науку и разработку технологий. В разработке инновационной повестки работы G20 помогала ОЭСР, которая рекомендовала сконцентрироваться на ряде важнейших направлений, связанных с увеличением доступа к информационным технологиям» [14, с. 295].

При наличии большого числа разнообразных проблемных вопросов, которые оказались в поле зрения саммита Группы двадцати, состоявшегося в г. Гамбург в 2017 г., особо значимыми остались проблемы, связанные с глобальными вызовами и угрозами. И все же доминирование на саммите геополитических проблем не помешало принять решение по обязательствам, связанным с выполнением «Плана противодействия размыванию налогооблагаемой базы и вывода прибыли из-под налогообложения» [15, с. 810]. Кроме того, «произошла договоренность по обмену информацией, которую будут осуществлять разведывательные, правоохранительные и судебные органы, и были определены ориентиры по коллективным действиям в рассмат-

риваемой сфере, а именно таможенной безопасности, авиационной безопасности в соответствии с мерами, которые предусматривает Чикагская конвенция и Международная организация гражданской авиации, финансированию терроризма» [16, с. 209].

И все же доминирование геополитических проблем на саммите Группы двадцати, проходившего в г. Гамбург в 2017 г., «не помешало принять решение по одним из ключевых вопросов, а именно обязательства по выполнению Плана противодействия размыванию налогооблагаемой базы и вывода прибыли из-под налогообложения, а также выполнение антикоррупционного плана G20. Важным событием стало принятие Принципов высокого уровня по борьбе с коррупцией: в сфере ответственности юристов, повышении антикоррупционной устойчивости органов государственного управления, противодействию коррупционным проявлениям в таможенных службах и коррупции, связанной с нелегальной торговлей дикими животными и продуктами дикой природы» [17]. Кроме того, «лидеры G20 договорились об обмене информационными данными, необходимыми для правоохранительных и судебных органов, а также определили ориентиры по коллективным действиям в рассматриваемой сфере, в том числе таможенной безопасности, авиационной безопасности в соответствии с мерами, которые предусматривают Чикагская конвенция и Международная организация гражданской авиации, финансированию терроризма в соответствии со стандартами Группы разработки финансовых мер борьбы с легализацией финансовых средств (ФАТФ) и ООН» [18].

Важно также отметить, что «в Декларации по итогам саммитов 2009 г. в г. Питтсбурге (США) и 2009 г. в г. Торонто (Канада) были призывы стран к ратификации Конвенции ООН по борьбе с коррупцией. По результатам саммитов в «г. Санкт-Петербург в 2013 г., был провозглашен принцип налогообложения доходов по месту их извлечения и одобрен комплекс, который разработала ОЭСР относительно мер борьбы с размыванием налоговой базы и перемещением прибыли – Base Erosion and Profit Shifting» [19].

В 2018 г. саммит G20 проходил в Аргентине, на котором этой страной были смещены акценты безопасности государств в сторону противодействия организованной преступности. Тем не менее странам удалось договориться о том,

Политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность

что и в дальнейшем необходимо продолжать совместную подготовку кадров для противодействия коррупции, организованной преступности, отмыванию (легализации) денежных средств в целях ликвидации наркотрафика. Саммит G20 в 2019 г. прошел в Японии в г. Осака, в 2020 г. он проводился в режиме видеоконференции ввиду пандемии Covid-19, а в 2021 г. с 30 по 31 октября состоялся в г. Риме, столице Италии. Итоговое коммюнике свидетельствовало о том, что лидеры G20 пришли к договоренностям о необходимости принятия мер по борьбе с экономическими вызовами и незаконной миграцией [20].

Пока единой модели деятельности G20 еще не зафиксировано. Во время каждого нового председательства используются собственные подходы по организации, и в результате возникают сложности в оценке эффективности работы аутрич-групп, предоставляющих информационные и эмпирические данные по очередному председательству для сравнительного исследования с предшествующими годами. Несмотря на это, отечественные эксперты отмечают о том, что наличие определенных различных подходов по оценке имплементации предложений Группы двадцати, которые предпринимают в настоящее время международные организации, а также и исследовательские центры, представляют собой значительный шаг по рассматриваемой проблеме.

В дальнейшем роль G20, в том числе и по борьбе с коррупцией, будет только расширяться и усиливаться, и до 2060 г. рост мировых экономик не будет равномерным, стабильным и сильным. Даже несмотря на то, что сегодня в государствах переходной экономики неплохие темпы роста, в определенный мо-

мент неизбежны процессы его замедления. Во многом это будет обусловлено старением населения, уменьшающего потенциальную рабочую силу, а компенсировать обозначенные потери будет весьма непросто.

В какой-то момент государства переходной экономики и ОЭСР сравнивают свои показатели по капиталоемкости, набору квалификаций, структуре потребления, а рост ВВП рассматриваемых государств будет во многом зависеть от результатов наращивания и обновления навыков. Также большое влияние будет оказывать многофакторная производительность, стимулируемая инновационными процессами и интеллектуальными возможностями. На экономический рост большое влияние также будут оказывать процессы, связанные с активизацией борьбы с коррупционными проявлениями.

В дальнейшем глобальная интеграция замедлит свои темпы. Но при этом возрастание взаимозависимости государств сделает возможным более эффективно распределять возникающие глобальные последствия экономических потрясений между странами. Несмотря на это, глобальная экономика станет уязвимее, а многие инструменты не будут иметь большого эффекта. Поэтому в целях противодействия дальнейшему развитию коррупционных проявлений на глобальном уровне возникнет необходимость модернизации всех процессов, связанных с международным сотрудничеством. В сложившейся ситуации оно совместно с глобальной координацией будет жизненно необходимо и, в первую очередь, в тех областях, в которых развитие процессов совместной координации будет способно нанести наибольший вред проявлениям коррупции.

Литература

1. Прохорова А.К. вопросу о классификации многосторонних международных объединений // Вестник Московского университета. Политические науки. 2016. № 1.
2. Ланцов С.А., Ачкасов В.А. Мировая политика и международные отношения. М., 2011.
3. Зотова Е.А. Вопросы труда и занятости в странах «Группы двадцати». Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2014. Т. 12.
4. Сидоренко В.В. «Большая двадцатка» как механизм обеспечения глобальной безопасности. Государственная служба. 2013. № 1(81).

Bibliography

1. Prokhorova A. On the classification of multilateral international associations // Bulletin of the Moscow University. Political sciences. 2016. № 1.
2. Lantsov S.A., Achkasov V.A. World politics and International Relations. Moscow, 2011.
3. Zotova E.A. Labor and employment issues in the «Group of Twenty» countries. Scientific works: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 12.
4. Sidorenko V.V. «Big Twenty» as a mechanism for ensuring global security. Public service. 2013. № 1(81).

5. Жданов П.А. Сетевая структура большой двадцатки. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12. № 2.
6. Зотова Е.А. Вопросы труда и занятости в странах «Группы двадцати». Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2014. Т. 12.
7. Турсунов Н.К., Орунова Д.Б. «Большая двадцатка» (G20) как новая платформа сотрудничества на мировой арене: В сборнике: Мир в эпоху модернизации и глобализации: правовые, политические, экономические и социокультурные аспекты. Сборник статей III Международной научно-практической конференции / под ред. Л.С. Аникина, Л.В. Рожковой. 2016.
8. Варданыан А.В., Айвазова О.В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Труды Академии Управления МВД России. 2017. № 1(41).
9. Варданыан А.В., Гончаров К.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 2(69).
10. Ларионова М.В. Россия в «Группе двадцати»: факторы успеха и задачи на будущее // Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. Т. 17. № 2.
11. Иноземцев М.И., Каргалева О.А. Источники международно-правового регулирования борьбы с коррупцией. Управленческое консультирование. 2015. № 10(82).
12. Фалеев М.И., Грязнов С.Н., Дымков А.В., Старостин А.С. Анализ саммита «Большой двадцатки» в сентябре 2016 г. в Ханчжоу в области устойчивого развития и их влияние на развитие РСЧС и МЧС России. Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2017. Т. 7. № 1(12).
13. Кобец П.Н. Роль «группы двадцати» в координации и взаимном сотрудничестве между государствами, в целях дальнейшего сохранения необходимого устойчивого курса по совершенствованию глобальной экономической стабильности // Научное обозрение: теория и практика. 2021. Т. 11. № 4(84).
14. Кобец П.Н. Глобальные инициативы и результативность деятельности «Группы двадцати». Известия Саратовского университета. A new series. Series: Sociology. Political science. 2012. Vol. 12. № 2.
5. Zhdanov P.A. The network structure of the «Big Twenty». News of Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science. 2012. Vol. 12. № 2.
6. Zotova E.A. Labor and employment issues in the «Group of Twenty» countries. Scientific papers: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 12.
7. Tursunov N.K., Orunova D.B. «The Big Twenty» (G20) as a new platform for cooperation on the world stage: In the collection: The World in the era of modernization and globalization: legal, political, economic and socio-cultural aspects. Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference / ed. by L.S. Anikin, L.V. Rozhkova. 2016.
8. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Official crimes in the field of economics as an object of forensic scientific analysis // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1(41).
9. Vardanyan A.V., Goncharov K.V. Abuse of managerial authority in a commercial or other organization: the experience of law enforcement practice and some problems of initiating a criminal case and preliminary investigation // Jurist-Pravoved. 2015. № 2(69).
10. Larionova M.V. Russia in the «Group of Twenty»: Success factors and tasks for the future // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2017. Vol. 17. № 2.
11. Inozemtsev M.I., Kargaleva O.A. Sources of international legal regulation of the fight against corruption. Management consulting. 2015. № 10(82).
12. Faleev M.I., Gryaznov S.N., Dymkov A.V., Starostin A.S. Analysis of the G20 Summit in September 2016 in Hangzhou in the field of sustainable development and their impact on the development of the Russian Emergencies Ministry and the Ministry of Emergency Situations. Civil protection strategy: problems and research. 2017. Vol. 7. № 1(12).
13. Kobets P.N. The role of the «Group of Twenty» in coordination and mutual cooperation between states, in order to further preserve the necessary sustainable course to improve global economic stability // Scientific Review: theory and practice. 2021. Т. 11. № 4(84).
14. Kobets P.N. Global initiatives and the effectiveness of the activities of the «Group of Twenty» on combating corruption in business // Business security. 2021. № 1.
15. Kobets P.N. International cooperation of the «Group of Twenty» on corruption prevention:

двадцати» по противодействию коррупции в бизнесе // Безопасность бизнеса. 2021. № 1.

15. Кобец П.Н. Международное сотрудничество «Группы двадцати» по предупреждению коррупции: диалектика развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1.

16. Сафонкина Е.А. Председательство Аргентины в «Группе двадцати» в 2018 г. Латинская Америка. 2018. № 3.

17. Ларионова М.В. Немецкое председательство в «Двадцатке». Испытание Трампом // Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. Т. 17. № 4.

18. Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность в документах G20 // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12.

19. URL: <https://www.b20germany.org/news/news/article/evaluation-of-the-g20-leaders-declaration/> (дата обращения: 25.02.2022).

20. UPL: https://www.g20.org/about_g20/past_summits/2009_pittsburgh (дата обращения: 25.02.2022).

21. UPL https://www.g20.org/sites/default/files/g20_resources/library/Saint_Petersburg_Declaration_ENG_0.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

22. UPL: https://www.kommersant.ru/doc/5060872?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 25.02.2022).

dialectics of development // Actual problems of economics and law. 2021. Vol. 15. № 1.

16. Safonkina E.A. Argentina's chairmanship in the Group of Twenty in 2018 Latin America. 2018. № 3.

17. Larionova M.V. German chairmanship in the «Twenty». Trump's Test // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2017. Vol. 17. № 4.

18. Kondrat E.N. Financial security in G20 documents // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 12.

19. URL: <https://www.b20germany.org/news/news/article/evaluation-of-the-g20-leaders-declaration/> (date of access: 02.25.2022).

20. UPL: https://www.g20.org/about_g20/past_summits/2009_pittsburgh (date of access: 25.02.2022).

21. UPL https://www.g20.org/sites/default/files/g20_resources/library/Saint_Petersburg_Declaration_ENG_0.pdf (date of access: 02.25.2022).

22. UPL: https://www.kommersant.ru/doc/5060872?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (date of access: 25.02.2022).

© 2022 г. Кулешов Роман Владимирович,

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.
E-mail: rv111@yandex.ru

Яцкина Инна Александровна,

преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: inna.yatskina.91@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматривается проблема повышения эффективности борьбы с преступлениями экстремистской направленности, такой ее существенный аспект, как совершенствование нормативно-правового обеспечения, на примере содержания нормативных положений ст. 282 УК РФ, а также примечания к ст. 282.1 УК РФ, регламентирующего определение понятия преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности, экстремистские побуждения, мотивы, ненависть или вражда, социальная группа.

Kuleshov Roman Vladimirovich – Professor, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law.

Yatskina Inna Alexandrovna – Lecturer, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

IMPROVEMENT OF REGULATORY AND LEGAL SUPPORT FOR COMBATING EXTREMIST CRIMES

The article deals with the problem of increasing the effectiveness of the fight against extremist crimes, such an essential aspect of it as improving the legal framework, using the content of the regulations of Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as notes to Art. 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which regulates the definition of the concept of crimes of an extremist orientation.

Keywords: extremism, extremist activity, extremist crimes, extremist motives, motives, hatred or enmity, social group.

Человечество столкнулось со множеством вызовов и угроз, среди которых особое место занимает дальнейшая эскалация экстремизма во всем многообразии форм и способов его проявления [1, с. 3–9; 2, с. 40–45; 3, с. 151–154]. Преступления экстремистской направленности образуют обширную группу, дифференцируемую в науке по ряду критериев и оснований [4, с. 31–35]. В примечании к ст. 282.1 УК РФ определяются преступления экстремистской направленности как деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Наличие экстремистских побуждений может быть предусмотрено соответствующими инкриминируемыми субъекту нормами Особенной части (как основным составом, так и квалифицирующими

признаками), и являть собой разновидность обстоятельств, отягчающих наказание (п. «е» ч. ст. 63 УК РФ).

Таким образом, при условии установления в действиях лица экстремистских побуждений, к категории деяний экстремистской направленности могут быть отнесены не только преступления против конституционного строя и безопасности государства, но и изначально не относящиеся к таковым преступное посягательство, на первый взгляд не имеющее ничего общего с выражением крайней нетерпимости и вражды в отношении какой-либо категории лиц (например, вплоть до посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность лиц, если наряду с непосредственно сексуальными мотивами субъекты преступления руководствовались чувствами ненависти и вражды не столько лично к пострадавшему, сколько к социальной

Политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность

общности, с которой ими отождествляется данное лицо).

Опасность дальнейшего роста экстремистских настроений, реализующихся в совершении тяжких и особо тяжких посягательств на личность [5], а также создающих угрозу в совершении террористических актов как наиболее одиозных проявлений экстремизма, общепризнана [6, с. 115–118; 7, с. 94–97]. Наряду с насильственными преступлениями экстремистского характера [8, с. 59–63] (путем убийства либо причинения вреда здоровью представителям антагонистических социальных групп), не меньшую опасность представляют деяния, субъекты которых могут лично не совершать нападения, но при этом сеять и взращивать в обществе психологически нездоровую обстановку и смуту, расшатывать сложившиеся политические, экономические и социальные устои, призывать к изменению конституционного строя, формировать чувство нетерпимости к лицам, реализующим функции государственного управления на федеральном или региональном уровне, к руководителям и сотрудникам правоохранительных и иных государственных органов, а равно к определенным представителям населения, выделяемым по определенному критерию (национальному, религиозному и пр.), объявляемым в качестве «источника всех бед». Нагнетание подобной обстановки, как показывает история, постепенно приводило к массовым цветным революциям, прокатившимся по многим государствам ближнего зарубежья на рубеже веков и продолжающимся по сей день. При этом пришедшее к власти в результате политического переворота новое руководство страны нередко ограничивается лишь популистскими обещаниями и отнюдь не всегда реально способно существенно улучшить уровень жизни населения, тем более, с учетом таких неизменных последствий вооруженного конфликта, как массовые жертвы среди мирного населения, погромы, разорение экономики, количественный и качественный рост преступности и пр. Распространение экстремистской идеологии обесценивает принятые на международном уровне и являющиеся частью национальной правовой системы гарантии защиты основных прав и законных интересов личности, включая такие базовые положения, как право на жизнь, личную неприкосновенность, защиту чести и достоинства, а также безопасную окружающую среду.

С целью предотвращения распространения явлений экстремизма нашим государством предпринимается ряд широкомасштабных и разноаспектных мер: модернизируется уголовное и антиэкстремистское законодательство, определяется и корректируется стратегия борьбы с экстремизмом, реформируется структура и полномочия правоохранительных органов в сфере выявления, раскрытия, расследования, предотвращения преступлений экстремистской направленности. Наряду с определенными успехами в виде выявления и разоблачения ряда экстремистских группировок, а также их лидеров, необходимо отметить, что далеко не всегда предпринимаемые меры оправдывают возложенные на них ожидания, и порой влекут несколько иные последствия, нежели те, которые изначально прогнозировались.

Одним из направлений для повышения результативности борьбы с экстремизмом является совершенствование нормативной базы. К сожалению, уголовно-правовые нормы, криминализирующие посягательства экстремистской направленности, не всегда сформулированы юридически корректно и непротиворечиво, а также не в полной мере согласованы как между собой, так и с положениями антиэкстремистского законодательства.

Очевидно, что в борьбе с экстремизмом весьма опасен формальный подход, когда под знамена борьбы с экстремизмом попадают лица, пусть и совершившие проступки морально-этического характера, но в действительности не испытывающие чувства крайней степени нетерпимости и вражды по отношению к представителям каких-либо социальных групп. В этом аспекте весьма неоднозначны положения ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», криминализирующие действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека, либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации, либо информационно-телекоммуникационной сети Интернет. При этом наиболее распространенными способами совершения этих деяний являются отнюдь не осуществления несанкционированных публичных мероприятий, а «лайки» и репосты

различных материалов (изображений, фотографий, видеороликов, плакатов, тезисов) радикального характера на политическую или иную злободневную тему, выполненные пользователями социальных сетей ситуативно (лицо специально не собирало и не изучало подобные материалы, но посчитало внезапно обнаруженную публикацию оригинальной). При этом, констатируя факт публикации или репоста определенным лицом материала радикального содержания, субъектами расследования довольно поверхностно устанавливаются мотивы данной деятельности, а также отношение субъекта к представителям социальной группы, упоминаемой в уничижительном контексте в соответствующем материале. А ведь субъект, осуществивший репост или отметивший в качестве понравившегося определенный материал, в действительности может и не испытывать чувств ненависти или вражды к представителям какого-либо этноса, политической партии, вероисповедания и т. д. Будь «разоблачение» подобных действий продиктовано искусственным повышением показателей борьбы с экстремистской преступностью либо некомпетентностью уполномоченных сотрудников, оно в любом случае подрывает доверие к деятельности правоохранительных органов, а также отвлекает от действительно кропотливой и необходимой работы по выявлению и изобличению сложных и завуалированных действий членов экстремистских группировок, тем более – зачастую служит примером некачественно и неполно проведенного расследования, не соответствующего современным стандартам борьбы с преступностью [9, с. 51–59].

Для оптимизации следственно-судебной практики в обозначенном контексте законодатель в 2018 г. частично декриминализировал положения ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» путем установления дополнительного условия для привлечения к уголовной ответственности в виде предшествующего в течение одного года факта совершения аналогичного административного правонарушения. Таким образом, по замыслу законодателя, повторный факт публикации материалов экстремистского содержания либо солидаризация со сторонниками экстремистской идеологии путем «лайка», либо репоста размещенных иными пользователями материалов, вопреки предшествовавшему привлечению лица к административ-

ной ответственности, свидетельствует не только о сознательных действиях субъекта, но и о наличии у него определенных деструктивных убеждений. Недостаточно констатировать сам по себе неоднократный характер публичной агитационной деятельности. Необходимо тщательно устанавливать наличие у лица экстремистских побуждений в виде чувства ненависти или вражды в отношении конкретных социальных групп.

Другой неоднозначный момент, влекущий противоречивую судебно-следственную практику, вытекает из формулировки преступлений экстремистской направленности, изложенной в примечании к ст. 282.1 УК РФ, в части определения направленности чувств крайней ненависти и вражды, порождающих нетерпимость к лицам определенной категории. Если применительно к ненависти и вражде, продиктованной политическими, идеологическими, расовыми, национальными или религиозными убеждениями, еще имеется относительная определенность в терминологии, то весьма оценочно трактуется на практике наличие мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Отсутствие четкого определения понятия «социальная группа» либо перечня общностей людей, признаваемых социальными группами, обусловлено специфическим подходом законодателя, предоставившего правоприменителю возможность самостоятельного анализа и оценки ситуации. Направления развития деструктивных суждений и мыслей не всегда предсказуемы, не лишены субъективизма, поскольку обусловлены индивидуальными психологическими особенностями лица, его личным негативным опытом, социальными условиями его жизни и окружения, перенесенными в детстве или юности психотравмами, влиянием других лиц и т. д. В результате пороки или неблагоприятные поступки конкретных лиц психологически переносятся на однородную группу лиц, не имевших непосредственного отношения к данному конфликту, но обладающих сходством по национально-этническим, расовым, религиозным, а равно иным критериям. Так, например, разновидностью экстремистских побуждений, прямо не указанных в примечании к ст. 282.1 УК РФ, в следственно-судебной практике, отраженной в материалах изученных уголовных дел, признается выражение ненависти и вражды к таким социальным группам, как сексуальные меньшинства, противоборствующие молодежные

Политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность

субкультуры, лица без определенного места жительства, а также сотрудники действующих правоохранительных органов.

Вместе с тем отсутствие четкого определения понятия «социальная группа», а также критериев, позволяющих отождествить лиц, подвергаемых насильственным действиям, гонениям, некорректной критике, к той или иной социальной группе, и, как следствие, наличие противоречивой судебной практики, не исключает риска инициирования необоснованного уголовного преследования. В юридической научной литературе критически анализируются материалы резонансных уголовных дел, где под признаки преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, попали действия лиц, открыто выражающих свое мнение и критикующих деятельность органов власти [10, с. 59–64]. Однако хорошо известны материалы и других уголовных дел, касающихся экстремистской деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Северного Кавказа, проявляющейся в целенаправленном похищении сотрудников правоохранительных органов и физической расправе с ними, в призывах к местному населению игнорировать законные требования сотрудников полиции.

Изложение содержания и направленности побуждений, признаваемых экстремистскими, не вполне совпадают при сравнении положений ст. 282 УК РФ и примечания к ст. 282.1 УК РФ. Так, например, в ст. 282 УК РФ упоминается о возбуждении ненависти либо вражды, а также об унижении достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, происхождения. В примечании к ст. 282.1 УК РФ эти критерии (гендер и происхождение) прямо не называются, но могут быть (при наличии оснований) отнесены к разновидности иных социальных групп. С другой стороны, мотивы политической или идеологической ненависти и вражды указаны только в примечании к ст. 282.1 УК РФ и не содержатся в ст. 282 УК РФ. Такие критерии, как ненависть и вражда, исходя из расовых, национальных, языковых, религиозных различий, хоть и не дословно, но присутствуют в обеих анализируемых нормах.

Безусловно, недопустимо смешивание понятий «ненависть и вражда» (как критерий отнесения к экстремистской деятельности) и конструктивной критики деятельности уполномоченных должностных лиц государственных или муниципальных органов, либо даже

сигнала о злоупотреблениях служебным положением, а равно об иных незаконных действиях. Иначе существует риск вернуться к преследованию (в том числе уголовному) всех инакомыслящих, как неотъемлемому атрибуту тоталитарного строя, наследие которого наша страна кропотливо преодолевала в процессе глобальных реформ на рубеже тысячелетий.

Не согласимся с предложением об исключении из нормы ст. 282 УК РФ (как и из содержания примечания к ст. 282.1 УК РФ) упоминания о социальной группе [10, с. 59–64] как об объекте ненависти или вражды, порождающей посягательства экстремистской направленности. Исходя из конструкции проанализированных уголовно-правовых норм, в них не идет речь об объективной критике деятельности должностных лиц государственных или муниципальных органов, либо о сигналах совершения должностными лицами различных правонарушений и проступков. Совсем иное дело – выражение ненависти и вражды, сопровождаемое призывами к физическому насилию и даже к уничтожению представителей власти (как разновидности социальной группы), проявлению недозволенных, варварских методов расследования, неадекватно жестокому наказанию и пр.

Мы полагаем, что целесообразно не отказываться в уголовном законе от понятия социальной группы, а изложить его содержание, кроме того – определить соотношение указанного понятия с другими составляющими экстремистских побуждений. Представляется, что понятие «социальная группа» в значении объекта экстремистского воздействия является родовым, а потому универсальным (т. е. понятием более высокого уровня). Его содержанием охватывается определенная общность людей, объединенных по какому-либо социально значимому критерию (который может быть как прямо закреплен в уголовном законе, так и являться нейтральным с позиции уголовно-правовой регламентации), продуцирующему у субъектов экстремистских посягательств состояния ненависти и вражды в качестве побудительных мотивов преступной деятельности. В свою очередь, такие характеристики, как антагонистичные политические, расовые, националистические, религиозные, идеологические разногласия, формирующие чувство ненависти и вражды, выступают в качестве соответствующих разновидностей родового понятия социальной группы, а потому относятся к более частным, конкретизированным проявлениям социальных групп.

Литература

1. Головин А.Ю., Аристархова Т.А. Сущность экстремизма и особенности его проявления в молодежной среде // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 3–2.
2. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3(31).
3. Кулешов Р.В., Варданян А.В. Некоторые факторы, предопределяющие генезис этнорелигиозного экстремизма и терроризма, а также их актуализацию на современном этапе развития общества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2(25).
4. Варданян А.В., Кулешов Р.В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4(42).
5. Варданян А.В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности. Ростов н/Д, 2015
6. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8.
7. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты // Черные дыры в Российском законодательстве. 2015. № 4.
8. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Типология агрессии и формы ее проявления в структуре мотивации экстремистской и террористической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2(25).
9. Айвазова О.В. Всесторонность, полнота и объективность расследования преступлений как уголовно-процессуальный и методико-криминалистический принцип // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1.
10. Чупилкин Ю.Б. Проблемы обеспечения права на защиту по уголовным делам о публикациях «экстремистского характера» в информационном пространстве // Адвокатская практика. 2017. № 2.

Bibliography

1. Golovin A.Yu., Aristarkhova T.A. The essence of extremism and the peculiarities of its manifestation in the youth environment // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2013. № 3–2.
2. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of forensic scientific knowledge // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3(31).
3. Kuleshov R.V., Vardanyan A.V. Some factors determining the genesis of ethno-religious extremism and terrorism, as well as their actualization at the present stage of society development // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 2(25).
4. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. On the classification of the phenomena of extremism and terrorism: unity of essence and polyvariance of representation in society // The Rule of Law: theory and practice. 2015. № 4(42).
5. Vardanyan A.V. Modern problems of disclosure and investigation of serious violent crimes. Rostov-on-Don, 2015.
6. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Dialectical unity of extremism and terrorism as a philosophical prerequisite for improving approaches to criminalistic scientific support of anti-terrorist and anti-extremist activities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 8.
7. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Correlation of concepts of extremist and terrorist activity: epistemological and legal aspects // Black holes in Russian legislation. 2015. № 4.
8. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Typology of aggression and forms of its manifestation in the structure of motivation of extremist and terrorist activities // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 2(25).
9. Aivazova O.V. Comprehensiveness, completeness and objectivity of crime investigation as a criminal procedural and methodological-criminalistic principle // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. № 1.
10. Chupilkin Yu.B. Problems of ensuring the right to defense in criminal cases on publications of an «extremist nature» in the information space // Lawyer practice. 2017. № 2.

© 2022 г. Урусова Лаура Хабаловна,

старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, кандидат педагогических наук.
E-mail: lauraurusova@gmail.com

Ковтун Наталия Александровна,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, кандидат психологических наук.
E-mail: natalia-5687@yandex.com

ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕГ КАК МИРОВАЯ ПРОБЛЕМА ПРИ ФИНАНСИРОВАНИИ ТЕРРОРИЗМА

В статье комплексно изучены различные проявления подделок валюты, а также факторы, связанные с противоправными действиями в области мирового финансирования террористической деятельности. Особое внимание уделено исследованию деятельности преступных групп и финансирования террористической деятельности. Выявлены пробелы в правовой базе и определены несоответствия в оперативном взаимодействии правоохранительных органов, препятствующие успешному расследованию и судебному преследованию отмывания денег и финансирования террористической деятельности, связанных с контрафактной валютой.

Ключевые слова: отмывание денег, финансирование терроризма, подделка валюты, конфронтация продукции, конвертируемость, фальшивомонетничество.

Urusova Laura Khabalovna – Senior Lecturer, the Department of State and Civil Law Disciplines, the North Caucasian Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD in Pedagogical.

Kovtun Natalia Aleksandrovna – Associate Professor, Criminal Law and Criminology, the Rostov Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Psychologic.

MONEY LAUNDERING AS A GLOBAL PROBLEM IN THE FINANCING OF TERRORISM

The article comprehensively studied various manifestations of currency counterfeiting, as well as factors associated with illegal actions in the field of global financing of terrorist activities. Particular attention is paid to the study of the activities of criminal groups and the financing of terrorist activities. Gaps in the legal framework are identified and inconsistencies in the operational interaction of law enforcement agencies are identified that impede the successful investigation and prosecution of money laundering and terrorist financing related to counterfeit currency.

Keywords: money laundering, terrorist financing, currency counterfeiting, product confrontation, convertibility, counterfeiting.

Проблема подделки валюты так же стара, как и сама денежная единица. Угроза поддельной валюты является глобальным явлением. Способность приносить высокую прибыль часто связана с преступной деятельностью, такой как торговля наркотиками и рэкет. Фальшивомонетки продолжают импровизировать и использовать в своей деятельности преимущества новых технологий, чтобы идти в ногу с регулярными периодическими изменениями в дизайне валюты и безопасного сбыта фальшивых банкнот.

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ*) выступает международной независимой организацией, которая стоит на страже всемирной финансовой системы от подделывания и фальсификации валюты, а также финансирования производства и распространения оружия массового поражения. Во всем мире рекомендации ФАТФ признаны эффективными в борьбе с реализацией фальсифицированной валюты и снабжением террористической деятельности.

* Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) (англ. Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF).

Независимая международная группа ФАТФ определила «фальсифицированную валюту» как одну из 20 основных правонарушений по отмыванию денег. Сегодня подделка валюты входит в число обозначенных категорий правонарушений по стандартам ФАТФ [1]. Хотя ФАТФ еще не рассматривала это непосредственно в изучении типологии с целью определения ее характера, масштабов проблемы и методов отмывания этих доходов. Также неясно, как методы размещения поддельных валют в легальную финансовую систему отличаются от валюты, используемой для отмывания незаконных банкнот. Кроме того, малопонятно, как подделка валюты приводит к незаконным (неподдельным) доходам, которые затем необходимо отмыть.

Подделка валюты имеет различные проявления:

1. Лица, производящие фальшивую валюту для личного пользования.
2. Преступные группы, производящие фальшивую валюту в целях получения прибыли с целью продажи или перепродажи для получения незаконной выгоды.
3. Использование фальсифицированной валюты для финансирования террористической деятельности.
4. Государства или террористические группы, использующие фальшивую валюту как средство экономической войны.

В статье комплексно изучены различные проявления подделок валюты, однако основное внимание уделяется преступным группам и способам отмывания фальшивой валюты, поскольку именно отмывание денег и финансирование терроризма (далее – ОД и ФТ) являются определяющими факторами, связанными с противоправными действиями в области мирового финансирования терроризма и контрафактной валюты.

Данное исследование основано на двух основных типах источников информации. Собрана первичная информация с помощью:

- 1) анкет для опросов, разосланных членам региональных органов типа ФАТФ – экспертно-криминалистическая служба МВД России;
- 2) нескольких семинаров, проводимых командой проекта;
- 3) мнения, опыта и знания экспертов, связанных с областью фальшивомонетничества, ОД и ФТ.

Первичная информация помогла исследовательской группе установить общие параметры ее работы в сосредоточении своих за-

просов на дополнительную информацию. Мнения экспертов были особенно полезны в выявлении недостатков в узкоспециализированной сфере данной деятельности.

Вторичная информация систематически разрабатывалась, в основном из академических статей, и использовалась для дополнения полученных ответов при опросе.

Из-за ограниченного количества полученных ответов на опрос (всего 25) в отчете нет полной картины для всех стран мира. Процесс сбора информации и обзора литературы показывает, что хотя ОД и ФТ, связанные с подделкой валюты, вызывают в определенной степени интерес ученых, аспект подделки валюты, связанный с ОД, до сих пор не был предметом серьезных исследований. Информация о подделке валюты часто рассматривается как более общее преступление либо мошенничество и включается в статьи, связанные с другими формами преступной деятельности.

Преступления, связанные с подделкой валюты, могут оказывать влияние на политическую и экономическую систему любой страны. Страны, способные бросить вызов террористическим группам и локализовать каналы отмывания денег и финансирования терроризма, могут представлять серьезную угрозу для национальной экономики и глобальной безопасности [7].

Оценки доходов, полученных от фальсификации валюты, редки, и исследование не предоставляет исчерпывающие цифры.

Например, ФАТФ утверждает, что в период с 2010 по 2020 г. представители Министерства внутренних дел и Министерства финансов США констатируют рост фальшивых банкнот не на территории самой страны, а за ее пределами. По их мнению, количество поддельных евро и долларов США в стране невелико. Большее количество поддельной валюты (евро и доллар) находится в мировом обращении (свыше 700 млрд американских долларов, на каждые 15 500 долларов приходится одна контрафактная банкнота) [1].

Центральный Банк Европейского Союза (далее – ЕЦБ) за 2020 г. выявил свыше 90 % контрафактной валюты, изъятой из обращения в пределах стран еврозоны. Изъятие поддельной валюты (евро и доллар) аналогичной суммы в странах, не входящих в состав Европейского Союза, составил лишь 2 % [1]. Подобный низкий показатель может свидетельствовать лишь о сокрытии реальных

Политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность

цифр от ЕЦБ. «Темные цифры» – еще один фактор, затрудняющий оценку доходов от преступной деятельности.

Национальное агентство по борьбе с преступностью в Великобритании (далее – НАБП*) работает в рамках правоохранительных органов, создавая наилучшую возможную разведывательную картину серьезных угроз организованной преступности, неустанно преследуя наиболее серьезных и опасных преступников, а также развивая и предоставляя специальные возможности от имени правоохранительных органов и других партнеров.

По данным НАБП, британский рынок фальшивых денег изменился за последние десять лет. Высококачественная поддельная бумага может быть изготовлена очень быстро опытными печатниками с использованием традиционных методов офсетной литографии. Однако организованные преступные группы также производят подделки с цифровой печатью, используя новейшие технологии и методы лазерной или струйной печати. Офсетная литографическая печать остается более серьезной угрозой, а банкнотные значки имеют высокое качество и могут быть изготовлены быстро [3].

Вполне вероятно, что введение банкнот из полимера уменьшит возможности организованных преступных группировок по массовому производству подделок.

Организованные преступники, занимающиеся подделкой валюты, часто объединяются, чтобы действовать сообща. В то время как группы могут производить свои собственные уникальные фальшивые банкноты, некоторые будут «дорабатывать» (добавлять элементы защиты из фольги) или распространять подделки от других группировок.

Распространение фальшивых денег сопряжено с высоким риском, поэтому большие партии разбиваются для распространения, как правило, уличными преступниками.

Функции Национального центрального управления по борьбе с поддельной валютой и защищенными монетами (НЦУБПВ**) – учет и проведение анализа поддельной валюты, обнаруженной в Великобритании, включая безопасное хранение и производство для судов. Данная деятельность помогает снизить выявленные риски и предотвратить новые.

Национальное центральное управление Великобритании по борьбе с поддельной валютой и защищенными монетами предоставляет консультации и поддержку британским и международным правоохранительным органам в отношении поддельной валюты.

Интерпол ежегодно публикует статистику по всем изъятиям фальшивой валюты, которые происходят в 190 странах (рис. 1).

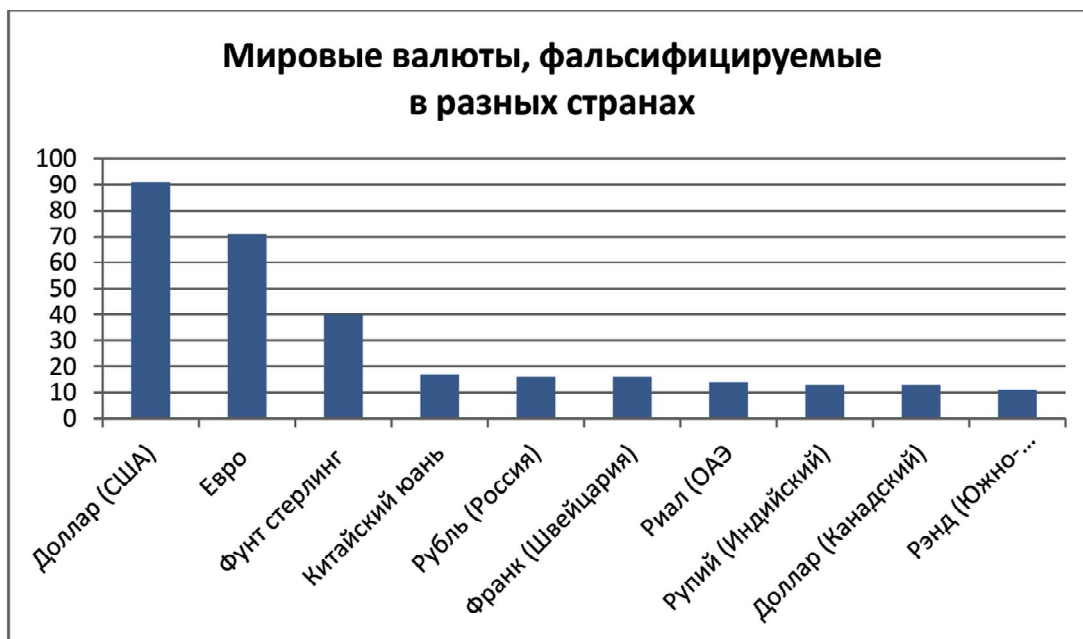

Рис. 1. Мировые валюты, фальсифицируемые в разных странах

* Национальное агентство по борьбе с преступностью (НАБП) (англ. National Criminal Agency (NCA)).

** Национальное центральное управление по борьбе с поддельной валютой и защищенными монетами (НЦУБПВ) (англ. UK National Central Office for the Suppression of Counterfeit Currency and Protected Coins (UKNCO)).

С интернационализацией денег и их признанием за пределами местных рынков валюта стала более привлекательной для фальсификаторов. Доллар США, евро или британский фунт стерлингов признаются по всему миру и уверенно удерживают свою ценность. Инфляция, нестабильность в области политики и экономики, неразвитость банковского сектора или отсутствие конвертируемости национальной валюты побуждают людей использовать такие твердые валюты. Изменение предпочтений в отношении определенных твердых валют может привести к тому, что фальшивомонетчики перейдут на производство других валют [2].

Интерпол констатирует, что 3,27 млн поддельных валют, представляющих 115 различных валют, было обнаружено в 2011 г. [4]:

1. 98 стран из 100 сообщили, что они обнаружили и изъяли поддельную и национальную валюту.

2. В среднем каждая страна сообщила об обнаружении и изъятии 4,35 различных типов валют, отличных от национальной.

3. Швейцария, за которой следуют Великобритания, Гонконг, Китай и Нидерланды вошли в четверку ведущих стран по разным типам поддельных валют.

4. Доллар США, евро, фунт стерлингов и юань были в первой четверке валют, зарегистрированных в других странах как фальшивые (рис. 2).

Угроза от подделки валюты оценивалась странами-респондентами по диапазону от «очень высокого» до «очень низкого». Тринадцать стран оценили угрозу от подделки валюты от «низкого» до «очень низкого». Пять стран ответили на угрозу с «высокой» до

«очень высокой», а четыре страны заявили, что угроза является «средней» (рис. 3).

На вопрос о факторах, лежащих в основе угрозы от подделки валюты, респонденты ссылались на «потерю доверия к валютной системе» с последующим «негативным воздействием на целостность финансового сектора», а не «финансовой потери», с которыми человек сталкивается, «принимая» подделку или реальный финансовый ущерб, который фактически сравнивается с другими формами уголовного деяния (рис. 4).

Технологическая революция в эпоху киберпространства затронула не только оборудование для производства фальшивых денег, которое стало дешевым, легкодоступным в приобретении и использовании, но и более изощренные способы изготовления поддельных монет: литье, гальванопластику, штамповку и механическую гравировку [5]. Степени защиты денежных купюр – водяные знаки, защитные нити, защитные волокна – стали близки к оригиналу. Большое количество любителей может производить большее количество фальшивых банкнот. Каждый, у кого есть базовые навыки работы с компьютером, доступ к ПК, сканеру и принтеру, может стать фальшивомонетчиком. Однако успех внедрения фальшивых банкнот в легальный оборот зависит от «уровня» подделки [4]. Сессии по информированию общественности, проводимые частным банковским сектором в сотрудничестве с правоохранительными органами и центральными банками, привлекли внимание общественности и способствовали сокращению контрафактной продукции.

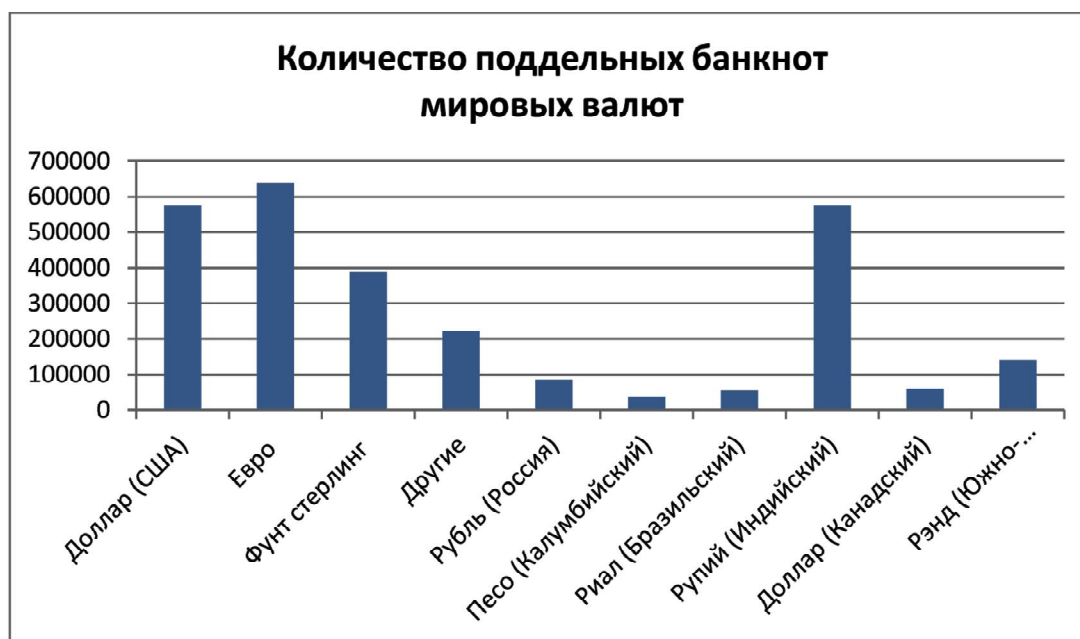

Рис. 2. Количество поддельных банкнот мировых валют

Рис. 3. Рейтинг угрозы подделки мировых валют

Рис. 4. Факторы, лежащие в основе оценки угрозы подделки валюты

Министерство финансов США заключает, что «до 60 % подлинной валюты, вероятно, хранятся за границей» [3]. Тем не менее с введением евро в качестве официального платежного средства в 2002 г. эта новая валюта быстро стала второй по популярности валютой в мире и США (в некоторых случаях может даже со временем вытеснить доллар США).

С интернационализацией и широким принятием евро граждане стран еврозоны осознали, что могут обменивать евро так же легко, как и раньше с долларом США, что является даже более удобным. Межправительственная группа действий против отмыwania денег в Западной Африке (МГДОД*) предполагает полную конвертируемость в одну основную мировую валюту, что будет способствовать

* Межправительственная группа действий против отмыwania денег в Западной Африке (МГДОД) (англ. Inter-Governmental Action Group against Money Laundering in West Africa (GIABA)).

мотивации организованных преступных группировок к производству подделок этой валюты.

Важность валюты как символа суверенитета и основного фактора экономической стабильности подтолкнуло международное сообщество к созданию контроля над подделыванием валюты. До сих пор контрафакция валюты представляет угрозу для национальной экономики. Это не столько материальный ущерб, сколько довольно низкая по сравнению с другими форма преступной деятельности.

Можно констатировать, что в настоящий момент уделяется относительно мало внимания борьбе с подделкой валюты. Проблема еще более усугубляется тем фактом, что практически не проводилось никаких научных исследований, предпринятых по этому вопросу и его связи с другими формами преступной деятельности. Оценки доходов от преступлений редки, неполны (только 100 из 190 членов Интерпола сообщили фактические цифры) [7], трудно поддающиеся подсчету и в основном отражающие количество находящихся в обращении фальшивых банкнот, которые конфискованы (полицейские изъятия в демонтированных типографиях не учитываются для статистических целей). По понятным причинам регулирующие органы и центральные банки не способны привлечь внимание средств массовой информации к проблеме контрафакции [4]. Существует очевидная недооценка того, сколько внимания необходимо для защиты валюты, и того, какие ресурсы должны быть выделены для достижения надлежащего уровня защиты от подделки. Тот факт, что фальшивомонетничество получает более низкий приоритет, связан с тем, что часть юрисдикции еще не ощутила влияние этой деятельности на своей внутренней экономике.

Преступления, связанные с подделкой валюты, приносят высокую прибыль только в том случае, если действуют могущественные организованные преступные группировки, вовлеченные в мафиозные организации.

Сложности, связанные с крупномасштабным печатанием, контрабандой и распространением фальшивой валюты при изготовлении офсетным способом печатных машин, требуют участия организованных преступных синдикатов с международными связями. Исследование подтверждает тесную связь между подделкой валюты и другими формами мо-

шенничества, такими как незаконный оборот наркотиков и контрабанда оружия [7].

Участие международных организованных преступных группировок чрезвычайно затрудняет в рамках одной страны решение контрафакции. Возникает острая необходимость расширения международного сотрудничества в данном вопросе.

Доходы, полученные от подделки валюты, часто «отмываются» преступными предприятиями.

Различные методы, такие как смешивание подделок с подлинными валютами, покупка товаров низкой стоимости или использование денежных операций в качестве прикрытия для внедрения фальшивой валюты, в финансовой системе являются предпочтительными методами работы. Точно так же различные методы, такие как использование курьерских наличных, банковских счетов или других видов альтернативных денежных переводов, используются преступными синдикатами для перемещения доходов от преступлений, связанных с контрафактной продукцией. Доходы от этой деятельности интегрируются путем смешения с интенсивным бизнесом, перемещения по нескольким юрисдикциям, перемещения по нескольким учетным записям/юридическим лицам, использования корпоративной структуры и ложного декларирования товаров и услуг. Исследование не выявило отличительных методов, используемых только для перевода доходов от преступлений, полученных путем подделки валюты или их интеграции в законный финансовый поток. Скорее всего, методы, связанные с подделкой, следуют тем же схемам, что и для других форм преступной деятельности.

В исследовании делается вывод о том, что террористические организации прибегают к использованию фальшивых денег по самым разным причинам. Обучение, вербовка и пропаганда требуют больших средств. Террористические группы часто используют подделку денег как одно из средств финансирования такой деятельности. Хотя фальшивомонетничество в отношении организованных преступных группировок является глобальным явлением, его связь с финансированием террористической деятельности наблюдается лишь в некоторых регионах земного шара и в единичных случаях [8].

Некоторые террористические группы сотрудничают с организованными преступными

Политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность

группировками для производства контрафактной продукции. Иногда фальшивая валюта используется в качестве инструмента для дестабилизации экономики страны. Огромное количество высококачественных поддельных валют вливается в финансовую систему страны, которая снижает стоимость валюты, вызывает инфляцию и таким образом не только подрывает веру людей в их валюту, но и может иметь власть – обрушить всю экономическую систему.

Ответы на опрос показывают, что существуют международные инструменты сотрудничества между странами по уголовным делам в целом [10]. Международное сотрудничество постоянно развивается, но остаются серьезные, нерешенные проблемы. До сих пор существуют значительные пробелы в сфере обеспечения более широкой осведомленности о существовании и использовании конкретных правовых инструментов в борьбе с фальшивомонетничеством. Наблюдается острая необходимость в финансировании международных программ для обучения и обмена опытом.

В каждой стране есть собственная внутренняя отчетность, действующие механизмы борьбы с фальшивой валютой, способы сообщения и сбора информации, касающейся контрафактной продукции. Страны также проводят учебные программы для правоохранительных органов, совершенствуя функции безопасности и информирования общественности.

Фальшивомонетничество всегда вызывало интерес для изучения теоретиков и практиков правоохранительной сферы деятельно-

сти, поскольку угроза поддельной валюты – глобальное явление.

В исследовании комплексно изучены различные проявления подделок валюты, а также факторы, связанные с противоправными действиями в области мирового финансирования террористической деятельности. Представлен общий рейтинг фальсифицируемых мировых валют. Приведено общее количество поддельных мировых банкнот. Рассмотрены основные угрозы и факторы, лежащие в основе подделывания мировых валют. Описаны методы отмывания денег и финансирования террористической деятельности, связанные с контрафактной валютой. Исследованы способы размещения фальшивой валюты со способами размещения других преступных доходов. Изучены связи подделки валюты с организованной преступностью. Определены меры отмывания денег и финансирования террористической деятельности. Выявлены пробелы в правовой базе и определены несоответствия в оперативном взаимодействии правоохранительных органов, препятствующие успешному расследованию и судебному преследованию отмывания денег и финансирования террористической деятельности, связанных с контрафактной валютой. Установлена причастность организованных преступных и террористических групп, работающих в строго секретной среде.

Тематические исследования и международные примеры показывают, что специальные методы расследования являются достаточно эффективными инструментами борьбы против подделки валюты.

Литература

1. Международные стандарты по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма и его распространение: рекомендации ФАТФ [Электронный ресурс]. URL: www.fatf-gafi.org/topics/fatfrecommendations/documents/fatf-recommendations.html (дата обращения: 23.01.2022).

2. Крылов О.В. Отдельные аспекты криминальной обстановки в финансово-кредитной сфере [Электронный ресурс]. URL: www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/krylov_12_12.pdf (дата обращения: 07.02.2022).

3. Национальное криминалистическое агентство. [Электронный ресурс]. URL: <https://>

Bibliography

1. International Standards for combating Money Laundering and Terrorist Financing and its Dissemination: FATF recommendations [Electronic resource]. URL: www.fatf-gafi.org/topics/fatfrecommendations/documents/fatf-recommendations.html (date of access: 23.01.2022).

2. Krylov O.V. Certain aspects of the criminogenic situation in the financial and credit sphere [Electronic resource]. URL: www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/krylov_12_12.pdf (date of access: 07.02.2022).

3. National Forensic Agency [Electronic resource]. URL: <https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/> (date of access: 01.03.2022).

www.nationalcrimeagency.gov.uk/ (дата обращения: 01.03.2022).

4. Поддельные денежные знаки и ценные бумаги [Электронный ресурс]. URL: www.interpol.int/Crimeareas/Financial-crime/Counterfeit-currency-and-security-documents/Counterfeit-currency (дата обращения: 13.01.2022).

5. Рекечинский Д.А. Определение копий и подделок царских монет из серебра [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=brUA5YUXbnE> (дата обращения: 01.03.2022).

6. Семенов В.Е. Подделки российских монет. СПб., 2012.

7. Урусова Л.Х. Статистика по терроризму: вызов измерительных тенденций в глобальном терроризме // Концепт. 2018.

8. Урусова Л.Х. Терроризм: трудности дефиниций // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4.

9. URL: <https://www.investigativeproject.org/documents/testimony/342.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).

10. URL: https://www.justice.gc.ca/eng/rp-pr/csj-sjc/jsp-sjp/tr02_7/tr02_7.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

4. Counterfeit banknotes and securities [Electronic resource]. URL: www.interpol.int/Crimeareas/Financial-crime/Counterfeit-currency-and-security-documents/Counterfeit-currency (date of access: 13.01.2022).

5. Rekechinsky D.A. Definition of copies and forgeries of royal silver coins [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=brUA5YUXbnE> (date of access: 01.03.2022).

6. Semenov V.E. Forgeries of Russian coins. SPb., 2012.

7. Urusova L.H. Statistics on terrorism: the challenge of measuring trends in global terrorism // Concept. 2018.

8. Urusova L.H. Terrorism: difficulties of definitions // Gaps in Russian legislation. 2020. Vol. 13. № 4.

9. URL: <https://www.investigativeproject.org/documents/testimony/342.pdf> (date of access: 25.09.2021).

10. URL: https://www.justice.gc.ca/eng/rp-pr/csj-sjc/jsp-sjp/tr02_7/tr02_7.pdf (date of access: 27.02.2022).

© 2022 г. Мелихов Александр Иванович,

доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии
МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: M-13913@yandex.ru

ЭНТРОПИЙНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье обосновывается существование энтропийной преступности как естественной деструктивной энергии, выделяемой человеком индивидуально или коллективно в ходе сознательных, подсознательных и бессознательных действий в процессе его развития, не сублимированной воспитанием в общественно полезную энергию альтруизма, а реализовавшуюся в правонарушениях и иных видах асоциального поведения.

Ключевые слова: энтропийная преступность, национальная безопасность, оперативно-розыскная деятельность, профилактика и предупреждение преступлений.

Melikhov Alexander Ivanovich – Associate Professor, the Department of Constitutional and Administrative Law, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

ENTROPIC CRIME AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY

The article substantiates the existence of entropic crime as a natural destructive energy released by a person individually or collectively during conscious, subconscious and unconscious actions in the process of his development, not sublimated by education into socially useful energy of altruism, but realized in offenses and other types of antisocial behavior.

Keywords: entropic crime, national security, operational investigative activity, prevention and prevention of crimes.

Развитие человека неизбежно связано с рядом социально значимых сознательных, подсознательных и бессознательных процессов, являющихся природными и объективными: гормональный процесс взросления, реализация функций размножения, самоутверждения, обострение заболеваний, выбор судьбы, выбор пары, стрессы от смерти близких, пережитых рисков и избежание опасности для жизни, воздействие химических веществ, в первую очередь, алкоголя и наркотиков, употребляемых для снятия стресса как состояния, когда человек не знает, чем ответить на возникшую перед ним проблему. В момент своей беспомощности человек становится агрессивным. В этом состоянии он является нестабильным, его поведение непредсказуемо, поскольку человек еще не понял своей роли в государственном и общественном организме.

Необходимо также учитывать, что потребность человека в агрессии естественна, как реализация его эмоциональной компоненты витальной потребности в самоподдержании. Так, по мысли К. Лоренца, в современной организации общества природный инстинкт агрессивности не находит адекватного выхода, человек страдает от недостаточной раз-

рядки природных инстинктивных побуждений [1, с. 236]. Подавленная агрессивность, не нашедшая выхода в приемлемой для общества форме, как правило, перерастает в преступность.

Данное потенциально опасное состояние описывается термином энтропия. Основу психологического подхода к энтропии заложил Карл Густав Юнг, стремившийся сблизить психоаналитический подход с естественно-научным. Он использовал понятие энтропии для описания бессознательного и говорил об энтропии личности [2]. Биология доказала правоту его воззрений, выделив различные аффективные состояния.

Данное состояние является неизменным спутником человека и человечества, смена поколений делает энтропию человека вечной проблемой, однако бороться с ней как с явлением нельзя, поскольку поиск «прекрасного далека», романтика являются важной частью витальных эмоциональных потребностей каждого человека. Пагубные попытки этого были в истории и проектировались в утопических романах [3; 4; 5]. Энтропию можно контролировать только посредством воспитания. К тому же энергия общества,

направление изначального эгоизма человека в альтруистические начала порождают энергию для существования общества и государства, определяют их вечную экономику в виде институтов функции воспитания, управления и обеспечения безопасности общества от самого себя.

Крайнее проявление энтропии человека и общества – это преступность. Проявление энтропийной природы преступности находит место в современной криминологии. Как отмечает Ю.М. Антонян, мотивы преступного поведения состоят из двух уровней. Первый можно назвать предметным, поскольку он выполняет функции непосредственного удовлетворения лежащих на поверхности потребностей. Например, убийство из мести, желание завладеть чужим имуществом и тем самым повисить собственное благосостояние и т. п.

Второй уровень мотивов преступного поведения можно обозначить как смысловой. Здесь мотивация возникает, развивается и реализуется на бессознательном уровне, и ее содержанием является постоянное утверждение своего «я», защита своего биологического и социального существования. Теснейшим образом переплетаясь, взаимодействуя, взаимодополняясь, эти уровни усиливают друг друга и мощно детерминируют преступное поведение [6, с. 6].

Жизненная энергия обратно пропорциональна знаниям, что воплощается в русской пословице «Если б молодость знала, если б старость могла» как несоответствие знания применению своих возможностей и наличию этих возможностей. Становление человека, т. е. поиск оптимальной модели в упорядоченном обществе с развитыми институтами воспитания, занимает меньше времени, чем в неупорядоченных обществах, а также в обществах с запретом на воспитание как выражение либеральных свобод. Становление человека занимает всю жизнь.

В настоящее время воспитание человека, т. е. обучение оптимальному поведению очень опосредованно и завуалированно в целях его экономической эксплуатации путем предложения ему ложного пути, заставив оплатить эту ошибку собственными жизненными ресурсами в силу приоритета экономических целей над целью обеспечения витальных потребностей и производных из них духовных и социальных.

В связи с этим большая часть ответственности за контроль над энтропийной энергией лежит на обществе и государстве. Еще Платон, понимая безопасность как «спасение», «помощь», создал концепцию безопасности, в которой ведущую роль в обеспечении безопасности отдавал созданию социальных институтов; воспитанию граждан и формированию их морального состояния; предоставлению всем гражданам общества средств, необходимых для жизнедеятельности [7, с. 275, 436].

Продвигая развитие того или иного общественного института, люди и государство сами могут стимулировать преступность как крайнее проявление энтропии, к примеру, торжество либерализма и гражданского общества в США, воплотившееся в возникновении частных тюрем, вылилось в повышение уровня преступности, чтобы эти тюрьмы заполнить. Непродуманные грабительские государственные реформы в конце XX в. в России также породили волну преступности как оптимальный способ обогащения в данный исторический период. Общество и государство обязаны воспитывать личность, а не экономически эксплуатировать ее, эффективно поддерживая свои институты воспитания и образования, а также сделать невыгодным преступное поведение.

В силу естественной природы преступности, ответственности общества и государства за воспитание населения и необходимости достижения компромисса в обеспечении самосохранения человека, общества и государства к преступникам неприменимы военные методы подавления и уничтожения противников (подтверждение этому – гражданские волнения в США, связанные с летальными действиями полиции), что обуславливает возникновение института милиции, а позже полиции, а также морально неприемлемы уничтожение преступника во время преследования и задержания и применение к нему смертной казни. В связи с этим автор разделяет проводимую государством политику по ограничению применения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния в летальных случаях.

Помимо этого, общество и государство обязаны обеспечивать стабильность существования своих институтов, поскольку резкое изменение мировоззрения, правил игры и условий жизни порождает волну внутренней энтропии. Например, как показывает в своих

Политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность

работах Конрад Лоренц, инстинктивное поведение животных контролируется целой системой торможения агрессивности. В то же время изменение условий существования вида может привести к срыву этой системы регулирования внутривидового отбора. Например, «в неестественных условиях неволи, где побежденный не может спастись бегством, постоянно происходит одно и то же: победитель старательно добывает его – медленно и ужасно» [8, с. 302].

В связи с этим преступников нельзя называть «внутренними врагами» или «врагами общества, государства», поскольку истоки их преступного поведения, заложенные природой, должны быть перенаправлены самими потенциальными потерпевшими в лице общества и государства в полезное для них русло. Более того, высокий уровень преступности говорит либо о безволии государства, делающего преступный путь жизни наиболее оптимальным, либо о конфликте между обществом и государством, выразившемся в неприемлемости государственных порядков, а следовательно, нужно говорить не о преступности населения, а о преступности государства, о его опасности для населения.

Однако следует сразу оговориться, что «...там, где заводят речь о «жертвах общества» легко может проявиться момент „изошренной хитрости“» [9, с. 352]. В современном мире эта «изошренная хитрость» приняла форму злоупотребления правом, которая рассматривается как одна из угроз национальной безопасности. В начале XVI в. нестяжатели в «Ответе кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков» уже указывали, что к грешникам и преступникам власть должна иметь только любовь. Христос для того и открыл союз любви, чтобы граждане могли жить согласно евангельской заповеди: «Не судите и не будете осуждены» [10, с. 361]. Однако данная стратегия, подчеркнув высокую духовность национальной культуры, не оправдывает себя в условиях наличия серьезных внешних угроз безопасности или вызванного ею повышенного уровня внутренней энтропии.

В истории человечества множество примеров народных преступников, имеющих образ народных героев, предвосхищающих кардинальные пронародные перемены в обществе (Робин Гуд в Англии после принятия Великой хартии вольностей для знати, гра-

бители банков в США накануне и после Великой депрессии, революционеры в России накануне революций начала XX в.). В данном случае видятся противоречия интересов безопасности общества и государства. Общество также может быть преступным по своей сути, и тогда, напротив, государство несет благо человеку вопреки самосохранению существующего общества, но во благо его бытия. Это реализуется в миссии просвещения традиционных народов Россией, когда Российская империя, СССР и РФ стали колыбелью государственности для многих народов (Финляндия, бывшие республики СССР и т. п.).

Безопасность человека также может войти в противоречие с интересами безопасности общества и государства. К примеру, на грани выживания человек поступается общественными и государственными интересами в целях реализации своих витальных потребностей. Указанная особенность отражена в уголовно-правовых институтах обстоятельств, исключающих преступность деяния, обстоятельствах, смягчающих наказание. Также нельзя говорить, что человек полностью снимает с себя ответственность за самосохранение и может вести рискованную деятельность. Данный подход делает его неприспособленным к жизни, бездеятельным, что можно проследить на злоупотреблении бесплатным здравоохранением в советское время, потребительский подход к сакральным правоохранительным и военным службам как к оплачиваемым налогами населения услугам и т. д.

Проявление энтропии также возможно на коллективном уровне. Так, «психология глубин» Юнга смыкается с теорией о «коллективном бессознательном», т. к., согласно «психологии глубин», все человеческие пerversии и комплексы, а также сновидения и душевные заболевания являются не чем иным, как голосом архаических представлений о мире и его природе, в силу культурных причин не расшифровываемым более бодрствующим сознанием [11, с. 259]. Благодаря М. Элиаде и К. Юнгу мифологические и религиозные сюжеты составляют основу человеческой психики, определяют все бытие человека.

Величайший отечественный философ современности А.Г. Дугин, говоря о коллективном бессознательном в наследии пионера его исследования Погана Бахофена, указывает,

что «...лишь в XX в. благодаря усилиям традиционалистов, психологов глубин и историков религий, а также социологов мы поняли значимость древнейшего исторического наследия человека, который, оказывается, несмотря на динамику изменения его дневной, рациональной, рассудочной части остается глубоко консервативным в глубинах своей души. Древнейшие мифы, масштабные события и символические формы сохраняются в тени «коллективного бессознательного», но никуда не исчезают. Более того, они идут собственным путем, перетолковывая в соответствии со своими таинственными законами то, что происходит в мире актуальном, современном и рассудочном. Самые глубинные основы нашей души несут в себе мотивы и символы» [11, с. 259].

Влияние коллективного подсознательного и использование его в ОРД ОВД также пока мало освещено в науке ОРД, но важность этого уже отмечена [12, с. 114].

Объединение незнания или неосведомленности (т. е. отсутствие информации о планируемом будущем) общностей людей в совокупности действительно магическими для необразованного человека действия гормонов, древних архетипов создает коллективную энтропию, которая проявляется в бунтах, демонстрациях, революциях и т. п. Противостоит коллективной энтропии в русской православной культуре соборность как воздействие коллективной психики на человека, действие которой построено не на подавлении свободы индивида, а на направлении человека по наиболее оптимальному жизненному пути на основе имеющихся в культуре фундаментальных знаний и оперативной информации о природе человека.

Выделим и государственную энтропию, когда государство, будучи делом рук человека, в лице своих государственных органов и представителей перестает выполнять свои функции, меняет предназначенные им цели, делает себя самоцелью своего существования, утверждая о своей независимости и необходимости безопасности.

Можно также говорить об энтропии на межгосударственном уровне, проявляющейся в условиях отсутствия международной системы сдержек и противовесов, ядерного паритета, в войнах, попытках выпустить энтропийные силы в чужом обществе и государстве, взорвав его изнутри.

В связи с этим нельзя утверждать, что вся преступность есть часть Большого зла, несущая угрозу не только российской государственности, но существованию всего человечества [13, с. 87]. Энтропия общества и личности – основной источник энергии для общества и государства. Способность справиться с ним, не дав энтропии перерасти в преступность, либо переродить преступность в альтруизм – важный элемент дееспособности общества и государства.

Национальная безопасность в новой Стратегии безопасности есть результат консенсуса между интересами безопасности человека, общества и государства, переложивших часть ответственности за обеспечение витальных функций самосохранения, самовоспроизводства и самоподдержания, т. е. безопасности, говоря о защищенности себя механизмом обеспечения национальной безопасности как новым объективным субъектом, ответственным за сохранение, поддержание и воспроизводство человека, общества и государства.

Но где он этот новый субъект? В настоящее время только Президент РФ и подконтрольные ему институты в виде Совета безопасности, СК РФ, представителей Президента РФ в субъектах РФ, специальных служб и правоохранительных органов частично выполняют эту функцию, поскольку она рассредоточена по всему механизму государства, настроенному, как правило, на получение прибыли, а не на обеспечение безопасности, она размазана по абстрактным целям обеспечения общественной безопасности, экономической безопасности и т. п.

Помимо энтропийной преступности, которая составляет большую часть, существует сознательная преступность, т. е. знание порядков, смыслов этих порядков и их сознательное нарушение в эгоистических целях. Именно такую – сознательную преступность, со слов А.И. Александрова, можно назвать частью Большого зла [13, с. 87] – преступностью профессионалов [14, с. 23], в отличие от профессиональных преступников, сделавших своей профессией совершение преступлений, и порожденной в большей мере внешними общественными и государственными условиями, допускающими такой образ жизни. Преступность профессионалов отличается сложностью, продуманностью и повышенной опасностью для безопасности общества и

Политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность

государства, поскольку позволяет злоупотреблять установленными порядками в общих и своих целях, т. е. узурпирует государственные и общественные механизмы, меняя их предназначение, извращая их сущность. Это воплощается в борьбе с должностными преступлениями и рецидивной преступностью. Помимо этого, Стратегия национальной безопасности (пп. 18, 42, 45) в определенные периоды выделяет комплекс преступлений как энтропийного (терроризм, экстремизм), так и профессионального характера (наркобизнес, организованная преступность, преступления против собственности в сфере использования водных биологических и лесных ресурсов, жилищно-коммунального хозяйства, а также в кредитно-финансовой сфере, преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, коррупция, нецелевое использование бюджетных средств и государственного имущества), приобретающих характер угрозы национальной безопасности.

Новым этапом в развитии преступности стало создание искусственной энтропии (гражданских несанкционированных выступлений) и ее крайних форм – преступности (терроризм, экстремизм и т. п.) как инструмента геополитической борьбы. В настоящее время эта опасность распознана и отражена в п. 44 Стратегии (2021).

Понятие «энтропия» в последнее время стало использоваться в ОРД [15, с. 699–702; 16, с. 100; 17, с. 235] в спектре реализации задач ОРД, связанных с выполнением ей информационной функции для государства. В связи с развитием кибернетики энтропии как одному из состояний сложной социальной системы противопоставляется информация как отрицание энтропии («количественная мера устранения неопределенности (энтропии), мера организации системы» [18], «уменьшение неопределенности в результате сообщения» [19]) и как средство прогнозирования при управлении и принятии решения (информация – вероятность выбора [15, с. 699–702; 17, с. 235]).

Таким образом, основание проведения ОРМ как получение сведений об угрозах безопасности является средством предупреждения энтропийных процессов в государственной, военной, экономической, информационной или экологической сферах (пп. 2. п. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД). Примечательно, что в данном перечне нет главного сектора порождения

энтропийных угроз – общественной сферы. Почему? Видимо, потому, что общественная безопасность в ее современном виде входит в административную деятельность ОВД и выделенной из нее национальной гвардии.

Задача государства по самосохранению населения получила воплощение (реализацию) в обеспечении общественной безопасности как части национальной безопасности. Указанный вид безопасности должен отражать всю триаду витальных потребностей населения, как и Министерство внутренних дел отвечать за все внутренние дела в государстве и праворегулируемом сегменте общества. Однако в настоящее время законодатель пошел по усеченному пути, согласно которому общественная безопасность – это состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (ст. 3 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685).

ОРД ОВД в этом отношении сильно ограничена законом и сферой своей деятельности, в качестве которой ФЗ «О полиции» называет обеспечение общественной безопасности. Однако у полиции, и ОВД ОРД в частности, нет функций по добытию и обработке информации в сфере общественной безопасности и экономической безопасности как понятий более широких, чем борьба с преступностью.

Подразумевается, что полиция должна иметь возможность добывать, структурировать и анализировать всю информацию в этой сфере, которая хотя и не является правонарушением, но может представлять угрозу для общественной безопасности. Например, ФЗ о внешней разведке говорит о задаче этой службы как о добытии и обработке информации и оказании содействия в реализации мер, осуществляемых государством в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации (ст. 2 ФЗ о внешней разведке). Органы ФСБ также проводят разведывательную деятельность, включающую полный цикл получения, обработки, анализа и реализации указанной информации. ОВД в сфере своей ответственности (общественной безопасности) тоже должны выполнять полный цикл

работы с информацией противопоставляя ее общественной энтропии.

Таким образом, объект обеспечения безопасности – нация – обладает следующими основными свойствами, определяющими ее сущность: самостоятельностью и самостоятельностью, непознаваемостью в силу многовекового существования, наличием культуры оптимального сочетания альтруистического и эгоистического поведения в разных функциональных группах общества, в большинстве своем ориентированных на символ нации (божества, монарха, национального лидера, признанного политического деятеля), обеспечивающий оперативную управляемость ею и основные усилия которой (большая часть сил общества) направлены на обеспечение самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства, которые осуществляются ими самостоятельно.

В условиях ядерного паритета и действующей системы сдержек и противовесов основную опасность для российской нации представляют естественные энтропийные процессы, не сублимированные в полезную энергию альтруизма, а реализовавшиеся в преступность, как правило, представляющую угрозу общественной безопасности. Искусственные энтропийные процессы на уровне общества и государства, порождаемые геополитическими противниками, а также сознательная преступность профессионалов отличаются сложностью, продуманностью и повышенной опасностью для общества и государства, поскольку позволяют злоупотреблять установленными порядками в общих и своих целях, т. е. узурпируют государственные и

общественные механизмы, меняя их предназначение, извращая их сущность. Это воплощается в борьбе с должностными преступлениями и рецидивной преступностью.

В настоящее время открывается совершенно новый мир, основанный на ядерном паритете и сублимации негативных потребностей человека в виртуальный мир, что существенно снижает количество войн и уровень преступности. В то же время, открыв человеку широкие возможности материального обогащения и механизм утилизации подсознательных природных алгоритмов в виртуальном мире, тем не менее нельзя допускать перехода виртуальных преступных навыков в реальный мир, ликвидировать безопасную дистанцию между управляемой фантазией и действительностью, что является еще одной задачей обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, национальная безопасность на ментальном уровне обеспечивается формированием национального мировоззрения, которое, во-первых, содержит алгоритмы поведения в случае возникновения опасности, во-вторых, устраняет опасность внутренней энтропии как основной угрозы национальной безопасности и как естественного процесса; в-третьих, позволяет в случае возникновения опасности высвободить энергию пассионарности как волна альтруизма, появившаяся в результате упорядочения подсознательных и бессознательных энергий энтропии человека и общества в результате семейного, общественного, религиозного и государственного формирования единого мировоззрения.

Литература

1. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.
2. Юнг К.Г. Обэнергетике души / пер. с нем. В. Бакусева. 3-е изд. М., 2013.
3. Хаксли О. О дивный новый мир: Обезьяна и сущность. М., 2002.
4. Оруэлл Д. 1984. М., 2021.
5. Берджесс Э. Заводной апельсин / пер. с англ. В. Бошняка. СПб., 2005.
6. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. М., 1996.
7. Платон. Диалоги / пер. с др.-гр. С.Я. Шейнман-Топштейн. М., 1986.

Bibliography

1. Lorenz K. Aggression (the so-called «evil»). Moscow, 1994.
2. Jung K.G. On the energy of the soul / trans. from German V. Bakuseva. 3rd ed. Moscow, 2013.
3. Huxley O. About the brave new world: The Monkey and the essence. Moscow, 2002.
4. Orwell D. 1984. Moscow, 2021.
5. Burgess E. Clockwork orange / trans. from English by V. Boshnyak. SPb., 2005.
6. Psychology of the criminal and the investigation of crimes / Yu.M. Antonyan, M.I. Enikeev, V.E. Eminov. Moscow, 1996.
7. Plato. Dialogues / trans. with others-gr. S.Ya. Sheinman-Topstein. M., 1986.

Политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность

8. Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло / пер. с нем. А. Федорова. М., 2017.
9. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург, 2001.
10. Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д.С. Лихачева и др. Санкт-Петербург, 1997.
11. Дугин А.Г. Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне). М., 2005.
12. Оперативно-розыскная психология: учебное пособие / В.В. Новиков, А.Ю. Батрин, Е.В. Мальцева. Волгоград, 2008.
13. Александров А.И. Философия зла и философия преступности: вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса. СПб., 2013.
14. Лунеев В.В. Курс мировой и Российской криминологии: в 2 т. М., 2011. Т. 1.
15. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, О.А. Вагин и др. М., 2018.
16. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие. Екатеринбург, 2014.
17. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
18. Новый словарь иностранных слов, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения: 04.04.2021).
19. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения: 04.04.2021).
8. Lorenz K. Aggression, or the So-called evil / trans. with German A. Fedorova. Moscow, 2017.
9. Sloterdike P. Critique of the cynical mind / trans. from German A.V. Pertseva. Yekaterinburg, 2001.
10. Library of Literature of Ancient Russia / ed. by D.S. Likhachev et al. St. Petersburg, 1997.
11. Dugin A.G. Conspiracy theory (the science of conspiracies, secret societies and secret warfare). Moscow, 2005.
12. Operational investigative psychology: textbook / V.V. Novikov, A.Yu. Batrin, E.V. Maltseva. Volgograd, 2008.
13. Alexandrov A.I. Philosophy of evil and Philosophy of crime: Questions of Philosophy of law, criminal policy and criminal process. St. Petersburg, 2013.
14. Luneev V.V. Course of world and Russian criminology: in 2 volumes, 2011. Vol. 1.
15. Theory of operational investigative activity: textbook / K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, O.A. Vagin et al. Moscow, 2018.
16. Stelmakh V.Yu. Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices as an investigative action. Yekaterinburg, 2014.
17. Polyakov M.P. Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities: auth. abstr. ... Dr. of Law. N. Novgorod, 2002.
18. New Dictionary of Foreign Words, 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.dic.academic.ru> (date of access: 04.04.2021).
19. Large dictionary of foreign words [Electronic resource]. URL: <http://www.dic.academic.ru> (date of access: 04.04.2021).

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЦИВИЛИСТИКИ

УДК 347.4 : 347.19
ББК 67.404

© 2022 г. Рыбалка Елена Александровна,

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института
МВД России, доктор философских наук, профессор.
E-mail: nalena_61_rus@mail.ru

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье представлены основные результаты исследования вопроса участия субъектов публичного сектора экономики в договорных обязательствах. Автором определены особенности правового регулирования таких правоотношений, установлены виды договоров, стороной которого является государственное (муниципальное) юридическое лицо, сформулированы общие принципы и виды ответственности за нарушение публично-правовым субъектом установленных обязательств.

Ключевые слова: субъект публичного сектора экономики, договорные обязательства, договоры, субсидиарная ответственность.

Rybalka Elena Aleksandrovna – Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor.

PARTICIPATION OF STATE (MUNICIPAL) LEGAL ENTITIES IN CONTRACTUAL OBLIGATIONS: MAIN TRENDS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

The article presents the main results of the study of the participation of subjects of the public sector of the economy in contractual obligations. The author defines the features of the legal regulation of such legal relations, establishes the types of contracts to which a state (municipal) legal entity is a party, and formulates general principles and types of liability for violation of established obligations by a public legal entity.

Keywords: subject of the public sector of the economy, contractual obligations, agreements, subsidiary liability.

Стремительное развитие экономических отношений и появление новых разновидностей договоров, обусловленное стремлением достижения баланса интересов бизнеса и государства, не позволяют утихнуть дискуссиям в цивилистической литературе о роли государственных (муниципальных) юридических лиц в договорных обязательствах.

Более того, послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (от 01.03.2018), содержащее положения о постепенном снижении роли государства в экономике [1], также обусловило активное обсуждение исследуемой темы среди научного сообщества.

Учитывая объективную необходимость вовлечения государства в экономику, необходимо отметить способы реализации данного процесса: самостоятельно (от имени государства), опосредованно – через государственных (муниципальных) юридических лиц.

Выделяют более 10 договоров, одной из сторон которого выступает публично-правовой субъект, среди которых самыми распространенными являются: государственные (муниципальные) контракты; соглашение о государственно- (муниципально) частном партнерстве, концессионные соглашения; специальный инвестиционный контракт (далее – договоры).

Первый дискуссионный вопрос, возникший при исследовании данной тематики, – относятся ли правоотношения, в которых участвуют государственные (муниципальные) юридические лица, к гражданским?

Обратимся к основам отечественного гражданского законодательства. Так, по роду деятельности субъектов, участвующих в договорных обязательствах, выделяют:

- 1) потребительские договоры;
- 2) предпринимательские договоры.

Обособление последнего в качестве самостоятельного вида договора обусловлено

наличием хотя бы одной стороны в качестве предпринимателя. Другой стороной может выступать субъект публичного сектора экономики. Указанное утверждение коррелирует с положениями ст. 124 и § 3 гл. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2].

Таким образом, договоры, одной стороной которых является государственное (муниципальное) юридическое лицо, безусловно, относятся к сфере гражданско-правового регулирования.

Определив сферу регулирования договорных обязательств с участием субъекта публичного сектора экономики, переходим к вопросу определения системы нормативно-правовых актов, регламентирующих положения об исследуемых договорных обязательствах.

Так, данная система представляется двухуровневой, фундаментальной ее основой является ГК РФ, при этом существенную роль играют специальные нормы.

Среди научного сообщества не все оценивают данный подход положительно. В частности, А.А. Иванов критически оценивает применение специфических правил регулирования таких правоотношений, ставящих «под угрозу» принципы гражданского права, в результате которого фактически возрождается теория двухсекторного права. Иными словами, по его мнению, регулирование правоотношений с участием публично-правовых хозяйственных обществ невозможно в общем гражданско-правовом порядке, их сущность противоречит самой природе гражданского права [3].

В свою очередь, существует позиция о выделении договоров в отдельную самостоятельную группу – административные договоры, к сторонникам которой, например, относится А.В. Винницкий [4].

Возвращаясь к вопросу правового регулирования, отмечаем, что анализ нормативно-правовой базы, регулирующей исследуемые правоотношения, а также практики ее применения в действительности установил приоритетность норм специального законодательства (около 10 Федеральных законов). В свою очередь, нормами ГК РФ регулируются договоры субсидиарно о соответствующих типах договоров.

При этом, как подчеркивает А.Е. Кирпичев, положения об указанных видах договоров установлены различными нормативными правовыми актами, которые содержат

идентичную диспозицию, в связи с чем автором ставится вопрос: выбор законодателя пути «однородного» специального правового регулирования договоров определен экономической закономерностью, которая прямо не указана в ГК РФ [5]?

Во-первых, необходимо выделить особенности правового регулирования таких договоров в следующие группы.

1. Субъектный состав (одна из сторон договора – представитель публичного сектора экономики, к таковым в рамках исследуемой тематики относятся государственные и муниципальные учреждения, государственные корпорации, а также хозяйственные общества, в уставном капитале которых совокупная доля Российской Федерации или 1 из субъектов РФ, или муниципального образования превышает 50 % или составляет величину, которая гарантирует названным публично-правовым субъектом возможность решающего влияния на его действия).

2. Особый (предварительный) порядок заключения договоров (например, проведение конкурсных процедур: аукцион, запросы котировок и предложений, – либо одним из условий является необходимость отнесения контрагента к субъектам МСП или СОНКО).

3. Целевое назначение исполнения договора (так, зачастую подобные договоры заключаются во исполнение программных мероприятий или программ социально-экономического развития региона, также реализации возложенных на публично-правовое образование функций).

4. Сведения о договорах данного вида не могут составлять коммерческую тайну в силу ст. 5 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне».

Во-вторых, следует определить различные классификации таких договоров:

1. По предмету.
2. Деление на «поименованные, смешанные и непоименованные».
3. По субъектному составу.
4. По группе предпринимательских обязательств: «горизонтальные», «вертикальные» и внутрихозяйственные обязательства.
 - 4.1. «Горизонтальные» (имущественные) обязательства.

В данном случае субъект публичного сектора экономики не наделен властными полномочиями, при этом одновременно «опосредует экономическое взаимодействие между

различными секторами экономики». К такому, например, относятся обязательства о закупках товаров, работ, услуг.

Кроме того, отношения, связанные с возмездным предоставлением в пользование государственного или муниципального имущества (например, аренда), также являются примером «горизонтальных» обязательств.

В данную группу можно отнести концессионные соглашения и соглашения о разделе продукции – предполагается осуществление сторонами названных соглашений совместных действий, сопровождаемых в том числе перераспределением имущества [6].

4.2. «Вертикальные» обязательства.

С.Н. Шишкин относит к основным свойствам данных обязательств установление императивных требований к качеству товара (работы/услуги), определение в качестве ключевой цели обязательства само публичное регулирование предпринимательской деятельности. Наличие обязательства является некой «предпосылкой» для осуществления определенной деятельности. Например, контракт (договор) о размещении нестационарных торговых объектов или о размещении рекламных конструкций [7].

4.3. Внутрихозяйственные обязательства.

Как отмечает А.Е. Кирпичев, внутрихозяйственным обязательством является такой вид отношений, который возникает из договора (видовой признак). В качестве примера можно привести договор между двумя казенными учреждениями о поставке определенного товара [6].

В-третьих, для формирования полной картины договорных обязательств с участием государственных (муниципальных) юридических лиц следует определить их основополагающие принципы посредством сравнительного анализа «специальной» нормативно-правовой базы.

Так, из анализа положений ст. 6 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ст. 4 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 2 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального

имущества» установлены следующие основные принципы договорных обязательств с участием субъекта публичного сектора экономики:

1. Открытость.
2. Обеспечение конкуренции.
3. Профессионализм субъектов публичного сектора экономики.
4. Принцип эффективности, не противоречащий публичным интересам [8].

Остается еще один не менее важный по значимости вопрос – применение мер ответственности к сторонам договора, в том числе к публично-правовому субъекту, в соответствии с нормами гражданского законодательства.

В частности, выделяют два вида гражданско-правовой ответственности – договорная и деликтная, общая цель которых – возмещение имущественных интересов потерпевшей стороны за счет средств правонарушителя (компенсационная функция) [9].

К специфике применения мер гражданско-правовой ответственности в отношении сторон договорных обязательствах относится:

1. Инициирование государственным (муниципальным) юридическим лицом проведения претензионной работы является обязанностью, а не его правом. Неприятие соответствующих мер в данном случае повлечет применение мер административной ответственности, но уже в отношении него самого.
2. Контрагент, не нарушая принцип равенства субъектов гражданского права, несет повышенный размер ответственности за нарушение установленных обязательств.
3. Нарушение обязательств по вине должностного лица равноценно причинению вреда государственному или муниципальному образованию, что влечет за собой применение мер гражданско-правовой ответственности [10].

Договорные обязательства – вид предпринимательского обязательства, отличительными особенностями которого являются субъектный состав, порядок заключения и исполнения, а также применения мер гражданско-правовой ответственности.

В настоящее время действует двухуровневая система нормативно-правового регулирования правоотношений, участником которых являются государственные (муниципальные) юридические лица: ГК РФ и специальные Федеральные законы.

В ближайшей перспективе данная система трансформируется в многомерную систему, в которой специфика и свойства обяза-

тельств сторон упорядочатся в определенную иерархию специальных норм, регулирующих конкретное обязательство.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Собрание законодательства. 1996. № 5. Ст. 410 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2022).

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. 2018. № 46(7509).

3. Иванов А.А. Двухсекторное право возвращается. 2018 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2022).

4. Винницкий А.В. О методологии научных исследований имущественных отношений с участием государства и муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2011. № 3.

5. Кирпичев А.Е. Участие государственных (муниципальных) юридических лиц в договорных обязательствах // Российское правосудие. 2019. № 1.

6. Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики. М., 2017.

7. Шишкин С.Н. Предпринимательно-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики. М., 2011.

8. Белов В.Е. К вопросу об участии государства и муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2013. № 1.

9. Дурнева П.Н., Станкевич Г.В. Особенности договорной и деликтной ответственности публично-правовых образований по гражданскому праву России // Юридический мир. 2016. № 10.

10. Кирпичев А.Е. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Предпринимательские обязательства субъектов публичного сектора экономики. Гражданское право. 2019.

Bibliography

1. The Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 № 14-FL. Collection of Legislation. 1996. № 5. St. 410 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 10.01.2022).

2. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 01.03.2018 // Rossiyskaya Gazeta. 2018. № 46(7509).

3. Ivanov A.A. Two-sector law returns. 2018 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 12.01.2022).

4. Vinnitskiy A.V. On the methodology of scientific research of property relations with the participation of the state and municipalities // Municipal service: legal issues. 2011. № 3.

5. Kirpichev A.E. Participation of state (municipal) legal entities in contractual obligations // Russian Justice. 2019. № 1.

6. Kirpichev A.E. Entrepreneurial obligations in the public sector of the economy. Moscow, 2017.

7. Shishkin S.N. Entrepreneurial and legal (economic and legal) foundations of state regulation of the economy. Moscow, 2011.

8. Belov V.E. On the issue of the participation of the state and municipalities in relations regulated by civil legislation // Municipal service: legal issues. 2013. № 1.

9. Durneva P.N., Stankevich G.V. Features of contractual and tort liability of public legal entities in the civil law of Russia // Legal world. 2016. № 10.

10. Kirpichev A.E. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. Entrepreneurial obligations of subjects of the public sector of the economy. Civil law. 2019.

© 2022 г. Наточий Светлана Юрьевна,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат экономических наук.

E-mail: Sodroz34@gmail.com

Пономарева Екатерина Владимировна,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

E-mail: k021@mail.ru

ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена вопросам, связанным с возникновением и развитием института несостоятельности (банкротства) граждан. Авторами проанализировано актуальное состояние института банкротства физических лиц, рассмотрен ряд практических вопросов, связанных с оптимизацией и устранением недостатков в процедуре банкротства.

Ключевые слова: банкротство, экономическая несостоятельность, реструктуризация долга, неплатежеспособность, внешние обязательства, внутренние обязательства, денежно-кредитная политика, платежеспособность граждан, мировое соглашение, конкурсное производство.

Natochiy Svetlana Yurievna – Senior Lecturer, the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Economics.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

INSTITUTE OF BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The article is devoted to issues related to the emergence and development of the institution of insolvency (bankruptcy) of citizens. The authors analyzed the current state of the institution of bankruptcy of individuals, considered a number of practical issues related to the optimization and elimination of deficiencies in the bankruptcy procedure.

Keywords: bankruptcy, economic insolvency, debt restructuring, insolvency, external obligations, internal obligations, monetary policy, solvency of citizens, settlement agreement, bankruptcy proceedings.

Интерес к процедуре банкротства в последние годы проявляется не только в Российской Федерации, но и за рубежом. Многие индивидуальные предприниматели и граждане не смогли выдержать 2020 г., признанный сложнейшим для бизнеса в связи с глобальной пандемией. По этой причине за последний год институт банкротства не только юридических, но и физических лиц ускорился и проник в повседневную жизнь.

Несмотря на периодические изменения в отношении лиц, которые могут быть признаны банкротами, основным лейтмотивом в разных государствах, в том числе и в Российской Федерации, выступает неспособность лица выплатить долги по своим обязательствам. В случае с юридическими лицами должников подразделяют на внутренних и внешних. В отношении граждан выделяют только внешних кредиторов. У индивидуаль-

ных предпринимателей могут быть как внешние обязательства, так и внутренние.

Если углубиться в процесс возникновения института несостоятельности, то можно наблюдать за развитием и преобразованием ответственности человека за свои долговые обязательства. Изначально ответственность должников подразумевала лишение свободы его и членов его семьи, в некоторых случаях применялась смертная казнь. В связи с развитием сферы экономики сформировалось понимание, что лишение свободы не влияет на погашение долга и финансовый провал, образующийся в данном случае, не ликвидируется. Именно это стало предпосылкой развития таких процедур, как реструктуризация долгов, реализация имущества [1, с. 13]. С точки зрения экономики данные действия более выгодны и безопасны.

Конечно, со временем процедуры банкротства претерпевали структурные изменения.

К примеру, учитываются интересы всех кредиторов, заявивших о своих правах. Так было не всегда. Одна из ключевых ролей отведена арбитражному управляющему, статус которого был законодательно определен не так давно.

Центральная роль в рассмотрении вопроса о признании гражданина несостоятельным (банкротом) отведена моменту определения его добросовестности. Если гражданин изыскивает все возможные пути для погашения задолженности и не стремится к достижению статуса банкрота, то одним из возможных вариантов разрешения конфликта становится его мирное урегулирование, а именно мировое соглашение.

Институт банкротства в России регламентируется рядом нормативных правовых актов, основное место среди которых занимает Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127-ФЗ) [2]. В пункте 2 ст. 27 Закона № 127-ФЗ определены основные процедуры, применяющиеся к гражданам и индивидуальным предпринимателям в случае постановки вопроса о банкротстве:

1. Реструктуризация долгов гражданина.
2. Реализация имущества гражданина.
3. Мировое соглашение [2].

В случае, когда говорим об инициации процедуры банкротства, то она может быть произведена как должником, так и кредиторами. Для начала процесса необходимо одному из перечисленных субъектов подать соответствующее заявление в арбитражный суд. Согласно предыдущим редакциям Закона № 127-ФЗ для физических лиц сумма задолженности должна была превышать 500 тыс. руб., для индивидуальных предпринимателей – 300 тыс. руб. Новая редакция от 02.07.2021 таких условий не включает. Единственное требование содержится в ст. 214 Закона № 127-ФЗ, где основанием для признания индивидуального предпринимателя банкротом выступает неспособность удовлетворения кредиторов по денежным обязательствам или задолженность по обязательным платежам. Условия для граждан отсутствуют.

В конце мая в Государственную Думу Российской Федерации на рассмотрение внесли законопроект, основная цель которого – сокращение сроков проведения процедур и увеличение объемов погашения требований кредиторов. Банкротство граждан, в отличие от индивидуальных пред-

принимателей, подразумевает возможность изъятия всего имущества должника, за исключением единственного жилья и некоторых других позиций, прямо обозначенных в законе, таких как земельные участки, средства транспорта (на усмотрение суда), вещи личного пользования и др.

По результатам практики дел о банкротстве физических лиц и индивидуальных предпринимателей видим, что около 70 % случаев получают свое развитие в виде реализации имущества гражданина. Именно в таком порядке разрешения дел совершаются деяния, признаваемые мошенничеством. Схемы достаточно просты: недвижимость достаточно сложно увести от включения в конкурсную массу по причине регистрации в реестре любых сделок, но автомобили, в связи с легкостью заключения договоров купли-продажи, скрываются путем составления договоров купли-продажи с датами, прошедшими до инициации процедур банкротства.

На сегодняшний день известны случаи, когда независимые финансовые управляющие проводили торги и реализовывали имущество должника по заниженной стоимости ему либо его родственникам по предварительной договоренности.

Такие схемы возможны по причине того, что ответственность за подобные деяния не предусмотрена в случае, если кредиторы самостоятельно находят имущество у должника, скрытое от конкурсной массы, путем запросов в Единый государственный реестр недвижимости и поиска в других базах данных. Тогда имущество поступает в общую конкурсную массу, в то время как ни должник, ни финансовый управляющий ответственности за сокрытие или несвоевременное выявление не несет, что является важным аспектом, характеризующим институт несостоятельности. Полагаем, что необходимо ввести ответственность за совершение указанных деяний.

Кроме того, целесообразно сформировать общедоступный реестр финансовых управляющих с указанием сведений о принадлежности его к конкретной саморегулируемой организации, сведений о проведении дел о банкротстве, информации о сдаче квалификационного экзамена, а также о фактах дисквалификации. На основании данной информации представляется возможным введение рейтинга финансовых управляющих, опираясь на который, суд станет выносить реше-

ния при выборе и назначении арбитражного управляющего по конкретному делу.

Одним из важных моментов в ходе проведения реализации имущества является запрет на реализацию единственного жилья у должника. Несомненно, согласно судебной практике, необходимо создать условия обращения взыскания на единственное жилье. Данная процедура должна быть ориентирована на установленные в конкретном регионе нормативы проживания. Соответственно, можно требовать замены жилья, попадающего под понятие «роскошное», на жилплощадь, соразмерную количеству членов семьи. Однако в любом случае такое взыскание не должно вынуждать гражданина менять место жительства и выступать мерой наказания.

Моментом, особо привлекающим внимание в рамках перспектив развития процедуры банкротства (несостоятельности), является признание цифровой валюты частью имущества должника. До 2021 г. было запрещено взыскивать с должников криптовалюту. Данный факт нашел отражение в судебной практике. Согласно определению Арбитражного суда Российской Федерации г. Москвы от 05.03.2018 по делу № А40-124668/17-71-160Ф индивидуальный предприниматель И.А. Царьков имел обязательства перед ООО «Рикас Финанс» в сумме более 18 млн руб. Данный гражданин обратился в Арбитражный суд Российской Федерации г. Москвы с заявлением о признании его банкротом. После удовлетворения просьбы была инициирована процедура реализации имущества, которую проводил финансовый управляющий А.А. Леонов. Узнав, что у И.А. Царькова имеется криптовалютный кошелек, финансовый управляющий выдвинул предложение о включении кошелька в конкурсную массу, однако Арбитражный суд ходатайство не удовлетворил, обосновав отказ тем, что «операции с криптовалютами находятся вне правового поля и их нельзя обеспечить принудительной силой государства» [3].

В середине 2020 г. принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. С 1 января 2021 г. все спорные моменты, возникающие в отношении цифровых финансовых активов и криптовалюты в ходе реализации конкурсной массы, устранены.

Одним из важных вопросов в ходе реализации имущества должника, составляющего конкурсную массу, является момент, связанный с местом реализации собственности. Согласно Закону № 127-ФЗ имущество должника должно реализовываться на торгах. Однако на практике реализация вещей, входящих в собственность банкрота, осуществляется на различных торговых площадках («Авито», «Юла», «Купи-Продай», Auto.ru, Slando.com и др.). Цена продажи имущества на данных площадках достаточно легко поддается корректировке. С целью избежания ситуаций, связанных с продажей имущества по цене ниже рыночной, продажей вещей членам семьи или самому должнику, необходимо разработать государственную информационную систему раскрытия информации о сформированной конкурсной массе должника, обеспечить доступ к ней на равных условиях всех желающих. Данная база поможет формировать конкурсную базу, искать, обрабатывать и выгружать данные, а также взаимодействовать с арбитражным управляющим и организатором торгов и использовать дополнительные сервисы.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к следующим выводам:

1. В законодательном порядке не утверждены условия признания банкротом (несостоятельным) для физических лиц, что является недостатком, усложняющим работу суда при принятии и рассмотрении заявлений о признании банкротом граждан.

2. Отсутствует установленная в законодательном порядке ответственность за сокрытие имущества для должника и недобросовестное исследование имущества должника для финансового управляющего.

3. В целях контроля работы арбитражных управляющих необходимо разработать рейтинг финансовых управляющих, основанный на информации о его принадлежности к конкретной саморегулируемой организации, сведений о проведении дел о банкротстве, информации о сдаче квалификационного экзамена, а также о фактах дисквалификации.

4. Необходимо проанализировать условие о запрете на реализацию единственного имущества в собственности должника и рассмотреть вопрос о возможности обмена жилья, если оно попадает под категорию «роскошного», на жилплощадь с установленными в данном регионе нормативами.

5. Целесообразно рассмотреть вопрос о создании государственной информационной системы раскрытия информации о формировании и реализации конкурсной массы в сфе-

ре банкротства, что позволит формировать электронную базу данных об имуществе должника, проведении инвентаризации и торгах.

Литература

1. Бобылева К.А. Истоки зарождения несостоятельности // Тенденции развития науки и образования. 2019.

2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 20.05.2021).

3. URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1543020 (дата обращения: 20.05.2021).

4. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42589/ (дата обращения: 25.05.2021).

6. Весов М.Ю. Законодательное регулирование института банкротства граждан в РФ: проблемы реализации и повышения эффективности // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2020. № 2(19).

7. Галенко Н.А. Некоторые проблемы реализации института банкротства граждан // Наукосфера. 2021. № 6–1.

8. Костин В.А., Харанутова А.А. Актуальные проблемы института банкротства граждан // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 3(42).

9. Ряховская А.Н. Социально-экономические предпосылки финансовой несостоятельности граждан // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 1.

10. Сагитова И.Ф. Правовое регулирование банкротства граждан: актуальные проблемы правоприменительной практики и законодательства // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4(53).

11. Соловьева А.А. Институт банкротства индивидуальных предпринимателей и граждан: сравнительный анализ и перспективы развития // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 3.

12. Обзор «Проект реформы банкротства внесли в Госдуму» (дата обращения: 20.05.2021) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. Bobyleva K.A. The origins of the origin of insolvency // Trends in the development of science and education. 2019.

2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (date of access: 20.05.2021).

3. URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1543020 (date of access: 20.05.2021).

4. On Digital Financial al Asses, digital currency and Amendments to Gertain Legislalive Acts of the Russian Federation: fed. law of 31.07.2020 № 259-FL // Access from the legal reference system «Consultant-Plus».

5. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42589/ (date of access: 25.05.2021).

6. Vesov M. Yu. Legislative regulation of the institution of bankruptcy of citizens in the Russian Federation: problems of implementation and efficiency improvement // Forum. Series: Humanities and Economic Sciences. 2020. № 2(19).

7. Galenko N.A. Some problems of the implementation of the institution of bankruptcy of citizens // Naukosphere. 2021. № 6–1.

8. Kostin V.A., Kharanutova A.A. Actual problems of the Institute of bankruptcy of citizens // Alley of Science. 2020. Т. 1. № 3(42).

9. Ryakhovskaya A.N. Socio-economic prerequisites of financial insolvency of citizens // Economy. Taxes. Right. 2018. Vol. 11. № 1.

10. Sagitova I.F. Legal regulation of bankruptcy of citizens: actual problems of law enforcement practice and legislation // Business. Education. Right. 2020. № 4(53).

11. Solovyova A.A. Institute of bankruptcy of individual entrepreneurs and citizens: comparative analysis and prospects of development // Sustainable development of science and education. 2018. № 3.

12. Review «The bankruptcy reform project was submitted to the State Duma» // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

© 2022 г. Михайлов Станислав Владимирович,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук.
E-mail: bk@spark-mail.ru

Шпак Андрей Викторович,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: a161aa161@mail.ru

КОНФЛИКТ РЕШЕНИЙ ПРИ ПРИЗНАНИИ ПРАВА НА САМОВОЛЬНУЮ ЗАСТРОЙКУ

В статье рассматриваются такие вопросы, как природа конфликта решений, способы его предотвращения и обхода. Отмечается, что признание права на постройку невозможно после принятия решения о сносе постройки. Данная ситуация в процессуальном праве называется конфликтом решений. Делается вывод о том, что, если не предотвратить конфликт решений, единственным способом устранения указанной коллизии остается заключение мирового соглашения между сторонами спора.

Ключевые слова: конфликт решений, самовольная застройка, судебное решение, мировое соглашение, судебная практика.

Mikhailov Stanislav Vladimirovich – Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov branch of the Russian Customs Academy, PhD in Law.

Shpak Andrey Viktorovich – Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

CONFLICT OF DECISIONS WHEN RECOGNIZING THE RIGHT TO UNAUTHORIZED CONSTRUCTION

The article discusses such issues as the nature of the conflict of decisions, ways to prevent and circumvent it. Recognition of the right to build is impossible after a decision to demolish the building. This situation in procedural law is called a conflict of decisions. If a conflict of decisions is not prevented, the only way to resolve this conflict will remain only a settlement agreement concluded between the parties to the dispute.

Keywords: conflict of decisions, unauthorized construction, court decision, settlement agreement, judicial practice.

Процессуальная природа конфликта решений неоднозначна. Суд не сможет прекратить дело по иску о признании права на самовольную постройку после решения о ее сносе по ст. 150 АПК РФ [1] или ст. 220 ГПК РФ [2], ссылаясь на то, что имеется принятый по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям судебный акт. Конфликт решений невозможно обойти заявлением о пересмотре решения о сносе по новым обстоятельствам. В ст. 392 ГПК РФ и ст. 311 АПК РФ прямо предусмотрено, что только установление или изменение федеральным законом оснований для признания здания, сооружения или другого строения самовольной постройкой, послуживших основой для принятия судебного акта о сносе самовольной постройки, является новым обстоятельством для пересмотра решения.

Изменение самой ст. 222 ГК РФ такая редкость, что вряд ли на это кто-то может всерьез рассчитывать в конкретном деле. Другое дело – изменение градостроительного регламента. Однако согласно ч. 7 ст. 33 Градостроительного кодекса Российской Федерации [3] (далее – ГрК РФ) в отношении земельного участка под самовольной постройкой после ее выявления не допускается внесение изменений в правила землепользования и застройки.

Конечно, могут измениться другие обстоятельства. Например, уже после вынесения решения о сносе возникнет право на землю под постройкой или параметры постройки будут приведены в соответствие с требованиями. Однако это уже не будут обстоятельства для пересмотра по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, и в таком случае видится, что можно обойти конфликт

решений иском о признании. Однако такая ситуация редкость.

Общее правило сводится к тому, что из-за конфликта решений невозможно использовать такой способ защиты, как признание права. Не стоит думать, что данный иск будет считаться доказательством против вас. Лучше получить отказ в иске о признании права по причине того, что и в иске о сносе будет отказано, чем иметь дело с конфликтом решений. Ходатайство о восстановлении срока давности, поданное «на всякий случай», не является доказательством того, что срок пропущен.

В правоприменительной практике имел место случай, когда возведение пристройки на первом этаже многоквартирного дома было признано самовольной реконструкцией, и суд обязал владельца помещения привести все в первоначальное положение только из-за отсутствия согласия собственников дома. Так как снос был по иску одного из собственников, предпринимались процессуальные действия с целью обойти конфликт решений: проведение общего собрания собственников, заключение мирового соглашения с истцом на этапе исполнения решения суда, подача самостоятельного иска о признании права.

По данным Судебного департамента при ВС РФ, в 2021 г. арбитражные суды рассмотрели по первой инстанции 881 дело о признании права собственности, удовлетворили 492, что составляет 55,8 %. В общей юрисдикции в 2021 г. было рассмотрено 24 783 спора по самовольным постройкам, из них по искам (заявлениям) юридических лиц, в том числе госорганов, – 5 405, в связи с обращением прокурора – 218, прекращено путем примирения – 5 [4].

Признаки законности постройки (соответствующее разрешенное использование земли, получение необходимых согласований и разрешений, соблюдение градостроительных и строительных норм) должны быть соблюдены как на дату ее возведения или создания, так и на дату выявления ее незаконности, при рассмотрении вопроса законности постройки судом – на дату вынесения решения.

Следовательно, параметры постройки могут быть приведены в соответствие в период между выявлением ее незаконности и вынесением решения о сносе. Часто незаконность постройки выявляется только по результатам

судебной экспертизы, когда рассмотрение дела в суде уже подходит к концу. Следовательно, зачастую возникает необходимость внесения изменения в проектную документацию с целью сохранения такой постройки.

Приведение в соответствие с требуемыми параметрами законодатель предусмотрел как на этапе проектирования в ст. 40 ГрК РФ, так и на этапе строительства в ч. 7 ст. 52 ГрК РФ. На это направлена и ст. 222 ГК РФ.

В п. 28 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 по поводу реконструкции указано, что «суд обязывает лицо к сносу самовольно реконструированного недвижимого имущества лишь в том случае, если будет установлено, что объект не может быть приведен в состояние, существовавшее до проведения таких работ». Представляется возможным распространить это правило и на случаи, когда постройку возможно привести в соответствие» [5].

В делах о «приведении в соответствие» суды обходят нарушение одного из условий ст. 222 ГК РФ даже в отсутствие встречного иска о сохранении. Судебные решения по таким делам часто не проигрывают по детализации мировым соглашениям.

«Приведение в соответствие» не предусмотрено законодательством как способ защиты права, и это вторая причина, почему нужен встречный иск о признании права, что поможет задать нужные вопросы эксперту.

Неустранимость и существенность нарушений очевидны, когда отсутствует право на землю под постройкой, и не так очевидны, когда речь идет о несоответствии параметров постройки градостроительным и строительным нормам. Именно экспертиза помогает понять стоимость и целесообразность работ по приведению в соответствие.

Следует отметить, что в соответствии с ч. 9 ст. 55.32 ГрК РФ лица, на которые возложена обязанность распорядиться самовольной постройкой, по своему выбору осуществляют снос самовольной постройки или ее приведение в соответствие с установленными требованиями.

Например, строительство малоэтажных многоквартирных домов под видом индивидуальных домов с нарушением целевого назначения участков привело к распространенной практике судов обязывать перепланировать помещения малоэтажного дома под индивидуальный жилой дом. Другой случай

«приведения в соответствие» – это самовольная реконструкция или строительство с отклонением от предельных параметров. Для этого примера характерно наличие частей постройки (балконы, крыльца и тому подобное), которые выступают за границы участка и демонтаж которых оказывается достаточно, чтобы «привести в соответствие». Реже, но все же достаточно часто демонтируют надстройки из нескольких этажей (просто построенные лишние этажи) и пристройки. При этом суды не забывают обязать привести целевое назначение земельного участка в соответствие.

Например, в деле № А41-18867/2021 Арбитражный суд Московской области утвердил мировое на условиях, что ответчик обеспечивает завершение проектных работ, получение положительного заключения государственной экспертизы на проектно-сметную документацию, оформление земельно-имущественных отношений на земельные участки, оформление разрешения на строительство объекта в определенный срок [6], а в деле № А41-10858/2020 этот же суд обязал владельца постройки привести ее в соответствие с параметрами или обязательными требованиями, а также разработать и утвердить проектную документацию, получить разрешение на строительство в определенный срок [7]. Интересно также дело Арбитражного суда г. Москвы № А40-25010/2020 [8], подтвержденное окружной инстанцией. Суд обязал ответчика привести постройку в соответствие с проектной и строительной документацией, предоставив в случае неисполнения решения суда в указанный срок право истцу осуществить мероприятия по приведению здания в соответствие с проектной и строительной документацией самостоятельно с дальнейшим возложением расходов на ответчика.

Суды часто признают, что снос недвижимого имущества является крайней мерой. «Такая мера может быть применена только в случае, если будет установлено, что сохранение этой постройки нарушает права и охраняемые законом интересы граждан и юридических лиц, создает угрозу жизни и здоровью граждан, и эти нарушения являются неустранимыми и существенными» (решение Арбитражного суда г. Севастополя от 01.09.2021 по делу № А84-4147/2019) [9]. В данном деле суд ушел в решение о «приведении в соответствие» в

отсутствие таких требований у истца по иску о сносе.

Следует отметить высокую степень дифференциации судебной практики по делам рассматриваемого рода. Например, в ситуации, когда объект не достроен, разрешение есть, но допущены нарушения, – в одном случае суд выносит решение о сносе такого объекта, а в другом – признает на него право. И чуть ли не главным критерием становится, какой иск (о сносе или о признании права) рассмотрен первым.

Правоприменительная практика показывает, что в такой ситуации всегда необходимо всегда заявлять встречный иск о признании права собственности на самовольную постройку.

Занимательна практика обхода конфликта решений через смену владельца самовольно реконструированной постройки. Так, в ситуации, когда снос был заявлен в суде общей юрисдикции, ответчик сначала в кассационной инстанции добился по процессуальному основанию отправки дела на пересмотр, а потом немедленно признал на нее право, но уже в арбитражном суде, поскольку новым собственником стало юридическое лицо.

По мнению Верховного Суда Российской Федерации, изложенному в определении от 23.06.2021 № 127-КАД21-6-К4 [10], конфликт между зарегистрированным правом и решением органа местного самоуправления о сносе самовольной постройки должен разрешаться в пользу ее сохранения, т. к. только суд может вынести решение о сносе зарегистрированного объекта. Указанное определение интересно также тем, что Верховный Суд признал супруга, не указанного в реестре прав на недвижимость, но обладающего постройкой на праве совместной собственности, заинтересованным лицом. Это расширяет возможности для обжалования похожих решений по процессуальным основаниям.

В заключение отметим, что конфликт решений по делам о самовольных постройках – это пробел в законе и процессуальное препятствие. Поэтому это часто вопрос политики права. Изменения в судебной практике, связанные с заключением мировых соглашений, требуют от юристов уметь и представлять клиента в суде, и участвовать в переговорах с властями, разрешая конфликты по существу.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002, № 30, ст. 3012.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002, № 46, ст. 4532.

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2005, № 1 (часть 1), ст. 16.

4. Официальный портал Судебного департамента при ВС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 04.02.2022).

5. Постановления Пленума ВС и Пленума ВАС от 29.04.2010 № 10/22 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Решение по делу № А41-18867/2021 АС Московской области // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Решение по делу № А41-10858/2020 АС Московской области // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Решение по делу № А40-25010/2020 АС Московской области // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Решение по делу по делу № А84-4147/2019 АС г. Севастополя // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Определение ВС от 23.06.2021 № 127-КАД21-6-К4 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation № 95-FL of 24.07.2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, № 30, Art. 3012.

2. Civil Procedural Code of the Russian Federation № 138-FL of 14.11.2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, № 46, Article 4532.

3. Urban Planning Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 № 190-FL // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2005, № 1 (Part 1), Art. 16.4.

4. Official portal of the Judicial Department at the Supreme Court [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru> (date of access: 02.04.2022).

5. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court and the Plenum of the Supreme Court of 29.04.2010 № 10/22 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

6. The decision on the case № А41-18867/2021 AC of the Moscow region // Access from legal reference system «ConsultantPlus».

7. Decision on case № А41-10858/2020 AS of the Moscow region // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

8. Decision on case № А40-25010/2020 AC of the Moscow region // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

9. The decision on the case in case № А84-4147/2019 AC g. Sevastopol // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

10. Definition of the Sun from 06.23.2021 № 127-KAD21-6-K4 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

© 2022 г. Фазлиева Лилия Канзеловна,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института
МВД России, кандидат химических наук, доцент.
E-mail: LKFaz@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ (ЭСКРОУ)

В статье представлена различная аргументация ученых-цивилистов о сущности, квалифицирующие признаки договора условного депонирования (эскроу). Рассмотрены правовые нормы, регулирующие особенности совершения депонирования отдельных видов имущества – вещей, безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг.

Ключевые слова: договор условного депонирования (эскроу), эскроу-агент, объект условного депонирования, счет эскроу, номинальный счет, публичный депозитный счет нотариуса.

Fazlieva Lilia Kanzelovna – Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Chemistry, Associate Professor.

LEGAL REGULATION OF THE ESCROW AGREEMENT

The article presents various arguments of civil scientists about the essence, qualifying features of an escrow agreement. The legal norms regulating the specifics of the deposition of certain types of property – things, non-cash funds, non-documentary securities are considered.

Keywords: escrow agreement (escrow), escrow agent, escrow object, escrow account, nominal account, notary public deposit account.

В 2017 г. федеральный законодатель дополнил раздел IV «Отдельные виды обязательств» ч. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) новой главой – 47.1 «Условное депонирование (эскроу)». Указанное нововведение стало продолжением реформирования обязательственного права, т. к. в имущественном обороте уже применяется договор счета эскроу. Ученые-цивилисты сходятся во мнении о тесной правовой связи этих двух гражданско-правовых институтов на основе «условности» обязательств, разграничение которых осуществляется по следующим обстоятельствам: счет эскроу характеризуется через объект договора (исключительной формой привлечения денежных средств подрядчиком при строительстве многоквартирного жилого дома), а условное депонирование – через процесс. Следовательно, федеральный законодатель сначала создал специальные правовые институты, которые стали в будущем элементами договора условного депонирования (эскроу). Данный тезис находит отражение в работе А. Маликова и А. Рябина [1].

В российском гражданском праве существует различная аргументация ученых-цивилистов относительно сущности и квалифицирующих признаков договора эскроу. Так, М.Е. Моргачева указывает на гарантирующую (обеспечительную) функцию эскроу, исполь-

зуемую как технологию расчетов в конструкциях «кредитор – должник» [2, с. 23]. Схожая субрепция представлена Л.Г. Ефимовой, которая отмечает лично-доверительный характер, складывающийся между участниками обеспечительного обязательства: должником-депонентом, эскроу-агентом и бенефициаром [3, с. 361–363]. Однако М.А. Токмаков считает, что договор эскроу нельзя рассматривать как непоименованный способ обеспечения исполнения обязательства, предусмотренный в ст. 329 ГК РФ [4, с. 182–187].

По мнению Н.Г. Соломиной, потребность вступления в договорные отношения по условному депонированию у участников гражданского оборота «сама по себе возникнуть не может», т. к. данная договорная конструкция является следствием нескольких взаимосвязанных сделок, т. е. лишь одной из стадий в общем механизме исполнения основного обязательства [5, с. 19–20].

Так, содержание обязательства, вытекающего из договора эскроу, подразумевает взаимосвязь следующих действий его участников:

1) передача депонентом имущества на депонирование эскроу-агенту для исполнения его (депонента) обязательства по передаче этого имущества третьему лицу. Как правило, с момента вручения эскроу-агенту имущества обязанность депонента считается исполненной;

2) передача эскроу-агентом депонированного имущества бенефициару только при возникновении указанных в соглашении оснований (юридических фактов – событий, действий). Следует отметить, что договор эскроу может включать одно или перечен оснований. При этом эскроу-агент обязан передать депонированное имущество бенефициару при возникновении как одного из перечня оснований, так и юридического состава (комплекса событий или действий).

Кроме этого, в обязанности эскроу-агента входит сохранность переданного на депонирование имущества. По мнению А.Т. Гаймалеевой и Н.И. Гайсина, эскроу-агент выступает в роли «арбитра» сторон основного соглашения [6]. Л.А. Виноцкая также утверждает, что конструкция эскроу призвана решать проблему «первого шага» между сторонами базового договора, между которыми по каким-либо причинам не сложилось отношений уверенности во встречном исполнении [7]. Вследствие этого присутствие независимой третьей стороны, обладающей положительной деловой репутацией и финансовой устойчивостью, дает сторонам сделки существенные гарантии ее надлежащего исполнения.

Действие бенефициара или третьего лица (органа) является основанием для передачи эскроу-агентом депонированного имущества.

Основания могут и не наступить. В этом случае объект депонирования возвращается депоненту.

На полифункциональный характер как участников, так и объекта депонирования договора эскроу в гражданском обороте указывает В.В. Витрянский [8, с. 9].

Все перечисленные факторы выделяют самостоятельный характер его предмета – оказание услуги по условному депонированию, позволяющий расположить его в отдельных видах обязательств в кодифицированном отраслевом законе.

Гражданское законодательство предусматривает некоторые особенности условного депонирования отдельных видов имущества. Выделим их.

1. Вещь.

Федеральный законодатель предусмотрел исключительный объект депонирования – движимую вещь, которая передается депонентом во владение эскроу-агенту (гаранту надлежащего исполнения) на определенный промежуток времени, обязанному сохранить эту вещь и передать ее бенефициару при наступлении оснований (юридических фактов – событий, действий).

Проанализируем момент перехода права собственности на вещь в условном депонировании (эскроу). Существует отдельная императивная норма (ст. 926.5 ГК РФ) в данных правоотношениях, устанавливающая особое правило о моменте возникновения права собственности на вещь у бенефициара: до наступления указанных в соглашении оснований (юридических фактов – событий, действий) объект депонирования сохраняется за депонентом, после наступления оснований (юридических фактов – событий, действий) право собственности на вещь переходит к бенефициару [9].

Однако при изучении указанного нормативного правила видятся некоторые особенности:

1) осуществляется автоматический переход права собственности на вещь от депонента к бенефициару при возникновении оснований (юридических фактов), указанных в эскроу-договоре, – вещь еще не передана эскроу-агентом бенефициару, а он (бенефициар) – уже собственник. Поэтому на бенефициара будут распространяться не только благо обладания (ст. 209 ГК РФ), но и бремя содержания вещи (ст. 210 ГК РФ), хотя он еще ограничен в своих правомочиях, т. к. объект находится у эскроу-агента;

2) конкретизирован момент перехода права собственности от депонента к бенефициару – с даты возникновения оснований (юридических фактов) для передачи депонированного имущества, указанных в эскроу-договоре. Как справедливо указывают Б.М. Гонгалло и П.В. Крашенинников, «такое указание представляется несколько неопределенным». Поэтому необходимо в ч. 1 ст. 926.5 ГК РФ внести изменения, изложив их в следующей редакции:

«... в случае передачи на депонирование вещи депонент сохраняет право собственности на них до момента возникновения оснований для их передачи бенефициару, ... далее по тексту. Право собственности на вещь переходит к бенефициару с даты (в день) наступления оснований, когда момент возникновения оснований (юридических фактов) не может быть установлен».

2. Бездокументарные ценные бумаги.

Гражданское законодательство выделяет некоторые функциональные признаки условного депонирования бездокументарных ценных бумаг, в частности:

- внесение записи об обременении бездокументарных ценных бумаг по счету депо правообладателя (депонента) или третьего лица с момента их зачисления на счет депо;
- иные правила, установленные законом

Теория и практика отечественной и зарубежной цивилистики

о рынке ценных бумаг (п. 2 ст. 51.6), – держатель реестра или депозитарий должны идентифицировать бенефициара (бенефициаров) при открытии счета депо (лицевого счета).

Следовательно, эскроу-агент – это профессиональный участник рынка ценных бумаг (держатель реестра, депозитарий), когда объектом депонирования выступают бездокументарные ценные бумаги. При этом квалифицированный участник (держатель реестра, депозитарий) лишен главенствующего субъективного права – правомочия распоряжения объектом депонирования.

3. Безналичные денежные средства.

При депонировании безналичных денежных средств выделяют два варианта правового регулирования указанных отношений, зависящих от правового положения эскроу-агента:

– эскроу-агент – кредитная организация (банк), то к договорной конструкции применяются нормы о договоре счета эскроу (ст. 860.7–860.10 ГК РФ). В основе правового режима счета эскроу лежит осуществление

ограниченного перечня банковских операций (зачисление, перечисление денежных средств бенефициару только после возникновения указанных в соглашении оснований (юридических фактов – событий, действий), перечисление остатка денежных средств депоненту);

– эскроу-агент – другое лицо (не банк) – безналичные денежные средства депонируются на номинальном счете эскроу-агента (860.3–860.6 ГК РФ) либо на публичном депозитном счете нотариуса (ст. 87 Закона о нотариате № 4462-1 [10]). Правовая конструкция номинального счета предусматривает возможность участия (отсутствия) бенефициара в указанных отношениях. Следует отметить, что закон предусматривает участие одного или нескольких бенефициаров. При отсутствии бенефициара договор признается в пользу третьего лица.

Отличительные признаки договоров счета эскроу, номинального счета и публичного депозитного счета нотариуса при депонировании безналичных денежных средств отражены в таблице.

Таблица

Отличительные правовые признаки договоров счета эскроу, номинального счета и публичного депозитного счета нотариуса как составных элементов условного депонирования

	Счет эскроу	Номинальный счет	Публичный депозитный счет нотариуса
Сфера применения	Для целей условного депонирования	Как в целях условного депонирования, так и в иных целях (опека и попечительство, агентский договор, договор доверительного управления имуществом)	Только в указанных законом случаях
Момент заключения	Фактическая передача денежных средств депонентом кредитной организации (банку)	Соглашение участников по всем существенным условиям	
Статус эскроу-агента	Кредитная организация (банк)	Третье лицо (не банк)	Нотариус
Установление запретов	Распоряжаться денежными средствами депонентом и бенефициаром, если иное не предусмотрено соглашением сторон (п. 1 ст. 860.8 ГК РФ)	Распоряжаться денежными средствами номинальным владельцем (ст. 860.3, 860.5, п. 3 ст. 860.6 ГК РФ)	Распоряжаться, проводить банковские операции по публичному депозитному счету и кредитованию счета нотариусом (ст. 860.12, 860.14 ГК РФ)
Количество лиц	Трехсторонний	С участием бенефициара – многосторонний, без участия бенефициара – двусторонний	Двусторонний

Следовательно, договоры счета эскроу, номинального счета и публичного депозитного счета нотариуса являются составными элементами условного депонирования, если объектом эскроу-договора являются безналичные денежные средства.

Объект депонирования подлежит передаче эскроу-агентом бенефициару только при наступлении установленных соглашением оснований. Перечислим некоторые варианты, подтверждающие возникновение оснований (юридических фактов) для передачи объекта депонирования:

1) эскроу-агент знает о наступлении оснований (юридических фактов):

– получил уведомление депонента (например, об оплате товара);

– наступление события или совершение действия третьим лицом;

2) эскроу-агент проверяет наличие оснований (юридических фактов) (п. 2 ст. 926.3 ГК РФ). При установлении вины и противоправности поведения эскроу-агента в исполнении отмеченной обязанности возникают имущественные потери (взыскание убытков, неустойка), предусмотренные законом или соглашением;

3) эскроу-агент принимает документы у бенефициара, подтверждающие наступление оснований (юридических фактов), указанных в договоре.

Кроме этого, договор эскроу предполагает прекращение обязательства вследствие выбытия одного из участников сделки вследствие погашения обязательственной связи, хотя в гл. 47.1 ГК РФ не содержатся такие специальные нормы (исключение ст. 926.6 ГК РФ – выбытие эскроу-агента).

Таким образом, договор условного депонирования (эскроу) был встроен в конструкцию сделок, гарантирующих исполнение обязательств, вследствие присутствия независи-

мой третьей стороны, обладающей положительной деловой репутацией и финансовой устойчивостью, позволяющих в должной мере защитить законные права и интересы участников соглашения. Кроме этого, в гражданско-правовых отношениях проявляются его многофункциональность, посреднический и лично-доверительный характеры исполнения обязательств.

Особый правовой режим депонированного имущества подразумевает:

– уникальность момента перехода права собственности на вещь, выражающегося в автоматическом переходе права собственности на вещь от депонента к бенефициару с даты возникновения оснований (юридических фактов), указанных в эскроу-договоре. Такое указание «с даты возникновения» является неопределенным и предлагается в ч. 1 ст. 926.5 ГК РФ внести изменения, изложив их в следующей редакции:

«... в случае передачи на депонирование вещей депонент сохраняет право собственности на них до момента возникновения оснований для их передачи бенефициару, ... далее по тексту. Право собственности на вещь переходит к бенефициару с даты (в день) наступления оснований, когда момент возникновения оснований (юридических фактов) не может быть установлен»;

– когда объектом депонирования выступают бездокументарные ценные бумаги – эскроу-агент – это профессиональный участник рынка ценных бумаг (держатель реестра, депозитарий);

– когда объектом эскроу-договора являются безналичные денежные средства – договоры счета эскроу, номинального счета и публичного депозитного счета нотариуса являются составными элементами условного депонирования в зависимости от правового статуса эскроу-агента.

Литература

1. Маликов А., Рябинин А. Договор условного депонирования (эскроу): особенности, преимущества, перспективы // Банковское обозрение. Приложение «БанкНадзор». 2018. № 2.

2. Моргачева М.Е. Правовые различия конструкции договора эскроу и его аналогов по праву России // Вестник арбитражной практики. 2015. № 2.

Bibliography

1. Malikov A., Ryabinin A. Escrow agreement: features, advantages, prospects // Bank review. The BankNadzor application. 2018. № 2.

2. Morgacheva M.E. Legal differences in the construction of an escrow contract and its analogues in the law of Russia // Bulletin of Arbitration practice. 2015. № 2.

3. Efimova L.G. Bank deposit agreement. Bank account agreement: monograph. Moscow, 2018.

3. Ефимова Л.Г. Договор банковского вклада. Договор банковского счета: монография. М., 2018.
4. Токмаков М.А. Условное депонирование (эскроу) в праве России и США: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017.
5. Соломина Н.Г. К вопросу о договоре условного депонирования // Право и экономика. 2019. № 10.
6. Гаймалеева А.Т., Гайсин Н.И. Трансграничный договор условного депонирования (эскроу) как способ обеспечения исполнения обязательства: некоторые недостатки в правовой регламентации // Образование и право. 2019. № 11.
7. Веницкая Л.А. Счет эскроу как инструмент реализации инвестиционных проектов // Юрист. 2021. № 8.
8. Витрянский В.В. Очередной этап реформы гражданского законодательства: потери и достижения // Хозяйство и право. 2017. № 10.
9. Гасников К.Д. Условное депонирование движимого имущества как способ обеспечения исполнения обязательств // Вестник арбитражной практики. 2019. № 3.
10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 // Российская газета. 1993. № 49.
4. Tokmakov M.A. Escrow in the law of Russia and the USA: auth abst. ... Cand. of Law. Samara, 2017.
5. Solomina N.G. On the issue of the escrow agreement // Law and economics. 2019. № 10.
6. Gaimaleeva A.T., Gaisin N.I. Cross-border escrow agreement as a way to ensure the fulfillment of an obligation: some shortcomings in legal regulation // Education and Law. 2019. № 11.
7. Vinitskaya L.A. Escrow account as a tool for implementing investment projects // Lawyer. 2021. № 8.
8. Vitryansky V.V. The next stage of civil legislation reform: losses and achievements // Economy and law. 2017. № 10.
9. Gasnikov K.D. Conditional deposit of movable property as a way to ensure the fulfillment of obligations // Bulletin of arbitration practice. 2019. № 3.
10. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries: approved. Armed Forces of the Russian Federation 11.02.1993 № 4462-1 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. № 49.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342.9
ББК 67.401

© 2022 г. Давыдов Максим Вячеславович,

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук.
E-mail: mdd86.m@yandex.ru

Лубский Роман Анатольевич,

профессор кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России, доктор философских наук, доцент.
E-mail: roma-thebest@mail.ru

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ, ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ, ИСТОРИЧЕСКИХ, ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ И МЕДИЦИНСКИХ АСПЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье предпринята попытка охарактеризовать социально-политические, терминологические, исторические, теоретико-правовые и медицинские аспекты государственной деятельности в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Исследование темы позволило авторам статьи сделать вывод о том, что именно данные аспекты государственной деятельности в сфере здравоохранения определяют, во-первых, ее основное содержание, во-вторых, специфику государственного управления в сфере охраны здоровья, в-третьих, особенности правового регулирования, осуществляемого в рамках социальной политики как совокупности социально значимых оздоровительных практик, выступающих в качестве системы социальных гарантий, предусмотренных в области отечественного здравоохранения.

Ключевые слова: здоровье, охрана здоровья, государственное управление, здравоохранение, социальная политика, специальные медицинские мероприятия.

Davydov Maxim Vyacheslavovich – Senior Lecturer, the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, PhD in Law.

Lubsky Roman Anatolievich – Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

GENERAL CHARACTERISTICS OF SOCIO-POLITICAL, TERMINOLOGICAL, HISTORICAL, THEORETICAL, LEGAL AND MEDICAL ASPECTS OF STATE ACTIVITY IN THE FIELD OF PUBLIC HEALTH PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article attempts to characterize the socio-political, terminological, historical, theoretical, legal and medical aspects of state activity in the field of public health protection in the Russian Federation. The study of the topic allowed the authors of the article to conclude that it is these aspects of state activity in the field of healthcare that determine, firstly, its main content, secondly, the specifics of public administration in the field of health protection, and thirdly, the peculiarities of legal regulation carried out within the framework of social policy as a set of socially significant health practices, acting as a system of social guarantees provided for in the field of domestic healthcare.

Keywords: health, health protection, public administration, healthcare, social policy, special medical measures.

Государственная деятельность в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации является многоаспектной по своему содержанию и полифункциональной по форме осуществления.

Социально-политические аспекты. В ст. 7 Конституции Российской Федерации социаль-

ная политика рассматривается в качестве такой разновидности государственной политики, которая направлена на создание социальных условий, обеспечивающих достойный уровень жизни человека. Если обеспечение достойного уровня жизни – это предметная область финансово-экономических мероприятий, проводимых

с целью удовлетворения первоочередных потребностей человека в сфере продовольственного, коммунального обеспечения, культуры и образования, то вопросы охраны здоровья, по мнению авторов статьи, приобретают особую актуальность именно в тех случаях, когда речь идет о качестве жизни.

Практическая реализация этих условий нацелена, с одной стороны, на обеспечение финансирования государственных программ, реализуемых в сфере здравоохранения, с другой – на материальное обеспечение профильных медицинских учреждений и организаций. Реализация государственных программ осуществляется в рамках основных направлений социальной политики, предусматривающей организацию системы оздоровительных мероприятий, проводимых в рамках государственного управления здравоохранением. Данные мероприятия необходимо рассматривать, с одной стороны, как систему социальных гарантий, предоставляемых государством гражданам для обеспечения их социальной защищенности, с другой – как совокупность государственных инициатив и официальных акций, реализуемых в сфере публичного управления здравоохранением и выступающих своеобразным индикатором его эффективности. К числу таких мероприятий необходимо отнести все государственные акции, выраженные в правовой форме и направленные, во-первых, на обеспечение бесперебойного функционирования учреждений системы государственного здравоохранения, во-вторых, организацию социального патронажа за инвалидами, в-третьих, обеспечение материальной компенсации тем гражданам, здоровью которых причинен ущерб.

Терминологические аспекты государственной деятельности по охране здоровья граждан в Российской Федерации обусловлены наличием многообразных определений соответствующего вида государственной деятельности [10] и тем, что эти определения формулируются на произвольной основе в контексте различных методологических ориентиров, которых придерживаются исследователи государственной деятельности в сфере охраны здоровья. Этим обстоятельством можно объяснить, почему вместе с употреблением словосочетания «охрана здоровья» в отечественной правовой доктрине используется термин «здравоохранение». При этом необходимо отметить, что в структурах совре-

менного отечественного законодательства отсутствуют официальные формы определения понятия «здравоохранение», поэтому вопрос о содержании этого термина до сих пор выступает предметом интенсивных дискуссионных практик.

Несмотря на определенные терминологические особенности, характеризующие эти понятия, осуществить их разграничение представляется затруднительным. Вместе с тем анализ препятствий позволяет определить одно базовое отличие. В рамках федерального закона, устанавливающего основные правила и принципы охраны здоровья российских граждан, предметом правового регулирования выступают отношения именно в области охраны здоровья. В свою очередь, правовые нормы, закрепляющие эти отношения, в своей совокупности образуют «законодательство в сфере охраны здоровья». Слово сочетание «сфера охраны здоровья» фиксирует особую предметную область этих отношений, которая имеет целостный и многоаспектный характер этих отношений, поэтому с позиции законодателя, выраженной в рамках федерального закона, термины «охрана здоровья» и «здравоохранение» рассматриваются как понятия синонимичные, т. к. с их помощью обозначена одна и та же сфера социальности [13]. Это предположение подтверждается в рамках контент-анализа содержания национальной целевой программы «Развитие здравоохранения», в которой рассматриваемые понятия используются как равнозначные по смыслу и тождественные по содержанию [8].

Терминологические аспекты употребления в русском языке дефиниции «здравоохранение» заключаются также и в том, что этим сложносоставным словом обозначается вид деятельности, который, с одной стороны, направлен на охрану человеческого здоровья, с другой – на поддержание общественной гигиены и санитарии [6].

В научных дисциплинарных практиках можно обнаружить различные определения понятия «здравоохранение», которые варьируются в диапазоне отождествления «здравоохранения» с «охраной здоровья» вплоть до понимания здравоохранения как особой системы государственных мероприятий исключительно медицинского свойства. Именно такое определение прочно утвердилось в тезаурусе различных представителей современной медицинской науки, которые

рассматривают понятие «здравоохранение» как совокупность организационно-правовых, экономических, социальных и санитарных мероприятий, направленных, с одной стороны, на охрану здоровья гражданского населения, с другой – на сбережение инфраструктуры, обеспечивающей эту охрану [1, с. 80–83].

В соответствии с базовыми принципами деятельности Всемирной организации здравоохранения «здоровье» – это вербальный индикатор состояния человека, которое характеризуется не столько отсутствием соматических заболеваний, сколько наличием эмоциональной и телесной удовлетворенности, обеспечивающей индивидуальное и социальное благополучие. Всемирной организации здравоохранения на уровне нормативно-правового регулирования установлен качественный критерий человеческого здоровья, предусматривающий наивысший уровень его развития, и здоровье человеческой популяции в целом рассматривается в качестве условия обеспечения мира и безопасности всего человечества [12].

Таким образом, «охрана здоровья» – это словосочетание, обозначающее особый вид деятельности публичных органов власти, представляющий собой единство экономических, социальных, политических, медицинских, организационно-правовых мероприятий, ориентированных на укрепление здоровья, обеспечивающих долголетие и гарантирующих медицинскую помощь при возникновении проблем со здоровьем [13].

Исследование исторических аспектов темы позволило сделать вывод о наличии отличительных характеристик национального законодательства об охране здоровья в эпоху существования СССР. Первая его особенность заключается в том, что правовое регулирование вопросов и проблем, возникающих в сфере охраны здоровья граждан, в основном осуществлялось на основе норм административного права. Вторая – в том, что оказание медицинской помощи происходило исключительно на безвозмездной основе. Вся эта специфика обусловлена тем, что охрана здоровья советских граждан в рамках нормативно-правового регулирования рассматривалась, с одной стороны, как официальная обязанность публичных органов власти, с другой – как один из векторов реализации государственно-властных полномочий институтами государственной власти [2, с. 3–10].

В советской науке административного права представления о «здравоохранении» консолидировались в рамках двух базовых подходов. В контексте расширенного толкования «здравоохранение» рассматривалось как понятие, обозначающее совокупность социально-экономических мероприятий, санкционируемых государством в соответствующей сфере социальности. С позиции узкого подхода – это государственная деятельность в сфере здравоохранения.

В российской науке административного права здравоохранение в основном рассматривается в рамках деятельностного и системного подходов научного исследования и, соответственно, понимается либо как государственная деятельность, либо как сложная система коммуникаций и отношений [11, с. 45–48].

Изучение особенностей исторических этапов реконструкции и модернизации системы здравоохранения в условиях советской и постсоветской социальности позволило некоторым специалистам сделать вывод о том, что качественное оказание медицинских услуг в современном российском обществе приобрело статус острой социальной проблемы, решение которой возможно лишь на основе определения условной социальной пропорции, устанавливающей взаимную зависимость между потребностями граждан в доступной и квалифицированной помощи, а также кадровыми и материально-техническими возможностями ее оказания со стороны государства [14, с. 91–95]. Это предположение подтверждается позицией некоторых исследователей, отмечающих чувство неудовлетворенности российских граждан, выраженное в значительном росте жалоб, связанных с реализацией их прав в сфере охраны здоровья и особенно качества медицинской помощи. При этом особое место среди этих жалоб занимают те, которые имеют административно-правовую природу [15].

Теоретико-правовые аспекты государственной деятельности по охране здоровья граждан в Российской Федерации обусловлены спецификой научного дискурса по этому вопросу. В отличие от международно-правовых стандартов в отечественной юриспруденции «здоровье» представляет собой номинацию индивидуального нематериального блага, провозглашенного социальной ценностью и охраняемого в рамках деятельности специальных учреждений публичной власти. Эта деятельность

облечена в правовую форму и предусмотрена федеральным законом, в соответствии с которым здоровье рассматривается как особое состояние физиологического и социально-психического комфорта, характеризуемого отсутствием расстройства функционирования органов и систем жизнеобеспечения организма [13].

Официальные мероприятия, проводимые с целью нормативного обеспечения охраны и укрепления здоровья российских граждан, представляют собой деятельность государственно-властных институтов, направленную на разработку и принятие (издание) нормативных актов, посвященных правовому урегулированию проблем, периодически возникающих в сфере здравоохранения. При этом важно подчеркнуть, что охрана, защита, сохранение и укрепление здоровья россиян – это априорно проблемная сфера социальной политики, проводимой государством в современном российском обществе. Проблемный характер этой политики обусловлен, с одной стороны, необходимостью учета при ее проведении особой роли нравственных, этических и корпоративных норм, реализуемых в профессиональной деятельности медицинского работника, с другой – высокой значимостью проблемы сбережения человеческих ресурсов.

В современной отечественной юридической науке проблемам, возникающим в сфере государственной защиты и охраны здоровья граждан, особое внимание уделяется в таких дисциплинарных научных практиках, которые реализуются в рамках науки конституционного и административного права.

В науке конституционного права основное внимание специалистов уделяется вопросам, возникающим в ходе государственной деятельности, осуществляемой с целью создания благоприятных правовых условий, обеспечивающих конституционное право гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь. Отчасти это можно объяснить тем, что в соответствии с общими принципами конституционно-правового регулирования проблем, возникающих в сфере охраны здоровья российских граждан, их решение с нормативной точки зрения обусловлено содержанием ч. 1 ст. 41 Конституции России, утверждающей, с одной стороны, право на охрану здоровья, с другой – право на медицинскую помощь [4].

Практическая реализация этих конституционных прав и решение соответствующих

задач должно быть материализовано в рамках государственной системы здравоохранения, представляющей собой совокупность структурно-организационных и функциональных связей между различными субъектами государственного управления, осуществляющими санкционируемую государством деятельность по охране здоровья. При этом если в рамках конституционного права основное внимание специалистов уделяется изучению особенностей права на охрану здоровья и медицинскую помощь, то в рамках науки административного права исследовательский интерес сконцентрирован на изучении специфики государственного управления здравоохранением.

Анализируя особенности правового регулирования социальных отношений в сфере охраны здоровья российских граждан, некоторые специалисты отмечают активное воспроизводство «советской» практики нормативно-правового регулирования отношений в исследуемой области, основанной на приоритетном использовании норм административного права, которые в силу своей специфики обеспечивают наибольший эффект, получаемый именно в рамках административно-правового регулирования. Вместе с тем перечень основных направлений административно-правового регулирования в соответствующей сфере социальности непрерывно расширяется, формируя предпосылки для возникновения самостоятельной отрасли российского права – медицинского права [3, с. 21–26].

Медицинские аспекты административно-правового регулирования государственной деятельности в сфере охраны здоровья заключаются в осуществлении специальных медицинских мероприятий, предусматривающих предоставление различных видов медицинской помощи, оказываемой в контексте реализации совокупности санитарно-эпидемиологических и противоэпидемиологических правил, рассчитанных на неоднократное применение. Специальные медицинские мероприятия, проводимые государством в сфере здравоохранения, реализуются, во-первых, в условиях перманентного технологического прогресса, создающего благоприятные социальные предпосылки для разработки, внедрения в производство и практическое применение медицинского оборудования, а также инновационных способов профилактики, диагностики и лечения заболеваний различной этиологии, во-вторых, для создания

Отдельные вопросы правоохранительной деятельности

новых вакцин, лекарственных препаратов и средств. Об эффективности и значимости подобного рода мероприятий, проводимых государственными учреждениями власти в современном российском обществе, свидетельствуют результаты деятельности ученых и специалистов, разработавших вакцину против новой коронавирусной инфекции COVID-19, доказавшей свою эффективность не только в России, но и во всем мире [7, с. 216–227].

В силу функциональных особенностей этих профессиональных практик, а также в связи с тем, что в нашей стране медицинский работник осуществляет свою деятельность на основе профессиональной клятвы, федеральное законодательство, фиксируя основные профессиональные (должностные) его обязанности, закрепляет два базовых требования, предъявляемых к профессиональной деятельности и характеризующих две ее отличительные особенности, в соответствии с которыми эта деятельность должна осуществляться, во-первых, в строгом соответствии с российским законодательством. Во-вторых, на основе деонтологических критериев и принципов медицинской этики, определяющих этическое отношение медицинского работника к своим профессиональным обязанностям на основе

принципов гуманизма, реализуемых в сфере интимных взаимоотношений врача и пациента. Этическая и корпоративная составляющая профессиональных отношений в сфере медицинского обслуживания является приоритетным видом нормативного регулирования профессиональной деятельности врача в современном российском обществе [13]. Как отмечают некоторые специалисты, во многом это связано с тем, что в профессиональной деятельности врача нормы и ценности корпоративной этики зачастую обладают приоритетом и выступают в качестве доминирующего нерелексивного [5, с. 54–59] мотива, характеризующего его профессиональное поведение [9, с. 10–15].

Таким образом, несмотря на наличие базового «специального» закона, социальные коммуникации, формирующиеся в сфере здравоохранения, в силу своего многоаспектного характера регламентируются на основе нормативного регулирования, осуществляемого с помощью норм различных отраслей российского права, что позволяет сделать вывод о приоритете межотраслевого нормативного правового регулирования проблем, возникающих в сфере охраны здоровья россиян.

Литература

1. Глущенко А.Н. К дискуссии о понятии «Система здравоохранения Российской Федерации»: административно-правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета, 2012. № 43.
2. Закурдаева А.Ю. Управление деятельностью по оказанию первой помощи: административно-правовой аспект: дисс. канд. юрид. наук. М., 2015.
3. Качанова Е.А., Захарова Е.Н. Система регулирования здравоохранения на федеральном и муниципальном уровнях: зарубежный опыт и российская практика // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. № 2(19).
4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ)

Bibliography

1. Glushchenko A.N. On the discussion of the concept of «Healthcare system of the Russian Federation»: administrative and legal aspect // Bulletin of the South Ural State University, 2012. № 43.
2. Zakurdaeva A.Yu. Management of first aid activities: administrative and legal aspect: diss. cand. jurid. Moscow, 2015.
3. Kachanova E.A., Zakharova E.N. The system of healthcare regulation at the federal and municipal levels: foreign experience and Russian practice // Municipality: economics and management. 2017. № 2(19).
4. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 № 6-FKL, of December 30, 2008 № 7-FKL, of 05.02.2014 № 2-FKL, of July 21, 2014 № 11-FKL, of 14.03.2020 № 1-FKL) [Electronic resource]. URL: <http://consultant.ru> (date of access: 28.04.2022).
5. Lubskey A.V., Lubskey R.A., Pestov R.A. Features of reflexive and non-reflexive structures of

[Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 28.04.2022).

5. Лубский А.В., Лубский Р.А., Пестов Р.А. Особенности рефлексивных и нерефлексивных структур правового поведения в современном российском обществе // *Философия права*, 2019. № 1(88).

6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 100 000 слов, терминов и выражений. М., 2017.

7. Онищенко Г.Г., Сизикова Т.Е., Лебедев В.Н., Борисевич С.В. Анализ перспективных направлений создания вакцин против Covid-19 // *БИОпрепараты. Профилактика, диагностика, лечение*. 2020. Т. 20. № 4.

8. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1640 (ред. от 25.0.12021) [Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 28.04.2022).

9. Саперов В.Н. Значение для врачевания соблюдения основных принципов медицинской этики // *Главврач*. 2015. № 3.

10. Сучкова Т.Е. Основы административно-правового регулирования врачебной деятельности по оказанию медицинской помощи гражданам в Российской Федерации: автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2016.

11. Тищенко Т.А., Сабирова З.Э. Особенности государственного управления сферой здравоохранения на современном этапе в России // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: экономика*, 2015. № 4(14).

12. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения. Принят 22.07.1946 Международной конференцией здравоохранения (Нью-Йорк. 19–22 июля 1946 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document> (дата обращения: 02.05.2022).

13. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 года № 323-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 28.04.2022).

14. Хрептус Е.С., Ковтюх Г.С. Совершенствование системы управления качеством услуг здравоохранения в Российской Федерации // *Лечебное дело*. 2016. № 3(14).

15. Яковлева Е. Жалоба с правом передачи // *Российская газета*. 2016. № 61.

legal behavior in modern Russian society // *Philosophy of Law*, 2019. № 1(88).

6. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. 100 000 words, terms and expressions. Moscow, 2017.

7. Onishchenko G.G., Sizikova T.E., Lebedev V.N., Borisevich S.V. Analysis of promising directions for creating vaccines against Covid-19 // *Bio-preparations. Prevention, diagnosis, treatment*. 2020. Vol. 20. № 4.

8. On the approval of the state program of the Russian Federation «Development of healthcare»: Resolution of the Government of the Russian Federation № 1640 dated 26.12.2017 (d.d. of 25.0.12021) [Electronic resource]. URL: <http://consultant.ru> (date of access: 28.04.2022).

9. Saperov V.N. Significance for the treatment of compliance with the basic principles of medical ethics // *Chief Physician*. 2015. № 3.

10. Suchkova T.E. Fundamentals of administrative and legal regulation of medical activity for the provision of medical care to citizens in the Russian Federation: auth. abstr. ... Cand. of Law. Moscow, 2016.

11. Tishchenko T.A., Sabirova Z.E. Features of state management of the healthcare sector at the present stage in Russia // *Bulletin of the USNTU. Science, education, economics. Series: Economics*. 2015. № 4(14).

12. Charter (Constitution) of the World Health Organization. Adopted on 22.07.1946 by the International Health Conference (New York. July 19–22, 1946) [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document> (date of access: 02.05.2022).

13. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: fed. law № 323-FL of 21.11.2011 [Electronic resource]. URL: <http://consultant.ru/> (date of access: 22.04.2022).

14. Hreptus E.S., Kovtyukh G.S. Improving the quality management system of healthcare services in the Russian Federation // *Medical business*. 2016. № 3(14).

15. Yakovleva E. Complaint with the right of transfer // *Rossiyskaya Gazeta*. 2016. № 61.

© 2022 г. Тамазова Анна Дмитриевна,

доцент кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета
МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: abd.8282@mail.ru

АКТИВНОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО: ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПО ПРИГОВОРУ СУДА)

В статье исследуется закрепленное ст. 32 Конституции РФ важнейшее политическое конституционное право граждан на участие в выборах и референдуме, основания его ограничения (анализ особенностей такого ограничения проводится применительно к лицам, содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда). На основе анализа нормативно-правового регулирования данных вопросов автором приводятся доводы о несовершенности действующего запрета на реализацию активного избирательного права осужденными к лишению свободы, предлагаются пути решения существующей проблемы.

Ключевые слова: конституция, конституционное право, активное избирательное право, ограничение избирательных прав граждан, осужденный, Европейский суд по правам человека, Конституционный Суд РФ.

Tamazova Anna Dmitrievna – Associate Professor, the Department of Constitutional and Administrative Law, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

SUFFRAGE: GROUNDS FOR RESTRICTION (ON THE EXAMPLE OF PERSONS IMPRISONED UNDER A COURT SENTENCE)

The article examines the most important political constitutional right of citizens to participate in elections and referendums enshrined in art. 32 of the Constitution of Russia, as well as the grounds for its restriction (the analysis of the features of such restriction is carried out in relation to persons held in places of deprivation of liberty by a court verdict). Based on the analysis of the regulatory regulation of such restrictions, including international ones, the author provides arguments about the imperfection of the current ban on the implementation of this political right by persons sentenced to imprisonment, suggests ways to solve the existing problem.

Keywords: constitution, constitutional law, suffrage, disenfranchisement, convicted person, European Court of Human Rights, Constitutional Court of the Russian Federation.

Конституция РФ, закрепляя демократические характеристики нашего государства, в соответствующих нормах установила незыблемые постулаты о человеке, его правах и свободах как высшей ценности государства о народе как о единственном источнике власти, которую он может реализовывать, в том числе непосредственно. Статья 3 Конституции РФ закрепила высшую форму выражения такой власти – выборы и референдум. Отметим, что выборы, являясь одним из способов формирования системы органов власти, выступают важнейшим признаком любого современного демократического государства.

Избирательное право (как активное, так и пассивное) относится к группе политических прав граждан и является составляющей их конституционно-правового статуса [1]. С помощью свободных выборов граждане оказывают значимое влияние на процесс государст-

венного управления в целом. Не только частный интерес реализуется посредством проведения выборов, государство также с их помощью «удовлетворяет свою потребность» в легитимном, признанном народом публичном органе власти [2]. Отметим, что соответствующие конституционные установки полностью коррелируют с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах [3] и Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [4].

В различных странах возможность реализовать свое избирательное право, активное и пассивное, законодательно закреплена далеко не за каждым. Избирательными цензами (ограничениями) могут быть наличие гражданства, достижение определенного возраста, оседлость, уровень образования, судимость, дееспособность, содержание в местах лишения свободы и др.

Отдельные вопросы правоохранительной деятельности

Статья 32 Конституции РФ конкретизирует возможность реализации избирательного права, устанавливая перечень субъектов, имеющих и не имеющих право на участие в референдуме и выборах. Активное и пассивное избирательное право ч. 2 вышеуказанной статьи закрепляется за гражданами России, но ч. 3 из этого числа исключаются граждане, недееспособность которых установлена в судебном порядке, и граждане, находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Подобные исключения предусмотрены законодательством и многих других государств. К их числу, например, относятся действующие Конституция Республики Казахстан, Конституция Республики Армения, Конституция Республики Таджикистан и многие др.

Статья 32 Конституции РФ, устанавливающая указанные ограничения, находясь во второй неизменной главе Основного закона, является незыблемой, базовой, задающей определенный вектор развития российского избирательного права. Иное избирательное российское законодательство воспроизводит и уточняет указанные положения. Так, аналогичные и уточняющие установки содержит, например, ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [5], ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» [6].

Стоит отметить, что ч. 3 ст. 32 Конституции РФ устанавливает запрет на реализацию определенной категорией граждан права избирать и быть избранными, однако в ней ничего не сказано о праве этих лиц на участие в референдуме. Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» в ст. 5, уточняя конституционную норму, указывает на такой запрет [6]. Таким образом, устанавливая принцип всеобщности избирательного права, российское законодательство закрепляет и «исключения» из него.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, избирательные права граждан не являются абсолютными [2]. В случаях, предусмотренных Конституцией РФ, и с учетом конституционных критериев избирательные права граждан могут быть ограничены. Таким критерием, например, может выступать обозначенная в ст. 55 Конституции РФ возможность ограничения прав только в мере, необходимой для защиты основ конституционного строя,

обороны страны, здоровья граждан и др. При этом «такие ограничения не должны искажать основное содержание данного конституционного права и посягать на само его существо – иное ведет к его умалению и отмене» [2], – резюмирует Конституционный Суд РФ.

Отдельные ограничения некоторых прав, в том числе избирательных, возможны на основании ст. 56 Конституции РФ, предусматривающей возможность введения чрезвычайного положения, за исключением таких прав, как право на жизнь, на достоинство, на неприкосновенность частной жизни и некоторых других, указанных в ч. 3 названной статьи Конституции РФ [7]. Так, согласно ст. 14 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» запрещено проводить выборы и референдум в период действия чрезвычайного положения на соответствующей территории [8].

Закрепляя запрет на осуществление активного избирательного права недееспособными и содержащимися в местах лишения свободы по приговору суда лицами, ч. 3 ст. 32 Конституции РФ имеет, очевидно, строго императивный характер. Совпадающий с позицией Конституционного Суда [9] по этому вопросу, из указанного конституционного положения, к сожалению, вытекает четко определенный запрет, не позволяющий трактовать данную норму как-то иначе. Обратное бы означало неустойчивый характер конституционных норм, их слабую защиту, что никак не может быть признаком правового государства, каким является Россия.

Истории известно немало случаев, когда лица, на которых распространяется запрет относительно реализации своего активного избирательного права, пытались его оспорить как во внутригосударственных судебных органах, так и в международных (в Европейском суде по правам человека (далее – ЕСПЧ)). Речь идет, например, о таких делах, как «Херст против Соединенного Королевства», «Совэ против Канады», «Скоппола против Италии» и др. Воспользовались закрепленным за ними ст. 46 Конституции РФ правом на международную защиту и граждане России (например, дело «Анчугов и Гладков [Anchugov and Gladkov] против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04 и 15162/05)).

Свою позицию относительно лишения заключенных избирательных прав ЕСПЧ выработал уже давно, еще в 2005 г. (см. постановление

ЕСПЧ от 06.10.2005 по делу «Херст против Соединенного Королевства» (*Hirst v. United Kingdom*), согласно которой невозможно лишение такого политического права, заключенного по причине его «специального статуса» ввиду возможного оскорбления его реализацией общественного мнения) [10]. По мнению европейских судей, внутригосударственные нормы, устанавливающие указанный запрет, являются «тупым инструментом», отсекающим мнение достаточно значительного числа граждан относительно весьма важных политических решений [11]. Данная позиция отчасти не лишена смысла, однако приоритетными в этом вопросе все же считаются национальные конституционные нормы.

Несмотря на намеченную тенденцию к снижению общего количества лиц, осужденных к лишению свободы, это значение существенно для определения исхода выборов или референдума. По состоянию на 1 января 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 465 896 чел., из них в исправительных колониях – 353 210 чел., в тюрьмах – 1 354 чел. При этом в следственных изоляторах содержалось 110 490 чел. [12]. Отметим, что по состоянию на 2013 г. это число составляло более 700 000 чел. Такое обнадеживающее снижение числа осужденных к лишению свободы связано в том числе с решениями судов чаще избирать альтернативные меры наказания, что является результатом должного реагирования на соответствующие решения международного правозащитного судебного органа.

В качестве одного из путей преодоления ситуации, связанной с категорическим запретом на голосование в отношении российских заключенных, в постановлении ЕСПЧ [11] было предложено истолкование соответствующей российской конституционной нормы таким образом, чтобы по сути было возможным его обойти. Однако Конституционный Суд РФ, опираясь на нормы Конституции, подчеркнув важность конвенционных норм, решений ЕСПЧ, возможность взаимодействия и диалога с ним, а также необходимость уважения национального конституционного правопорядка, указал на невозможность исполнения данного решения ЕСПЧ. При этом российский орган конституционного контроля признал необходимость поиска компромисса, какого-то разумного решения, которое бы не только удовлетворяло судей ЕСПЧ, но

и отвечало российским конституционным требованиям и не посягало на конституционные ценности, за которые именно российский народ проголосовал в 1993 г.

При этом стоит отметить, что российское общество знало в своей истории и другие варианты ограничений избирательных прав заключенных. Так, например, Конституция РСФСР 1978 г. не содержала подобных ограничений вплоть до внесения в ее текст изменений в 1989 г. [13], а во время разработки проекта действующей Конституции представлялись различные предложения о закреплении подобных ограничений, в том числе установление запрета на участие в выборах только по специальному решению суда. Современная конституционная норма (ч. 3 ст. 32 Конституции РФ), устанавливающая категоричный запрет на участие в выборах лиц, в отношении которых имеется приговор суда, предусматривающий назначение им наказания в виде лишения свободы, хоть и не очень удачна, но совсем не случайна. Это осознанный выбор российского общества.

Конституционный Суд РФ как главный «защитник» конституционных норм никак не мог пойти по предложенному ЕСПЧ пути удобного ему толкования российских конституционных норм, чем обусловлено принятие в 2016 г. постановления № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».

На решение Конституционного Суда оказал влияние и тот факт, что в свое время при подписании Конвенции о защите прав человека и основных свобод у Совета Европы не возникало вопросов о противоречиях между Конституцией РФ и Протоколом № 1 к Конвенции. Что могло поменяться сейчас, если в гл. 2 нашей Конституции за весь период ее существования не вносились никакие изменения?

В этом решении ЕСПЧ не были учтены все тонкости российской правовой системы, прежде всего направленные на охрану Основного закона. Признавая невозможность исполнения принятого ЕСПЧ решения по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» в силу защиты национальных конституционных

норм, основ конституционного строя, Конституционный Суд РФ указал, что «в порядке исключения он считает необходимым воспользоваться правом на возражение лишь для внесения своего вклада в кристаллизацию развивающейся в сфере защиты избирательных прав практики Европейского суда по правам человека, решения которого призваны отражать консенсус, сложившийся среди государств – участников Конвенции» [9]. Напомним, что возможность неисполнения решений Страсбургского суда была впервые закреплена поистине историческим решением Конституционного Суда РФ [14] в 2015 г. Впоследствии эти положения нашли отражение в конституционных нормах (ст. 79, 125 Конституции РФ). Однако, как мы указывали в своих более ранних работах [15], речь идет о возможности неисполнения только тех решений, которые были приняты на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ.

Защищая конституционные нормы, Конституционный Суд РФ указал на то, что запрет на осуществление активного избирательного права заключенными имеет целью охрану демократических институтов от криминализации власти, опирающейся на общественное доверие [2]. Вместе с этим орган конституционного контроля выразил желание и готовность искать разумный, прежде всего в рамках российского правового поля, компромисс. Результатом этого является снижение общего количества лиц, содержащихся в местах лишения свободы, ввиду назначения им альтернативных видов наказания.

Вышеуказанная категория граждан, оставаясь прежде всего гражданами Российской Федерации, членами российского общества, должна претерпевать такие последствия своего проступка только с учетом характера, тяжести совершенного деяния. Согласимся с тем мнением, что ограничение или лишение определенного права (в данном случае избирательного) должно быть тесно взаимосвязано с природой совершенного противоправного деяния [16]. Далеко не всегда совершенный проступок влияет на политические взгляды лица, его совершившего. Более того, это право возвращается указанным лицам после истечения срока отбывания назначенного им наказания.

Безответственными могут быть и лица, не привлеченные к уголовной ответственности

вовсе. И этот факт, очевидно, не лишает их права на участие в формировании органов власти и референдуме. Также стоит отметить, согласно Конституции России указанного права лишаются граждане, в отношении которых имеется приговор суда, что позволяет сделать вывод о том, что лица, находящиеся в следственных изоляторах и чья свобода передвижения ограничена, но в отношении которых еще нет приговора (однако не исключен вариант, что факт совершения ими противоправных действий имел место быть, и их вина в этом также будет доказана) не лишены анализируемого права.

Полагаем, что лица, находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда, гипотетически вполне могли бы быть «допущены» к процессу формирования органов власти. Подходить к вопросу о лишении такого важного права, которым является избирательное право, стоило бы разумно, учитывая все обстоятельства дела, проявляя определенную терпимость и гуманизм. Очевидно, что лица, чье поведение подрывает демократические основы государства, которые в высшей степени злоупотребляют общественным положением, могут быть лишены этой возможности. В перспективе такое лишение возможно только во взаимосвязи с характером совершенного деяния, его тяжестью, мотивами (например, это может касаться преступлений, которые связаны с посягательствами на государство, правосудие и др.).

Возможно, в этом вопросе следовало бы обратить внимание на опыт таких государств, как Австрия, Бельгия, Франция, Германия, которые не автоматически, а избирательно подходят к лишению права осужденных на участие в формировании выборных органов, закрепляя за судами по уголовным делам право на решение столь волнующего вопроса.

Более того, полагаем, что предоставление возможности реализовать свое активное избирательное право способствовало бы процессу перевоспитания осужденного, осознанию им себя частью полноценного общества, что в какой-то мере послужит достижению целей пенитенциарной политики, исправлению осужденного. Ведь реализация этого права, в частности, позволяет человеку осознать себя гражданином страны, ответственным за ее будущее.

Позволив себе судить о несовершенстве конституционной нормы, устанавливающей

запрет голосовать лицам, осужденным к лишению свободы, в то же время отметим, что Конституция РФ, закрепляя приоритет международных договоров над внутрисударственными законами, устанавливает, что высшей юридической силой обладает именно она. Более того, в своей структуре она имеет три главы (1, 2 и 9), которые, являясь базовыми, не могут быть подвержены изменениям и не пересматриваются парламентом, иное приведет к пересмотру Конституции. Данное конституционное положение является важной правовой гарантией стабильности нашего государства. Отметим, что ст. 32 Конституции содержится как раз во второй главе, не может быть изменена и истолкована в каком-либо другом смысле, чем в том, который она содержит.

Литература

1. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича: постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2017 № 11-П // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01.2022).

2. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова: постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

3. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

Являясь сторонниками стабильности Конституции и в то же время полагая, что установленное ее нормами ограничение в отношении активного избирательного права осужденных к лишению свободы не является совершенным, считаем, что менять что-либо в конституционных нормах в современный период неразумно и неверно. Иное бы на сегодняшний день означало умаление суверенитета нашей страны, угрозу основам конституционного строя России. Возможно, данная позиция в отношении анализируемого запрета будет когда-то учтена будущими поколениями законодателей. Кроме того, устанавливать подобные запреты было бы логичнее не конституционными нормами, а обычным законодательством.

Bibliography

1. In the case of checking the constitutionality of Part 2 of Article 40, Parts 10 and 11 of Article 42 of the Federal Law «On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation», paragraphs 2 and 3 of Part 1 of Article 128 and Part 10 of Article 239 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens I.L. Trunov and M.V. Yurevich: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 13.04.2017 № 11-P // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 18.01.2022).

2. In the case of checking the constitutionality of subparagraph «a» of paragraph 3.2 of Article 4 of the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation», Part one of Article 10 and Part six of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens G.B. Egorov, A.L. Kazakov, I.Yu. Kravtsova, A.V. Kupriyanova, A.S. Latypova and V.Y. Sinkova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10.10.2013 № 20-P // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.01.2022).

3. International Covenant on Civil and Political Rights: adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly // Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.01.2022).

4. Протокол [№ 1] к Конвенции о защите прав человека и основных свобод: ратифицирован Федер.законом РФ от 30.03.1998 № 54-ФЗ // Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.01.2022).

5. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

6. О референдуме Российской Федерации: федер. конституц. закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

8. О чрезвычайном положении: федер. конституц. закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

9. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

10. Дело «Херст против Соединенного Королевства (№ 2)» (жалоба № 74025/01): постановление Европейского суда по правам человека от 06.10.2005 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

11. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, № 15162/05): постановление Европейского суда по правам человека от 04.07.2013 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2022).

12. Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 20.01.2022).

4. Protocol [№ 1] to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: ratified fed. law of the Russian Federation of 30.03.1998 № 54-FL // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.01.2022).

5. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of citizens of the Russian Federation: fed. law of 12.06.2002. № 67-FL // Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.01.2022).

6. About the referendum of the Russian Federation: fed. const. law of 28.06.2004 № 5-FKL // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 01.2022).

7. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12 Dec. 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.01.2022).

8. On the state of emergency: fed. const. law of 30.05.2001 № 3-FKL // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.01.2022).

9. In the case of resolving the issue of the possibility of execution in accordance with the Constitution of the Russian Federation of the ruling of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case «Anchugov and Gladkov v. Russia» in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.04.2016 № 12-P // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.01.2022).

10. *Hearst v. United Kingdom (№ 2)* (Complaint № 74025/01): Judgment of the European Court of Human Rights of 06.10.2005. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.01.2022).

11. Case «Anchugov and Gladkov (Anchugov and Gladkov) v. the Russian Federation» (complaint № 11157/04, № 15162/05): the decision of the European Court of Human Rights of 04.07.2013. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 15.01.2022).

12. The official website of the Federal Penitentiary Service of Russia [Electronic resource]. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (date of access: 20.01.2022).

13. Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic: adopted by the Supreme Soviet of the RSFSR on April 12, 1978.

Отдельные вопросы правоохранительной деятельности

13. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: принята ВС РСФСР 12 апреля 1978 г. // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

14. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2022).

15. Тамазова А.Д. К вопросу о соотношении международных и национальных норм // Общество и право. 2021. № 3(77).

16. Смирнов А.М. О возможности предоставления лицам, содержащимся в местах лишения свободы, активного избирательного права // Вестник Кузбасского института. 2018. № 2(35).

Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.01.2022).

14. In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law «On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Protocols Thereto», paragraphs 1 and 2 of Article 32 of the Federal Law «On International Treaties of the Russian Federation», Parts One and Four of Article 11, paragraph 4 of Part Four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation Of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of Article 13, paragraph 4 of Part 3 of Article 311 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 15, Paragraph 4 of Part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and paragraph 2 of Part four of Article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 14.07.2015 № 21-P // Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 16.01.2022).

15. Tamazova A.D. On the question of the correlation of international and national norms // Society and Law. 2021. № 3(77).

16. Smirnov A.M. On the possibility of granting active suffrage to persons held in places of deprivation of liberty // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2018. № 2(35).

© 2022 г. Ковальчук Валентина Александровна,

адъюнкт адъюнктуры Ростовского юридического института МВД России.
Тел.: +7 988 257-14-18.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ ДВИЖЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА В КОНТЕКСТЕ РОСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

В статье рассматриваются основные вехи исторического становления системы контроля и регулирования дорожного движения. Анализируется проблема обеспечения безопасности дорожного движения в связи с повышением интенсивности и массовости автомобильного движения в современной России, а также описываются основные характеристики новой программы СПО «Паутина» для повышения уровня информационного взаимодействия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Министерства внутренних дел России.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие (ДТП), система контроля и регулирования дорожного движения, прогнозирование дорожно-транспортных происшествий, проблема безопасности дорожного движения, новые характеристики дорожного движения, СПО «Паутина».

Kovalchuk Valentina Alexandrovna – Adjunct, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

FORMATION OF THE SYSTEM OF CONTROL AND REGULATION OF VEHICLE TRAFFIC IN THE XVIII – EARLY XXI CENTURY IN THE CONTEXT OF THE GROWTH OF ROAD ACCIDENTS

The article discusses the main milestones of the historical formation of the traffic control and regulation system. The article analyzes the problem of ensuring road safety in connection with the increase in the intensity and mass of automobile traffic in modern Russia, and also describes the main characteristics of the new SPO program «Web» to increase the level of information interaction between the executive authorities of the subjects of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: traffic accident (road accident), traffic control and regulation system, forecasting of road accidents, road safety problem, new characteristics of road traffic, SPO «Web».

В современном мире с разрастанием системы коммуникаций и увеличением влияния на общественную жизнь и безопасность отдельных людей, используемых технические средства передвижения, получает актуальность создание более совершенных правовых механизмов контроля и регулирования взаимоотношений между гражданами во время дорожного движения, в особенности в ходе эксплуатации (использования) транспортных средств.

Дорожно-транспортное происшествие – один из сложных прецедентов, связанный с транспортным средством и имеющий социально-правовые последствия. Для установления его обстоятельств необходимы квалифицированные знания в области обеспечения безопасности дорожного движения. Но при расследовании преступлений данной категории возникает необходимость использования

специальных знаний и в других областях. Тем временем формы их использования меняются. В связи с этим осуществляется совершенствование уголовного-процессуального законодательства, используются новые достижения современной науки в области информационных технологий.

Дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП) – событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб. К списку «опасных факторов для здоровья водителя» относятся 5 основных нарушений правил дорожного движения (далее – ПДД):

- 1) управление автомобилем в состоянии опьянения;
- 2) превышение скорости;

3) использование телефона;
 4) неиспользование ремней безопасности;
 5) использование неисправного автомобиля [1, с. 134].

Основные факторы, отрицательно влияющие на безопасность при ДТП: динамический удар во время столкновения; получение травм от частей и обломков ТС; длительное сдавливание после деформации автомобиля; воздействие выделяющихся газов и экстремальной температуры в случае возгорания; при перевозке опасных грузов – воздействие опасных веществ.

Дорожно-транспортное происшествие имеет отличительные особенности: 1) в ДТП задействовано всегда хотя бы одно транспортное средство; 2) одно транспортное средство находится в движении (либо происходит движение средств, перевозящих ТС); 3) последствия ДТП, которые могут выражаться в ранении или гибели людей или же причинении только материального ущерба. Понятием ДТП охватываются деяния, предусмотренные ст. 264, 268 УК РФ, а также действия, указанные в диспозиции ст. ст. 266 УК РФ, касающиеся недоброкачественного ремонта автотранспортных средств (АТС) и выпуска их на линию в неисправном состоянии. Из числа всех преступлений, связанных с дорожно-транспортными происшествиями, ст. 264 УК РФ охватываются 98 % случаев, а «оставшиеся 2 % предполагают возможность участия транспортных средств при совершении преступлений, в результате которых страдают или погибают люди»[2, с. 181].

При расследовании ДТП выясняют следующие обстоятельства:

1) характер ДТП (данное происшествие является ли ДТП);

2) субъекты ДТП;

3) объекты ДТП;

4) причины ДТП;

5) обстоятельства ДТП (в том числе время и место);

6) последствия ДТП (характер нанесенного вреда, в том числе причинение вреда здоровью или наступление смерти);

7) размер материального ущерба, его характер;

8) механизм ДТП, какие ТС участвовали;

9) чья вина в ДТП (водителя, велосипедиста, пассажира, пешехода и др.), его характер;

10) какие ПДД и эксплуатации ТС были нарушены виновником, в чем эти нарушения;

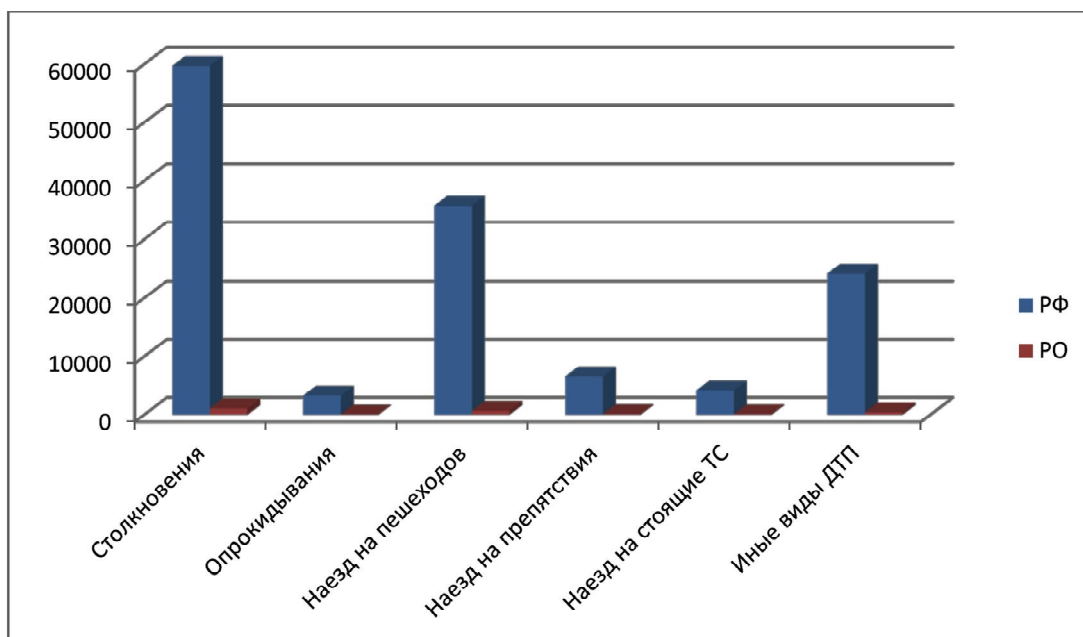
11) имеется ли связь между наступившими последствиями и нарушениями этих правил;

12) не несут ли ответственность работники автопарка, базы или гаража за ДТП и за что конкретно (выпуск в рейс водителя с признаками переутомления, больного, неисправного ТС и др.);

13) обстоятельства, влияющие на характер и степень ответственности виновника, а также способствовавшие ДТП;

14) не имела ли место имитация ДТП.

По данным ГИБДД, за 12 месяцев 2021 г. в Российской Федерации совершено всего 1 873 223 ДТП (в Ростовской области – 2 269), столкновения – 59 664 (1 043), опрокидывания – 3 228 (31), наезд на пешеходов – 35 679 (635), наезд на препятствия – 6 506 (90), наезд на стоящие ТС – 4 115 (83), иные виды ДТП – 24132 (387) (см. рисунок).

Исследователями тот или иной объект изучается в исторической ретроспективе, чтобы иметь возможность лучшего понимания предпосылок (причин) и прогнозирования развития рассматриваемого явления. Следует проанализировать имеющиеся фактические данные в области расследования дорожно-транспортных происшествий, которые продолжают накапливаться и в настоящее время и корректироваться в связи с появлением новых видов транспортных средств и новых рисков их использования, повышением интенсивности и массовости автомобильного движения с целью повышения качества знаний о рассматриваемых происшествиях, а также решения задач по снижению травматизма на дорогах нашей страны.

В конце XVII в. в России начались глубинные преобразования во всех сферах жизни общества. Первоначально они проводились Петром I, а затем и его последователями. Для централизованного управления государством, обеспечения развивавшейся внутренней и внешней торговли, дальнейшего развития и формирования всероссийского рынка необходимы были соответствующая транспортная инфраструктура, магистральная сеть сухопутных путей сообщения, а также элементарная общественная безопасность. Важную роль сыграло и повышение требований к транспортным средствам и сухопутным дорогам со стороны армии в связи с появлением тяжелых артиллерийских орудий.

В начале XVIII в. в России, особенно в крупных городах, в связи с увеличением количества жителей, количеством транспорта, интенсивностью движения появляются нормативные правовые документы (указы). На основании участившихся случаев дорожных происшествий чуть позже вводятся общеобязательные правила (первоначально без систематизации и упорядочения уличного движения), которые существуют и в настоящее время (например, требования дорожных знаков «уступи дорогу» и др.).

Первым нормативным правовым актом, определяющим правила дорожного движения, принято считать указ императрицы Анны Иоанновны от 1730 г., в котором содержались обязательства, предписанные участникам дорожного движения («извозчикам и прочим всяких чинов людям» [3]), обладающим транспортным средством (лошадью). «Водителям разрешалось управлять таким

средством передвижения с тем, чтобы ездить, имея лошадей занузанными, со всяким опасением и осторожностью, смирно» [3]. В данном указе было прописано достаточно серьезное наказание за нарушение норм передвижения в виде телесного наказания или заключения под стражу. Позже императрица Елизавета Петровна, а затем и императрица Екатерина Великая издадут более подробные законодательные акты, предусматривающие нормативы безопасной скорости передвижения и шумового сопровождения (крика, свиста) по дорогам на лошадях. Небезосновательно И.В. Питеркин отмечает, что, начиная с издания данных нормативных актов, формировалось «особого вида право – Правила уличного движения в городах Российской империи» [4, с. 11].

Гужевого транспорт, конные повозки, лошади на дорогах Российской империи не представляли такой опасности участникам дорожного движения, как появление и все более массовое участие в дорожном движении так называемых «самодвижущихся» механических транспортных средств. Развитие механизированного транспорта существенно повлияло на возникновение нормативно-правовой базы, контроля и регулирования данной сферы. «Первые упоминания о создании механизированных транспортных средств, способных передвигаться по дороге, связаны с крестьянином Нижегородской губернии Л. Шамшуренковым» [3]. Уже во второй половине XVIII в. И.П. Кулибин и И.И. Ползунов были известными изобретателями, которые пытались создавать «самодвижущиеся» машины.

В XIX в. в Российской империи принимаются государственные меры по изучению возможностей и роли в дорожном движении автомобильного транспорта, а уже в 1895 г. издается распоряжение Петербургской управы «О регистрации бензиновых механических самокатов», а еще позднее – в 1910 г. – издается нормативный акт «Технические правила о движении автомобилей по дорогам общего пользования».

Первые автомобили с двигателем внутреннего сгорания, которые передвигаются и в наше время по улицам городов и поселков, были созданы в разных странах в конце XIX в. Изобретатель Карл Бенц построил подобный автомобиль в 1885 г. в г. Мангейме (патент получен 29 января 1886 г., а выпуск машин осуществлен в 1888 г.). Готтлиб Даймлер

совместно с Вильгельмом Майбахом в 1889 г. в Штутгарте создали свою модель такого рода транспортного средства. В дальнейшем совершенствование устройства автомобилей и налаживание их серийного выпуска приобрело промышленные масштабы, что вызвало повышенные риски безопасности как водителей, так и пешеходов на дорогах. Так, первым в истории дорожно-транспортным происшествием, случившимся 30 мая 1896 г. в США, считается наезд на велосипедиста, который допустил Генри Уэллс, управлявший электрическим автомобилем во время проведения гонки. Последствием наезда на велосипедистку Эвелин Томас стало повреждение нижней конечности, а водитель был взят под стражу на несколько суток. Кроме того, в Лондоне 17 августа 1896 г. управлявший автомобилем Артур Эдселл допустил наезд на пешехода Бриджит Дрисколл, которая оказалась на проезжей части, несмотря на запрещающие дорожные знаки. В результате происшествия пешеход скончался на месте. В ходе проведения следствия было установлено, что автомобиль передвигался со значительным превышением допустимой скорости и утратил должное внимание по причине беседы с пассажиром. При этом пострадавшая переходила дорогу в непредусмотренном для передвижения пешеходов месте. По случившемуся прецеденту проведено расследование, в результате А. Эдселл виновным не был признан, т. к. суд посчитал данное происшествие несчастным случаем и постановил, что женщина погибла в результате собственной невнимательности.

Следует отметить, что ДТП того времени так и определялись – в качестве случившихся несчастных случаев. Это вызвано тем, что фактически не был накоплен еще практический опыт выяснения и оценивания всех обстоятельств аварии, а также оценки с технической точки зрения ситуации и возможностей участников дорожного движения избежать того или иного происшествия. Также отсутствовали юридические нормы ответственности за подобные правонарушения, и поэтому виновных привлекали по общим правилам» [3]. В связи с этим происходило изменение понимания разнообразных дорожных ситуаций и дальнейшее более обстоятельное изучение данной проблематики.

Уже в 1909 г. во Франции был издан первый обстоятельный законодательный акт – «Международное соглашение об автомобильном

движении». Данная конвенция состояла из 15 обширных статей, в которых были прописаны как технические требования к существующим транспортным средствам, так и нормы к международным дорожным знакам, нормы обгона автомобилей и разезда со встречным ТС, а также виды и правила процесса установки дорожных знаков, понятие «тормозного пути» и др. В России эта Конвенция была признана обладающей юридической силой 12 февраля 1910 г. Данный документ оказал огромное влияние на подготовку постановления «О порядке езды по городу Санкт-Петербургу на автомобилях» (1910 г.), в котором оказались отражены положения Конвенции, прописаны обязательные требования к врачебному освидетельствованию водителей и предельно допустимой скорости до 15 верст в час. Уже в то время функции контроля за соблюдением правил дорожного движения возлагались на полицию, которая имела право привлекать к ответственности водителей (автомобильного и велосипедного транспорта, а также пассажиров трамваев).

В ходе становления советской власти в области обеспечения безопасности дорожного движения с 1917 по 1931 г., как отмечают исследователи, шел процесс поиска принципов его правового обеспечения [2, с. 14].

В 1936 г. решением Совета народных комиссаров СССР Госавтоинспекция, которая находилась в то время в ведении Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта, была отдана в ведение Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. На нее возлагали контроль за передвижением автомобилей, разработку норм и технической эксплуатации, формирование навыков вождения водителей, учет транспорта. 3 июля 1936 г. Постановлением № 1182 Совнаркома СССР было утверждено «Положение о Государственной автомобильной инспекции Главного управления рабоче-крестьянской милиции СССР», где говорилось о задачах контроля и надзора за автомобилями и дорожным движением. Этот день до сих пор считается днем образования ГАИ (ГИБДД – в настоящее время, согласно Приказу МВД России от 03.07.2009 № 502 «Об объявлении Дня Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации»).

В основе известного «японского феномена БДД» 70-х гг. XX в., проявившегося в том, что за одно десятилетие удалось уменьшить число ДТП на 50 % при росте численности транспортных средств в 4 раза, лежали такие мероприятия, как увеличение количества светофорных объектов в 8 раз, пешеходных переходов в 10 раз, многоуровневых дорожных развязок в 11 раз и т.п. Тем не менее японские специалисты в области дорожного хозяйства признают, что свыше трети всех ДТП в Японии обусловлены недостатками в обустройстве и содержании дорожной индустрии.

Новые эксперименты по прогнозированию ДТП основываются на количестве аварий и тяжести аварий на федеральных автомобильных дорогах, городских дорогах, а не на дорогах сельских поселений. Вместе с тем вид столкновение для аварии в городской среде рассматривается нечасто.

С развитием автомобильной промышленности и быстрым переходом на скоростные режимы в городской сети в настоящее время безопасность дорожного движения является очень актуальной и проблемной темой в рассмотрении вопроса безопасности на улицах наших городов.

Особенности влияния новых характеристик дорожного движения на ДТП (в частности, для городских скоростных магистралей с учетом типов столкновений) требуют прояснения, соответствующего анализа и разработки прогностических моделей дорожной обстановки.

Как отмечает в своем диссертационном исследовании А.С. Квитчук, в контексте общих реформ различных подразделений аппарата государственной исполнительной власти актуальным является и проведение реформирования в «системе государственных органов, наделенных исполнительно-распорядительными полномочиями в сфере обеспечения безопасности дорожного движения» [5]. В настоящее время Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве федерального решения создается единая система контроля за передвижением транспортных средств по автомобильным дорогам с использованием специальных технических средств фото-, видеофиксации путем объединения в единое информационно-аналитическое пространство соответствующих технических и информационных ресурсов. В рамках указанных мероприятий издан приказ МВД России

от 29.03.2021 № 169 «Вопросы организации эксплуатации сервиса для автоматизации деятельности центров автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения на базе специального программного обеспечения «Паутина».

Общая схема информационного взаимодействия в электронном виде участников СПО «Паутина» и ее компонентов, а также проект соглашения между МВД России и правительством субъекта Российской Федерации. СПО «Паутина» позволит повысить эффективность деятельности правоохранительных органов по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, противодействию преступности, в том числе экстремистской и террористической направленности. Система будет использоваться центрами автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения ГИБДД, что обеспечит оптимизацию и унификацию взаимодействия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и МВД России.

Посредством СПО «Паутина» планируется реализовать направление в электронном виде юридически значимых уведомлений лицам, привлеченным к административной ответственности, и возможность обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций).

На сегодняшний день Система уже внедрена в регионах, входящих в состав Центрального федерального округа, а также проводятся работы по организации обеспечения серверным оборудованием территориальных органов МВД России по остальным субъектам Российской Федерации.

Следует отметить, что обеспечение оперативности и качества внедрения СПО «Паутина» предполагает проведение в регионах ряда подготовительных мероприятий, к которым относятся: назначение региональных администраторов из числа сотрудников УГИБДД (управление государственной инспекции безопасности дорожного движения), определение ответственных за внедрение лиц в УГИБДД, ЦАФАП (центр автоматизированной фиксации административных правонарушений), ЦИТСИЗИ (центр информационных технологий, связи и защиты информации), ИЦ

(информационный центр), организация необходимых каналов связи и сетевых связностей, взаимодействие с региональными органами исполнительной власти и операторами услуг почтовой связи, настройка работающих в автоматическом режиме комплексов с целью обеспечения передачи с них данных в режиме реального времени, обучение пользователей.

Руководителям территориальных органов МВД России на региональном уровне было поручено обеспечить организацию взаимодействия с органами исполнительной власти, включая решение задачи получения сведений как о зафиксированных правонарушениях, так и фиксации проездов транспортных средств со всех имеющихся специальных технических средств автоматической фиксации без промежуточного серверного оборудования.

Для организации указанного взаимодействия и качественного проведения мероприятий, связанных с запуском СПО «Паутина», МВД России подготовлен и направлен перечень требований, а также созданы формы

предоставления сведений, необходимых для настройки оборудования и программного обеспечения.

Развитие, контроль и регулирование движения транспортных средств в России и мире связаны с формированием в XVIII – начале XXI в. механизированных транспортных средств и интенсификацией дорожного движения в XX–XXI вв. Современная потребность контроля и регулирования находит свою реализацию в программах «Паутина», «Безопасный город» и др.

Потребность реализации данных программ в России должна привести к выработке способности прогнозирования будущих вызовов инновационных технологий (например, беспилотные автомобили с искусственным интеллектом, летательные транспортные средства на улицах городов). В связи с этим в ближайшем будущем предполагаются новые риски регулирования и контроля транспортных сообщений и коммуникаций.

Литература

1. Осяк В.В., Дудниченко А.Н. Современное состояние безопасности дорожного движения и пути его обеспечения // Сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. 2017.

2. Фисаков М.Ю. Проблемные вопросы, возникающие при проведении следственных действий в процессе расследования уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2021.

3. Зубенко Е.В. Генезис криминалистических рекомендаций в России по расследованию дорожно-транспортных преступлений до 60-х гг. XX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-kriminalisticheskikh-rekomendatsiy-v-rossii-po-rassledovaniyu-dorozhno-transportnyh-prestupleniy-do-60-h-godov-hh-veka> (дата обращения: 25.04.2022).

4. Питеркин И.В. Организация уличного движения и безопасности в Санкт-Петербурге (Ленинграде) в XVIII – первой трети XX вв.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997.

5. Квитчук А.С. Система обеспечения безопасности дорожного движения в России: Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. СПб., 2006.

Bibliography

1. Osyak V.V., Dudnichenko A.N. The current state of road safety and ways to ensure it // Collection of materials of the All-Russian Scientific and theoretical Conference. 2017.

2. Fisakov M.Yu. Problematic issues arising during investigative actions during the investigation of criminal cases of road accidents // Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. 2021.

3. Zubenko E.V. The genesis of forensic recommendations in Russia for the investigation of traffic crimes before the 60s of the twentieth century [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-kriminalisticheskikh-rekomendatsiy-v-rossii-po-rassledovaniyu-dorozhno-transportnyh-prestupleniy-do-60-h-godov-hh-veka> (date of access: 25.04.2022).

4. Peterkin I.V. The organization of street traffic and security in St. Petersburg (Leningrad) in the XVIII – first third of the XX centuries: historical and legal aspect: auth. abstr. dis. ... Cand. of Law. St. Petersburg, 1997.

5. Kvitchuk A.S. The system of road safety in Russia: Historical and legal research: auth. abstr. ... Dr. of Law. SPb., 2006.

© 2022 г. Морозов Алексей Павлович,

адъюнкт кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: Saitek127@mail.ru

СТРАТЕГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТАКСОНОМИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОБЪЕКТА ПРИ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБЪЕКТОВ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы теории и практики определения таксономической принадлежности объекта при молекулярно-генетическом исследовании, раскрываются этапы исследования, значение и основные проблемы, с которыми сталкиваются экспертные учреждения в условиях современной правовой действительности.

Ключевые слова: ДНК, молекулярно-генетическая экспертиза, таксономическая принадлежность, объекты растительного происхождения, наркотические вещества, судебная экспертиза.

Morozov Alexey Pavlovich – Adjunct, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

STRATEGY FOR DETERMINING THE TAXONOMIC AFFILIATION OF AN OBJECT IN MOLECULAR GENETIC STUDIES OF OBJECTS OF PLANT ORIGIN

The article discusses topical issues of the theory and practice of determining the taxonomic affiliation of an object in molecular genetic research, reveals the stages of research, the significance and the main problems faced by expert institutions in the conditions of modern legal reality.

Keywords: DNA, molecular genetic examination, taxonomic affiliation, objects of plant origin, narcotic substances, forensic examination.

Многие аспекты судопроизводства зависят от идентификации человека по его ДНК. Молекулярно-генетическая экспертиза является инновацией в области медицинской судебной экспертизы и может повысить раскрываемость преступлений в нашей стране. Определение личности человека, оставившего биологические следы, занимает одно из главных мест в криминалистической идентификации и методах раскрытия преступлений. В последнее время методы геномного анализа доказали свою надежность при раскрытии и расследовании любых преступлений и в оперативно-розыскной деятельности.

Успешное проведение анализа ДНК зависит преимущественно от условий правильного сбора и хранения образцов биологического материала, которые направляются на экспертизу и в дальнейшем подлежат хранению в архивных условиях (комнатная температура, сухое помещение, которое хорошо проветривается, вдали от нагревательных приборов и солнечного излучения). В связи с этим стоит обратить внимание на то, что в процессе приготовления цитологических препаратов нередко используются агрессивные разру-

шающие реактивы, которые в дальнейшем не позволяют провести анализ ДНК [1].

ДНК является носителем генетической информации, любого биологического объекта. У каждого человека в данной ДНК имеются участки, обладающие структурным полиморфизмом, т. е. некой индивидуальной уникальностью. Такие участки именуется переменными тандемными повторами. Практически невозможно встретить двух человек, за исключением близнецов, имеющих одинаковую структуру молекулы ДНК, поэтому молекулярно-генетические экспертизы являются эффективными в криминалистике и судебной медицине [2, с. 111–113].

При назначении судебной молекулярно-генетической экспертизы объектов растительного происхождения судебных и следственных органов интересуют преимущественно два вопроса. Первый – это установление принадлежности растительных частиц, обнаруженных на подозреваемом/жертве, конкретным растениям, произрастающим на известном или предполагаемом месте происшествия, что позволяет установить факт пребывания там подозреваемого или определить

истинное место преступления, если жертва была перемещена. Второй вопрос заключается в установлении таксономической принадлежности растительных частиц с целью отнесения их к наркосодержащим растениям, а также в установлении единого источника происхождения объектов, изъятых у разных людей, с целью обнаружения сети распространения наркотических средств растительного происхождения.

В экспертизах наркосодержащих растений, предоставленных в виде порошка, весьма существенна возможность определения их таксономической принадлежности, поскольку данные сведения влияют на квалификацию преступлений при рассмотрении уголовных дел (ст. 228, 228.1, 228.2, 228.3, 228.4, 229, 229.1, 231 УК РФ [2]).

При проведении судебно-ботанической экспертизы могут быть успешно использованы молекулярные маркеры, основанные на полиморфизме ДНК хлоропластов, митохондрий и ядра растительной клетки. Преимущество выявленных участков (ДНК-маркеров): высокая чувствительность и информативность (они позволяют проводить исследование при наличии малого количества материала). К настоящему моменту определены основные участки ДНК, по которым происходит идентификация видов либо особей, микросателлитных повторов ядерной и органелльной ДНК, разработаны методики успешного выделения ДНК из свежего и сухого растительного материала, созданы коммерческие наборы [4].

В случаях предоставления эксперту деградированных и измельченных объектов растительного происхождения установить их таксономическую принадлежность до необходимого для решения экспертной задачи уровня по традиционным морфологическим признакам удается не всегда. Решение возможно, если использовать, например, штрих-кодирование ДНК. Данный метод молекулярной идентификации позволяет по ДНК-маркерам определять принадлежность организма к определенному таксону. Применение метода штрихового кодирования ДНК для идентификации видов представляется перспективным в ряде областей. Используя универсальную систему штрих-кодов, секвенирование ДНК и другие биомолекулярные методы, обычно используемые в судебно-экспертных исследованиях, были оценены два участка ДНК

хлоропластов для их использования в качестве маркеров штрих-кодирования для идентификации растений в криминалистических целях.

Стратегия определения таксономической принадлежности объекта при молекулярно-генетических исследованиях объектов растительного происхождения включает также применение автоматического поиска для сравнения полученных амплифицированных продуктов определенного гена исследуемого растения с последовательностями этого гена, находящимися в базе данных NCBI GenBank для изучаемых растений.

Актуально экспертное исследование растений рода Конопля (*Cannabis*) семейства Конопцевые (*Cannabaceae*), представленного видом Конопля посевная (*Cannabissativa L.*), в том числе в смеси с другими растениями. Представители данного вида выступают прекурсорами при производстве таких наркотических средств, как марихуана, гашиш, гашишное масло и др. Марихуана – один из наиболее часто исследуемых наркотиков, тестируемых судебно-экспертными лабораториями США [5]. Анализ ДНК этого растения может связать между собой изъятые у разных людей наркотические средства, что способствует выявлению сетей их распространения.

В настоящее время с помощью ДНК-анализа проводят установление индивидуально-конкретного тождества исследуемых образцов марихуаны. Предпринимаются дальнейшие усилия по совершенствованию молекулярно-генетических методов идентификации этого вида наркотических средств растительного происхождения и разработке сравнительных баз данных, которые могли бы служить эффективными инструментами для обеспечения деятельности правоохранительных органов.

Заслуживает внимания исследование, выполненное в рамках дополнительной судебной экспертизы в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России.

В результате проведенного комплекса первичных экспертиз (судебно-ботанической и судебно-химической) было установлено, что все представленные на исследование объекты (в виде порошков зеленого цвета) имеют растительное происхождение и состоят из единичных клеток и фрагментов паренхимы и эпидермы, а также элементов проводящих пучков. Часть из них содержит кокаин, а остальные – мескалин. Установить таксономическую

принадлежность растений, из которых изготовлены порошки, не представилось возможным в связи с крайне малым размером фрагментов и отсутствием диагностически значимых морфолого-анатомических признаков.

На этом основании зеленые порошки, изъятые у обвиняемого, были отнесены к виду наркотических веществ «кокаин» и «мескалин и его производные» [6], представляющие собой чистые химические вещества. Однако сторона защиты настаивала на изменении вида наркотических веществ и отнесении зеленых порошков к наркосодержащим растениям «кактус, содержащий мескалин (растение вида *Lophophorawilliamsii*), и другие виды кактуса, содержащие мескалин» и «кокаиновый куст (растение любого вида рода *Erythroxylum*)» [7]. Это изменение было существенно для квалификации преступления и могло повлиять на решение суда.

Для этого требовалось точное определение таксономической принадлежности растительной составляющей изъятых у обвиняемого порошков зеленого цвета. В целях установления истины и справедливого назначения наказания суд вынес определение о назначении дополнительной экспертизы.

В качестве объектов исследования для дополнительной судебно-ботанической экспертизы экспертам предоставили вещество в виде порошков зеленого цвета. Таксономическую принадлежность объектов устанавливали молекулярно-генетическими методами.

Исследования проводили с помощью метода ДНК-штрихкодирования, основанного на секвенировании стабильных в пределах вида и отличающихся между видами известных маркерных участков генома. В качестве маркерного участка для образцов, содержащих мескалин, использовали участок *trnL/trnF* пластидного гена и ядерный межгенный участок *ITS1* (последовательность ДНК между двумя ядерными рРНК генами 18S и 5.8S). Для образцов, содержащих кокаин, анализировали только ядерный межгенный участок *ITS1* (последовательность ДНК между двумя ядерными рРНК генами 18S и 5.8S).

При производстве экспертизы применяли метод секвенирования по Сэнгеру, который имеет ограничения. Так, анализируемые образцы должны быть монокомпонентными, в случае наличия в образцах двух и более биологических компонентов данный метод не дает достоверных результатов.

Этапы исследования.

1. Выделение ДНК из объектов исследования проводили по стандартной методике выделения ДНК из растительного материала с использованием коммерческого набора реактивов *Diamond DNA Plant* (Россия) согласно инструкции производителя.

2. Проведение полимеразной цепной реакции (ПЦР) с праймерами к маркерным участкам генома *trnL/trnF* и *ITS1*.

3. Секвенирование по Сэнгеру заключалось в очистке полученного ПЦР-продукта с помощью коммерческого набора (*Cleanupmini BC023*, Евроген, Россия).

В ряде случаев проводили электрофорез в агарозном геле для разделения нескольких последовательностей разной длины из одного образца с последующей очисткой из геля. Цель данного этапа – расщепление смеси полученных последовательностей в составе одного образца и их отдельного определения. Данный метод секвенирования позволяет точно определить последовательность нуклеотидов ДНК, принадлежащей только одному биологическому объекту в образце.

4. Сравнение нуклеотидных последовательностей, полученных из анализируемых образцов, с последовательностями из международной базы данных *GenBank* [8, с. 3–20].

Для образцов, содержащих кокаин, для сравнения также использовали контрольные образцы, которые представляли собой сухие листья, ранее определенные в ходе судебно-ботанической экспертизы как листья растения рода *Эритроксилум* (*Erythroxylum*) (кокаиновый куст).

Так как все растительные объекты, предоставленные на экспертизу, являлись смешанными (имели в своем составе растения различных таксонов, что характерно для растительных масс, которые помимо основного компонента практически всегда содержат случайные), были использованы дополнительные методы для разделения этих компонентов на уровне фрагментов ДНК (гель-электрофорез ПЦР-продуктов, полученных после амплификации *ITS1* участка). В результате стало возможным определение наличия наркотик содержащих растений в смешанных образцах [9, с. 155–159].

Таким образом, установили, что в объектах, содержащих кокаин, один из растительных компонентов в смеси являлся растением

рода Эритроксилум (*Erythroxyllum*), а в объектах, содержащих мескалин, одним из растительных компонентов в смеси было растение семейства Кактусовые (*Cactaceae*). В одном из мескалин содержащих объектов растение семейства Кактусовые удалось определить с точностью до вида: растение семейства Кактусовые (*Cactaceae*), рода Эхинопсис (*Echinopsis*), вида *Echinopsisterscheckii*. Согласно литературным данным, кактус Эхинопсистершеки (*Echinopsisterscheckii* (Parm.)Friedrich & G.D. Rowley) содержит мескалин [10].

Дополнительно установили, что содержание наркотических средств (кокаина и мескалина) в представленных на исследование объектах растительного происхождения соответствует известному природному содержанию указанных веществ в растениях, являющихся их источником.

Полученные данные позволили отнести представленные на исследование порошки зеленого цвета к наркосодержащим растениям: «кактус, содержащий мескалин (растение вида *Lophophora williamsii*), и другие виды кактуса, содержащие мескалин» и «кокаиновый куст (растение любого вида рода *Erythroxyllum*)» [7].

Полученные результаты оказали существенное влияние на квалификацию совершенного преступления. После проведения дополнительной экспертизы обвинение было переквалифицировано с ч. 5 ст. 228.1 УК РФ на ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

В настоящее время в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России ведется работа по организации производства судебной молекулярно-генетической экспертизы объектов биологического происхождения в системе судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста России. Создание ДНК-лаборатории, где будут проводиться молекулярно-генетические исследования вышеуказанных объектов, в том числе объектов флоры и фауны, является актуальной задачей в свете высокой востребованности данного рода экспертных исследований.

В целях внедрения ДНК-анализа в деятельность СЭУ Минюста России первоочередными задачами являются:

– обобщение опыта применения ДНК-анализа при производстве судебных экспертиз, связанных с исследованием объектов биологического происхождения, в том числе отно-

сящихся к редким и исчезающим видам растений и животных;

– совершенствование научно-методического обеспечения и организации производства судебной молекулярно-генетической экспертизы объектов биологического происхождения с учетом особенностей производства экспертиз в системе СЭУ Минюста России;

– разработка программы дополнительного профессионального образования судебных экспертов по экспертной специальности «Исследование объектов биологического происхождения методом ДНК-анализа»;

– переподготовка и подтверждение компетентности судебных экспертов в рассматриваемой области [11].

С учетом наличия в СЭУ Минюста России работников, обладающих необходимыми специальными знаниями, и соответствующего материально-технического обеспечения целесообразно включить в приложение № 1 Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России род «Молекулярно-генетическая экспертиза объектов биологического происхождения» и вид «Исследование объектов биологического происхождения методом ДНК-анализа»; в приложение № 2 Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных СЭУ Минюста России, пункт 30.1 «Исследование объектов биологического происхождения методом ДНК-анализа» с последующим внедрением в экспертную практику.

Стоит отметить, что молекулярно-генетическая экспертиза является одной из самых достоверных судебных экспертиз, однако ее проведение требует наличия высокотехнологичной материально-технической базы, высокого уровня знаний эксперта, а также четкого правового регулирования процесса.

При анализе практики применения молекулярно-генетической экспертизы в судопроизводстве можно говорить о необходимости дополнительного правового регулирования условий проведения экспертизы. В России генетическая экспертиза по-прежнему является дорогостоящей. Поэтому концепции, согласно которой решение в судебном порядке суд выносит на основании генетической экспертизы для российского судопроизводства, пока не существует.

Литература

1. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=45603067> (дата обращения: 17.04.2022).
2. Хижняк Я. А. К вопросу о генетической экспертизе // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 12–2(51).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10108000> (дата обращения: 07.04.2021).
4. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=32847403> (дата обращения: 07.04.2021).
5. Министерство юстиции США (DOJ) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deadiversion.usdoj.gov/> (дата обращения: 25.01.2022).
6. Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12112176/> (дата обращения: 25.01.2022).
7. Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.11.2010 № 934) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12080870/> (дата обращения: 25.01.2022).
8. Бородинов А.Г., Манойлов В.В., Заруцкий И.В., Петров А.И., Курочкин В.Е. Поколения методов секвенирования ДНК (обзор) // *Научное приборостроение*. 2020. Т. 30. № 4.
9. Бартенев Е.А. Молекулярно-генетическая судебная экспертиза, как важнейший источник получения доказательств // *Проблемы формирования правового социального государства в современной России*. 2021.
10. *Cactus chemistry: by species*. 2013–2014 (corrected 2018). Trout's Notes & Better Days Publishing.
11. URL: <http://sudexpert.ru/enfsi/pz.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

Bibliography

1. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=45603067> (date of access: 17.04.2022).
2. Khizhnyak Ya.A. On the issue of genetic examination // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. № 12–2(51).
3. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FL of 13.06.1996 (with amendments and additions) [Electronic resource]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10108000> (date of access: 07.04.2021).
4. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=32847403> (accessed: 07.04.2021).
5. The US Department of Justice (DOJ) [Electronic resource]. URL: <https://www.deadiversion.usdoj.gov/> (date of access: 25.01.2022).
6. List of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation (approved Decree of the Government of the Russian Federation № 681 dated 30.06.1998) [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/12112176/> (date of access: 25.01.2022).
7. List of plants containing narcotic drugs or psychotropic substances or their precursors and subject to control in the Russian Federation (approved By the Decree of the Government of the Russian Federation d.d. 27.11.2010 № 934) [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12080870/> (date of access: 25.01.2022).
8. Borodinov A.G., Manoilov V.V., Zarutsky I.V., Petrov A.I., Kurochkin V.E. Generations of DNA sequencing methods (review) // *Scientific instrumentation*. 2020. Vol. 30. № 4.
9. Bartenev E.A. Molecular genetic forensic examination as the most important source of obtaining evidence // *Problems of the formation of a legal social state in modern Russia*. 2021.
10. *Cactus chemistry: by species*. 2013–2014 (corrected 2018). Trout's Notes & Better Days Publishing.
11. URL: <http://sudexpert.ru/enfsi/pz.pdf> (date of access: 25.01.2022).

© 2022 г. Николаев Владимир Александрович,

аспирант кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия (г. Москва).
E-mail: valdemar11111@gmail.com

КОНСТИТУЦИИ, УСТАВЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПРАВОВЫЕ АКТЫ ОСОБОЙ ПРИРОДЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ РЕАЛИЗАЦИЮ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье рассматривается правовая природа конституций, уставов субъектов Российской Федерации. Обращается внимание на различные концептуальные и нормативные подходы к их пониманию как региональных правовых актов. Основная мысль статьи состоит в том, чтобы в контексте рассмотрения правовой природы конституций, уставов субъектов Российской Федерации показать не до конца раскрытый в них потенциал конституционно-уставной защиты прав человека. Дается авторское определение конституций, уставов субъектов Российской Федерации на основании унификации теоретико-правового и нормативного подходов к определению их юридической природы. Предлагаются законодательные изменения по рамочному закреплению юридической природы конституций, уставов субъектов Российской Федерации с целью определения дальнейшего вектора правозащитной направленности как цели их принятия.

Ключевые слова: конституции, уставы субъектов Российской Федерации, основные законы субъектов Российской Федерации, учредительные акты, защита прав человека, правозащита, гарантии защиты прав человека, обеспечение реализации прав человека.

Nikolaev Vladimir Alexandrovich – Postgraduate student, the Constitutional Law Department named after N. V. Vitruk, the Russian State University of Justice (Moscow)

CONSTITUTIONS, CHARTERS OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AS LEGAL ACTS OF THE SPECIAL NATURE ENSURING THE IMPLEMENTATION OF HUMAN RIGHTS PROTECTION AT THE REGIONAL LEVEL

The article considers the legal nature of the constitutions, charters of the constituent entities of the Russian Federation. Attention is drawn to different conceptual and normative approaches to their understanding as regional laws. The main idea of the article is to show, in the context of considering the legal nature of constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation, the potential of constitutional and statutory protection of human rights not fully disclosed in them. The authors' definition of the constitutions, charter of the constituent entities of the Russian Federation is proposed on the basis of the unification of theoretical, legal and regulatory approaches to determining their legal nature. Legislative amendments have been proposed to establish the legal character of the constitutions, charters of the constituent entities of the Russian Federation, with a view to defining a further vector of human rights as the purpose of their adoption.

Keywords: constitutions, charters of the constituent entities of the Russian Federation, basic laws of the constituent entities of the Russian Federation, constitutive acts, protection of human rights, legal protection, guarantees for the protection of human rights, ensuring implementation of human rights.

Последние тенденции реформирования федерального законодательства свидетельствуют во многом о централизации правового регулирования отдельных сфер. Процесс унификации отдельных правовых институтов снижает законодательный потенциал субъектов Федерации в сферах, где свобода регионального законотворчества была бы более уместной и эффективной.

Упразднение конституционных, уставных судов субъектов РФ, принятие рамочного

Федерального закона от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» [2], излишне детализирующего деятельность уполномоченных по правам человека в субъектах РФ и фактически переводящего региональных правозащитников в ранг федеральных органов государственной власти, безусловно, отражается на дальнейшем построении федеративных отношений в рамках разграничения предметов ведения.

Попытка всеобъемлюще охватить сферу правового регулирования связывается с недоверием к правотворчеству субъектов РФ и основывается на предшествующем негативном опыте, когда многие нормы конституций, уставов субъектов РФ вступали в противоречие с Конституцией РФ и иными нормативными правовыми актами.

Вместе с тем статусность и потенциал конституций, уставов субъектов РФ как в научной сфере, так и в практической плоскости представляются недооцененными.

Ключевыми конституционными положениями, подчеркивающими особую связь конституций, уставов субъектов РФ, выступают с Конституцией РФ ее нормы, закрепленные в ч. 2 ст. 5 [1]. В них субъекты Федерации наделяются возможностью иметь конституцию, устав, название которых предопределяется территориальными особенностями и правовым статусом отдельного субъекта РФ.

Однако на федеральном уровне так и остались необозначенными цели и задачи конституций, уставов субъектов РФ, а также не выделена их роль в обеспечении гарантированности защиты прав человека на региональном пространстве.

В принятом Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон № 414-ФЗ) конституции, уставы субъектов РФ упоминаются, как правило, чисто с технической стороны. Федеральный законодатель не выделяет каким-либо образом их правовой статус среди других нормативных правовых актов, зачастую списочно перечисляя их либо упоминая в контексте отсылочных норм в части возможности с помощью них регулировать отдельные виды правоотношений.

Таким образом, упразднение конституционных (уставных) судов на федеральном уровне оказалось весьма закономерным. Предложенные на их замену конституционные (уставные) советы несколько занижают значение конституций, уставов субъектов РФ.

Известную недооценку в научной и учебной литературе конституций, уставов субъектов РФ как источников конституционного права подчеркивал Н.В. Витрук [5, с. 65]. Однако до настоящего времени ситуация как в законодательстве, так и в правоприменении коренным образом не изменилась.

Главный аспект в дефиниции связан с выявлением основного функционального предназначения конституций, уставов субъектов РФ. По мнению И.А. Умновой-Конюховой, интегрированным признаком является определение данным основным законом и учредительным актом субъекта Федерации его конкретного статуса с учетом субъектной специфики и на основании прав, закрепленных в Конституции РФ [7, с. 5].

Целесообразно выделить те взгляды ученых, в которых прослеживается выделение важных свойств региональных нормативных правовых актов, позволяющих утверждать об их особой правовой природе в контексте формирования целостного представления о широте их действия и создаваемом ими каркасе нормативного регулирования в пределах регионального пространства.

Позиции ученых концептуально можно разделить на две диаметрально противоположные группы относительно определения правовой природы конституций, уставов субъектов РФ в системе нормативных правовых актов.

Большинство ученых-конституционалистов аналогично Конституции РФ определяют конституции, уставы субъектов РФ как основные законы учредительного характера (С.А. Авакьян, Н.А. Михалева, М.В. Саликов, И.А. Умнова-Конюхова и др.). Другая группа исследователей, преимущественно теоретики права, обосновывает отсутствие каких-либо особых черт у данных нормативных правовых актов, которых можно охарактеризовать, как сторонников узкого подхода к раскрытию выполняемой конституциями, уставами субъектов РФ роли. Так, В.В. Ершов и Е.А. Ершова, используя систематическое, буквальное и языковое толкование норм Конституции РФ с помощью применения обобщающего родового понятия «нормативные правовые акты», определили, что конституции, уставы субъектов РФ являются отдельными нормативными правовыми актами, которые (несмотря даже на особую правовую природу каждого из них) должны соответствовать не только Конституции РФ, но и федеральным законам [6].

В названном подходе не отрицается особая правовая природа конституций, уставов субъектов РФ, но в то же время и не выделяется каких-либо признаков и свойств этого вида нормативных правовых актов.

Учитывается лишь иерархическая встроенность в систему нормативных правовых актов Российской Федерации.

Российские ученые подчеркивают, что содержание конституций, уставов субъектов РФ определяется разграничением предметов ведения и полномочий по предметам совместного ведения и предметами ведения субъектов РФ [10; 8, с. 115–190; 13, с. 143–145; 15, с. 196–211]. В связи с этим возникает закономерный вопрос, а необходимо ли идентичное дублирование положений Конституции РФ, закрепленных в главе второй, посвященных правам, свободам и обязанностям, в текстах конституций, уставов субъектов РФ.

В конституциях, уставах субъектов РФ имеют место расхождения в подходах к закреплению объема данных прав. Одни конституции, уставы довольно подробно, вслед за федеральной Конституцией, перечисляют права и свободы человека, дублируя их перечень, другие содержат лишь отсылки к соответствующим положениям Конституции РФ.

М.С. Саликов предлагает следовать примеру основных законов субъектов РФ, которые, опираясь на нормы федеральной Конституции (избегая при этом ненужного повторения конкретных ее норм, посвященных тем или иным правам и свободам), сосредотачиваются на установлении систем гарантий прав и свобод и механизмов их защиты на соответствующих территориях [8, с. 223–224].

Как отмечает И.А. Умнова-Конюхова, роль конституций, уставов субъектов РФ заключается не в повторении основных прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ, а в определении гарантий их реализации в условиях территории, конкретизации этих прав и свобод на региональном уровне с учетом региональной специфики. В качестве принципа-критерия ученый предлагает применять принцип благоприятного правового режима, суть которого состоит в том, чтобы улучшать, а не ухудшать правовое положение человека и гражданина и других субъектов права. Это означает, по ее мнению, в первую очередь, то, что субъект Федерации не может ограничивать правовой статус участника правовых отношений, определенный на федеральном уровне, либо отдельные элементы этого статуса [15, с. 225; 16, с. 24].

Конституции, уставы субъектов РФ должны стараться модифицировать и развивать вкладываемый Конституцией РФ смысл в

имеющиеся законоположения, а не воспроизводить нормы и принципы, делая их исключительно программными и декларативными без привязки к региональным особенностям и потребностям.

На уровне Федерации целесообразно поощрение регионального правотворчества, где конституциям, уставам субъектов РФ предоставлялась бы роль блюстителя и гаранта по сохранению смыслов, заложенных в Конституции РФ, и распространению их в деятельности органов государственной власти регионального уровня.

В действительности конституции, уставы субъектов РФ в определенной мере трансформируют федеральное законодательство, но этим они не ограничиваются. Данные документы РФ отражают региональные особенности, среди которых культурные, географически территориальные, а также связанные с определением правового статуса отдельного субъекта Федерации в целом.

Отличительной чертой конституций, уставов субъектов РФ от других видов нормативных правовых актов, прежде всего, является направленность по выстраиванию конституционных идеалов, которые пронизывают их содержательное наполнение.

В.Е. Чиркин писал: «Современные конституции воспринимают общечеловеческие ценности прошлого, поднимают их на новый уровень и формируют новые приоритеты – приоритеты свободного, социализированного и коллективизированного общества, человека с достойным жизненным уровнем» [19, с. 57].

Перечисленные ученым приоритеты фактически относятся к конституционным идеалам. Существует множество определений категории «конституционного идеала». Необходимо упомянуть обобщенный взгляд И.А. Умновой-Конюховой, определившей его как «заложенные в конституции идеи формирования и развития конституционного строя, отражающие предназначение государства, общества и человека на конкретном временном отрезке человеческой цивилизации» [17, с. 197].

Для подтверждения этого тезиса достаточно обратиться к положениям отдельных преамбул конституций, уставов субъектов РФ. Вариации изложения конституционных идеалов весьма многочисленны. Приведем некоторые из них:

– обеспечение достойной жизни (Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 в ред. от 01.10.2021);

– обеспечение достойного уровня жизни для всех (Конституция Республики Марий Эл от 24.06.1995 в ред. от 28.05.2021);

– создание достойных человека условий жизни; совершенствование социально-экономических и культурных отношений (Устав (Основной закон) Алтайского края от 05.06.1995 в ред. от 05.05.2021);

– стремление к созданию достойных условий жизни человека (Уставы Магаданской области от 28.12.2001 в редакции от 29.12.2021 и Московской области от 11.12.1996 в ред. от 27.05.2021);

– верховенство закона как выражение воли народа (Конституция Республики Марий Эл от 24.06.1995 в ред. от 28.05.2021);

– уважение к земле отцов (Конституция Чеченской Республики от 23.03.2003 в ред. от 09.01.2022);

– создание правовой основы для всестороннего развития региона (Устав Ставропольского края от 12.10.1994 в ред. от 22.12.2020);

– обеспечение политической стабильности; следование принципам справедливости (Устав Калужской области от 27.03.1996 в ред. от 26.10.2021);

– утверждение гражданского и духовного согласия (Устав Липецкой области от 09.04.2003 в ред. от 21.06.2021);

– стремление к упрочению принципов федерализма, демократии, правового государства (Устав Брянской области от 20.12.2012 в ред. от 27.02.2021 и Устав Московской области от 11.12.1996 в ред. от 27.05.2021);

– стремление к созданию гармоничной общности людей (Уставы Оренбургской области от 20.11.2000 в ред. от 18.08.2021 и Ростовской области от 29.05.1996 в ред. от 03.08.2021);

– принятие Устава в качестве основы государственно-правовой жизни общества (Устав Томской области от 26.07.1995 в ред. от 05.11.2020);

– стремление сохранения государственной и территориальной целостности Российской Федерации (Устав Тульской области от 28.05.2015 в ред. от 20.07.2021) и др.

Некоторые ученые дают дефиницию конституциям, уставам субъектов РФ в аспекте юридической силы и учредительного характера самой Конституции РФ.

Например, Н.В. Витрук характеризовал особую юридическую природу конституций, уставов субъектов РФ в понимании, обозначенном Конституционным Судом РФ, обоснованно определив их статусность среди других нормативных правовых актов. Так, ученый писал: «Конституции и уставы субъектов Российской Федерации, являясь актами учредительного характера и определяя конституционно-правовую и уставно-правовую статус, находятся в одном ряду с Конституцией Российской Федерации, и тем самым они составляют высший уровень (вершину, фундамент) нормативно-правовой системы Федерации и ее субъектов» [5, с. 65].

В свою очередь, И.А. Умнова-Конюхова и А.С. Степаненко подчеркнули: «Определение места конституции (устава) субъекта Федерации в иерархии российского законодательства тесно связано с правильным пониманием правовой основы данных актов» [14]. В действительности точность иерархического положения конституций, уставов субъектов РФ как нормативных правовых актов субъекта РФ зависит от комплексного интегрированного применения норм Конституции, Федерального закона № 414-ФЗ, иных федеральных законов, а также толкования, заложенного в сформированных позициях Конституционного Суда РФ.

Ряд ученых акцентирует внимание при определении юридической природы конституций, уставов субъектов РФ на аксиологических началах.

А.М. Цалиев обозначил проявление социальной ценности конституций, уставов субъектов РФ через присущие им юридические свойства, позволяющие определять с помощью них организацию субъектов РФ, а также порядок принятия, придающий им особый правовой характер [18, с. 84].

В свою очередь, А.М. Курмаева определила Основной закон региона «как средство выражения ценностей, приемлемых для власти и народа» [9, с. 12].

Инструментально-доктринальный подход к пониманию сущности конституций, уставов субъектов РФ продемонстрирован Н.А. Михалевой. По ее мнению, в них «отражается состояние развития юридической науки, объективируется правовая доктрина» [10].

В контексте отождествления конституций и уставов субъектов Федерации по охвату сфер регулирования Е.Е. Никитина пришла к

выводу, что данные акты «являются основным законом для органов власти и управления и граждан, проживающих на территории» [11, с. 60].

Можно констатировать, что в учебной и научной литературе в большинстве случаев особенности правовой природы конституций, уставов субъектов РФ ограничиваются лишь раскрытием юридических свойств, характерных в том числе для федеральной Конституции, среди которых учредительный характер, легитимность, юридическая база законодательства и др.

Некоторые авторы дополнительно уточняют содержание юридических свойств в своих работах. Например, И.А. Алешкова и Т.С. Агапов рассмотрели особенности юридических свойств конституций, уставов субъектов РФ через оперирование категорией «субсидиарность», понимаемой в качестве предоставления определенной свободы по очерченному спектру вопросов [4, с. 78].

Вместе с тем в юридической литературе уделено недостаточное внимание такому присущему свойству (функции) основных законов субъектов РФ, как реализация защиты прав человека.

Если для Конституции РФ характерно установление прав и свобод человека, то в рамках предмета регулирования конституций, уставов субъектов Федерации защита прав человека является первоочередной задачей, и в зависимости от этого должны выстраиваться институциональные механизмы и выработанные нормативно-правовые меры, обеспечивающие в этом направлении структурно-содержательное единство текстов конституций, уставов субъектов РФ.

Положения п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ об этом непосредственно свидетельствуют, относя защиту прав и свобод человека к совместному ведению.

Правозащитная функция присуща любому из нормативных правовых актов. Однако особо отчетливо она проявляется в Конституции РФ, выстраивающей нормативный базис для других нормативных правовых актов. Наиболее близкими к ней по организационной структуре и юридическим свойствам являются конституции, уставы субъектов РФ, в которых защита прав человека является аксиоматическим атрибутом целей их создания.

Защита прав выступает основополагающей гарантией реализации прав и свобод человека

с помощью всевозможных правовых средств, установленных законом, включающих как государственный, так и негосударственный механизм защиты [12, с. 186].

Защита прав человека объективируется в конституциях, уставах субъектов РФ посредством реализации следующих заложенных в них способов:

- 1) воспроизводство конституционных норм и принципов права;
- 2) использование отсылки (бланкетности) норм и принципов;
- 3) конкретизация прав и свобод человека;
- 4) закрепление гарантий прав человека;
- 5) учреждение системы региональных правозащитных органов;
- 6) определение процедур и порядка защиты прав и свобод человека.

Кроме того, в принятом Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ предусматривается обновленный законодательный базис, сосредоточенный на реализации принципов единства публичной власти. В положениях ч. 4 ст. 1 данного закона закрепляются возможности конституциями, уставами субъектов РФ регулировать вопросы образования, формирования и деятельности органов государственной власти субъектов РФ, входящих в единую систему публичной власти в субъектах РФ, а также их полномочия, ответственность и порядок взаимодействия.

Соответственно, можно выделить еще одну важную черту конституций, уставов субъектов РФ, которая заключается в определении особенностей реализации публичной власти на региональном уровне.

В некоторых основных законах субъектов РФ до реформирования федерального законодательства уже имелись соответствующие статьи, затрагивающие вопросы организации публичной власти в субъекте РФ. Так, в ст. 3 Устава Ленинградской области от 27.10.1994 в ред. от 08.02.2022 закреплены основы осуществления публичной власти, а в некоторых уставах усматриваются отдельные коррекционные изменения в свете внесенных конституционных поправок о единстве публичной власти. Например, в ст. 5 Устава Иркутской области от 17.04.2009 в ред. от 08.02.2021 прослеживается уточнение целей и принципов осуществления публичной власти в области.

При анализе нормативных определений конституций, уставов субъектов РФ следует

отметить, что некоторые субъекты Федерации в самих учредительных актах текстуально консолидировали определение их правовой природы как основных законов, относящихся к актам высшей юридической силы по отношению к другим нормативным правовым актам субъектов РФ.

В преамбулах Уставов Краснодарского края от 12.11.1993 в ред. от 09.04.2021, Красноярского края от 05.06.2008 в ред. от 28.10.2021, Чукотского автономного округа от 28 ноября 1997 г. в ред. от 8 ноября 2021 г., Челябинской области от 25.05.2006 в ред. от 30.09.2021 провозглашаются Основные законы в качестве государственно-правовой основы социально-экономической, политической и культурной жизни регионов.

Существуют уставы субъектов РФ, в которых в той или иной форме на законодательном уровне дается нормативное определение Основному закону субъекта РФ путем перечисления отдельных его атрибутов.

В ст. 1 Устава Камчатского края от 04.12.2008 в ред. от 29.11.2021 имеется его характеристика – он является Основным законом края, подчеркивается его высшая юридическая сила в системе нормативных правовых актов, а также оговаривается установление с помощью него конституционно-правового статуса края, территориального устройства, системы органов государственной власти, порядка формирования, полномочий, включая вопросы организации местного самоуправления, системы нормативных правовых актов и иных положений.

При этом перечень регулятивных свойств, предусмотренных в данном учредительном акте, является открытым, что обусловлено выполнением им целого комплекса задач в рамках предметов ведения.

Устав Псковской области от 12.04.2001 в ред. от 21.06.2021 по содержательным элементам нормативного определения своего учредительного акта представляется достаточно близким к вышеназванному. Однако в ст. 1 Устава наряду с элементами определения конституционного правового статуса, системы и полномочий органов государственной власти субъекта Федерации сосредотачивается внимание на установлении гарантий избирательных прав, экономических основ развития области, включая правовые, экономические и финансовые основы местного самоуправления.

В ст. 1 Устава Саратовской области от 02.06.2005 в ред. от 27.10.2021 затрагиваются другие существенные составляющие нормативного определения учредительного акта. На первом месте находится установление дополнительных гарантий прав и свобод граждан, а уже потом приводится закрепление основ экономической и социальной политики, определение полномочий органов государственной власти и др.

Устав Оренбургской области от 20.11.2000 в ред. от 18.08.2021, Устав Тамбовской области от 30.11.1994 в ред. от 01.12.2021, Устав Томской области от 26.07.1995 в ред. от 05.11.2021 объединяют схожее нормативное определение учредительного акта. В самой первой статье указанных уставов говорится о том, что Устав области является Основным законом в системе нормативного правового регулирования общественных отношений, осуществляемого органами государственной власти и местного самоуправления с участием населения. В имеющемся определении законодателем дополнительно включен еще один важный признак – народовластие.

Примечательным является тот факт, что, если в Уставах предпринимаются попытки дать нормативное определение учредительному акту и обозначить его конституирующие элементы, то в анализируемых региональных конституциях этого и вовсе не встречается. В них акцент делается на раскрытии параметров высшей юридической силы региональных конституций среди других нормативных правовых актов субъектов Федерации.

Несмотря на различные научные подходы к характеристике правовой природы конституций, уставов субъектов Российской Федерации, правоведы в своем большинстве характеризуют данные нормативные правовые акты как наиболее близкие по духу к Конституции Российской Федерации, положения которых являются логическим продолжением конституционных положений в контексте усиления их гарантированности и дальнейшего воплощения в действительность на территории субъектов Федерации.

На основании проанализированных взглядов исследователей, условно разделенных на подходы узкого и широкого понимания к определению правовой природы конституций, уставов субъектов РФ, а также отдельных нормативных определений самих учредительных актов, необходимо дать авторское

определение, консолидирующее научно-теоретический и нормативный подходы с учетом направленности федеративного развития российской государственности.

Конституции, уставы субъектов Российской Федерации – это нормативные правовые акты особой природы, находящиеся в непосредственной правовой связи с Конституцией Российской Федерации, обладающие высшей юридической силой на территории субъекта Российской Федерации, аксиоматическими свойствами которых является защита прав человека, обеспечение ее гарантированности на региональном пространстве в рамках реализации прямого действия Конституции Российской Федерации с одной стороны, учреждение региональных особенностей, в том числе особенностей организации публичной власти в субъекте Российской Федерации, с другой стороны.

Недостаточная продуманность на законодательном уровне конструкции встраивания конституций, уставов субъектов Российской Федерации в ткань действующей правовой

системы породила в достаточной степени продолжительный период их недооценки и снижение частоты их прямого применения компетентными органами в пределах ведения соответствующего субъекта Российской Федерации.

В этой связи представляется целесообразным в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» рамочно определить правовую природу конституций, уставов субъектов Российской Федерации, тем самым подчеркнув и их правозащитную направленность на правотворческом уровне.

Указанные изменения могли бы выступить первым шагом по задействованию нормативно-правовой базы конституций, уставов субъектов Российской Федерации для выстраивания вектора развития в целях упрочения заложенных в них Конституцией Российской Федерации правозащитных начал как основы их принятия в контексте реализации предметов ведения субъектами Российской Федерации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2020 № 48-ФЗ // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Алешкова И.А. Юридические свойства конституций (уставов) субъектов Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2015. № 6(126).
5. Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008.
6. Ершов В.В., Ершова Е.А. О правовом статусе Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2004. № 2.
7. Конституции (уставы) субъектов Российской Федерации. В 4 томах. Т. 1. Вступительная статья. Брянск, 2009.

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
2. On Human Rights Commissioners in the subjects of the Russian Federation: fed. law of 18.03.2020 № 48-FL // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
3. On the general principles of the organization of public power in the subjects of the Russian Federation: fed. law of 21.12.2021 № 414-FL // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
4. Aleshkova I.A. Legal properties of constitutions (charters) of subjects of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2015. № 6(126).
5. Vitruk N.V. Fidelity to the Constitution. Moscow, 2008.
6. Ershov V.V., Ershova E.A. On the legal status of the Constitutional Court of the Russian Federation // Russian justice. 2004. № 2.
7. Constitutions (charters) of the subjects of the Russian Federation. In 4 volumes. Vol. 1. Introductory article. Bryansk, 2009.
8. Constitutional Law of the subjects of the Russian Federation / ed. by V.A. Kryazhkov. Moscow, 2002.

8. Конституционное право субъектов Российской Федерации / под ред. В.А. Кряжков. М., 2002.
9. Курмаева А.А. Уставное законодательство Астраханской области: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007 [Электронный ресурс]. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003391190.pdf (дата обращения: 27.02.2022).
10. Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). М., 2010.
11. Никитина Е.Е. Устав области (края) как источник конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11.
12. Николаев В.А. Защита прав и свобод как конституционно-правовая категория // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3.
13. Крылов Б.С., Ильинский И.П., Михалева Н.А. Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М., 1994.
14. Умнова (Конюхова) И.А., Степаненко А.С. Легитимность конституций (уставов) субъектов Российской Федерации в контексте их защиты органами конституционного контроля в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4.
15. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000.
16. Умнова И.А. Устав области (края): первый опыт. М., 1995.
17. Умнова-Конюхова И.А. Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии. М., 2021.
18. Цалиев А.М. О социальной ценности Конституции (устава) субъекта РФ и обеспечении ее верховенства // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 20. № 4.
19. Чиркин В.Е. Современная модель конституции: прежние и новые приоритеты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2(247).
9. Kurmayeva A.A. Statutory legislation of the Astrakhan region: constitutional and legal research: auth abstr. ... Cand of Law. Saratov, 2007 [Electronic resource]. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003391190.pdf (date of access: 27.02.2022).
10. Mikhaleva N.A. Constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation (comparative legal research). Moscow, 2010.
11. Nikitina E.E. Charter of the region (region) as a source of constitutional law // Journal of Russian Law. 1997. № 11.
12. Nikolaev V.A. Protection of rights and freedoms as a constitutional and legal category // Gaps in Russian legislation. 2021. Vol. 14. № 3.
13. Krylov B.S., Ilyinsky I.P., Mikhaleva N.A. Problems of sovereignty in the Russian Federation. Moscow, 1994.
14. Umnova (Konyukhova) I.A., Stepanenko A.S. Legitimacy of constitutions (charters) of subjects of the Russian Federation in the context of their protection by constitutional control bodies in the Russian Federation // Journal of Constitutional Justice. 2011. № 4.
15. Umnova I.A. Constitutional foundations of modern Russian federalism. Moscow, 2000.
16. Umnova I.A. Charter of the region (territory): the first experience. Moscow, 1995.
17. Umnova-Konyukhova I.A. Constitutional futurist law and constitutional futurology in the XXI century. Moscow, 2021.
18. Tsaliev A.M. On the social value of the Constitution (Charter) of the subject of the Russian Federation and ensuring its supremacy // Legal Bulletin of the DSU. 2016. Vol. 20. № 4.
19. Chirkin V.E. The modern model of the constitution: old and new priorities // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2003. № 2(247).

© 2022 г. Рожкова Людмила Олеговна,

советник юстиции, помощник прокурора Ростовской области по взаимодействию с законодательными (представительными) и исполнительными органами области, органами местного самоуправления прокуратуры Ростовской области.
E-mail: Ludmila55505@bk.ru

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВИДЫ НАКАЗАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье автор уделяет внимание проблемным аспектам дополнительных видов наказания в современном уголовном праве, предоставляет новые подходы в развитии системы уголовных наказаний, а также рассматривает различные точки зрения относительно определения классификаций уголовных наказаний.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное наказание, дополнительные виды наказаний, мера наказания, уголовная ответственность.

Rozhkova Lyudmila Olegovna – Justice Adviser, Assistant for interaction with legislative (representative) and executive bodies of the region, local self-government bodies of the Prosecutor of the Rostov region, Prosecutor's Office of the Rostov region.

ADDITIONAL TYPES OF PUNISHMENTS IN MODERN CRIMINAL LAW

The article focuses on the problematic aspects of additional types of punishment in modern criminal law. The author provides new approaches in the development of the system of criminal penalties. Various points of view regarding the definition of classifications of criminal penalties are considered.

Keywords: criminal law, a criminal sanction, additional criminal penalties, punishment, criminal liability.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации к лицу, совершившему преступление, применяется то или иное наказание, соразмерное совершенному противоправному посягательству [1].

Актуальность рассмотрения дополнительных видов наказания обусловлена необходимостью совершенствования самого института уголовного наказания в целом.

Формирование комплексной меры уголовного наказания обусловлено тем, что это является закономерным процессом в рамках всего института наказания. Однако следует отметить, что сегодня имеются проблемные аспекты в рамках установления соотношения основных и дополнительных видов уголовного наказания.

Помимо этого, в современном уголовном законодательстве можно констатировать факт недостаточности установленных дополнительных видов наказаний, что в значительной степени затрудняет процесс формирования конкретной иерархии уголовных наказаний [2, с. 60].

В российском уголовном законодательстве установлен в качестве приоритетного подход, в рамках которого основные виды наказаний могут выступать и в качестве допол-

нительных, к примеру, штраф может рассматриваться и как первый вид наказаний, и как второй.

Дополнительные виды наказания можно рассматривать как в узком смысле, который включает в себя только один вид наказания, а именно – лишение специального воинского, почетного звания, классного чина и государственных наград. В широком же смысле дополнительные наказания представлены следующими видами – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф.

Такое закрепление имеет ряд основных условий.

Во-первых, изначально дополнительные виды наказания были закреплены в Уголовном кодексе РФ 1996 г. При этом их было всего два, которые рассматривались в качестве незначимых. Впоследствии из текста уголовного законодательства такое наказание, как конфискация имущества, было исключено, но позже восстановлено обратно в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Во-вторых, данное закрепление находит отражение в рамках исторического развития уголовного законодательства нашего государства. Два дополнительных вида уголовного

наказания получили свое закрепление еще в УК РСФСР 1960 г. [3]. В советском законодательстве изучаемые виды наказания носили исключительный характер.

Ныне установленная правовая регламентация дополнительных видов уголовного законодательства во многом обусловлена теми изменениями в развитии государственности нашей страны в конце XX – начале XXI в. Большое влияние на институт дополнительного наказания оказало принятие Конституции РФ в 1993 г. [1].

При этом стоит отметить, что такое деление следует из дискуссии о классификации всей системы наказаний. Существует три их вида: основные, дополнительные и смешанные. Стоит отметить, что в число смешанных наказаний входят такие наказания, как ограничение свободы, штраф, лишение права занимать определенные должности, лишение права заниматься определенной деятельностью.

В основу данного деления положен критерий: порядок назначения (применения) [4]. При этом такое деление является не вполне корректным. Это следует прежде всего из того, что положения о назначении наказаний действующего Уголовного кодекса не содержат отличительных особенностей в применении как основных, так и дополнительных наказаний. Общие и специальные правила назначения наказания одинаково учитываются при назначении как основного, так и дополнительного наказания, только специальные правила применяются в зависимости от объективных и субъективных факторов.

Дополнительные наказания имеют свою специфику при их назначении: выбор конкретного наказания, определение размера, случаи сложения наказаний. Однако эти особенности не дают понимания того, почему то или иное наказание должно быть назначено в качестве основного, а не дополнительного.

Нужно отметить, что законодатель не дает легальной дефиниции основного, дополнительного, смешанного наказания, ограничившись простым перечислением в соответствующей статье Уголовного кодекса. Тем не менее в теории данному вопросу уделено достаточно внимание, определив основные наказания (лишение свободы, исправительные работы и т. д.) как самостоятельные меры ответственности, направленные на достижение основных целей наказания, а дополнительные наказания уже преследуют цель не основную, а вспомогательные, способствующие достижению базовых целей наказания, при

этом они назначаются вместе с основным наказанием, а не самостоятельно. При этом остается открытым вопрос о целесообразности выделения такой группы наказаний, как «смешанные наказания».

В научной литературе нет определения понятия смешанных наказаний, нет легального определения понятия, а только их перечисление. В.К. Дуюнов писал о том, что такое деление в ст. 45 УК РФ наказаний на три вида имеет смысл только в качестве приема законодательной техники, имеющей цель – экономии законодательного материала [5].

На протяжении практически 20 лет происходит всестороннее развитие и совершенствование уголовного законодательства в рамках различных институтов.

С момента принятия Конституции Российской Федерации особое внимание в назначении уголовного наказания стало уделяться в большей степени тем наказаниям, которые не связаны с лишением свободы виновного лица. Дополнительные же наказания во многих ситуациях оказались ненужными ввиду того, что в государстве наблюдался курс на гуманизацию и либерализацию уголовного наказания.

Стоит отметить, что на протяжении нескольких десятилетий в юридической литературе уделяется пристальное внимание дополнительным видам наказания в уголовном праве.

Так, первая группа исследователей приходит к выводу о том, что деление видов наказания на основные и дополнительные приводит к ситуации, когда увеличиваются пределы индивидуализации наказания [6, с. 43]. При этом нельзя рассматривать применение дополнительных наказаний в качестве ужесточающих и меняющих положение виновного лица в худшую сторону. В данном случае делается акцент на дифференциации уголовного наказания.

Следует рассмотреть еще один подход авторов, которые выделили специфические черты дополнительных видов наказания в зависимости от обстоятельств уголовного дела и непосредственных задач, решаемых посредством применения данных видов наказания. Так, выделяются следующие:

- реализация индивидуализации наказания;
- увеличение роли карательной стороны наказания, которое назначается виновному;
- уменьшение действия основного наказания;
- восстановление утраченных реакций виновного лица в результате нахождения его в местах лишения свободы [7, с. 47].

Также третья группа исследователей приходит к выводу о том, что смысл дополнительных видов наказания заключается в последовательной индивидуализации уголовного наказания для того, чтобы в полной мере достичь предупреждения совершения отдельных видов противоправных посягательств [8, с. 104]. Избирание виновному лицу дополнительного наказания наряду с основным способствует выработке более действенного запрета на совершение таких деяний не только у него, но и у иных лиц, которые наблюдают за таким привлечением к ответственности.

Следует констатировать тот факт, что в настоящее время институт дополнительных видов наказания в уголовном праве выступает как недостаточно структурированный и сформированный, в результате чего правоприменителем он не рассматривается в качестве значимого и обязательного элемента в рамках уголовного наказания.

Под определением понятия «наказание» следует понимать специфическую меру государственного принуждения, которая направлена на привлечение виновного лица к ответственности за совершенное деяние. Такая мера должна отвечать требованиям комплексности и разносторонности, что выражается в рамках не только законного и справедливого воздействия на осужденного, но и универсальностью уголовного наказания [7, с. 21].

При этом достаточно часто в правовой литературе встречается вопрос относительно понимания дополнительных видов наказания в качестве некоторых пережитых форм установления уголовного наказания. Однако такое высказывание является неверным, т. к. в современном уголовном праве и правоприменительной практике данные виды наказания доказали свою высокую эффективность и действенность.

В настоящее время появляются все новые противоправные посягательства, а также формы их совершения, в результате чего возникает необходимость установления иных дополнительных видов наказания, способных выступать в качестве специальных мер предупреждения их совершения.

Эффективность воздействия дополнительного вида наказания на виновное лицо обусловлено индивидуализацией его применения. В теории уголовного права не существует отдельной единой характеристики относительно преступника, совершающего противоправное посягательство. Каждое виновное лицо индивидуально, а следовательно, к нему

должно применяться и индивидуализированное наказание.

Законодателем недостаточно уделяется внимание дополнительным видам уголовного наказания из-за того, что они имеют уровень исключительности [10, с. 43].

Учитывая тот факт, что криминогенная обстановка в нашей стране постоянно меняется, будет целесообразно установить отдельную структуру дополнительных видов уголовного наказания, которая бы имела самостоятельное значение.

Для того чтобы эффективно установить систему дополнительных видов уголовного наказания, стоит начать с определения их четкого перечня. Необходимо вернуть некоторые устаревшие виды наказания, а также перенять в рамках данного вопроса некоторый опыт зарубежных стран [9, с. 14].

Исходя из вышеизложенного, на сегодняшний день наиболее четкой представляется структура дополнительных видов наказания, исходя из ст. 44 УК РФ:

- 1) лишение государственных наград;
- 2) лишение почетного звания;
- 3) лишение специального звания;
- 4) лишение классного чина;
- 5) лишение воинского звания;
- 6) штраф;
- 7) лишение права занимать определенные должности;
- 8) лишение права заниматься определенной деятельностью;
- 9) ограничение свободы.

Тот прием юридической техники, который использовал законодатель в ст. 45 УК РФ, обусловлен только необходимостью уйти от двойного перечисления некоторых наказаний (ч. 2 ст. 45 УК РФ), однако это не дает оснований выделять три вида наказаний, а именно «смешанные наказания» в качестве отдельного вида. Таким образом, система наказаний представлена двумя видами: основным и дополнительными, структура которых представлена выше. Отсюда законодателю можно предложить оставить только две части ст. 45 УК РФ, где в первой указать основные наказания, а во второй – дополнительные. Такое раздельное расположение основных и дополнительных наказаний было в Уголовном уложении 1903 г., Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в уголовных кодексах периода Советского союза.

В дальнейшем данная структура должна реформироваться, исходя из того, какие еще виды преступлений будут появляться.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Розенко С.В. Дополнительные наказания в российском уголовном праве: проблемы системности и совершенствования // Вестник Югорского государственного университета. 2020. Вып. 4(59).
3. Уголовный кодекс РСФСР: закон от 27.10.1960 (ред. от 30.07.1996) (утратил силу) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 09.12.2021).
4. Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М., 2008.
5. Дуунов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001.
6. Боголепова Л.С. Дополнительные виды уголовных наказаний: вопросы совершенствования // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 14.
7. Гатиятуллина Р.Р. Особенности основных и дополнительных наказаний по уголовному законодательству // Матрица научного познания. 2018. № 1.
8. Черненко Т.Г. Некоторые вопросы применения дополнительных наказаний // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1(42).
9. Ничуговская О.Н. Система наказаний в современном уголовном законодательстве: проблемы и перспективы развития. М., 2016.
10. Щербаченко А.К. Система дополнительных видов наказания по действующему российскому уголовному законодательству // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 4(71).
11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
12. Гишинский Я.И. Уголовная политика и общие вопросы уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 мая 2017 г.). М., 2017.

Bibliography

1. The Criminal Code of the Russian Federation: fed. law № 63-FL of 13.06.1996 (as amended on 01.07.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 01.12.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. Rozenko S.V. Additional punishments in Russian criminal law: problems of consistency and improvement // Bulletin of the Yugra State University. 2020. Issue 4(59).
3. The Criminal Code of the RSFSR: the law of 27.10.1960 (ed. of 30.07.1996) (expired) [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (date of access: 09.12.2021).
4. Kurganov S.I. Punishment: criminal-legal, criminal-executive and criminological aspects. Moscow, 2008.
5. Duunov V.K. Mechanism of criminal-legal impact: auth abstr. ... Dr. of Law. Togliatti, 2001.
6. Bogolepova L.S. Additional types of criminal penalties: issues of improvement // Education and science in Russia and abroad. 2019. № 14.
7. Gatiyatullina R.R. Features of basic and additional punishments under criminal law // Matrix of scientific cognition. 2018. № 1.
8. Chernenko T.G. Some questions of the application of additional punishments // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2020. № 1(42).
9. Nichugovskaya O.N. The system of punishments in modern criminal legislation: problems and prospects of development. Moscow, 2016.
10. Shcherbachenko A.K. The system of additional types of punishment under the current Russian criminal legislation // Jurist-Pravoved. 2015. № 4(71).
11. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 04.08.2014. № 31. St. 4398.
12. Gilinsky Ya.I. Criminal policy and general issues of criminal law // Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the XIV International Scientific and Practical Conference (May 26–27, 2017). Moscow, 2017.

© 2022 г. Точилкина Анастасия Андреевна,
адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: nastena.tochilkina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В статье проведен анализ тактических особенностей производства осмотра места происшествия в качестве основополагающего первоначального следственного действия при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности. Данное следственное действие является наиболее информативным, направлено на выявления признаков психологического отклонения в поведении лица при совершении преступлений вышеуказанной категории. Автором отражены характерологические и поведенческие особенности субъекта преступления, проявляющиеся в следовой картине на месте происшествия и свидетельствующие о наличии/отсутствии отклонений в психологическом здоровье последнего. Аккумулированы положения наук криминалистики, психологии, уголовного права и представлены в качестве основополагающих характеристик, позволяющих сформировать тактико-организационные и методические рекомендации раскрытия и расследования преступлений указанной категории.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья, эмоциональная напряженность, субъект преступления, характерологические и поведенческие особенности личности преступника, психологические расстройства, тактика следственных действий, осмотр места происшествия, следовая картина, методика расследования преступлений.

Tochilkina Anastasiya Andreevna – Adjunct, the Rostov law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

FEATURES OF THE TACTICS OF INSPECTING THE CRIME SCENE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH COMMITTED IN CONDITIONS OF EMOTIONAL TENSION

The article analyses the tactical features of inspecting the crime scene as a fundamental initial investigative action in the investigation of crimes against life and health, committed in conditions of emotional tension. This investigative action is the most informative, it is aimed at identifying signs of a psychological deviation in the behaviour of a person when committing crimes of the above-stated category. The author reflects the characterological and behavioural features of the subject of the crime which are manifested in the trace picture at the scene, and indicate the presence/absence of deviations in the psychological health of the latter. The author accumulated the provisions of the sciences of criminology, psychology, criminal law and presented them as fundamental characteristics that allow the formation of tactical, organizational and methodological recommendations for the disclosure and investigation of crimes of this category.

Keywords: crimes against life and health, emotional tension, the subject of the crime, characterological and behavioural characteristics of the offender's personality, psychological disorders, tactics of investigative actions, inspecting of the crime scene, trace picture, methods of investigating crimes.

Категория преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности, достаточно обширна и, в первую очередь, отличается наличием поведенческих и эмоционально-волевых особенностей у лица, совершившего преступление. В связи с этим представляется актуальным определить тактические приемы и методы организации следственных мероприятий, а именно осмотр места происшествия, которые, на наш взгляд, в рамках расследования указанной категории преступлений заключаются в изучении поведенческих осо-

бенностей личности преступника, образующие следовую картину на месте происшествия. В научных трудах указывается, что исследование обстановки места происшествия также посредством психологических приемов способствует формированию версий о психических особенностях виновного лица и иных участников преступного деяния [1].

Первоначально следует уточнить понятия «эмоциональная напряженность» и «преступления против жизни и здоровья, совершенные в условиях эмоциональной напряженности», что позволит определить перечень

психоэмоциональных расстройств с последующей тактикой выявления их характерных особенностей на месте происшествия.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день не разработано единого толкования понятия «эмоциональная напряженность». Многие научные деятели отрицают возможность сочетания понятия «напряженность» и «эмоциональность». Так, по мнению Л.В. Куликова, какое-либо напряжение непосредственно связано с эмоциональной (психической) стороной личности. Однако авторы Н.И. Наенко, О.В. Овчинников, наоборот, в своих научных трудах выделяли операционную напряженность, обусловленную интеллектуальной деятельностью, и эмоциональную напряженность, возникающую вследствие фрустрации [2, с. 4].

Понятие «эмоциональная напряженность» следует определить как совокупность эмоциональных переживаний, подрывающих психическую устойчивость, эмоциональный фон и мотивационную сферу личности, зачастую вызываемых негативными психогенными воздействиями.

Из чего следует, что под преступлениями против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности, необходимо понимать общественно опасные деяния, посягающие на безопасность жизни и здоровья человека, совершенные под влиянием негативного психогенного воздействия на психическую устойчивость, эмоциональный фон и мотивационную сферу личности, виды которых закреплены в Уголовном кодексе РФ. В связи с этим исследованию подлежат такие составы преступлений против жизни и здоровья, в диспозиции которых имеются отсылки на понятия «сильное душевное волнение» и «условия психотравмирующей ситуации», которые могут сопровождаться болезненными психофизиологическими страданиями [3].

Вышесказанное позволяет определить типы личности преступников, совершающих преступления указанной категории, с учетом состояния психологического здоровья лица. К лицам, страдающим психическими расстройствами, с различной степенью и глубиной поражения психики следует отнести:

- невменяемые лица;
- лица с психическими аномалиями/ограниченная вменяемость;
- лица, совершившие преступления в состоянии аффекта.

При исследовании тактики осмотра места происшествия преступлений против жизни и здоровья в условиях эмоциональной напряженности, совершенных вышеуказанной категорией лиц, следует определить общие признаки, свидетельствующие об отклонении в психоэмоциональном состоянии личности преступника, которые отражены в следах, оставленных на месте происшествия. Следы обстановки и следы преступника в совокупности с иными доказательственными данными позволяют сделать вывод о механизме и обстоятельствах преступного деяния, свойствах личности его участников. В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее:

- наличие предметов, объектов, свидетельствующих о явных противоестественных действиях на месте происшествия;
- специфика, локализация и количество телесных повреждений;
- наличие следов неэтичных действий с жертвой преступления, трупом;
- наличие следов применения специфических орудий преступления;
- наличие на теле виновного лица следов сопротивления/самозащиты;
- наличие дневников, видеозаписей, медицинских справок/заключений;
- наличие следов, свидетельствующих о конфликтной ситуации между виновным лицом и жертвой преступления, которая была спровоцирована действиями последнего [4].

Необходимо установить-исследовать типичные осматриваемые в рамках осмотра места происшествия такие объекты, как: участок местности, где обнаружен труп жертвы; где причинены телесные повреждения; где были обнаружены вещественные доказательства, следы их сокрытия; места постоянного проживания [5].

Вышеизложенное позволяет установить типичные поведенческие особенности и вероятную следовую картину в отношении отдельной взятой категории преступников, совершающих в условиях эмоциональной напряженности преступления против жизни и здоровья. Так, рассматривая характерологические и психологические установки *невменяемого лица*, в действиях которого прослеживается неосознанность, беспричинность и бесцельность, следует отметить следующие признаки, отражающиеся в материальной обстановке:

- беспорядочное расположение объектов материальной обстановки на месте преступления;

– возможно наличие медицинских препаратов, применяющихся в лечении, профилактике психических заболеваний;

– использование в качестве орудия совершения преступлений – предметов домашнего обихода, «подручных средств»;

– хаотичное нанесение телесных повреждений, которые могут сопровождаться жестокими, насильственными действиями;

– в случае обнаружения на месте происшествия трупа необходимо обратить внимание на его расположение, следы возможного перемещения тела, т. к. лица с психическими заболеваниями не осознают факт наступления смерти жертвы преступного деяния, продолжая совершать уже с телом жертвы привычные для их сознания «прижизненные» действия (переодевание жертвы, ее кормление, купание и т. п.);

– отсутствие действий по сокрытию следов преступления.

Свидетельства невменяемости лица в случае наступления апатических состояний также могут отражаться в отсутствии действий по оказанию первой помощи (вызов скорой помощи, правоохранительных органов и т. п.). В случае «принятия» последствий преступного деяния действия невменяемого лица могут сопровождаться гиперактивностью, возбудимостью, агрессией, раздражительностью. В связи с этим установление невменяемости лица при совершении им преступного деяния должно осуществляться посредством исследования как объектов материальной обстановки, так и поведенческих особенностей субъекта преступления (в случае его нахождения на месте происшествия).

При исследовании механизма слеодообразования преступлений указанной категории, совершенных *лицами, имеющими психические аномалии*, а именно не способных в полной мере контролировать свои действия, отдавать им отчет, а также оценивать их последствия, необходимо установить взаимосвязь между преступным деянием и психическим отклонением, потому как лица с ограниченной вменяемостью подлежат уголовной ответственности. В связи с этим при осмотре места происшествия фиксируются и исследуются следующие следы преступления и преступника:

– способ совершения преступления, который зачастую характеризуется насильственными действиями, сопряженными с жестокостью, агрессией: использование бытовых ору-

дий или иных предметов, оказавшихся на месте преступления (нож, топор, вилка, стул и т. п.);

– специфичность телесных повреждений: множественность гематом, ран, следов удушья, следов пыток либо глумления, что отражает проявление жестокости, мести и злобы субъекта преступления, который может принадлежать к числу лиц, страдающих олигофренией в степени дебильности, психопатией, органическим поражением головного мозга, эпилепсией;

– наличие на месте происшествия следов использования негодных средств сокрытия преступления, либо вовсе отсутствие следов сокрытия преступления, что свидетельствует о быстром переутомлении субъекта преступления, либо о его неспособности сконцентрироваться на решении проблемы, что характерно, к примеру, для лиц с поражениями головного мозга [6, с. 11].

Тактика проведения осмотра места происшествия по преступлениям против жизни и здоровья, совершенным *лицами в состоянии аффекта*, в целом совпадает с тактикой осмотра места происшествия по преступлениям данного вида, совершенным вышеуказанными категориями граждан. Так, установление наличия аффективного состояния лица при визуальном осмотре обстановки места происшествия имеет следующие характерные особенности:

– местом совершения преступления в большинстве случаев выступают места постоянного пребывания/проживания лица (квартира, частный дом и т. п.);

– время и способ совершения преступления отличаются внезапностью, скоротечностью, нарушением целенаправленности действий;

– выбор средств, орудий совершения преступления носит неосознанный характер, присутствует хаотичность и множественность при нанесении телесных повреждений.

Следует отметить, что в случаях с преступлениями, совершенными в условиях эмоциональной напряженности, когда виновное лицо присутствует при осмотре, следует сконцентрироваться на подозреваемом, в поведении которого можно уловить признаки психического состояния, исключающего либо не исключающего вменяемость, например, помутнение рассудка, отрешенный взгляд, быстрота реакций, увеличение частоты дыхания, изменения в речи (заикание, крики), а также речь может быть невнятной, неспособность

воспроизвести в памяти события совершенного преступного деяния полностью либо частично, физическое и психическое истощение организма, сонливость. В случае с лицами в состоянии аффекта необходимо обратить внимание на отсутствие адекватного речевого контакта с окружающими, в двигательном возбуждении с явлениями автоматизма, забывании некоторых элементов событий, связанных с аффектогенной ситуацией.

Г.Н. Мухин в своих исследованиях выделял два уровня внешнеповеденческих признаков лиц с дефектами психики. К первому он относил такие признаки, которые характерны одновременно для нескольких видов психических отклонений, они могут быть с легкостью установлены как специалистами в области психиатрии, так и должностными лицами правоохранительных органов. В их число входят, к примеру, нарушения речевых свойств, встречающихся при олигофрении, шизофрении, черепно-мозговых травмах и т. д. Не реже встречаются нарушения памяти, которые выражаются в хаотичности высказываний, отвлекаемости от темы. Для лиц с дефектами психики, внешнеповеденческие признаки которых относятся к первому уровню, характерны неопрятность в одежде, стремление внешне выделиться, ранимость [7].

Ко второму уровню внешнеповеденческих признаков криминалист относит признаки, которые характеризуют отдельные виды психических нарушений, они менее очевидны и могут быть установлены непосредственно специалистом-психиатром по результатам целенаправленного наблюдения за субъектом или же путем проведения судебно-психиатрической экспертизы [8].

Приходим к выводу, что при исследовании тактических особенностей производства осмотра места происшествия по преступлениям против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности, необходимым условием является наличие у лиц, осуществляющих осмотр, знаний в области психологии и психиатрии. Указанное, на основе знаний поведенческих особенностей лиц с различными психическими расстройствами, позволит более полноценно и достоверно исследовать и отобразить следовую картину преступного события. Данное обстоятельство способствует выдвиганию версий и обуславливает последующие тактико-организационные особенности методики

раскрытия и расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности.

Выявление психических, аффективных расстройств является сложной задачей. Зачастую они носят скрытый характер. В конечном итоге даже наличие у подозреваемого психического расстройства, не исключающего вменяемость, вызывает у органа расследования определенные проблемы, т. к. данное лицо, несмотря на признание его юридически дееспособным, с точки зрения психологии все же имеет некоторые особенности психики, которые, к примеру, не позволяют качественно и полноценно получить показания по уголовному делу. Исследование психики личности при раскрытии и расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности, напрямую зависит от профессионализма органов, осуществляющих расследование, и деятельности экспертов, специалистов.

Обозначив актуальные тактико-организационные аспекты расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности, приходим к выводу о применении современных и совершенствовании имеющих тактических приемов исследования психологических и поведенческих особенностей личности – участника судопроизводства. В целом следует повысить уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, усилить деятельность по взаимодействию с государственными и негосударственными экспертными учреждениями, а также повысить уровень «соучастия» специалистов, экспертов в сопровождении уголовного дела.

Предлагается возможным создать единую базу лиц с дефектами психики, доступ к которой был бы предоставлен лицу, осуществляющему расследование по указанной категории преступлений. Данное предложение подразумевает сокращение сроков расследования, поскольку направление запросов в психоневрологические диспансеры значительно замедляет процесс раскрытия преступлений.

Вышесказанное является результатом исследования тактических приемов и методических рекомендаций, применяемых в ходе расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности.

Литература

1. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей: учебное пособие. М., 1967.
2. Герасимова И.В. Психическая напряженность. Фрустрация: хрестоматия. Владивосток, 2001.
3. Точилкина А.А. Специфические аспекты криминалистического изучения личности преступника при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности // Юрист-Правоведь. 2020. № 2(93).
4. Бульбачева А.А. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
5. Чернышев М.А. Осмотр места происшествия как базовая тактическая операция: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
6. Негуляева А.В. Особенности расследования преступлений, совершаемых лицами с психическими аномалиями // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11–3(50).
7. Мухин Г.Н. Криминалистика: современные проблемы, история и методология: научно-методическое пособие. М., 2012.
8. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия. Психология, тактика, технология: учебное пособие. М., 2017.
9. Толстолужинская Е.М. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

Bibliography

1. Ratinov A.R. Forensic psychology for investigators: textbook. Moscow, 1967.
2. Gerasimova I.V. Mental tension. Frustration: a textbook. Vladivostok, 2001.
3. Tochilkina A.A. Specific aspects of the criminalistic study of the criminal's personality in the investigation of crimes against life and health committed under conditions of emotional tension // Jurist-Pravoved. 2020. № 2(93).
4. Bulbacheva A.A. Forensic support for the inspection of the scene of the incident: auth abstr. ... Cand of Law. Moscow, 2017.
5. Chernyshev M.A. Inspection of the scene of the incident as a basic tactical operation: auth abstr. ... Cand of Law. Moscow, 2008.
6. Negulyaeva A.V. Features of the investigation of crimes committed by persons with mental abnormalities // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 11–3(50).
7. Mukhin G.N. Criminalistics: modern problems, history and methodology: scientific and methodological manual. Moscow, 2012.
8. Enikeev M.I., Obratsov V.A., Eminov V.E. Investigative actions. Psychology, tactics, technology: textbook. Moscow, 2017.
9. Tolstoluzhinskaya E.M. Features of the investigation of crimes committed by persons with mental abnormalities: auth abstr. ... Cand of Law. Yekaterinburg, 2004.